

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

ПРЮКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2015

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2015 — 2(39)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Училки, доносчики и блокляйтеры: в преддверии нового учебного года.....	3
К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СССР НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ, САТЕЛИТАМИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	
Людмила Алтунина. Легендарная 232 Алтайская стрелковая дивизия.....	13
Сергей Одинокоев. Живите в нашей памяти, родные!.....	26
Яков Шафран. Год две тысячи пятнадцатый.....	30
Юрий Клеванец. Вверх по Свислочи.....	35
Украинка.....	50
Эльвира Плюснина. Мы дети бедные войны.....	51
Сергей Лебедев. Я не знаю бессонных ночей медсанбата.....	56
Владимир Корнилов. Зимние мелодии.....	60
Валерий Акимов. Рассказ фронтовика.....	65
Роза Нарышкина. Маленькая Козетта.....	70
КРУПНЫЙ ЖАНР	
Ефим Гаммер. В стороне от фарватера: Киноповесть.....	72
Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Из рассказов Николая Андреяновича.....	102
Тамара Булевич. Прощание с гением.....	148
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Рудольф Артамонов. Евстолия. Соседи.....	167
Николай Макаров. Размышления о козах.....	172
Сергей Редков. Концерт.....	176
Федор Ошевнев. Самоход, или история одной самовольной отлучки.....	179
Сергей Крестьянкин. Газовая атака.....	194
Елена Зинченко. Прада и конец света.....	197
Кирилл Усанин. Лидочка.....	205
Вячеслав Михайлов. Афоризмы, суждения.....	212
Михаил Левин-Алексеев. Спроси свою совесть! (Главы из романа).....	214
Тимур Зульфикаров. Апокалипсис XX века (продолжение).....	222
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Сергей Жигалин. Стали ветром, дыханьем, землей.....	227
Николай Титов. Колодезные журавли.....	233
Александр Хадарцев. В Нестинарке.....	239
Вячеслав Алтунин. Под музыку ветра, дождей и метелей.....	242
Елена Вотина. Поэт.....	247
Игорь Лукин. Как сладко заснуть среди зноя.....	250

Маргарита Дутлова. Многогочие.....	254
Николай Мирсков. День Татианы.....	257
Полина Пороль. Белая Русь.....	262
Валерий Румянцев. Она два раза приходила.....	266
Валерий Темнухин. Зачин.....	271
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Геннадий Маркин. Жалоба крестьянки.....	275
Валерий Ксенофонтов. Тайна возраста Тулы.....	277
Игорь Топоров. Две даты.....	283
Ирина Стругова. Назад в будущее, в русскую деревню.....	288
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Ольга Борисова. Искренность и память (О новых книгах Сергея Лебедева).....	293
Сергей Норильский. Бомж нашего времени.....	297
Виталий Леонардов. За туманом... (об альманахе «Ковчег»).....	300
Сергей Лебедев. Заметки читателя.....	306
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	309

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Людмила АЛТУНИНА (Тула)
 Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зав. отделом международных связей
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
 Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Игорь МЕЛЬНИКОВ (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — «Литературная газета»
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета» (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
 См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html*

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УЧИЛКИ, ДОНОСЧИКИ И БЛОКЛЯЙТЕРЫ: В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА*

◆ Наступила вторая половина хмурого в этом году декабря. В Америке все дороги замело снегом, в Европе холода, а у нас чисто осенняя слякоть. Затянувшаяся осень — как в природе, так и в жизни на 1/7-й, уже четверть века как не 1/6-й части земной суши. То есть слякотное безвременье, выстроенная чиновничья вертикаль власти. Последнее — по сравнению с лихими девяностыми — может, и лучше. Здесь эта самая власть, несомненно, права. Однако, скучно. Тем более, несменяемость летнего и зимнего времени и без того короткий световой день свела к минимуму: выходишь из дома на службу затемно, возвращаешься — то же самое.

По закону Архимеда — если где убыло, то в другом месте прибыло. Если Россия и Украина еще, по старой памяти, суть две трубы, в том числе газовые, то этот древнегреческий закон исполняется стопроцентно. У нас осенне-зимняя вялость, а в Киеве народ веселится на Евромайдане. Никак не успокоятся «заходники» из Львова, Ивано-Франковска и Тернополя.

Но то — высокая политика. Игорь же Васильевич готовился к скорбной в его жизни дате: завтра исполняется ровно год с начала его университетского импичмента. Еще ранним вечером отключил все связи с миром: свой мобильник, домашний телефон и, на всякий случай, домофон. Вдруг, как год назад, кто-то в ночи позвонит и снова скажет изоцренную пакость? Посчитав, что опальный профессор еще легко отделался, в общем-то, сохранив свое *status quo* в университете.

Да Бог с ними... или Антихрист скорее. Все одно супротивников Игоря Васильевича кто-то из них накажет. Вернее, уже начал наказывать. Знал еще сызмальства, что кто-то из высших, что на небушке, не позволяет его безнаказанно обижать. Уже взрослым Игорь Васильевич даже опасался этой опеки. Подумаешь, не отдал мелкий долг («На бутылку дай, Васильич, трубы горят; вот ей-ей завтра-послезавтра сам тебе на дом принесу...») шапочный знакомый, а в комсомольско-половой зрелости из-за девичьей приязни двое на одного с кулачками кинутся... — Так зачем же так сурово с ними поступать верховному смотрящему? Зачем неисправного должника трех рублей (время советское) сразу в ЛТП** на два года определять, хотя бы и для его пользы? А про кулачных бойцов и вспоминать неприятно... Жалко их.

Игорь Васильевич, научный атеист, просил Бога быть снисходительным ко всем десяти, голосовавшим супротив него. Жалостлив был Игорь Васильевич. Щеку, конечно, не подставлял правую после битья по левой, сам мог уложить на асфальт обидчика, но полагал, по своему староверческому и военно-морскому воспитанию, что обидевший его и сам обижен.

---

* Первая мысль — от Бога — гласит народная присказка, поэтому, чтобы не переходить к мысли второй, что, согласно той же присказке, от дьявола, автор позволил себе «роскошь» в качестве «Колонки» взять главу из своей книги (Яшин А. А. Административный восторг, или картинки с выставки. — М.: «Московский Парнас», 2014) — как раз по задуманной теме: дичайшая бюрократизация нашего высшего образования как метод его добывания...

** Для нынешних поколений, которые, кстати, печатные книги и в руки не берут: ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий с тюремным режимом.

◆ В начало ночи на хмурую годовщину не спалось. Лежал на диване, смотрел, не вникая в суть дела, любимый пятый канал, он же ленинградский, он же бессмысленно-детективный. В ногах миролюбиво дремал личный кот. Кстати или некстати, мысли обратились к прекрасному полу, представленному на их факультете и в целом по университету диковинным паноптикумом, укрупнено поделенном на младший административный каганат — не по национальности, конечно, но по повадкам — и училок. Впрочем, сейчас и мужики в доцентских и профессорских липовых званиях — те же самые училки...

Про администраторш — от секретарш до деканантских — и говорить нечего: смесь самок хамелеона и базарных баб. Училок при их внешнем разнообразии объединяет, как социальный класс, одно: от окончания аспирантуры, которая сейчас выполняет только роль остепенения будущих училок, и до выхода на заслуженный отдых все они на лекциях тарабанят раз наизусть выученный учебник по конкретной тоже раз навсегда избранной дисциплине. Какой? — А куда их деканат определит.

В принципе ученые степени и звания им, как козе баян, все одно никакой наукой они и в страшном сне не помышляли заниматься. Просто в начале девяностых годов, когда никому никакого дела не было до степеней и званий, число диссертационных советов в России выросло на порядок, а то и выше: каждый новоиспеченный «универ», доселе бывший захудалым провинциальным «педом», а то и вовсе коммунально-строительным техникумом, постарался — в отсутствии всякого ВАКовского и минообразовского контроля — обзавестись двумя-тремя советами, а то и десятком. Началась штамповка «ученых» кадров. Во-первых, чтобы училки вовсе не разбежались без доплаты за степень; во-вторых, чиновники минообразования приняли раз и навсегда историческую доктрину: без степени преподавание запрещалось. Исключение временно допускалось для физкультурных училок. По понятной причине.

...Еще олигархеры и братки не завершили первый передел собственности, как число доцентов и профессоров по стране выросло в 6—8 раз. Поскольку во столько же раз возросла и численность университетской администрации, то за полным отсутствием какой-либо научной работы, первая активно занялась бумаготворчеством, а бедных училок совсем заморили. Кстати, вспомнил Игорь Васильевич сегодняшнее электронное письмо от хорошо знакомой московской профессорши, часто печатавшейся в его «Феноменах разума: XXI век». Марина Петровна — прежней, советской закалки, не из числа училок, но и ее загнали за Можай бумагосочинительством. Пишет она ему: «Доброе утро, Игорь Васильевич! Мы тоже куем педагогических кандидатов. В следующую среду у нас в совете три защиты. Тут Вы впереди: пять за один день!

Однако большая часть времени уходит на составление бумаг. Теперь вместо УМКД (не к ночи будь помянут) пишем Рабочие программы и Фонды оценочных средств (ФОС), а еще массу бумаг в новом формате типа Программа вступительных экзаменов, Программа ГИА с компетентностным подходом, Программа научно-исследовательской работы магистранта и прочее, что ранее было, но не требовалось, чтобы обязательно на каждый шаг и в четко определенных словах, например, убрали из документации слова «сотрудники», «студенты», вставили «работники», «обучающиеся». Да чтоб форматирование (поля, нумерация страниц) было у всех одинаковым. С другими полями документ не принимается. Словом, чиновникам университета есть работа. Беда в том, что эту работу выполняет рядовой заведующий кафедрой. Потому нет ему времени обдумать, какой новый ход совершить в занятии со студентами. Нет времени на статьи и монографии, на чтение книг. Об отдыхе и семье вообще не говорю. Это явно лишнее».

...Кстати, поскольку даже липовые диссертации по физике, математике, меди-

цине и биологии, философии и пр. требуют непосильных для училок мозговых напряжений, то в те же «лихие девяностые» — не только в бандитском предпринимательстве — ввели в обиход такие отрасли диссертационных знаний, как политические и социологические науки, то есть пустопорожнюю говорильню. Но — мысли Игоря Васильевича снова вернулись к портретам знакомых ему факультетских училок. Почти все они замужем, но опытные сторонние люди, например, встречные на улице, особенно из мужиков-«ходоков» и офисно-контторских бабенок бальзаковского возраста, не задумываясь, мимолетно оглядев училку, автоматически отмечают: старая дева всего-то в сорок лет! Ибо таковую всегда выдает обувь: часто не совсем по сезону и монашески стоптанная. Не потому что в деньгах нуждается, а не следит за собой. Главное — на низких каблуках, ибо по восемь часов в день они стоят у аспидной доски с мелом в руке или прохаживаются между рядами столов с дремлющими от скуки студюозусами. А такая жизнь на ногах даже при среднем каблуке приводит к учительскому профзаболеванию: артриту в разных его вариантах. И вообще вся их одежда — преждевременная по возрасту. По причине вечной озабоченности, некогда, да уже и не хочется, походить по супермаркетам, армянским дворцам-магазинам, а утром с полчаса постоять дома перед зеркалом — макияж навести...

Еще сложнее представить университетскую училку, даже самого женского сексуального возраста — без стольких-то сорок — в постели. Конечно, с законным мужем, в самом крайнем случае — с постоянным сожителем, ибо на любовников у нее нет ни времени, ни особого желания: все мысли об успеваемости студентов и всепоглощающей отчетности перед деканатом и учебно-методическим управлением.

Лежит такая, без одежды даже и красивая, женщина в постели молча и недвижимо, со скорбным выражением лица и наморщенным лбом — размышляет об учебном процессе и промежуточной аттестации второкурсников по стобалльной, болонской системе. А мужик ее трудится, уже второй пот со лба тыльной стороной ладони смахивает, она же все молчит и молчит.

И вот он — момент истины, сам мужик уже застонал-замычал сладострастно, а тут мобильник супружницы запел-зазвенел, она же змеей шасть из-под разгоряченных шести пудов и опрометью к серванту с телефонным прибором!

— Ты что, дур-ра!

— Ой, Вась, наверное, из деканата звонят по расписанию на следующий семестр!

— Посмотри на часы, — орет взбешенный донельзя супруг, — начало двенадцатого ночи! Весь кайф испортила, дурица педагогическая!

Пойдет мужик на кухню, достанет из холодильника бутылку, хлопнет пару стопок, задумается: не пора ли начать похаживать к Верке, цеховой их нормировщице; красивая девка, так и льнет к нему, самому видному начцеха на заводе... Кстати, вспомнил и сегодня слышанный анекдот, как сваты деревенские расхваливали в доме невесты конюха Петьку: смирный он у нас. Не пьет, не курит, по девкам не шляется, а с печи столетняя старуха шамкает: «Не дурачок ли ён у вас?»

Так и здесь, только наоборот — он и она.

◆ Василий-то, вне всякого сомнения, объект кейфования своего быстро найдет: еще пару-тройку раз его училка выскользнет из-под него в полночь на зазвеневший мобильник, начнет заглядывать после работы к любвеобильной Верке. Совещались, мол, в дирекции допоздна. А порой будет уезжать в командировку на субботу-воскресенье... со смежниками в Орле надо поработать над планов громадьем. Супруга и слушать не будет, своих дел в универе хватает, да и отвлекаться на готовку мужу не надо. Довольны оба, тем более, долг перед обществом исполнен: дочка в школу ходит.

Избавилась училка от супружеской доуки, зато в университете, в главном корпусе, выселив в полуподвал кафедру электрохимии, образовали сразу два новых отдела, а над ними — управление по инновациям в учебные методик с соответствующим менеджментом контроля над сочинением и внедрением этих самых методик. Все училки ахнули в непритворном ужасе: заново переписывать-переделывать всякие рабочие программы, учебные комплексы, тесты и методички.

Но если раньше, понимая, что все эти талмуды никто и никогда не раскроет, просто перепечатывали титульные листы, подписывали в Главном у всяких служб и сдавали на хранение кафедральной лаборантке Галочке, то теперь во вновь созданных отделах и управлении ввели должность читалок, которые, по мере вычитки, расписываются в низу каждой страницы!

...Да еще вдобавок негласно объявили месячник взаимных доносов. В целях укрепления дисциплины и во исполнение последних указов Госдумы о ликвидации в госучреждениях случаев пьянства, курения, матерного словоизъяснения. А по филологическому факультету еще и изъятия из любых платных и электронных тестов вполне пристойных аналогов матерных слов. И даже ранее, при царях и генсеках, не вызывавших подозрений эвфемизмов, например, второй буквы алфавита с многоточием*. Опять-таки в наш век всеобщей толерантности и межнационального уважения не побоялись покуситься на языковое богатство братского татарского народа, в языке которого это самое слово, начинающееся со второй буквы русского алфавита, является вполне литературным, хотя бы и в несколько иной фонетико-грамматической форме. И есть самоназвание первой древнейшей (вторая — газетная журналистика).

...Так и не мог понять Игорь Васильевич: запрещена ли у нас в стране проституция? Вроде как не было такого указа. Тем обиднее для девушек-женщин, которых в просторечье именуют словом на вторую букву алфавита: любвеобильность-то никто не запрещал и никогда не запретит. Ведь мужики — биологически полигамны. Даже крыса имеет право на двух самок. Законы же биологии даже госдума не имеет полномочий изменять!

Бог с ними, с филологами, но доносительство — это услада доброго русского народа. Еще на школьных уроках истории семиклассник Игорек Скородумов с интересом слушал, как Инна Тихоновна, любимая всей школьной братией «историчка», рассказывала о высокой культуре Древней Руси. Особенно она восхищалась новгородскими берестяными грамотами: «Вот и бумаги тогда в обиходе не было, так люди творческие на бересте свои сказания и поэмы записывали!» — Так ей в пединституте говорили.

Уже в приступе второй молодости, вспомнив слова восторженной и добрейшей Инны Тихоновны, книгочей записной Игорь Васильевич прочитал труды раскопщика берестяных грамот академика Рыбакова и книги других историков Новгородской республики. Оказалось, к его огорчению, сказаний и поэм в грамотах не оказалось вовсе. Все они относились к сутяжничеству: в основном, по линии доносительства.

◆ На Святой Руси, затем в Московском великом княжестве, потом в Российской империи и так далее, доносы были, есть и будут непременным атрибутом общественно-личной жизни. Как только святые братья Кирилл с Мефодием изобрели нашу прекрасную письменность.

Чего хочет доносчик? — Только правды и справедливого ее воцарения «от барина». Вот, мол, прочитает грамоту, листок в клеточку из школьной тетради — придет и рассудит справедливо. Здесь величайшим бедствием стал советский все-

---

* Это не игровая фантазия автора: соответствующий указ сегодня по кухонному динамику в интерпретации дикторши «Радио России» слышал...

обуч двадцатых годов: все научились писать, а письмоносицы мешками волочили на свои почты доносы. Благо, к началу сталинских пятилеток Главбумпром снабдил всю страну школьными тетрадками в клетку.

Мудрые люди пишут в своих мемуарах, что поначалу и Иосиф Виссарионович почитывал ради интереса «выбранные места из переписки», но потом махнул рукой. Дескать, когда каждый на каждого донос напишет, то интерес к этому делу пропадет. Бывший слесарь, сам грамотный в первом поколении, нарком Николай Иванович Ежов этого не понял, за что и получил свои заслуженные девять грамм в затылок.

Лаврентий Павлович, как не знавший русских обычаев, дело это прекратил, вернул из лагерей и ссылок как доносчиков, так и их «клиентов». Тут и война подоспела, бумаги у народа едва хватало на махорочные самокрутки. После войны не до доносов: надо страну восстанавливать. В «золотые» 60—80-е годы практика эта, было, перевелась. В девяностые, лихие и разнузданные, доносы некому было слать, а в братковской среде и того проще: «...Но в Кейптауне все решает браунинг, и англичане начали стрелять».

Но вот сейчас на дворе снова осень: политическая, экономическая и вообще все-народная. Жизнь как бы вернулась в хмуро-склизкую, скучную андроповщину-горбачевщину. А это есть сигнал к доносительству. Пока на местечковом уровне. Для восприятия Игоря Васильевича — университетом. Как он понимал подспудно, доносы в среде служителей педагогики и бывшей науки суть скрашивание унылого периода жизни, отчасти — сведения личных счетов, но главное все-таки стремление к усреднению. Последнее ни в коем случае не следует ассоциировать с пресловутым *egalité*, равенством, провозглашенным на развалинах Бастилии. Усреднение в современном понимании — это нивелирование всех и вся, по принципу «не высовывайся!» — под примитивно низким уровнем. То есть уровень рядовой училки: женищины-доцента или скороспелку-профессора девяностых годов из мужиков.

Это, так сказать, система внутренних доносов и доносчиков. Может, даже и полезная в том смысле, что в полном отсутствии научной составляющей деятельности современных университетов «высовываться» — все одно, что плевать колллективу училок в морду лица. Все равно как в хулиганской дворовой компании некто Петька перестанет пить водяру, курить и податливых девок щупать, а начнет учиться в школе на «отлично». Или что-то навроде этого.

Как системолог и научный классификатор, Игорь Васильевич и здесь разложил (не подумайте игриво дурного!) училок-доносчиц по полочкам: мстительные, случайные и профессиональные. Первые две категории пояснений не требуют; да и профи — слишком привычная на кафедрах и факультетах с женским училкиным преобладанием. Они, скорее, даже не чистые, корыстные доносчицы, но в каком-то смысле современные продолжатели античных вестовиц. То есть почти люди искусства.

Только такая Манька или Наташка услышат о каком-то происшествии на кафедре, так тотчас в большую обеденную пересменку бежит в главный корпус, обегает все службы с бабским персоналом и в лицах и жестах разыгрывает целые оперные действия. Ей, конечно, мало верят, но и это ведь развлечение для одуревших от переписывания idiotских бумаг по контролю повышения качества усвоения студентами... нижних административных чиновниц.

Поскольку люди с чувством юмора на кафедрах и факультетах даже сейчас не перевелись, то они на Маньках и Наташках отводят душу, провоцируя их на дезинформацию. Тот же Игорь Васильевич в минуты игривости, полюбивя свою кафедральную профи, отводит ее в сторону и под страшным сектором сообщает сногшибательную новость: аспирантка Джигельдиева забеременела от доцента Галкина — отца троих детей. И жена его на соседней кафедре трудится. Манька сомне-

вается, но в тот морозный день южанка Джигельдиева пришла в трех надетых одна на другую кофтах толстой шерстяной вязки. В обед Манька мчится в главный, а на другой день по-восточному девственная до официального брака Джигельдиева ходит с красным от плача лицом, а доцент Галкин с пунцовым правым ухом; супруга его непереученная левша...

Но Маньку-Наташку от любимого дела не отучишь. Как моряка не запугаешь девятым валом и даже кораблекрушением. Или как опытного «ходока» — угрозами очередной пассии развести с женой, родить алиментного ребенка: в советское время еще и пожаловаться в партком и в профком.

◆ Но на фоне почти что дежурных, мелочных доносов раз в год-полтора в университетских буднях случаются и серьезные, с оргвыводами, в результате чего происходят передвижения в самой высокой касте главного корпуса. И они, небожители, тоже порой оказываются мало отличимыми от смертных: нижних чинов администрации училищ.

Внешне считается или кажется, что высший эшелон, если он, конечно, не наглет, не борзет в беспорядке, непотопляемый. Но это только кажется, ибо в университете все и вся проникнуты духом взаимной зависти и ненависти. Это знамение эпохи: все против всех, или по ученой латыни: «*Ното homini lupus est*» — человек человеку волк. Он же — главный закон капитализма и бандитско-воровских сообществ.

Такой фасон доносов и оформляется совершенно по-иному: вестовицицы, бегаящие по главному, те же Маньки-Наташки, доносы, подписанные руководителями кафедр и деканатов, анонимные письма — непременно, как и в тридцать седьмом году, на тетрадном листе «в клеточку» в городской сплетенный орган печати «Толоку» здесь не годятся. В крайнем случае — та же анонимка в губернские властные органы, но и те должны адресоваться по принципу «дорого яичко в пасхальный день». То есть если власть уже по каким-то другим делам взяла на подозрение университетского администратора.

Здесь вступает в свои права Интернет, против информационной массовости и влияния на умы которого — «нет приема против лома». И тот же формат, как сейчас говорят, доноса должен вписываться в рамки большого чиновничьего скандала на уровне не ниже министерского, или очередного «месячника по борьбе...».

Вот пришедший год, даром что на чертову дюжину заканчивается, ознаменовался грандиозным скандалом по части министерства образовательного, точнее — его важного структурного подразделения, где выдают всякие ученые степени и звания, то есть Высшей аттестационной комиссии, ВАК — сокращенно. Грандиозность весьма редкостного характера: попался на взяточном деле сам ее начальник. Для примера: параллельный скандал в военном ведомстве, также с увольнением «министра в пиджаке», проистек в более политкорректной форме: министра-то взащей прогнали, но все торгово-финансовые неурядки списали на «шестерок» из лихих бабенок... А тут аж с самого начальника дело закрутили!

Народ, приближенный к ваковским степенями и званиям, недоумевал, пока в «Инте» много знающие, а главное — мыслящие, люди не объяснили подоплеку столь странного действия.

...Даже последнему божу у нас известно, что в национальных республиках, как советских, так и нынешних, оставшихся за Россией, в части власти с древних времен, сейчас и постоянно дальше правят, порой сменяя друг друга, кланы, то есть рода, племена, жузы и так далее. И вот год тому с небольшим такая смена кланов произошла в одной многонациональной северокавказской республике: ушел «с должности» род-племя, правивший еще с советской поры, заступил другой.

А у них порядки феодальные: власть переменилась, так всех «бывших», даже ни-

чтожнейших чинов, заменяют своими, новыми. Единственное отличие от времен халифатов — так это еще цари запретили четвертовать «бывших»...

И тут, как назло, несчастным начальником всероссийского ведомства по выдаче степеней и званий оказался «бывшим». Понятно, что во все времена у нас, но особенно за последнюю четверть века, действует принцип: у любого прокурора на любого же чиновника всегда загодя имеется папка бумаг почти что расстрельного характера. Ибо все чиновники любых рангов сначала радуют о себе — в плане денежном, а потом о Родине — в плане утешительно-разговорном с трибун разных рангов. Дадут приказ — и прокурор, если только сам не попался, мигом такую папку представит куда надо.

Еще один важный момент: коль скоро республика, поменявшая титульно-правящую национальность, есть субъект нашей Федерации, то остракизму подлежат все чиновные «бывшие» страны, в том числе и столичные. Так и решилась участь бывшего, уже без кавычек, ваковского начальника, имевшего печальную участь принадлежать к низвергнутому роду-племени далекой от Москвы горской республики. Нашлась и заветная прокурорская папка — дело с надписью: «Хранить до востребования».

◆ Понятно дело, что интернетовская подоплека столь громкого дела СМИ не освещалась — даже полунамеками у телерадиоведущих с присвоенными им должностями «Чуть-чуть официально оппозиционный» и «Слегка поддельвающийся под левизну/правизну». Потому снятие начальника аттестационного ведомства аранжировалось как общее наведение порядка и ликвидация распухленности 90-х годов. Был объявлен расширенный «месячник борьбы», переросший уже за календарный год.

Лихорадящей обстановкой в этом околоченом деле и воспользовались университетские «по крупному» доносчики по всей стране. И другой случай здесь им благоприятствовал. За последние двадцать лет, во-первых, число вузов в России, особенно в филиальной их части, увеличилось на порядок; во-вторых, на столько же расширился суммарный по стране высший административный персонал «храмов науки». Последний вышел «из народа», слабо остепененного; наконец, прежний, еще советской закалки и остепенения, высший персонал ушел по возрасту на заслуженный отдых.

Поскольку же высшие университетские чины — проректоры и начальники управлений, включая главного завхоза и завгара — люди сугубо занятые, помнящие из своей школьно-вузовской учебы преимущественно таблицу умножения и недавно приобретенные навыки написания приказов, то заниматься им написанием диссертаций недосуг.

Дается команда сверху. Без всякой ажитации находится нужный человек, который все это и делает. Как правило, но обычно стопроцентно, диссеры на заказ стряпаются по откровенно болтологическим дисциплинам: экономика, политология и юриспруденция. Педагогика тоже.

Это, конечно, большая честь для исполнителя доверительного заказа, равно как и ответственность. Но халтура в псевдонаучном мире, а равно как и в любом другом в нашем отечестве, давно стала *modus vivendi**, поэтому даже «высококазачные» диссертации сочиняются по принципу вырезок и склеек. Тем паче в болтологических дисциплинах: трудно при реальном отсутствии экономики, педагогики, политики тем более, что-то новое сочинить!

Еще вероятнее, что задумавшие свалить малоугодного им проректора или начупра, перекупают исполнителя, и тот уже нарочито составляет диссер из кусков уже защищенных, даже не вставляя слов-связок.

А вот дальше, согласно новым правилам ВАК'а, диссертация публикуется на нужном сайте — и тотчас в обновленную аттестационную контору, работающую

---

* Образ жизни (лат.).

в режиме «месячника борьбы», следуют грамотно составленные доносы с подробным указанием: откуда взяты без изменения единого слова и цифри целиковые параграфы и главы. И итог закономерный: ректор на месяц уезжает в командировку, проректор по науке, подписавший «добро» на защиту, уходит на больничный. Даже не думая, несостоявшийся обладатель научной степени приносит скорбно поджавшей губы кадровичке заявление по собственному... Никто не отговаривает, все молчат. Только завгар, претендовавший было на доктора политических наук, выпив под уикэнд с подчиненной ему шоферней, обронит: «Нет, ребята, надо завязывать с енттой самой сучьей наукой. Правильно моя говорит: воруй и пей в меру, а в игры всякие бумажные — не смей! А то я устрою тебе бабий бунт: вместо трех раз за ночь — один в квартал...».

Доносы — дело тонкое, политическое, но оздоравливает атмосферу в коллективе.

◆ Неофициальная должность блокляйтера, а на отечественной фене — смотрящего в камере, явление в вузах достаточно новое и возникло в целях дисциплинирования разболтавшихся в период демократизации девяностых годов студюзов, преподав и сотрудииков. Но почему этот термин на немецком? — А здесь все из того же телевизора. Когда исполняется очередной юбилей выхода на экран «Семнадцати мгновений весны» — Игорь Васильевич любит вспоминать на людях эту прибаутку, которой причастные коим-то боком к созданию сериала веселят народ: дескать, насмотревшись на стройных и подтянутых актеров в ролях эсэсовцев, молодые офицеры на Лубянке — в отсутствии начальства приветствовали друг друга целканьем каблуков и шутильвым «хайль!».

...Так и в вузах в последние десять-пятнадцать лет появились на административных должностях выслужившие пенсион фээсбэиники-кагебешники. Относительно моложавые, подтянутые, да еще занявшие должности по дисциплинирующей части, они как нельзя больше соответствовали звучнолающей немецкой командной лексике. Так с легкой руки, точнее — языка, Игоря Васильевича и прижилось в университете неофициальное название должности: блокляйтер! Он же вполне допускал, хорошо зная историю отечественных, еще от царей, вузов, что блокляйтеры и по своей основной должности являются официально назначенными смотрящими за благонравием и благонадежностью в университете. Ведь бывших чекистов не бывает!

Появление категории блокляйтеров в их университете Игорь Васильевич осознал одним из первых в преподавательской среде, когда узнал от кафедральной доцентши-вестовщицы о назначении проректором по общим вопросам своего давешнего знаконца по «Меткости» Василия Васильевича Гаврюсева. В НПО Вась-Вась, по тамошнему прозвищу, начальствовал в отделе режима секретности и ни от кого не таил свое офицерское звание с «погонами голубыми». А через пару дней в коридоре главного корпуса и самого полковника в запасе встретил. С непритворной искренностью поздоровались, тройку минут повспоминали трудовые будни в орденоносной «фирме академика Гусакова». Василий Васильевич, уже успевший начерно ознакомиться с личными делами руководства и наиболее заметных профессоров, пожимая руку Игоря Васильевича на прощание («Извиняюсь, поговорили бы еще, но спешу на ректорский совет!»), сообщил, что с удовольствием будет сотрудничать, коль такие к нему дела появятся, с «гордостью нашего университета».

И, действительно, не отказывал в небольших просьбах: подписать бумагу, разрешающую профессору Скородумову для срочной работы по подготовке к печати очередного номера своего журнала «Феномены разума: XXI век» проходить в свой корпус в воскресные и праздничные дни, все обещал давнему коллеге по «Меткости» устроить «восьмерку» междугороднюю его по-университетски экономному

телефону... Правда, в последнем случае и он, всесильный, оказался бессилён перед вузовской бюрократией подписей, согласований и разрешений.— Причем, все это обилие собранных бумаг упиралось в резолюцию мелкой начальницы по телефонному подотделу университета: «Свободных междугородных номеров нет; повторить запрос в декабре следующего года».

...Как опытный ловец человеческих душ, Василий Васильевич и после факультетского остракизма профессора Скородумова не перестал здороваться с Игорем Васильевичем, в то время как остальные университетские небожители лишь как-то неопределенно — может, например, в ухе засвербило — и издали кивали бывшей гордости вуза.

Но это все лирика, как понимал Игорь Васильевич. В части же деловой служебной официальной и блокляйтерской, Василий Васильевич использовал в полной мере свой огромный опыт. Все телефоны были поставлены на прослушку с записью. То же коснулось и университетских интернетовских сайтов.

Глухо ворчали отставники, окопавшиеся ранее на теплых местах непыльной работы: составлять графики дежурств пожилых вахтерш. Теперь тыловых ветеранов периода горбачевского уничтожения армии нарекли службой безопасности, обрядили всех вахтерш в полувойенные мундиры. Главное — сейчас они под угрозой увольнения должны были «звонить в штаб», если паче чаяния в корпус попробует войти — в форме или показав удостоверение — кто-то имеющий отношение к ныне расплодившимся службам «услуг правопорядка», как их шутковато именовали в бандитских сериалах девяностых годов.

Даже самые тупые старорежимные доценты мигом сообразили причину этого: не выносить сор из избы!

Кстати, как любит сейчас Игорь Васильевич рассказывать на банкетной части заседаний диссертационных советов, в шесть из которых он входит: «обычно я в начале декабря пишу служебку на имя ректора о допуске на рабместо в свой корпус в выходные и праздничные дни. Такое вот уже несколько лет правило: только ректор может решить этот стратегический вопрос! Он же передает эту бумажку Гаврюсеву, а тот с положительной рекомендацией — командиру службы безопасности. Последний пишет одобряющую резолюцию и передает на вахту нашего корпуса. Служебка действует календарный год. И вот в уходящий год — год моего факультетского импичмента — действую так же. Василь-Васильич подписывает и по курьерской связи передает в службу безопасности. Через неделю интересуюсь у вахтерши Наташи в своем корпусе. Та смеется и дает подшивку со служебками. Моя — сверху, а на ней резолюция начальника службы: «Разрешить. Моему заместителю Вахтангу Гогоберидзе установить круглосуточный контроль. Обо всех нарушениях режима незамедлительно докладывать мне».

...Жаль, что в самом конце уходящего года именно Гаврюсев засветился по диссертационной части и уволился. Доносчик сейчас сильнее блокляйтера!

◆ Все же сон сморил нашего профессора: даже двойного, но по научному званию, но уже не по должности. О последней Игорь Васильевич несколько не сожалел. Человек со злом в душе не засыпает, только с добродушием, ибо ночью он отдыхает. Так и Скородумов в последние минуты бодрствования отпустил всем и всея их вольные или невольные — по должности — грехи.

Кстати вспомнился и эпиграф к исторической книге давнего русского писателя, что в малолетние годы он перечитывал без конца: «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». За давностью лет, точно он это предуведомление к занимательному роману не помнил, но было пропечатано в том смысле, что добрый, мол, наш народ: бояре и крестьяне, шиши (то есть по-нынешнему бандиты) и разбойники, стрельцы

и купцы... Вы, наш добрый читатель, извините нас за повторы, но как это верно! Как это за четыре века сохранилось и будет храниться в русском народе даже при полной американизации всего уклада нашей жизни? Мы — не западенские хохлы-бандеровцы, люто ненавидящие — бог знает за что — добродушных москалей: хотя рыло у нас и свиное, но копеечку в воскресный день нищему у церкви подадут. Мы — не опидорасевшая Европа с ее скудоумием на благие дела... да и на все остальное. Только немцы, наши лютые друзья-враги, как и русские — молодая нация, еще эту самую Европу кормит мозгóй, трудолюбием и здравомыслием.

...Жаль, конечно, что наш Фидель состарился, люди не вечны, жаль и многих других наших, что героически пали в борьбе с мироедским империализмом, но — сдюжим. Есть в народе хорошая надежда на нашего нынешнего руководителя.

«...Эх, черт, замечтался,— одернул себя двойной профессор, засыпая,— а ведь думал-то об училках, доносчиках и блокляйтерах!»

Ну, что училки? — Это же профессия. И они люди, особенно женского пола которые. Ведь вечером дома и ночью они — заботливые матери, и мужья их, когда в спальнях гаснет до утра свет, забывают свои попреки: «Ты бы вообще домой не приходила, а все занималась лекциями, зачетами, экзаменами, доработками и всей этой докужкой, что именуешь учебным процессом!»

...А супруга-училка, мигом забыв учебный процесс, становится моложавой женщиной, разгоряченными грудями и бедрами прижимается к любимому своему мужчине. В соседней же комнате их дочь, уже провожаемая до — и после школы девятиклассница, трижды за долгую зимнюю ночь слышит из-за картонной стенки «хрущевки» страстный голос матери: «А-а-а, Женчик, еще, еще...» Дочь одобрительно мысленно кивает головой: да-а, пап, мама наша — это тебе не твоя новая секретарша Танька — тощая вобла! И, тоже добродушно засыпая, дает себе честное-пречестное: никаких фитнесов и гимнастик! Хорошая училка растет! Правильная.

Штатная же кафедральная доносчица прямо из своего факультетского корпуса спешит в школу: заучиха по телефону вызвала, дескать, на вашего сына идут и идут жалобы от родителей... Ну, думает Катька-профи в автолайне, я тебе, стерва такая Мариночка Никифоровна, стукну кулачком по столу в твоей преподавательской: «Что же вы, заслуженная учительница, доносы всякие читаете!»

И блокляйтер Иванов, по-армейски бодро прошагав вниз по проспекту Ильича обычный километр от универа до дома, все же по причине доброго морозца заглянув в кафешку-стекляшку «остограммиться» почти что неподдельным «армянским», усмехается: нет, нашу не возьмешь! Работа наша такая... А вот партикулярная меховая шапка, хотя и с козырьком, раздражает. Как не раздражать, если за четверть века настоящей службы привык носить головной убор с обязательной кокардой и другими аксессуарами военного мундира!

...Добрые наши люди... такими же и дети, внуки их станут. Лишь бы не было... Но здесь в права вступила супруга. Одним мы все миром мазаны.

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СССР НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Людмила Алтунина
(г. Тула)

ЛЕГЕНДАРНАЯ 232 АЛТАЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Алтунина Людмила Дмитриевна родилась и выросла в Сибири,— в Горном Алтае. Закончила факультет журналистики Казанского госуниверситета. Более 35-ти лет — в журналистике: написано более тысячи статей для печатных СМИ, местных и центральных. Работала и на радио. Автор и соавтор более десятка книг прозы, стихов, публицистики; пишет и для детей. Печаталась в журналах и альманахах «Сибирские огни», «Московский Парнас», «Золотая строфа. Стихи для детей» (Москва), «Лига культуры» (международный), «Приокские зори», «Ковчег», «День тульской поэзии», и др. Неоднократный лауреат различных конкурсов. Дважды финалист Всероссийского конкурса короткометражных фильмов «Семья России» (в номинации «Проза») — 2007, 2013; Тульского православного конкурса «Преображение» (2014). Награждена грамотами Министерства образования и науки РФ; Министерства культуры РФ — дважды. Член Союза журналистов РФ и Академии российской литературы. Ветеран труда.

СИБИРЯКИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ!

Победа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны добыта невероятными усилиями и кровью многих народов, но неопределима роль и велика заслуга в том многонациональной Советской Армии, прошедшей с освободительными боями от стен Москвы до Берлина. За годы Второй мировой погибло почти 27 миллионов советских граждан, из них более 8,6 миллионов — военнослужащие. У автора этих строк многие близкие родственники-сибиряки, мужчины и женщины, тоже воевали. Четверо дядей (трое родных братьев матери и брат отца) не вернулись с фронта, до сих пор считаются без вести пропавшими (подробнее о них еще будет сказано ниже).

Дед по матери, Леонтьев Григорий Яковлевич, не будучи мобилизован в армию по преклонному возрасту, отдав фронту трех сыновей, был председателем большого колхоза в высокогорном алтайском селе Инегень. Исправно снабжал нашу воюющую армию продовольствием, а также овчинными полушубками, вязаными теплыми шер-

стяжными двупальными рукавицами (варежки с двумя пальцами, для большого и указательного,— для того, чтобы в большие морозы удобнее было в них стрелять), валенками, вместе со всем советским народом, трудившимся в тылу, не покладая рук. И ни разу он не сорвал план, что в годы войны было весьма не просто, поскольку планы были высокие, а все мужчины — на фронте. Денно и ночью неистово трудились женщины, дети и старики, в том числе бабушка и мать автора данной статьи, их сестры и снохи. За срыв плана, к слову сказать, в военные годы наказание было суровым, по законам военного времени.

Наверное, генная память о войне у россиян в крови и не дает покоя, саднит душу и родившимся, как и автор этих строк, уже намного позже, но в семье, где всю жизнь ждали не вернувшихся с фронта и все время их вспоминали, и надеялись на их возвращение.

Да и замуж я вышла в семью фронтовиков-добровольцев, уроженцев тульской земли. В. Ф. Алтунина, полвека отдавшая школе, ученикам, дошла санинструктором от старинного среднерусского города Белева до Берлина, расписывалась на Рейхстаге. Была награждена фронтовыми наградами, в том числе медалями «За Отвагу», «За взятие Берлина». Большое число советских людей,— воинов, непосредственно участвовавших в боях, разработчиков и организаторов боевых операций по штурму и взятию Берлина в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года (всего более миллиона человек) — было награждено этой медалью — люди разных национальностей и званий, от солдата до генерала и маршала.

Свекор, В. В. Алтунин, попав на Великую Отечественную после Финской войны, куда он, студент иныаза Тульского пединститута, ушел добровольно, был тяжело ранен в боях на Украине, попал в плен и почти два года провел в концлагере «Маутхаузен» (Австрия). Но, испытав на себе все тяготы военного лихолетья, они оба вернулись на родную, тульскую, землю, где и прожили в неустанных трудах, в воспитании сыновей всю жизнь, здесь нашли и свой последний приют.

Видимо, оттого у меня такое чувство, будто сама воевала, потому-то в моей журналистской и литературной деятельности тема войны — сквозная, как и тема Родины, большой и малой. О фронтовиках мною написано немало: не только очерки, интервью, подготовка ко Дню Победы спецвыпусков многотиражной газеты ТулГУ, редактором которой была долгие годы, но и книги. И что интересно, почти все мои собеседники-фронтовики, вспоминая о тяжелых днях войны, особенно в первый ее период, говорили о том, что особым мужеством, смелостью и стойкостью отличались сибиряки: «Эти воины, казалось, не знали ни страха, ни усталости, самоотверженно бросаясь первыми в бой. Стояли насмерть». Не случайно фашистов охватывал ужас, когда они слышали: «Сибиряки идут!». Сибирские дивизии геройски дрались на всех фронтах Второй мировой. Отличились они и при обороне Москвы осенью-зимой 1941 года. Как тут не вспомнить шукшиновские строки, характеризующие одного из его литературных героев: «...очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая...» Вот такие сибирячки и сыграли огромную роль в том, что столицу советские воины не только отстояли, но и погнали от ее стен врага прочь.

Сибиряки стояли насмерть и на 41-м километре — главном рубеже обороны Москвы в 1941 году, — на пути фашистских полчищ, отлично моторизованных, во много раз превосходящих наши силы в военно-техническом оснащении и людских ресурсах, рвавшихся к столице с северо-запада, с Волоколамского направления, надеясь малой кровью и в короткие сроки взять ее, но им это, как известно, не удалось. Героический подвиг, мужество и стойкость воинов Красной Армии, грудью вставших

на пути врага, замечательно отобразил в своем романе «Волоколамское шоссе» писатель-фронтовик Александр Бек.

...Под Москвой, на Волоколамском направлении, между поселками Ленино и Снегири, Истринского района, под открытым небом раскинулся Мемориальный комплекс «Рубеж Славы», собравший боевую технику, непосредственно участвовавшую в сражениях на фронтах Великой Отечественной — и советскую, и немецкую. На ней видны вмятины и пробоины от снарядов. Открывает эту огромную уличную музейную экспозицию, рядом с Вечным огнем, скульптурный ансамбль — монумент «Воинам-сибирякам»: три воина,— двое в полушубках, один в шинели,— с оружием в руках, застывшие в бронзе, в броске, в момент смертельной схватки с врагом. На постаменте аршинными золотыми буквами надпись: «Сибирякам».

Рядом с музеем под открытым небом располагается и сам замечательный Ленино-Снегиревский Военно-исторический музей, который может многое поведать современникам о Великой Отечественной войне, о героических днях обороны Москвы. Отрадно было видеть, что даже глубокой осенью, в холодный пасмурный день, столичные, и не только столичные, педагоги привозят сюда, в эти военные музеи, своих учеников, рассказывают им о войне, о героизме фронтовиков. Школьники слушают с большим вниманием и интересом, фотографируются у памятника сибирякам, возлагают к нему живые цветы.

В поселке Рождествено, тесно соседствующем с п. Снегири, где также шли жестокие оборонительные бои на подступах к Москве, рядом со старинным храмом во имя Рождества Христова, который еще русские цари посещали, есть братская могила с нескончаемой чередой фамилий — золотом на черном мраморе. Жадно пробегаю глазами фамилии, как всякий раз у любой братской могилы, бывая в разных уголках Центральной России, с замиранием сердца ожидая найти родные — Леонтьев, Егучков, но, увы, не нахожу. Однако, и в этой братской могиле могут быть сибиряки — и, может, даже алтайцы. И, наверное, кто-то, где-то также, как я, до сих пор надеется хоть что-то узнать о своих погибших родственниках, по сей день считающихся без вести пропавшими. И кто-то, где-то так же, как я, останавливается перед братской могилой, не только, чтобы отдать дань памяти, уважения и благодарности тем, кто погиб, защищая нашу Родину, но и с неистребимой надеждой увидеть родные имена...

Видно, одному Господу ведомо, где покоится прах стольких, безвестно сгинувших в пекле войны русских солдат и офицеров, в том числе и сибиряков — уроженцев Горного Алтая, вместе со всеми советскими воинами прошедших всеми фронтовыми путями-дорогами до самого Берлина.

Сумско-Киевская Алтайская орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковая дивизия — одна из тех героических сибирских дивизий, воины которой дрались с врагами, как бесстрашные львы. О ее героическом боевом пути и будет рассказано.

Обратите внимание — ключевые слова: «Сумско-Киевская... Алтайская...»! Да, эта алтайская дивизия героически сражалась и за Украину, и ей было присвоено почетное наименование освобожденных украинских городов — Сумы и Киев. Она прошла с кровопролитными боями славный, героический фронтовой путь, длиною в 3800 километров,— от Воронежа через Украину, Киев, другие украинские города, которые она защищала и освобождала, Румынию, Венгрию до Чехословакии, где и встретила Победу. Вернее сказать, вместе с другими советскими воинами потом и кровью, ценою тысяч жизней сибиряков-алтайцев добыла ее. Дивизия форсировала крупнейшие реки нашей страны и других стран: Дон, Днепр, Буг, Прут, Серет, Тисса, Морава; дважды совершила беспримерный переход через Карпаты; участвуя в кровопролитных жестоких боях.

Е. И. Мордвинова, почетный гражданин г. Горно-Алтайска, со своими юными поисковиками в музее Боевой Славы им. Г. К. Жукова, посвященном 232 Алтайской стрелковой дивизии, созданном ею более сорока лет назад при Республиканской школе-интернате № 1 (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай). Ноябрь 2014 г.

Автор статьи Л. Д. Алтунина (справа) — в гостях у поисковиков Музея Боевой Славы 232 Алтайской стрелковой дивизии имени Г. К. Жукова. Слева сидит Е. И. Мордвинова, организатор и руководитель музея, почетный ветеран этой дивизии и почетный гражданин г. Горно-Алтайска — столицы Республики Алтай. Ноябрь 2014 г.

В летописи героических дел, совершенных частями и соединениями Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, 232 Алтайская стрелковая дивизия занимает достойное место. «...Она первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника под Воронежем и выстояла в этом сражении, сыгравшем

исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года (к битве за Воронеж еще вернемся — авт.). Затем — бои на Курской дуге, битва за Днепр, освобождение Киева, Украины, Молдавии, штурм Карпат. Выход с боями на территорию Румынии и затем Венгрии, Чехословакии, где и встретила Победу...

И где бы ни была 232 стрелковая дивизия, всюду ее личный состав показывал высокие примеры мужества, отваги, героизма во имя свободы нашей Родины»,* — отмечает в своей книге «Дорогой славы земляков» Е. И. Мордвинова — почетный ветеран этой дивизии, почетный гражданин города Горно-Алтайска — столицы Республики Алтай. В 1974 году ею был создан в этом городе при Республиканской школе-интернате № 1 музей и зал Боевой Славы, посвященный 232 стрелковой дивизии. За активную военно-патриотическую работу со школьниками музею было присвоено имя выдающегося военачальника, маршала Г. К. Жукова.

...Получив боевое крещение и неоценимый опыт в жестоких сражениях на воронежской земле, дивизия мужественно дралась, проявляя беспримерный героизм, за многие украинские города. Она освобождала Киев, Сумы, Фастов, Белую Церковь, Умань; отважно сражалась на южном плацдарме Курской дуги. С февраля по август 1943 года линия фронта, где оборону держала 232 стрелковая дивизия, проходила через украинские города Краснополье, Глыбное, Железняк и являлась частью Курско-Орловской битвы.

...Развивая наступление, 2 сентября 1943 года дивизия освободила город Сумы. В этот же день приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина 232 стрелковой дивизии, как особо отличившейся при освобождении этого города, было присвоено почетное звание — Сумской.

В Сумской области, в селе Самотоевка, есть братская могила воинов — сибиряков, в которой захоронено 378 человек. Там побывали вместе с Е.И. Мордвиновой поисковики — школьники. Они встречались с ветеранами 232 стрелковой дивизии, которые на месте бывших сражений сами и рассказали, как все было на самом деле в те грозные дни.

За освобождение 6 ноября 1943 года Киева, где, ожесточенные бои шли за каждый дом, в том числе и на знаменитом Крещатике — Киевской. Именно 6 ноября 1943 года над горисполкомом украинской столицы взвилось красное знамя. Сталину доложили, что Киев взят. Под Киевом многонациональные советские войска 38-й армии, входившей в состав Первого Украинского фронта, под командованием генерала П. С. Рыбалко разгромили 12 танковых дивизий, взяли в плен 41 тысячу фашистов. Уничтожили 1200 орудий, 126 самолетов, 600 танков. Это была грандиозная победа наших сил, достойную лепту в которую внесли и сибиряки-алтайцы. 232 Алтайской стрелковой дивизией за войну было уничтожено 76930 врагов, а в плен их взято 27622 тысячи.

За освобождение от фашистов в ходе трехдневных кровопролитных боев (с 31 декабря 1943 года по 4 января 1944 года), хорошо укрепленного противником города Белая Церковь, — второго по величине, после Киева, украинского города, оккупированного фашистами 16 декабря 1941 года, — куда 232 стрелковая дивизия вошла первой, она была удостоена одной из высших воинских наград — ордена Красного Знамени. Первым с ночными боями ворвался в этот старинный город, основанный Ярославом Мудрым, батальон комбата Г. К. Козлова. Комбат, кстати, впоследствии встречался с алтайскими поисковиками, рассказывал о тех незабываемых днях, о том, как радушно встречали освободителей-сибиряков жители Белой Церкви, — хлебом-солью. Несмотря на то, что была глубокая ночь, люди не спали, а вышли на улицы города, радостно приветствуя алтайских воинов (к вопросу о сегодняшнем отношении к советским воинам-освободителям в Киеве).

---

* Е. И. Мордвинова. Дорогой славы земляков. — Горно-Алтайск, 2008.

Всю войну 232 Алтайскую стрелковую дивизию бросали на самые тяжелые участки. После войны дивизию расформировали. Ее боевые знамена передали в Центральный музей Советской Армии.

За проявленный массовый героизм в боях с фашистскими захватчиками, в том числе и на Украине, дивизия была награждена четырьмя орденами: Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого.

И где бы ни сражались ее воины, всюду проявляли высокие образцы отваги и мужества, не щадили своей жизни во имя свободы Родины.

За годы войны только в одной этой дивизии высшего воинского звания — Героя Советского Союза были удостоены 33 воина — рядовые и командиры! Многим это высокое звание было присвоено посмертно. Среди них — и юные воины, повторившие подвиг Александра Матросова, закрыв амбразуру вражеского дзота собственным телом; и те, кто бросался под фашистские танки со связками гранат; и те, кто подрывался гранатой, подпустив к себе побольше врагов. Подвиги эти совершали воины разных национальностей.

Села Краснополье, Думовка и Самотоевка Сумской области — крайний южный рубеж Курской дуги. Здесь у деревни Волковка (ныне ее нет), при взятии безымянной высоты под номером 199, за которую сибирские воины самоотверженно сражались два дня, выбивая с нее врага, чтобы обеспечить продвижение наших сил, восемнадцатилетний старший сержант Алексей Калинин повторил подвиг Александра Матросова. Он закрыл грудью амбразуру вражеского пулемета, что обеспечило наступление головного 498 стрелкового полка под командованием И. М. Огнева, которому впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза. Одиннадцать атак предпринимал неприятель, чтобы вернуть высоту, но сибиряки героически отбили их, потеряв более тысячи своих однополчан. На ее вершине установлен монумент Славы 498 стрелковому полку, сражавшемуся за нее.

...Юный красноармеец этого полка украинец Иван Вдовытченко встал грудью со связками гранат на пути головного фашистского танка, остановив тем самым продвижение вражеских танков и дав возможность нашим воинам выиграть время и завязавшийся бой. Оба, А. Н. Калинин и И. Г. Вдовытченко, удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно).

На окраине деревни Самотоевка, там, где героически, ценой собственной жизни, юный украинец Ваня Вдовытченко остановил фашистский танк, был установлен гранитный памятник с надписью: *«Тут похований Герой Родзяньского Союзу Вдовытченко И. Г. 1925 — 1943»*.

На месте павшего смертью храбрых скромного сибирского паренька Алеши Калинина был установлен обелиск. Надпись на нем гласит: *«Товарищ, остановись, поклонись этому священному месту... Здесь в августе 1943 года повторил подвиг Александра Матросова старший сержант 232 стрелковой дивизии Калинин Алексей Николаевич. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза»*.

На родине Алексея Калинина, в селе Новозыряновка (Алтайский край), школа, в которой он учился, носит его имя. Установлен здесь и памятник герою. В городе Горно-Алтайске, в Республиканской школе-интернате № 1 отряды борются за право носить имя того или иного Героя Советского Союза из 232 стрелковой дивизии. Носят школьные отряды и имена двух юных героев — Алексея Калинина и Ивана Вдовытченко.

Многие воины дивизии были награждены боевыми орденами и медалями: орденами Отечественной войны всех степеней, Красного Знамени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги!», «За отвагу!», «За Победу над Германией» и другими; Почетными грамотами Главнокомандующего И. В. Сталина.

На всем протяжении боевого пути 232 Алтайской стрелковой дивизии в память о героизме ее воинов установлены монументы и памятники; обелиски на братских могилах: в Воронеже, на Курско-Орловской дуге, на украинской земле (на Полтавщине, в городе Сумы — монумент Вечной Славы), на границе с Румынией.

«СИБИРЯКИ ИДУТ!..» БИТВА ЗА ВОРОНЕЖ

Особое значение на всем нелегком героическом боевом пути Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковой дивизии имеет Воронеж. В битве за этот город на Дону дивизия приняла свое боевое крещение. 25 января 1942 года алтайские воины пошли в наступление от Воронежа на село Кочетовку Воронежской области. Этот день считается Днем дивизии.

Жесточайшая битва за этот город в июле 1942 года длилась более двухсот дней и ночей, и по своей напряженности, значимости и длительности сродни Сталинградской, положившей перелом всего хода Великой Отечественной войны. Двенадцать тысяч сибирских воинов только с Горного Алтая, героически сражаясь за Воронеж, сложили здесь свои головы, увековечив себя в обелисках и мемориальных плитах на братских могилах, но многие из них до сих пор считаются без вести пропавшими, как и мои дяди.

Дивизия отважно встала на главном направлении удара отборной 4-й танковой армии рвавшегося к Москве и Сталинграду неприятеля. Воронеж фашисты хотели взять сходу. Против во много раз превосходящей в живой силе и техническом вооружении, хорошо обученной, имеющей большой опыт военных действий фашистской армии геройски сражались совсем юные 18—19-летние алтайские юноши и девушки, наспех обученные, не опытные, без огневого и артиллерийского прикрытия, но полные решимости и отваги защищать Родину до последней капли крови, не щадя своей жизни.

Золотыми буквами вписана в историю фронтового пути 232 стрелковой дивизии героическая битва за Воронеж. Как выше уже говорилось, под Воронежем дивизия первой приняла на себя удар во много раз превосходящих сил противника и мужественно выстояла в этом сражении, сыгравшем исключительную роль в оборонительных операциях летом 1942 года.

232 стрелковая дивизия одна вступила в смертельную схватку с семью немецкими дивизиями, намного превосходящими в живой силе и военной технике (три танковые и четыре механизированные фашистские дивизии, усиленные авиацией и артиллерией). «Необстрелянная, недостаточно обученная, без огневого и артиллерийского прикрытия дивизия оказалась на главном направлении удара 4-й танковой армии противника, но сдержала врага до подхода основных сил.

Противник поставил перед собой задачу одним ударом сломить на этом направлении сопротивление советских войск, форсировать Дон, занять Воронеж и, повернув на юг, создать угрозу окружения войск юго-западного фронта. Немцы рвались к Сталинграду, к Волге. Битва за Воронеж — это правое плечо Сталинградской битвы. С захватом Воронежа немцы обеспечили бы себе тыл. И чтобы затруднить им дорогу на восток, солдаты, командиры 232 стрелковой дивизии насмерть стояли на берегу Дона, у стен Воронежа и с честью выдержали боевое крещение. Бойцы 232 стрелковой дивизии с танками воевали противотанковыми ружьями и бутылками с зажигательной жидкостью. Если где через наши позиции проходили танки, там не было уже в живых ни бойцов, ни командиров. В таких сложных условиях перед дивизией стояла задача — остановить врага и перейти в контрнаступление. 2 июля 1942 года бойцы

232 стрелковой дивизии поклялись, что не отступят, не сдадут ни одной пяди земли...», — пишет в своей книге Е. И. Мордвинова. И клятву сдержали!

В битве за Воронеж только за пять дней сражений дивизией было уничтожено 63 танка, 120 бронемашин неприятеля, 13 тысяч гитлеровцев.

Воины сражались под командованием таких отважных военачальников, как командир дивизии генерал-майор И. И. Улитин, приобретший боевой опыт в войне с белофиннами, прошедший во главе дивизии от Бийска до украинского города Фастова, где был тяжело ранен, лечился в московском госпитале, после вернулся на военную службу; комиссар дивизии полковник Ф.Я. Никифоров; командиры полков, Герои Советского Союза И. М. Огнев, А. И. Панков, Г. С. Васильев, П. А. Зворыгин, Д. А. Штельмах.

Дивизия держала оборону вместо положенных по военному времени двенадцати километров — восемьдесят, героически отбивая непрерывные атаки фашистских полчищ. «Земля горела, вода в Дону, смешанная с кровью и грязью, кипела, бурлила, а эти безусые мальчишки, почти безоружные, дрались и еще наводили ужас на гитлеровцев. «Сибиряки идут!», — произносили шепотом... Одно слово «сибиряки» на немцев наводило ужас».

212 дней и ночей длилось сражение за Воронеж. Только за три самых тяжелых дня боев, с 3 по 7 июля 1942 года, погибло 5500 алтайских воинов.

Ежедневно полчища вражеских самолетов вылетали бомбить город. От их количества в небе становилось темно. Город был почти полностью разрушен — на 97 процентов. Беспремерно дрались сибиряки за каждую пядь воронежской земли. Села на подступах к Воронежу за сутки переходили из рук в руки по 8-10 раз! Кромешный ад!, но сибиряки стойко держались до последнего, не щадя своей жизни, и одолели врага. Не только в самом Воронеже, но и во многих селах Воронежской области, за которые отважно сражались алтайцы, установлены им памятники. Почти в каждом селе — братские могилы.

В ожесточенной битве 498 стрелкового полка за село Малышево героически погиб комбат П. И. Зайцев, гранатой остановивший надвигающийся на его пулемет вражеский танк, — посмертно награжден орденом Красного Знамени. У села Губарево, где сибирякам приходилось в жестоких схватках с неприятелем отбивать по 5—9 атак, смертью храбрых пал меткий стрелок — алтаец Яков Торбогошев, в одиночку до последнего патрона сражавшийся с наступающим противником.

Окоп с останками Якова и его солдатским медальоном много лет спустя нашли красные следопыты Губаревской школы. Захоронены останки Якова Ядышевича Торбогошева в общей могиле с его павшими однополчанами. Имя его увековечено на гранитной плите. Этот скорбный и героический список можно продолжать очень долго. За памятниками и братскими могилами сельчане бережно ухаживают и добрым словом поминают защитников-сибиряков.

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, командующий Воронежским фронтом, впоследствии вспоминал: «Это была свежая сибирская дивизия. Многие ее бойцы и командиры — восемнадцати-девятнадцатилетние юноши, не имеющие боевого опыта, но воинская дисциплина, моральное состояние крепкие. 232 стрелковая дивизия первая остановила врага, спешившего ворваться в Воронеж».

В дивизии было 590 девушек, более девяноста из них — с Горного Алтая. Многие пошли воевать добровольно. Только под Воронежем они оказали помощь 50-ти тысячам рядовых красноармейцев и офицеров, рискуя собственной жизнью. «Сестрички» вернули в строй пятнадцать тысяч воинов. Нередко они и сами с оружием в руках вступали в бой с неприятелем, как например, доброволец из горного села Теньга Агния Хворова. В бою на Дону, за город Воронеж, ей вмиг пришлось сменить са-

нитарную сумку на пулемет, отбить обступивших врагов и спасти раненых советских воинов. Агния проявила беспримерную храбрость и на чужой земле, подняв в атаку роту вместо убитого командира. Агния Александровна была награждена многими боевыми наградами. После войны она жила в г. Барнауле, вела большую героико-патриотическую работу в школе № 80.

Алтайская поисковая группа «Поиск-232» побывала в гостях у А. А. Хворовой. Записаны ее фронтовые воспоминания, которые сегодня активно используются в военно-патриотической работе музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова при Республиканской школе-интернате № 1.

Беспримерный подвиг совершил доброволец Николай Клименко. В бою вместе со взводом он успешно отбивал атаки противника, ряды бойцов редели. лейтенант остался со связным, которого потом отправил в штаб с донесением. Немцы начали окружать Клименко, чтобы взять его живым. Подождя, пока большая группа немцев подойдет близко, бросил гранату себе под ноги. Николай погиб, но вместе с ним погибло и много врагов.

Беспримерен подвиг и восемнадцатилетней алтайской девушки Шуры Сакыловой, родом из небольшого в то время горного села Чепош, стоящего на берегу Катуни (кстати, с. Чепош — это родовые корни моего отца и его погибшего на фронте брата Василия — авт.). «...Шура с тяжело ранеными бойцами была окружена немцами. На их крики: «Сдавайся!», Она ответила: «Красноармейцы не сдаются!» и, схватив автомат, начала отстреливаться. «Когда бойцы освободили это местечко. Шура лежала с пробитой грудью. Кровь выступила на полушубке,— пишет Е. И. Мордвинова о подробностях этого подвига, о котором ей рассказали бывшие однополчане Шуры, видевшие все это собственными глазами.— Рядом лежали 5 фашистских солдат и офицеров. Видимо, Шуру хотели взять живой. Но эта скромная девушка имела сердце настоящего воина...»

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Шуры Сакыловой (посмертно) орденом Отечественной войны II степени был напечатан в красноармейской газете «Отважный боец» (№ 5, 1943 г.). Орден вручили матери Шуры.

Подобных примеров героизма можно привести множество, не случайно ветераны особо подчеркивают тот факт, что его проявление воинами их дивизии, солдатами и офицерами, носило массовый характер.

В Воронеже, как уже говорилось выше, воинам 232 стрелковой дивизии установлен памятник. У его подножия всегда — живые цветы.

ТУЛА-АЛТАЙ: СВЯЗАНЫ МУЖЕСТВОМ

...Минувшим летом, будучи на своей малой родине, в Горном Алтае, лично познакомилась с Е.И. Мордвиновой. По приглашению Евдокии Ивановны, я побывала в их музее, встретила с педагогами и воспитанниками интерната, вот уже не в одном поколении занимающимися серьезной поисковой деятельностью, собирая материал о героическом боевом пути этой дивизии, ее бойцах и командирах. Юные поисковики («Поиск» — 232»), большей частью кадеты этого интерната, познакомили меня с богатейшим музейным материалом, провели по залам и экспозициям.

В свою очередь, и я не осталась в долгу: рассказала ребятам и их педагогам о нашем тульском герое Великой Отечественной войны полковнике С. Ф. Кутепове, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стрелковой дивизии, стойко оборонявшей 26 дней белорусский город Могилев в июле 1941 года. Фронтовые героические судьбы этих двух стрелковых дивизий, алтайской и тульской, во многом похожи. Воины 388 стрелкового полка под командованием С. Ф. Кутепова тоже сражались с врагом отважно и самоотверженно, не щадя собственной жизни. Они впервые с нача-

ла войны в один день, 14 июля сорок первого, подбили 39 фашистских танков, развеяв миф о непобедимости фашистских полчищ. Мужественный комполка Кутепов послужил прототипом генерала Серпилина в трилогии о войне писателя-фронтовика К. М. Симонова «Живые и мертвые». Познакомила их и со своей книгой «Солдат войны полковник Кутепов», повествующей о С. Ф. Кутепова и о воинах его полка.

Рассказала моим юным землякам и о героической битве за Москву в декабре 1941 года, и о тульских студентах-добровольцах, ушедших на фронт из стен Тульского механического института (ныне Тульского госуниверситета), имея бронь от призыва в армию. Познакомила земляков со своей книгой «Доброволец Иван Орлов. Дневник боевых дней: 1941—1945 годы», рассказывающей об этом. С большим интересом и вниманием слушали меня учащиеся, рассматривали мои книги, написанные о Великой Отечественной войне. Повышенный интерес у нас был друг к другу обоюдный. И не только потому что, как говорится, мы смотрим в одну сторону: воспитанники интерната много лет занимаются поисковой работой, разыскивая своих земляков-фронтовиков, и в моем творчестве военно-патриотическая тема, как и тема малой родины, занимают особое место.

Горячий мой интерес к 232 Алтайской стрелковой дивизии был вызван еще и вот чем: как я обнаружила, сопоставив факты, один из четверых родных моих дядей-сибиряков, не вернувшихся с фронта, Павел Леонтьев, воевал в этой стрелковой дивизии. В информации ЦАМО (Центральный архив министерства обороны РФ), выложенной в Интернете, о Павле говорится следующее: «Леонтьев Павел Григорьевич, род. 1923, Алтайский край, Ойротская ОА. Русский. Место призыва — Онгудайский РВК, Ойротская АО. Последнее место службы — 232 с.д. Воинское звание — сержант. Причина выбытия — умер от ран. Дата выбытия 07.04.1943». Ему было всего двадцать лет. Он был самым младшим из трех погибших маминых братьев Леонтьевых. Накануне войны женился. Жена Зоя осталась беременной. Всю войну она работала на тракторе. Родившегося сына он так и не увидел. Самому старшему, Сидору, многодетному отцу, имевшему шестерых малолетних детей, было тридцать пять; среднему, Дмитрию, — двадцать шесть. Они, как и брат моего отца, Василий Егусков, которому было двадцать четыре года, считаются без вести пропавшими. В общей сложности у них безотцовщиной остались десять малолетних детей, а их жены — на всю жизнь верными солдатскими вдовами, так больше и не выходящими замуж.

Согласно той же скупой интернетовской информации ЦАМО, даты гибели остальных троих моих дядей — март, август и сентябрь 1942 года — все в один год и почти в одно время. К сожалению, не указано, в каких дивизиях они служили и где конкретно пропали без вести. Побывав в Горно-Алтайске, в музее Боевой Славы, посвященном 232 стрелковой дивизии, узнав о ее боевом пути, о том, как героически сражались сибиряки на всех фронтах, участвуя во всех решающих битвах, могу предположить, что и они участвовали в важнейших военных операциях и погибли где-то в Центральной России, но это всего лишь мое предположение, не имеющее, к сожалению, документальных подтверждений. В эти сроки театр военных действий разворачивался на весьма обширной территории бывшего СССР, и везде в кровавых ожесточенных битвах с врагом героически сражались и сибиряки. И где-то среди этих, храбро воюющих, были мои дяди. Я уверена, что и они дрались храбро — это были честные, мужественные люди, — так о них говорили и родня, и односельчане.

...И вот что еще хотелось бы особо отметить в славном героическом боевом пути 232 Алтайской стрелковой дивизии. В 1942 году было второе ее формирование после огромных потерь в 1941 году, но боевое знамя было спасено. И дивизию сформировали вновь. Она не случайно называлась Алтайской, потому что формировалась в 1942 году, в городе Бийске из жителей горных и предгорных районов Алтая, включая мобилизованных и добровольцев, которых было очень много, из отдаленных горных

селений — русских, алтайцев и представителей других национальностей. Сибиряки, жившие, в основном, охотничьим промыслом — меткие стрелки: белку в глаз бьют (наверное, в том числе и по этой причине, они, большей частью, и входили в состав стрелковых полков и дивизий). Смелы и ловки — на медведя с рогатиной ходят; привычны к лютым сибирским морозам, к неустроенности быта. Закаленные, стойкие и физически, и морально. Жизнь их никогда не баловала. Вот такие, таежные охотники, мирные скотоводы и землепашцы, плечом к плечу с новобранцами разных других профессий и национальностей со всего бывшего СССР, с крестьянскими парнями и рабочими становились на фронте бесстрашными и умелыми воинами, беспощадно громившими врага в жесточайших сражениях наравне с кадровыми военными.

Вот и трое моих дядей Леонтьевых были призваны на фронт из высокогорного алтайского села Инегень, Онгудайского района. Кстати, уникальное, просто дивное по красоте, природное место, где ныне создан единственный в России музей снежного барса, обитающего в недоступных высокогорных отрогах. И все трое были отличными охотниками, меткими стрелками, на войну ушли в один день. Возможно, и попали все в одну, 232 стрелковую дивизию. Только брат отца Василий Егуев был призван из г. Горно-Алтайска, где жил с женой и маленькой дочкой, и где ныне его имя увековечено на обелиске у Вечного огня, в Парке Победы. На фронте он тоже был стрелком, уверена, метким стрелком, ведь родился и вырос Василий Алексеевич тоже в горном селе Чепеш и уже с детства ходил со взрослыми в тайгу и горы на охоту.

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ:

«ЭТО НУЖНО НЕ МЕРТВЫМ.

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ!..»

История героической Сумско-Киевской Алтайской орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого 232 стрелковой дивизии неразрывно связана с музеем Боевой Славы имени Г. К. Жукова, созданном при Республиканской школе-интернате № 1 и вот уже более сорока лет возглавляемом Е. И. Мордвиновой, обладающей огромным педагогическим и жизненным опытом, неутомимым человеком-энтузиастом, подвижником, о чем выше уже упоминалось. Более полувека плодотворно работает она в этой школе. Под ее руководством воспитанники школы-интерната, прежде всего, кадеты, много лет ведут поисковую работу, изучая историю боевого пути дивизии, разыскивают ее бойцов, рассказывают о их славных подвигах. Цель поиска — восстановить в народной памяти имена защитников Родины и их бессмертные подвиги.

Кстати, отец Евдокии Ивановны, Иван Алексеевич Бабушкин, тоже воевал в составе этой дивизии, был рядовым ПТРовцем (ПТР — противотанковое ружье) 498 легендарного стрелкового полка; прошел боевой путь от Воронежа до Киева, в битве за который был тяжело ранен.

Книга Е. И. Мордвиновой «Дорогой славы земляков», рассказывающая о героическом фронтовом пути дивизии и ее воинов, также хранится в школьном музее и доступна учащейся молодежи.

Не случайно вся поисковая деятельность, как и работа музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова, посвященного 232 Алтайской стрелковой дивизии, проходят под девизом «Никто не забыт! Ничто не забыто!» Не забыто, чтобы войны не повторилось никогда.

— Не одно поколение детей нашей школы-интерната воспиталось на примерах бойцов прославленной Алтайской дивизии. Военно-патриотическое воспитание дает возможность ярче показать мужество и отвагу защитников Родины в годы войны, их беспримерную преданность Отечеству, что должно стать примером для молодого поколения», — сказала автору этих строк Е. И. Мордвинова.

Время неумолимо. Все меньше и меньше остается фронтовиков Второй мировой. Тем ценнее все, что передали они — непосредственные участники тех кровопролитных боев в своих воспоминаниях о войне. Тем ценнее вот такая поисковая работа, проводимая следопытами в разных уголках России, в том числе и в Республике Алтай. На воронежской земле юные поисковики тоже много лет собирают материал о 232 Алтайской стрелковой дивизии, героически сражавшейся на их земле. Они поддерживают тесные многолетние связи с алтайскими поисковиками, которые бывали у воронежцев и в гостях. Во главе с Е. И. Мордвиновой отряд «Поиск-232» прошел по боевому пути дивизии от Бийска до самой границы с Румынией. Юные поисковики встречались со многими ветеранами дивизии, которые на местах бывших боев рассказывали, какой ценой они добывали в жестоких кровопролитных сражениях победу.

Как ценны сейчас, когда фронтовая история самой кровопролитной за все время существования человечества войны искажается и переписывается в угоду чьим-то амбициозным политическим интересам, эти фронтовые воспоминания самих участников сражений, сохраненные и донесенные до нас в записях благодаря энтузиастам-поисковикам. И, слава Богу, сегодня на российской земле таких людей немало. Поисковики во всех регионах нашей страны возвращают из небытия имена безымянных солдат, записывают фронтовые воспоминания тех участников боев, кто еще остался в живых, чтобы время не стерло в памяти потомков те тяжелые и героические дни, чтобы ангажированные историки не внесли в них свои выдуманные тенденциозные правки, переписывая военную историю заново, под себя, на свой взгляд и лад, как происходит это ныне в Киеве. Кто бы мог подумать, что такое может случиться на Украине, в том же Киеве, за освобождение которого от фашистских оккупантов погибло столько советских воинов, в том числе и с алтайской земли! Разве мог хотя бы на миг предположить кто-то из тех павших, кто не щадя своей жизни, отбивал бесчисленные атаки превосходящего по силе противника, кто бросался со связками под гусеницы немецких танков или закрывал своей грудью амбразуру вражеского пулемета, что такое вообще может произойти! Что будут осквернены и снесены памятники воинам-победителям, которых вместо освободителей называть станут оккупантами и вообще запретят сам праздник Великой Победы?! А национальным героем провозгласят Бандеру, на чьей совести тысячи замученных и невинно убиенных, в том числе женщин, стариков и детей, а по улицам города-героя Киева, стоявшего у истоков российского государства — Киевской Руси, станут маршировать молодчики с фашистской свастикой, с человеконенавистническими идеями и планами в мозгах, считающих Россию своим заклятым врагом?!

Вот почему так важно сегодня, чтобы девиз «Никто не забыт! Ничто не забыто!» стал поистине действенным, воплощаемым в жизни, в деле патриотического воспитания молодежи, способствуя выработке у нее верных нравственных ориентиров, как делается это на базе вышеупомянутого музея Боевой Славы им. Г. К. Жукова в Республиканской школе-интернате № 1, в Горно-Алтайске.

На всю жизнь оставили славный след в сердцах юных поисковиков встречи с ветеранами дивизии, в том числе и с Героями Советского Союза, которые многое им рассказали и показали, как бы оживили беспримерный подвиг земляков. Он приобрел зримые, реальные черты, что не могло эмоционально не подействовать на ребят. Рассказы буквально их потрясли и навсегда запечатлелись в памяти. *«За годы учебы в школе-интернате мы многое сделали по розыску воинов 232 стрелковой дивизии. Уходя из школы, мы хотим, чтобы эта работа продолжалась, чтобы продолжали искать новые имена, узнавать новые подвиги бойцов 232 стрелковой дивизии при защите нашей священной Родины... Это нужно для того, чтобы дети учились любить и защищать Родину, как защищали и любили ее наши деды и отцы, чтобы помнил мир спасенный их имена, имена героев — защитников Родины».*

«...Самый главный результат нашего поиска в том, что у нас растет чувство гордости за свой край, люди которого высоко подняли честь не только своей алтайской земли, но и всей нашей страны, отстояли светлое будущее людей на земле. Мы хотим видеть свой Зал Боевой Славы 232 стрелковой дивизии, как центр героико-патриотической работы с детьми, работающими под девизом «Никто не забыт! Ничто не забыто!»», — пишут бывшие воспитанники школы-интерната в музейных альбомах и на страницах мордвиновской книги.

— Благодаря нашему музею Боевой Славы каждый из нас может соприкоснуться с военной историей, с подвигом земляков в годы Великой Отечественной войны. Мы должны знать и помнить наших героев и равняться на них — так появляются в жизни верные нравственные ориентиры. Мы многое узнали о том, где и как сражались наши земляки; о героизме воинов 232 Алтайской стрелковой дивизии и гордимся их подвигом, — поделились своими мнениями сегодняшние поисковики, девятиклассники-кадеты школы-интерната, Евгений Какышев, Константин Килин и Алиса Бедарева.

Вот и я благодарна поисковикам, которые помогли и мне узнать хотя бы об одном из четверых моих погибших дядей. Пусть не конкретно о нем, но о дивизии, в которой он служил, о его однополчанах, а это многого стоит. Ведь все мое детство, вместе со всеми взрослыми, прошло в надежде хоть что-то узнать о наших сгинувших фронтовиках, в ожидании их возвращения, так и не состоявшегося...

И мне хотелось бы, чтобы как можно больше людей узнали об этой героической, 232 Алтайской стрелковой дивизии, об уникальном музее Боевой Славы, ей посвященном, о юных алтайских поисковиках, а потому рассказала обо всем этом организаторам международного проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», посвященном 70-летию Великой Отечественной войны, инициаторами которого выступают туляки совместно с москвичами (МГУ). В рамках этого проекта выходит солидное издание — конкурсные эссе о войне, где будет опубликован и мой материал о 232 Алтайской стрелковой дивизии; 5 мая в Туле пройдет международная конференция. Автор этих строк поспособствовала, чтобы участниками этой конференции стали и алтайские поисковики, которые сами и расскажут о героическом боевом пути 232 Алтайской стрелковой дивизии, о своей поисковой работе и о деятельности музея Боевой Славы. Знать об этом будет интересно и полезно всем.

Примеч. авт.: когда уже верстался этот номер, совершенно случайно из новых, выложенных в Интернете документов ЦАМО к 70-летию Победы в ВОВ, в частности, на сайте, «Подвиг народа» я нашла, — столько-то лет спустя с того дня, когда все четверо моих дядей считались пропавшими без вести!, но надежда хоть что-то узнать о них все-таки теплилась, — я нашла в наградных листах информацию об одном из них, самом младшем из трех братьев Леонтьевых — Леонтьеве Павле Григорьевиче, 1923 года рождения. Как выяснилось из этих и других документов, Павел как раз служил в этой, 232-й Алтайской стрелковой дивизии. В ее составе он вместе с другими воинами из высокогорных районов Горного Алтая прибыл из г. Бийска, где проходило второе формирование этой дивизии, на место главного, первого, ее сражения — защищать город Воронеж и уже с 4 июля 1942 года участвовал в жестоких сражениях, длившихся более двухсот дней и ночей.

Будучи сержантом-артиллеристом, командиром орудия в легендарном 605 стрелковом полку 232 стр. див., Павел совершил на Воронежской земле подвиг в кровавых битвах, унесших многих сибирских воинов и был награжден медалью «За Отвагу!». Вот как гласит об этом документ — наградной лист, дающий «краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»: «В районе дер. Губарево Семилукского района Воронежской области в боях с немецкими оккупантами он из своего орудия уничтожил: 1 ДЗОТ, 2 пулеметных точки и разбита одна немецкая кухня с прислугой».

Погиб Павел, вернее умер от ран в 238 отделении медсанбата 232 стр. дивизии в 1943 году, на Курской дуге. Было ему всего-то неполных 20 лет.

Захоронен, как свидетельствуют документы, в Братской могиле, в с. Демидовка Краснояружского р-на Белгородской области (западная сторона кладбища).

Ухаживает за могилой администрация Графовского сельского поселения.

Сергей Одинок
(г. Тула)

ЖИВИТЕ В НАШЕЙ ПАМЯТИ, РОДНЫЕ!

Выпускник Тульского областного колледжа культуры и искусства и филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3; 2014 г., № 3), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахах «День тульской поэзии» (2013 г.), «НЛО» (2013 г.) и «Ковчег» (2012—2014 гг.).

*70-летию Великой Победы
и дорогим родственникам посвящается*

Великая Отечественная война... Можно с уверенностью сказать, что нет ни одной семьи в нашей стране, которой бы не коснулось это страшное событие. Война, унесшая жизни более чем 27 миллионов человек, оставившая за собой сотни тысяч разрушенных городов, сел и деревень,— что может быть ужасней? По сей день люди находят в земле останки погибших солдат, осколки мин и снарядов, неразорвавшиеся гранаты, части артиллерийских орудий... Эхо тех великих событий не смолкнет никогда, а подвиги наших дедов и прадедов будут служить нам образцом преданности Родине, верности данному слову и любви к гражданам родной страны. Помня о подвигах и потерях наших родных, мы сохраняем с ними душевную связь, что помогает нам выстоять перед новыми опасностями.

Великая Отечественная война оставила свой след и в истории моей семьи. Кто-то из моих родственников погиб на фронте, сражаясь с врагом; кто-то прошел всю войну, а кто-то трудился в тылу. Те, кто остался жив, рассказывают о войне с ужасом, но их воспоминания не лишены радости: ведь тогда они были молоды, учились, работали, влюблялись и продолжали жить, несмотря ни на что. О том, как жили мои родственники во время Великой Отечественной войны, мне рассказали мои бабушки, **Тамара Дмитриевна Одинок** (в девичестве — **Дородных**, 1939—2010) и **Александра Ивановна Круговых** (в девичестве — **Кутьина**, 1930—2010). Благодаря их воспоминаниям я узнал о том, кем были мои прадедушки и прабабушки, как они жили в военные годы и чем занимались в мирное время.

Одинок Василий Иванович (1902—1945) — прадед по папиной линии, отец моего дедушки, **Вячеслава Васильевича**. Работал на Тульском патронном заводе слесарем-лекальщиком высокой квалификации.

В 1941 году, по решению Государственного Комитета Оборона, началась эвакуация оборудования и основных кадров рабочих и специалистов за Урал, где в короткие сроки было организовано производство оборонной продукции. Часть завода осталась в Туле, а мой прадедушка был эвакуирован вместе со многими специалистами

Василий Иванович Одинокоев (1902—1945)

Ксения Яковлевна Одинокоева (1904—1974)

в Сибирь. Там он, не покладая рук, работал над производством продукции для фронта. После того, как стало известно о победе наших войск над фашистами, мой прадедушка вернулся вместе с предприятием в Тулу. Весь город и вся страна были счастливы. Незнакомые люди, встречаясь на улице, бросались друг другу в объятия. Родовалась и моя семья: наступила долгожданная победа! Все наконец-то вернулись домой, теперь впереди — долгая жизнь, полная радости и любви... Но вскоре произошло несчастье: Василий Иванович умер. На состоянии его здоровья сильно сказался напряженный рабочий день. Таким образом, Василий Иванович скончался в Туле вскоре после Дня Победы в 1945 г. После его смерти воспитанием детей (их было трое: Тамара, Вячеслав и Зинаида) занималась его супруга — **Одинокоева Ксения Яковлевна** (1904—1974), в девичестве — **Свиридова**.

Кузьмин Иван Филиппович (1904—1941, *портрет не сохранился*) — прадед по маминей линии, отец моей бабушки, **Александры Ивановны**. Родители: **Филипп, Клавдия Прокофьевна**. До войны работал лесником. По словам бабушки, это была адская работа: приходилось выходить в лес в любую погоду и следить за его сохранностью. Со своей семьей Иван Филиппович проживал в Липецкой области, вблизи города Задонск, в селе *Тюнино*. Участвовал в Финской кампании (1939—1940). Во время Великой Отечественной войны был призван на фронт в г. Мичуринск, 30 августа 1941 г. Затем его вместе с остальными призванниками переслали на оборону Москвы. Служил минометчиком. Погиб в битве под Москвой в ноябре 1941 г. У него осталось трое маленьких детей, старшей из них была моя бабушка, Александра Ивановна. Она также рассказала мне, что все, кто был призван на фронт в 1941-м из Задонска и из Тюнина, не вернулись обратно.

Немцы не проникли ни в город, ни в село, — бои шли вокруг, поэтому всех раненых свозили именно сюда для оказания помощи. В селе Тюнино госпиталь образовали прямо в школе. Тех, кто умирал, хоронили прямо в лесу, в братских могилах, сохранившихся до сих пор.

О последних минутах жизни Ивана Филипповича его жена, Анна Николаевна (1907—1996), узнала случайно от чудом выжившего солдата из Задонска, Кузьмы Коровкина. Всего израненного бойца сначала привезли в госпиталь, а затем выписали домой. Он сообщил своим домашним о том, что у него есть новость о муже для Анны Николаевны. Те разыскали ее и пригласили в дом. Когда Анна Николаевна

пришла к ним и увидела раненого, то ужаснулась: перед ней лежал растерзанный человек, обреченный на смерть. Кузьма сообщил ей, что во время боя его ранило, и он упал, а Иван Филиппович, находясь рядом с ним, сказал: «Ну, брат, повезло тебе: может, в госпиталь заберут, жив останешься. А меня, наверно, убьют...» Затем он схватил миномет и скрылся в дыму. Это все, что смогла узнать Анна Николаевна о своем супруге. Вскоре Кузьма Коровкин скончался, а домой к Анне Николаевне пришло сообщение, что ее муж пропал без вести, т. к. его тело не удалось найти на поле боя после сражения. До сих пор точно неизвестно, где именно похоронен Иван Филиппович. Скорее всего, его похоронили в братской могиле на месте гибели. Родная сестра Ивана Филипповича — **Мария Филипповна** (1912—1996) была призвана на трудовой фронт для восстановления Сталинграда. После войны она уехала из Задонска в Москву и умерла там в 1996 г.

Вдова Анна Николаевна (справа) с детьми (сверху вниз, слева направо: Нина, Саша и Настя)

Дмитрий Иванович Дородных (1915—1941)

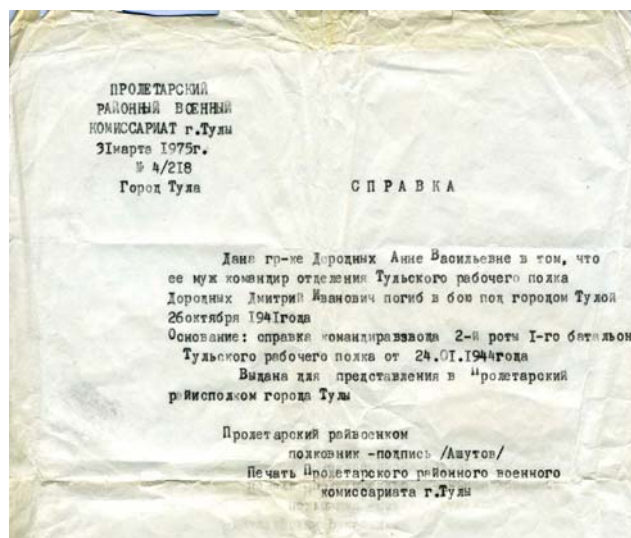
Круговых Федор Николаевич (1907—1993, *портрет не сохранился*) — прадед по маминей линии, отец моего дедушки, **Ивана Федоровича** (1929—2001). Проживал в Липецкой области Волынского района. До войны работал в колхозе, являлся председателем. Призван на фронт в ноябре 1941 г. Бойцом не стал, поскольку не имел одного глаза, носил протез. Выпекал хлеб для солдат. Его пекарня располагалась в 4 км от линии фронта и перемещалась в зависимости от того, где шли бои. Федор Николаевич прошел всю войну, вернулся в 1945 г. из Германии. Умер в 1993 г. Его родители: Николай Денисович, Варвара. Жена — Наталья Федоровна.

Дородных Дмитрий Иванович (1915—1941) — прадед по папиной линии, отец моей бабушки, **Тамары Дмитриевны**. До войны прокладывал трамвайные пути в Туле. Когда к октябрю 1941 г. фашисты, захватив Орел, Мценск, Белев, Калугу и Чернь, приблизились к нашему городу, тульский участок фронта стал важнейшим на подступах к столице. Тула и область были объявлены на военном положении еще в первый день войны, но теперь, когда враг подошел слишком близко, вся подготовка оборонительных мероприятий шла в ускоренном темпе. В городе и в районах нашей области усиленно формировались батальоны, которые после двух-трехдневной подготовки направлялись на фронт; ускорялось строительство оборонительных укреплений, как в самой Туле, так и за ее пределами. Вскоре был сформирован Тульский рабочий полк, в который и вступил ополченцем мой прадедушка. Он был назначен командиром отделения. Вместе с 156-м полком НКВД Тульский рабочий полк занял оборонительные

рубежи на юго-восточной и юго-западной окраинах Тулы. 26 октября, защищая подступы к городу, мой прадедущка погиб. Домой к Дмитрию Ивановичу пришло известие о его смерти, над которым горько плакала его супруга — **Анна Васильевна** (1911—1983). На ее руках осталось двое детей: Анатолий и Тамара, которых она вынуждена была воспитывать одна. Тамара Дмитриевна, кроме портретов своих родителей, сохранила также справку о гибели Дмитрия Ивановича (см. фото внизу).

Анна Васильевна Дородных
(1911—1983)

Знать о жизни своих родных необходимо каждому. Сохранить память о героическом подвиге наших предков и передать ее будущим поколениям — задача любого человека, любящего свою Родину, с уважением относящегося к себе и к гражданам своей страны. Необходимо осознавать, какой огромной ценой нам достался тот мир, в котором мы сейчас живем. Подвиги наших дедов и прадедов служат нам примером того, как надо поступать в своей жизни, вызывают у нас стремление не уронить себя в глазах потомков, быть примером для них, и это является гарантией нашей благополучной жизни в будущем.

Яков Шафран
(г. Тула)

ГОД ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Член Союза писателей и переводчиков при МГО Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член редколлегии и ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег»

2015-й год объявлен Годом литературы. Каким он будет — годом великих свершений или великих наград? — То никому неизвестно, но ироничное сознание все же подсказывает, что наград. А каким оно, сознание, еще может быть в нашей, с ног на голову перевернутой, действительности, когда цена на бензин растет независимо от цены на нефть, то есть, и при падающей, и при растущей, а цены в магазинах никак не привязаны к урожайности, себестоимости и прочим нормальным показателям и тоже, с завидным постоянством, растут. Да и почему бы им не расти, если стремление всех и вся к «наградам» необоримо, будь то немислимая прибыль (а лучше бы сказать: «навар») без какого-либо ограничения и прогрессивной шкалы налогообложения, «золотой парашют» либо прибавка к зарплате, кому это «положено» по статусу, по потребности получателя, которая никогда не знала, да и, наверное, так и не узнает своего предела, ибо в течение трех десятилетий любовь к наживе в любом виде целенаправленно прививалась всеизвестными центрами мировых финансов.

Кстати, насчет свершений и наград. Только начался Год литературы, как пришло «радостное» известие: всероссийскому литературно-художественному и публицистическому ордена Г.Р. Державина журналу «Приокские зори», 10-летний юбилей которого как раз пришелся на 2015-й год, после девяти лет плодотворного сотрудничества отказано в печатании тиража. Таким образом, внесен вклад в Год литературы в России. Рассматривать это в качестве «свершения» или «награды» — судить читателю.

Однако нынешний год все же богат на свершения, правда, былые. Но хоть что-то должно нас радовать в этой жизни, если по нынешним временам, сход со стапелей одной-двух подлодок и удачный запуск ракеты уже — подарок, не в пример середине прошлого века, когда подобное было обыденным явлением.

Итак, что же нас ждет в этом году? Ну, во-первых, это празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Благодаря Победе фактически был сохранен наш многонациональный народ, защищена честь, достоинство и суверенитет нашей страны, победила идея справедливости, солидарности и сострадания, что позволило избавить народы мира от угрозы порабощения нацистами, и многие из них были вдохновлены на национально-освободительное движение против колонизаторов. Какую же цену заплатил за все это наш народ? Это была страшная по своей напряжен-

ности война: активные действия на фронтах в общей сложности составили около 93 % всего времени их существования, наши людские потери, как среди военнослужащих, так и гражданского населения, превысили почти в два раза суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников. Всего 26,6 млн. человек унесла война у нашего народа, из них солдаты и офицеры составляют 8,7 млн. Для сравнения: основная масса погибших у наших союзников (США, Великобритания и Франция) — это военнослужащие, и их в совокупности — только 1/10 часть от наших потерь на фронте.

Сейчас, в дни геноцида киевской хунтой русского и русскоязычного населения Юго-Востока Украины, в дни возвеличивания и героизации самых изуверских нацистов всех времен и народов — бандеровцев, перед зверствами которых меркли преступления гитлеровцев, требуется сказать об их германских учителях тех времен. Уничтожение немецкими нацистами гражданского населения на территории СССР проводилось планомерно и целенаправленно. Еще до появления их незваных полчищ на нашей земле ими были отработаны методики массовых расстрелов, использования печей-крематориев и «душегубок», вплоть до создания целой отрасли промышленности для переработки останков людей, убиенных в 14-ти тысячах концлагерей, целенаправленно готовились «специалисты» и идеологически обрабатывались военнослужащие. Достаточно обратиться к «Памятке немецкого солдата»: «...убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...». Не слышится ли подобное в речах многих нынешних киевских деятелей, и не напоминает ли это действия «украинской» армии и нацбатальонов в Донбассе? Весьма и весьма напоминает. Но мы также помним то, чем все завершилось тогда, в 1945-м, помним Нюрнбергский процесс, 70-летие которого мы также отмечаем в этом году. Пусть и нацисты — потомки Бандеры и Шухевича, помнят о нем, ибо им аналогичного процесса не миновать!

Таким образом, агрессия гитлеровской Германии была войной на уничтожение наиболее активной и деятельной части русского (имеются в виду и белорусы, и украинцы, независимо от нынешней русофобии части населения Украины) народа и других народов и народностей нашей страны, объединенных общей судьбой с русскими. Немецкие нацисты планировали разложить народ СССР на «племена», со своим сугубо национальным сознанием, определяющим признаком которого являлось бы неприятие всего русского и активная борьба с ним. То есть, превращение таких «племен» в экономических и идеологических рабов, а страны — в колонии Германии и ее союзников.

Народ и страна в Великой Отечественной войне выдержали испытание своих духовных, интеллектуальных, душевных, физических и материальных сил, а армия и флот, по пророческому определению великого русского императора Александра III (10 марта 2015 г. исполняется 170 лет со д.р.) — единственные союзники России, доказали правоту этой мысли. «Все остальные, при первой же возможности, сами ополчатся против нас», — говорил император.

Поэтому трудно и невозможно переоценить значение Великой Победы для нашей страны над самым сильным и грозным военным «кулаком» Запада, из всех когда-либо обрушивавшихся на Россию за все время ее существования.

Победа творилась не только в годы войны, но и всей предыдущей историей России, во все века, с небольшими перерывами, боровшейся за свою независимость, за свою веру и идентичность. И потому будет несправедливо не отметить в этом году таких юбилеев, как князь и полководец Александр Невский (795 лет со времени рождения); Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Донской (665 лет со д.р.); Великий князь всея Руси Иван III, положивший начало объединения русских земель (575 лет

со д.р.); гениальный продолжатель его дела царь Иван IV Грозный (485 лет со д.р.); великие полководцы: А. В. Суворов, сказавший: «Мы русские и потому победим!» (285 лет со д.р.); М. И. Голенищев-Кутузов (270 лет со д.р.) и П. И. Багратион (250 лет со д.р.); великий флотоводец, адмирал, один из создателей Черноморского флота Ф. Ф. Ушаков (270 лет со д.р.).

В 2015 году исполняется также 635 лет Куликовской битвы, победа в которой «закрепила за Москвой значение организатора и идеологического центра воссоединения восточнославянских земель (на стороне Дмитрия Донского активно сражались войска и из Великого княжества Литовского — Брянска, Смоленска, Друцка, Дорогобужа, Новосила, Тарусы, Оболенска, Полоцка, Стародуба и Трубчевска (см. там же), показав, что путь к их государственно-политическому единству был единственным путем и к их освобождению от чужеземного господства».

Мы победили в сражении, несмотря на неучастие в битве Тверского княжества, несмотря на то, что князя Суздаля и Рязани вместе с частью «литовцев» (князь Ягайло Олгердович) даже выступили со своими дружинами на стороне Мамаю. Кстати, после сражения некоторые рязанцы в отсутствие своего князя, выдвинувшись с войском на юг, грабили обозы, возвращающиеся в Москву с Куликова поля через Рязанскую землю. А литовцы князя Ягайло добивали беззащитных раненых, когда обозы, в которых их везли домой, отстали от главного войска Донского.

Позже все эти земли, руководимые тогдашними «мазепами» вернулись в русский мир. Это к слову о нынешних, киевских «мазепках».

Светлая память всем выдающимся деятелям в истории нашей Родины, светлая память всем воинам Куликовской битвы, многих других сражений, воинам Великой Отечественной войны, благодаря которым мы живем в своей стране, говорим на русском языке и гордимся тем, что мы — русские.

Понятие русскости шире, чем понятие крови. В Декларация русской идентичности, принятой 11.11.2014 г. на заседании XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России», написано, что «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

Мы горды победами в войнах. Но только ли военные победы определяют правоту Русской цивилизации? Конечно, нет. В противостоянии (упаси Бог, не народов между собой, не людей) миров и их цивилизационных принципов большое значение имеет великая русская и советская классическая литература, которая влияла и с каждым десятилетием все более влияет и на саму зарубежную литературу, и на умы людей, живущих в разных уголках Земли. Поэтому мы можем смело говорить о победе нашей литературы, что имеет особое значение в этот год — Год литературы, совпадающий с 70-летием Великой Победы в Отечественной войне.

В чем же роль русской и советской литературы и в чем ее победа на идеологическом цивилизационном фронте?

Мировое значение нашей литературы определяется лежащим в основе произведений ведущих классиков высоким духом Православия и возвращенными на его основе ценностями Святой Руси. Та же основа, сквозь идеологические шоры и соответствующую риторику, прослеживается и у ведущих писателей советской поры. Поэтому русский реализм и оказал такое влияние на прошлую и современную зарубежную литературу. Вначале это проявилось в форме интереса, в той или иной степени подражания, что самими западными исследователями определялось как «русская мода» и «русская лихорадка». Американский критик И. Уайл писал: «Ни одна другая страна

не располагает литературой, которая бы пользовалась среди американских интеллектуалов более высокой репутацией, чем русская и советская литература».

Справедливости ради следует отметить, что одновременно шло и обогащение лучшими достижениями литературы других стран, так как все диалектически взаимосвязано. На это указывал Ф. М. Достоевский: «Всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону...».

Особенность нашего критического реализма еще и в том, что он поднимает на должную духовную высоту и создает сильные художественные образы всего в жизни, стремится во всем найти смыслы и раскрыть их, вносит «...прямоту (...), искренность, удивительную для всех западных стран (...). Это одно из проявлений вашей способности, глубоко окунаясь в море опыта и переживая, самозабвенно и страстно отдаваться поискам правды... Пленяет глубокая и всеобъемлющая терпимость...».

Томас Манн говорит: «Святая русская литература, святая прежде всего в своей человечности».

Русские классики утверждали, что и «маленький человек» может обладать духовным и душевным богатством, значимостью своего внутреннего мира, и тем самым подняли страдающую, в том числе и от недостатка внешней любви, пусть и весьма несовершенную, больную душу над физическим и умственным состоянием человека. Вся классическая литература говорила о необходимости сострадания и духовно-нравственного совершенствования. Ведь в евангелии сказано: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».

Однако две мировые войны и эта третья, перманентная, которая сейчас идет в мире (Афганистан, Ирак, Югославия, Тунис, Ливия, Сирия, Украина...), и экологический кризис свидетельствуют о том, что человечество далеко от совершенства. Это состояние происходит от постоянного в течение длительного времени разрушения цивилизационных духовных и культурных ценностей. К этому приложили руку и многие, хорошо всем известные, западные философы и писатели — не к Году литературы будут они упомянуты.

Но если говорить не о человечестве все же, а о нашей родной стране, о состоянии нашего современного общества, то нужно отметить, прежде всего, создающуюся в городах — и более всего в столицах — массу беспочвенных людей, живущих в нереальном мире: у компьютера с мышкой в одной руке и чашкой кофе в другой, под приятными дуновениями офисного или домашнего кондиционера. Это люди, живущие в атмосфере превалирования не чувств, а эмоций, не разума, а фантазий, не ответственности за все происходящее с ними и вокруг них, а — наоборот. При этом они убеждены, что являются центром мироздания, что все существует для них, и все в городе, в стране и мире так должно быть устроено, чтобы только возрастал их комфорт, а вокруг — хоть потоп. А если не устроено так, как им нужно, то подлежит упразднению. Таким людям не нужна разумная эволюция — чтобы это осознать, нужно мыслить другими критериями, не «утробными», — им нужно разрушить все, чтобы создать дающее им все и сразу. Не народу чтобы было лучше, а им, чтобы прямо к клавиатуре доставляли все, в том числе и золотой унитаз. Этот ультралиберальный потребительский рефлекс очень заразителен, и если масса людей, подверженных ему, станет критической, последствия могут быть весьма плачевны.

Поэтому русские классики на протяжении веков, словно прозревая в будущее, говорили о великой ответственности за создаваемую произведениями духовную атмосферу. И их творчество, не в пример многим современным авторам, было и будет свидетельством и укором нынешним «творцам» мировых катаклизмов, цивилизации потребления и всех людей, вовлеченных ими в эти негативные процессы, и путем спасения для многих.

Следует отметить еще две основополагающие особенности великой русской и советской литературы: отношение к народу, как творящему духовные и этические ценности и хранителю их, а также идея, что человек не является личностью, пока не определил свою этическую позицию.

Итак, в чем же состоит победа нашей литературы? Она состоит в деятельном утверждении и колоссальном влиянии на мировую литературу следующих принципов. Это — органическое соединение духовного, этического и эстетического; основополагающее значение этического начала в цивилизации; главнейшая роль вечных христианских представлений о добре и зле; важность чистоты духа и опасность загрязнения духовной атмосферы Земли; безнравственный человек — враг природы и человечества; неприятные отношения к человеку как к «несложному, однозначному существу, способному разрешать встающие перед ним проблемы рациональным путем»; отрицание утверждения о том, что человек становится личностью в той степени, насколько он оторван от окружающих; неодолимость добра в душе человека; твердое убеждение, что зло, как бы мощно оно ни проявлялось, не может одержать конечную победу, ибо оно по своей сути саморазрушительно; отрицание антигуманных теорий об избранничестве, освобождении от нравственности, сострадания и любви и о вседозволенности; бесперспективность атеизма; необходимость духовно-нравственного совершенствования.

В этот год, юбилея Победы, показавшей, что наш народ не покорить и не истребить, кардинально повлиявшей на всю мировую историю и судьбы многих народов мира; в Год литературы, оказавшей неизгладимое воздействие на мировую литературу, культуру и всю цивилизацию, мы задаемся вопросом — не усоветятся ли все же банкиры всех уровней, владельцы сетевых магазинов, торговцы бензином и остальные иже с ними, не умерят ли свои «волчьи» (не хочется обижать благородного зверя) аппетиты, не прекратят ли с помощью не привязанных ни к чему и ни к кому цен истреблять наш народ, на 70 % бедный и на 40 %, находящийся за чертой бедности. Безусловно, это вопрос риторический, ибо мы наперед знаем на него ответ — нет, конечно, не усоветятся, не умерят и не прекратят. Ибо, похоже, они давно забыли, кто они родом, чьими потомками являются и кому всем — и жизнью, и имуществом — обязаны. Но и они должны знать, что если наш народ не удалось победить ни Золотой Орде, ни шведам и тевтонским рыцарям, ни полякам с турками, ни Наполеону с Гитлером, с двенадцатязычными их армиями и «железной» германской машине как таковой, то не победит его и это «нашествие» цен и его творцы. Будем надеяться! Ибо нами, как и всеми победителями в русской истории, как и великой русской литературой, движет Вера, Надежда и Любовь. В отличие от тех, кто своими действиями отрекся от своего народа.

И тому в помощь нам прп. Андрей Рублев, чью 655-летнюю годовщину со д.р. мы отмечаем в этом году, и Троице-Сергиева Лавра, которой исполняется 465 лет.

В настоящее время мощь армии ничего не решает, если утерян суверенитет — тому пример страны Западной Европы. А подлинная независимость определяется тем, чья идеология — как бы она при этом не называлась, хоть и «отсутствием идеологии» — работает на территории страны, что нам со всей ясностью показала современная Украина. Поэтому у России нет более эффективной идеологии, чем ее традиционные ценности и общенациональная культура, придающие стране непобедимую идентичность, и являющиеся ее, поистине, непробиваемой броней. Только к этой защите необходимо относиться гораздо более серьезно, чем это делается в настоящее время.

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

Родился в 1964 году в городе Красноярск-26. Окончил школу в г. Осиповичи, МАИ в 1987 году, литературной деятельностью занимаюсь с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви», секретарь секции критики.

ВВЕРХ ПО СВИСЛОЧИ

Стою с велосипедом перед школой в Тальке, отмахиваюсь от комаров, жду своих попутчиков. Еще неделю назад мы договаривались с Н. В. Ильинич, учительницей и руководителем кружка краеведения провести поход вверх по Свислочи: Талька — Теребуты — Орешковичи — Блужский Бор — Болочанка. Наша цель — найти и, по возможности, обследовать археологические памятники, которых, судя по литературе, в этой местности немало. Вообще памятники у нас, как говорят киношники, «уходящая натура». Прочтешь в каком-нибудь «Зборы помнікаў» о чем-то, пойдешь на место и узнаешь: то снесли, это раскопали, там разрушили. Большинство всех «Збораў» и «Археологических карт» уже в значительной мере обесценены, так как не несут достоверной информации.

Светит солнышко, однако день прохладный: уже не первый год природа отыгрывается за теплые зимы летними похолоданиями. Жду-пожду.

Первой появляется учительница с дочкой, за ней по одному — парочка заспанных юных краеведов: вчера была обычная субботняя дискотека, дотанцевались. Выясняется, что больше никого не будет. В путь!

За пыльным, продуваемым ветром переездом сворачиваем направо: где-то там, ближе к берегу Тали, есть курганы. Школьным краеведам все это хорошо известно, они для меня — гиды.

От тальковских курганов остался неприметный холмик на одном из огородов. Едем дальше. На полпути к Теребутам еще одна остановка, еще один курган слева от дороги.

Местность называется зоной отдыха. В лесу то здесь, то там мелькают заборчики детского лагеря. На чистом месте, над старыми, как бы присыпанными пылью хатами деревни Теребуты высится красивый издали корпус какого-то санатория. Сворачиваем направо.

Оказывается, комплекс для отдыхающих построен как раз на площадке городища Теребуты. Все место выровнено бульдозером и засыпано мелким шлаком из котельной. От городища осталась только часть западного вала. Минут 40 тратим в тщетных попытках найти хоть какой-нибудь черепок. «У 80-я гады на прыгожым высокім беразе Свіслачы на гарадзішчы была пабудавана турбаза «Ветразь». Хто будаваў, хто

даваў дазвол на разбурэнне археалагічнага помніка—невукі ці злачынцы? За гэтыя гады некалькі разоў памяняліся гаспадары будыніны, ды ніхто не можа даць ей рады: нерэнтабельнай аказалася гэтая установа. Сення тут лячэбніца для алкаголікаў і наркаманаў. Ці надоуга? А можа, лес гэтага будынка есць нам знак ад продкаў: разбураючы памяць, не створыш нічога вартага, як не пніся», — Н. В. Ильнич, «Талька і наваколлі».

Вновь возвращаемся на шоссе. Перекатываемся по мосту через Свислочь, здесь уже деревня Орешковичи. На развилке улиц еще одна остановка: здесь живет девочка, активистка краеведческого кружка, надо и ее взять с собой.

Постояли, подождали, а потом — поехали себе восвояси: девочка так затанцевалась на вчерашней дискотеке, что не могла встать. За селом дорога превращается в пыльный проселок. Миновали деревеньку Леоновку. Въехали в лес.

К сожалению, весь наш краеведческий улов на левом берегу Свислочи до сих пор — это одно название лесного урочища — «Купалы». Поскольку зацепиться больше не за что, на ходу обсуждаем с тальковскими краеведами возможные варианты происхождения этого названия. На подъезде к Блужскому Бору согласно «Археологической карте» должна быть курганная группа и городище. Лес становится реже, уже идут небольшие поля, пора спешиваться, пускаться на поиски.

Странно. Памятников нет. Юные краеведы по пояс мокрые от невысохшей росы, обувь облеплена рыхлой и влажной землей. На поле вроде бы растет свекла, но что-бы об этом догадаться, надо хорошо всматриваться, настолько оно заросло сорняками. Мне-то хорошо, я в сапогах.

После небольшого совещания решаем ехать в деревню, спросить у тамошних жителей.

В первом дворе слева от дороги, за высоким забором стучат топоры, лают собаки. За углом забора стоят две иномарки. Плохой признак: это значит, что здесь живут какие-нибудь дачники, которые, конечно же, ничего не знают. Надо бы пойти поискать кого-то еще, да слишком уж призывен шум за высоким забором и слишком безжизнен пейзаж вокруг. А может быть, мы просто устали. Стучим в калитку.

Двор на самом деле принадлежит дачнику, но зато у него работают два мужика из деревни (это они стучали топорами). Выясняется, что курган на поле действительно был, «курган и памятник» (какой еще памятник?), но насыпь разровняли бульдозером по указке колхозного бригадира, «а памятник стоит — вы посмотрите, мы его под дерево перенесли, вы не сомневайтесь, он целый!» Оказывается, во времена колхозного строя наши собеседники были механизаторами и лично боролись за высокие урожаи с исторических полей.

Недалеко от кургана когда-то видели и кольцевой вал в лесу, ближе к реке.

Спрашиваем: есть ли в деревне старые люди, которые могли бы что-нибудь рассказать о прошлом здешних мест? Нам отвечают, что на другом конце Блужского Бора живет старая баба Соня, которая родилась и всю жизнь прожила в этой деревне, кроме нее разговаривать больше здесь не с кем.

После краткого обсуждения услышанного решаем вернуться, найти-таки городище и узнать — что это за памятник, который можно носить туда-сюда. Теперь, свернув на поле, не разбредаемся по бурьянам и крапивам, а дружно идем к ближайшему из растущих там дубов. Действительно, к стволу прислонена широкая доска, на которой надпись о том, что перед нами — курганная группа, памятник истории, охраняется государством. И смех, и грех.

Теперь идем искать городище. Выходим к реке и цепочкой двигаемся вдоль берега. Натыкаемся на холмик с плоско срезанной вершиной, пытаемся поковырять его тяпкой. Ничего не находим, но замечаем, что цвет земли сверху небольшого плато

намного темнее, чем обыкновенная подзолистая почва рядом в лесу. Опять небольшой совет. Решение — пройти дальше вниз по течению, принятое не без некоторых колебаний.

Еще метров сто вдоль берега — и вот оно, краеведческое счастье. Два неглубоких ровика, два невысоких валика, площадка в виде полумесяца, посередине — довольно большая яма. Культурный слой есть, но очень тонкий, много обыкновенного строительного мусора последних десятилетий. Нашли несколько маленьких черепков культуры штрихованной керамики, обмеряли и зарисовали городище. Река, по-видимому, долго размывала площадку, из-за того и тонок культурный слой (постройки на городищах «штриховиков» располагались, как правило, по краю площадки, сейчас, стало быть, сохранился только центр). Потом, уже вернувшись в Блужский Бор, выяснили, как появилась яма на городище: во время войны там вырыли землянку, в которой крестьяне прятали всякие припасы для партизан, чтобы те не ходили за ними в деревню. Строительный мусор на городище — тоже, надо полагать, результат постройки, а затем — и разрушения землянки.

Возвращаемся в деревню. За большим двором с собаками и иномарками, где мы спрашивали дорогу — обширный пустырь, заросли вишенника, несколько заколоченных домов. Попадаются и обжитые хаты с разноцветными машинами перед воротами. Видимо, хозяева их бывают здесь наездами на выходные. Опять заколоченные дома, заросшие бурьяном дворы.

Подходим наконец ко двору бабушки Софьи.

Наталья Ильинич пошла в хату. Я и юные краеведы рассаживаемся на лавочке перед калиткой.

Женщины приходят, учительница заводит разговор об общих знакомых, об огородных делах, о большой липе, что растет во дворе. Липу, оказывается, посадил отец нашей собеседницы, когда она родилась. А теперь и хозяйка старая, и липа — тоже. Живет она с сыном, сын работал в Пуховичах шофером, а теперь — безработный.

При этих словах появляется и сам сынок. Это высокий поджарый розовощекий блондин лет эдак за сорок с пшеничными усами, в джинсах и ковбойке. То ли киношный шериф из Техаса, то ли белорусский Яська. Только этот шериф не побивает всяких плохих парней, этот Яська не косит «канюшину». Согнувшись и вытянув шею по-журавлиному, он с дурашливой улыбкой рассматривает всех, сидящих на низенькой скамейке. Яська пьян, ему весело. Смутившаяся мать требует от него сделать что-то по дому. Яська выпрямляется, засовывает руки в карманы, уходит.

Снова течет тягучий женский разговор. Я смотрю в небо, мне неинтересно. Уже понятно, что кроме известного нам названия «Купалы» бабушка ничего не знает. Вся история для нее, как для многих белорусов старшего возраста — это история минувшей войны. Постепенно отдельные, не связанные друг с другом фразы превращаются в последовательный рассказ. Ну что ж, война — значит война. Я начинаю слушать и понемногу записывать.

РАССКАЗ СОФЬИ ПАВЛОВНЫ ЯСКЕВИЧ

Вся эта часть Пуховичского района, удаленная от больших дорог, была партизанской. Партизаны часто появлялись в деревне, ели, отсыпались, собирали дань и уходили.

Утром 2 мая 1942 года в Блужский Бор пришли каратели. Из-за того, что их вел какой-то мужик из местных (старуха не сказала кто), немцев никто не заметил. Кроме того, немцы были не на машинах, как это обычно бывало, а шли пешком. Среди их отряда были подводы.

Крик «Немцы!» раздался уже тогда, когда каратели подходили к деревне.

Как раз в это время в одной из крайних хат ночевали два партизана. Их разбудили, они кинулись бежать к лесу. Лес в то время был далеко от деревни, это сейчас она, а фактически — ее остатки стоят почти в лесу. Каратели заметили бегущих, начали стрелять, убили обоих — сначала одного, а потом — второго.

Затем немцы вошли в деревню, окружили дом, из которого побежали партизаны, перебили там всех, а дом подожгли. Подожгли и дома соседей. Потом окружили всю деревню и начали сгонять людей к горящим домам.

На том конце села, что ближе к Орешковичам, жили потомки шляхты с польскими фамилиями. В одной из этих хат проживал какой-то местный авторитет с двумя уже большими дочками-паненками. Обе дочери учились в институтах до войны, но закончить не успели. При первых выстрелах паненки хотели бежать в лес, однако отец приказал им прятаться в землянку, которую он вырыл во дворе. Туда же спрятались и соседка — деревенская учительница с маленьким сыном.

Немцы быстро нашли в пустом дворе землянку, открыли лаз и стали кричать: «Вылезай!» Вылез сперва отец и начал им по-польски объяснять, что здесь гражданские люди. Немцев объяснение не убедило, они зарезали авторитета тесаком, а в землянку кинули гранату. Взрывом убило маленького сына учительницы, одну паненку ранило в бедро, другой оторвало обе ступни. Немцы выволокли двух женщин из землянки и погнали в общую толпу. Учительница шла с мертвым ребенком на руках. Вторая зажимала юбкой рану. Безногая паненка после того, как немцы ушли, вылезла из землянки и заползла домой, заливая кровью все вокруг. Ей удалось выжить.

Толпу людей перед горящими домами каратели держали с поднятыми руками несколько часов. Перед людьми установили три пулемета. «Один большой, похожий на «Максима», а два маленьких», — вспоминает рассказчица. Она тоже стояла, как все. Одна маленькая девочка устала стоять подняв руки и опустила их. Подошел немец и убил девочку прикладом. В деревне дико ревели скотина.

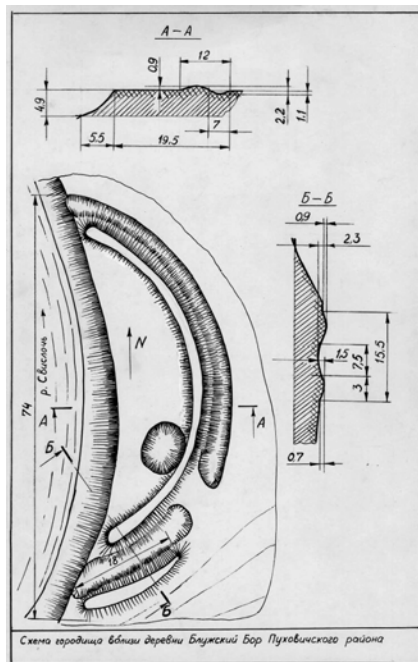
Все это время немцы грабили пустые хаты, наполняли свои подводы. Потом вывели из толпы всех мужиков — от мальчиков до стариков, построили и погнали перед собой в Лапичи.

Пулеметы убрали, бабы разбежались по хатам.

Один какой-то немец нагрузил чей-то велосипед пилами и топорами с крестьянских дворов. Старуха до сих пор недоумевает — зачем ему столько пил и топоров? Он поджег дом старой бабы, которая была соседкой рассказчицы, перешел с громыхающим от навешенного железа велосипедом через улицу и там поджег еще один дом. Все это время бабы кричали ему из-за заборов: уходи, уходи, видишь: твои уже уходят!

Пока немец таскался с велосипедом, пилами и топорами, той бабе, чью хату он поджег первой, удалось затушить огонь. Тогда немец вернулся, еще раз поджег ее дом и только потом пошел догонять свой обоз.

Мужиков из Блужского Бора немцы два дня продержали в Лапичах в амбаре, пока

один из местных полицейских не написал ружейное свидетельство, что среди этих людей нет тех, кто связан с партизанами. Тогда часть захваченных отпустили домой, а оставшихся угнали в Германию. Рассказчице не повезло: ее отца угнали в Германию, где он и умер. Сама старуха, а тогда еще тринадцатилетняя девочка, осталась жить с мачехой. Мачехина сестра работала в Тальке на станции и потихоньку там воровала непонятно, каким промыслом оказавшийся на складе лавровый лист. Девочка Соня должна была перетаскивать добычу в свою деревню, где они с мачехой фасовали ее в пакетики и кулечки. Потом, груженная пакетиками, Соня топала на базар в Пуховичи и обменивала их у тамошних немцев на соль. Соль у мачехи по ночам забирали партизаны.

Старуха, рассказав это, искательно улыбается: вы люди городские, все знаете, что и как — нельзя ли там, в городе, узнать — может, мне пенсию добавляют? Ведь добавляют же некоторым, кто партизанам помогал.

Ну что ж, может быть, эта статья в чем-то поможет вам, Софья Павловна и будет маленьким памятником тем, кто был убит в деревне Блужский Бор.

БОЙ ЗА ОДЕРом, ИЛИ ЕЩЕ ОБ «ОКОПНОЙ ПРАВДЕ» ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

9 мая 2006 года ушел из жизни ветеран Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Осиповичи Алексей Федорович Живов. В марте 2006 года Алексей Федорович передал автору этих строк свой архив. На основании документов ветерана, его записей и устных воспоминаний мною подготовлен очерк, который я посвящаю памяти А. Ф. Живова и всех, кто отдал свои жизни за ту великую победу.

1. Подготовка атаки

19 января 1945 года в составе наступающих советских частей 124-й отдельный Любанский танковый полк под командованием полковника Киселева перешел границу Германии, а 23 января, пройдя с боями пятьдесят километров, танкисты вышли к реке Одер. Экипажи уже знали, что передовые подразделения захватили на западном берегу реки плацдарм, и их полку предстоит прорыв обороны немцев с этого плацдарма. Однако из-за больших потерь полк был небоеспособен. Ночью 24 января танкисты получили приказ выйти из боя и сосредоточиться в городе Бернштадт для восстановления материальной части и пополнения. Самостоятельно в Бернштадт приехали только четыре танка, из них лишь один совсем не имел повреждений.

В течение недели ремонтные подразделения свозили в город оставленные по дороге подорванные на минах и подбитые артиллерийским огнем машины, и к 7-му февраля в полку насчитывалось уже 11 полностью боеспособных танков (то есть одна полноценная рота плюс командирский танк). Экипажи также получили пополнения. В ночь на 7/8 февраля полк совершил еще один марш к городу Валау, где была только что построена переправа через Одер.

С рассветом на мост двинулась 2-я рота под командованием капитана Юрченко (она считалась самой боеспособной, так как понесла наименьшие потери в людях, именно ей и отдали восстановленную матчасть). Однако противник очень быстро обнаружил переправу, и даже головному танку ротного пришлось идти через реку под сплошным обстрелом. За командирским танком на плацдарм переправился взвод старшего лейтенанта Живова. За последней машиной этого взвода произошло попадание по настилу моста, движение взводов старшего лейтенанта Рыбина и старшего лейтенанта Гончарова было остановлено. С берега к разбитым участкам моста бегом бросились саперы, а танки отошли в лесок, чтобы не быть мишенью для немецких артиллеристов.

Вскоре настил был отремонтирован, комендант моста просигналил флажками «Заводи!»

Танки вновь пошли на плацдарм. Капитан вывел свою роту в лес примерно в 2-х километрах от передовых окопов. Экипажи получили приказ копать капониры, а командиры роты и взводов были собраны на НП передового стрелкового батальона для рекогносцировки переднего края противника. Там их встретили «Батя» — полковник Киселев и помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант Фортальнов. Вместе с пехотными командирами офицеры-танкисты наметили ориентиры и колонные пути выхода танков к переднему краю обороны, проходы через окопы советской пехоты, по возможности, изучили оборону противника и расположение его огневых точек. Затем командиры танковых взводов вернулись к своим экипажам. Противник вел плотный огонь по плацдарму, поэтому перемещаться по нему можно было только по-пластунски или короткими перебежками.

Правее сосредоточения полка был укрепленный пункт немцев — деревня Юртч. Танкистам была поставлена задача: совместно с пехотой (части 12393 пехотного полка и 373 пехотной дивизии) прорвать оборону в районе деревни и в дальнейшем наступать на деревню Зигендорф. Вторая рота в составе 7 танков (взвод Живова и взвод Гончарова плюс командирская машина) и представляла собой ударную группу. Третий взвод старшего лейтенанта Рыбина командир полка оставил в резерве.

«Надо сказать,— вспоминал через много лет Алексей Федорович Живов,— что экипажи у нас были бывалые, опытные, обстрелянные, что называется — сколоченные». В перерывах между боями они постоянно тренировались на устранение неисправностей, могущих случиться в бою. Полковник Киселев и непосредственный командир капитан Юрченко всячески поддерживали, например, соревнования между экипажами — кто быстрее разберет и соберет пулемет или затвор пушки. Соревновались (даже и с завязанными глазами) и командиры танков, и командиры орудий, и заряжающие. В победителях чаще всего оказывались старший лейтенант Петр Гончаров и командир орудия старший сержант Петр Котлов из экипажа Юрченко. Да и в остальном Гончаров и Котлов были примером для прочих танкистов»,— заключает Алексей Федорович.

Оставшуюся часть дня экипажи провели в подготовке к предстоящему прорыву. Так, в танке Живова командир орудия Шишкин (он был старший в экипаже, все его называли Егор Иванович) много раз осматривал и проверял приводы поворота башни и подъема орудия, клеммы и крепление проводов электроспуска пушки, регулировку тросов механического спуска пушки и спаренного пулемета.

Механик-водитель сержант Бутенко занимался осмотром тяг управления (все ли шплинты в наличии), проверял переключение скоростей, электропроводку от аккумуляторов. Заряжающий сержант Погудин укладывал снаряды так, чтобы их ловчее было брать при зарядании, протирал снаряды от ненужной теперь смазки (а иначе масло может пригореть при выстреле, и тогда гильзу не выбросит из ствола — придется применять экстрактор). Точно так же чистились, смазывались, подтягивали гайки и контровку и другие экипажи. К вечеру ротный зампотех старший лейтенант Седун и механик-регулировщик Евдокимов принимали каждую машину на готовность к бою.

Сами танкисты тоже почистились, побрились и даже подшили свежие подворотнички.

Рано утром ротный старшина поднял экипажи и начал раздачу завтрака.

Надо сказать, что пищу от каждого танка было принято получать двум человекам — только у них были для этого котелки. Ели танкисты по двое из одного котелка. В экипаже Живова котелками заведовали Шишкин и Бутенко, командир ел с Шишкиным, а механик-водитель — с заряжающим. Как всегда перед боем, на этот

раз была выдана усиленная порция (овсяная каша с мясом), да еще и заряжающему старшина выдал сухой паек.

Автор этих строк в разговоре с А. Ф. Живовым поинтересовался, как ветеран оценивает кормежку бойцов. В 124-м танковом полку еды было вдоволь (за исключением времени пребывания на Ленинградском фронте зимой 1941—42 гг. — там голодали все), и она была, по возможности, разнообразной. Командир Киселев лично следил за питанием подчиненных, и повара были опытные и старательные. Во всяком случае, непрменный персонаж солдатского фольклора, кашу под названием «шрапнель» ветеран не припоминает.

...Заряжающий за завтраком выглядел хмуро. Командир орудия (который Егор Иванович) посмотрел на него и говорит: «Что задумался, Володя, черпай со дна, где гуще, неизвестно еще, когда Шимчук (это старшина) нам горяченького привезет! Эх, неплохо было бы нам пообедать из кухни Гудериана!» — «Я бы согласился не обедать, но только бы поужинать там,» — улыбнулся Владимир Погудин.

Молодой взводный Живов посмотрел на своих подчиненных: танкисты шутят перед атакой — значит, будут работать как надо.

2. Атака

Позавтракав, экипаж начал укладывать по местам амуницию. В это время к капониру прибежал ротный связной Попов: «Товарищ старший лейтенант, вас вызывает к себе командир роты!» Живов побежал к укрытию Юрченко. Там уже был и Петр Гончаров.

Ротный уточнил задачу: «Первый взвод Живова атакует левее опорного пункта Юртча, еще левее атакует взвод Гончарова. Я иду между взводами, в 100 метрах сзади. За Юртч в бой не ввязываться, старайтесь обойти его слева, выйти на опушку леса и перерезать дорогу Лившиц — Гайнау, дальше идти на Гайнау, имея локтевую связь между взводами. Радиосвязь непрерывно поддерживать со мной и с командиром полка, от пехоты не отрываться. Понятно? Вопросы есть? Нет? По местам!»

Взводные побежали к своим танкистам, на ходу крича: «По машинам!»

Только успели залезть в танки, как началась артподготовка. Включили шлемофоны на прием. Через треск услышали: «Орион-1, Орион-2, я — Орион, заводи!» Все командиры танков были на приеме и слышали команду ротного. Танки завелись разом.

Шла канонада, били орудия и минометы, «играли» «Катюши», над головами летели штурмовики. Разговаривать можно было только по радио. По команде взводные вышли из капониров и повели своих подчиненных на исходную позицию. Рота строилась в боевой порядок.

При рекогносцировке командиры разных родов войск решили, что танкисты пойдут в бой за 10 минут до окончания артподготовки. За это время они, по расчетам, успевали пройти сквозь боевые порядки своей пехоты и подойти к траншеям немцев так, чтобы у противника оставалось, по возможности, меньше времени для организации противодействия после окончания советской артподготовки. Пехота должна была обозначить проходы для танков поднятыми на стволы автоматов касками, а затем — следовать за ними. Взводный Живов должен был везти на броне своего танка двух человек из полковой роты разведки — для наводки и целеуказания. Еще двух разведчиков вез на броне ротный.

...День был оттепельный, пасмурный. Снег с поля стоял, земля отмерзла (правда, неглубоко), превратившись в липкую кашу. Весь экипаж танка Живова прильнул к перископам, рассматривая поле будущего боя. По-видимому, то же самое было и в других танках.

Наконец, в наушниках танкошлемов услышали голос Бати: «Орионы, я Юпитер!»

Заводи! Вперед! Бей фашистских гадов!» Люки в танках закрылись на защелки, взревели моторы, машины пошли в атаку. Вот приближаются траншеи своей пехоты. Командир Живов переключился на внутреннюю связь, кричит: «Бутенко, видишь? Подняты две каски! Не промахнись!» Водитель отвечает: «Вижу! Понял!» Бутенко сбросил газ, танк ткнулся передними катками в противоположную стенку траншеи, клюнул носом, затем вздыбился на бруствер, перевалился, вышел на поле. В перископ видно, что пехота поднялась из траншей. Механик-водитель поддал газу. Над вражеским передним краем стеной поднимался дым — видимо, поработали «Катюши». Наконец артиллерия перенесла огонь вглубь позиций немцев. До окопов противника — метров 100. Как с советской, так и с немецкой стороны полетели ракеты наводчиков, обозначая цели для стрельбы. Немцы открыли огонь из дзотов и окопов. Начала работу вражеская артиллерия. Живов в ответ с ходу ударил из пушки и из пулемета. В перископ было видно, как во вражеском окопе заметались каски. Тут в пулемете кончился диск.

Живов: — Пулемет заряжай!

В это время заряжающий уже разобрался с пушкой и вставлял новый диск в пулемет. Чтобы не терять ни секунды, командир ударил по окопу из пушки. Снаряд лег прямо в траншею.

Шишкин: — А, гады, попались! Нашего сала захотели! Погудин: — Пулемет готов!

Командир ударил из пулемета, однако на этот раз не так удачно — танк качается на ходу, очередь легла с недолетом. Водитель Бутенко сбросил газ, давая возможность старшему лейтенанту прицельиться. Командир орудия комментировал стрельбу: «Давай-давай! Хорош! Еще!» Бутенко сделал короткую остановку, а затем повел танк через траншею. Стрелять нельзя, командир взялся за наблюдение.

Слева от него шли танки взвода Гончарова: ближний — лейтенанта Кирюхина, за ним — взводного, дальний — младшего лейтенанта Григорьева. Они так же вели огонь, а затем перевалили через траншею. Танки своих подчиненных, лейтенанта Огаркова и младшего лейтенанта Ефремова, Живов увидел позади себя, они притормозили перед насыпью дороги. Метрах в ста за танками бежала пехота.

Танк вышел на ровное место. Здесь — не зевай, всюю приходится работать механизмами подъема — поворота. Перед взором перископа мелькают каски бегущих немцев. Командир непрерывно бьет из пулемета, ему вторит заряжающий из нижней стрелковой точки.

Вскочили в перелесок. Артиллеристы противника потеряли танк из виду, ведут уже не прицельный огонь, а по площади. Дальше одному идти опасно, могут подкараулить фаустники. Живов скомандовал остановиться. По радио запросил подчиненных. Первым ответил лейтенант Огарков: «Веду бой, подошли к насыпи дороги, ожидаем пехоту!» За тем отозвался Ефремов. За леском, в котором остановился танк Живова, было поле, справа — лес, слева — укрепленный пункт немцев Лившиц. Туда бегут отступающие немцы из траншей.

Сзади подъехал танк капитана Юрченко и все три танка взвода Гончарова. С танка командира роты скатились разведчики. Ротный высунулся из люка, наблюдает в бинокль, затем командует по радио: «Живов! Видишь впереди дорогу, идет на Лившиц, а в конце деревни идет дорога на Гайнау? Справа — канава. Пойдешь вдоль канавы, выйдешь на противоположную окраину деревни, и отрежь путь отхода из Лившица. Стань в засаду, стреляй с коротких дистанций. Понял?» — «Понял!» Живов включил ТПУ (танковое переговорное устройство), уточнил, поняли ли задачу подчиненные, а затем: «Заводи! Вперед!» Танк качнулся, покотил по перелеску вдоль канавы. В одном месте канава разлилась, чтобы нечаянно не провалиться, пришлось

обходить по открытому месту. Все внимание экипажа приковала к себе деревня Лившиц, башню заранее повернули на деревню. Вот опять бегут из окопов немцы.

Бутенко: — Погудин! Немцы! Огонь!

Заработал пулемет заряжающего.

У деревни — стог сена.

Шишкин: — Товарищ командир! За стогом пушка с прислугой, вправо 10, дистанция 500!

Живов: — Вижу! Осколочным заряжай!

Командир установил нить прицела на 500 метров, стал подъемно-поворотным механизмом ловить цель на угольник. Выстрел с ходу. В перископе видно облако разрыва, которое закрыло цель. Значит — недолет. Дым отнесло ветром, тут же выстрелила пушка. Ее снаряд лег левее танка, по броне ударили осколки. Началась дуэль.

Шишкин: — Осколочный готово!

Живов: — Короткая!

Водитель остановил танк. Командир опять крутит рукоятки. Выстрел. Бутенко тут же дал полный ход. В прицел видно, что пушка опрокинута. Шишкин:

— Есть! Гитлер капут!

Стог горит. Немцы из орудийного расчета бегут к деревне. Танк идет мимо, приближаться к стогу нельзя, там может остаться фаустник. Командир издали бьет по немцам из пулемета. Внезапно пулемет замолчал.

Живов: — Пулемет заряжай!

Погудин: — Пулемет готов!

Живов: — Пулемет не работает! Смотри неисправность! Пушку осколочным заряжай!

Шишкин: — Влево 20, на чердаке пулемет!

С крыши одного из домов мерцает огонек, похожий на сварку, трассирующие пули летят по наступающей советской пехоте.

Живов: — Вижу! Бутенко, короткая!

Выстрел!

С чердака полетели доски, вспышки огня прекратились. Бутенко сразу рванул передачу на полную скорость.

Между домами мелькнула машина с пушкой на прицепе. Живов: — Осколочным заряжай!

Ответа нет. Заклинило гильзу в пушке, заряжающий пытается открыть затвор. Немецкая машина с пушкой может уйти. Погудин ковыряет в казеннике экстрактором. Шишкин перелез к заряжающему, стал разбираться с пулеметом.

Шишкин: — Пулемет готов!

Живов стал искать просвет между домами, где должна появиться машина. «Бутенко, короткая!» Танк встал. Живов ударил из пулемета с упреждением и увидел в прицел, как автомобиль налетел на очередь. Из кузова попрыгал расчет. Еще одна очередь.

Шишкин: — Осколочный готово!

Живов: — Молодцы!

Командир ударил из пушки. Попадание!

Живов: — Хорошо! Вперед!

По радио запросил Юрченко и Гончарова. Они не ответили. Между тем танк, клюнув носом, рванул вперед. Оставаться на открытом месте опасно. Водитель снова взял вправо, в лесок, затем развернулся лицом к деревне. Хорошо видна дорога Лившиц — Гайнау.

...И Юрченко, и Гончаров в это время, скорее всего, были уже мертвы. Капитан,

когда отдавал свой последний приказ, рассчитывал, вероятно, на то, что с противоположной стороны к Лившицу подходят танки корпуса генерала Корчагина (они тоже в этот день вели бои по прорыву обороны противника с плацдарма). Значит, пушки немцев будут развернуты на правый фланг, и есть возможность внезапного удара четырех танков в тыл немецкой обороны. Для этого нужно только проскочить открытый участок примерно в 800 метров. Надо сказать, что капитан, судя по журналу боевых действий полка, уже использовал такой тактический прием около года назад, во время окончательного изгнания немцев из-под Ленинграда, и использовал с успехом.

Однако теперь, едва выйдя из леса, Юрченко и взвод Гончарова попали под огонь противотанковой батареи. Капитан доложил об этом командиру полка. Экипажу танка удалось подбить одно орудие, после чего все оставшиеся немецкие пушки перенесли огонь на танк ротного. Двумя последующими выстрелами танкисты уничтожили еще две пушки. Однако и сами получили попадание. Это случилось как раз посередине поля. Водитель Слепов и командир танка были ранены. Горящий танк пока двигался, Юрченко удалось подбить еще одну пушку.

Второе попадание немецкого снаряда заклинило башню. Теперь осталось одно — покинуть танк. Экипаж вместе с двумя разведчиками под прикрытием дыма от горячей машины бросился к единственному на этом поле укрытию — канаве. Немецкие артиллеристы перенесли огонь на танки Гончарова.

Некоторое время танкисты потратили на то, чтобы перевязать Юрченко и Слепова, а затем обнаружили, что атакованы немецкой пехотой. Видя безвыходность положения, капитан сам поднял своих подчиненных в атаку...

...Экипаж Живова немного отдышался. Немцы опять потеряли их танк из виду. Водитель заглушил мотор. Командир поднял люк. У всех внутри началось легкое головокружение от свежего воздуха.

Два полковых разведчика так и ехали на танке, прикрываясь башней. Старший лейтенант приказал им залечь метрах в 20 позади танка, прикрывая тыл, а сам стал осматривать местность. Экипаж в это время готовился продолжать бой. Живов решил доложить о выполнении задачи. Однако Юрченко не отвечал. Вызвал Гончарова — тоже молчание. Связался с полковником Киселевым. Ответил радист. Взводный доложил свои координаты. Ответ: «Будьте на связи».

Через минуту на связь вышел комполка. «Тебя понял, стой на месте, береги снаряды, бей наверняка. Где Юрченко и Гончаров? Почему не отвечают?» — «Юрченко и Гончарова не вижу, связи с ними нет».

В это время Шишкин толкнул командира: «Товарищ старший лейтенант! Между домами проскочила машина!» Живов повернул башню. В прицел виден грузовик с прицепом, на котором миномет.

Живов: — Осколочным без колпачка заряжай! Погудин: — Готово!

Выстрел. Снаряд не долетел метров 50. Снова прицеливание. Живов: — Пушку заряжай! Погудин: — Готово!

Выстрел. Снаряд попал под прицеп. Машина остановилась. Сидевшие в ней немцы побежали в деревню. Живов ударил из пулемета.

Погудин: — Еще одному миномету и двум немцам капут!

Теперь надо уходить. Механик-водитель по приказу командира сдает назад и укрывается среди сосен. Разведчики при этом спешно залазят на танк, боясь, что о них забудут. В это время из деревни начинается обстрел того места, где танк стоял еще полминуты назад. Пехотинцы спрятались под днище. Немцы повели беглый огонь. Два или три снаряда упали вблизи танка. Экипаж успел засечь одну из стрелявших пушек.

Обстрел закончился. Погудин открыл люк в днище, кричит разведчикам: «Це-

лы?» Один из них, по фамилии Слуквин, отвечает: «Власов ранен в ногу, дайте бинт!» Погудин ныряет в десантный люк.

Рана у Власова небольшая. Осколок пробил сапог и ватные штаны, повредил мягкие ткани. Сильно идет кровь.

Решили затащить Власова внутрь танка. Командир пока взял с погона башни приготовленную еще вчера самокрутку, закурил, пуская дым в люк. Заряжающий, проталкивая раненного снизу внутрь танка, сам остался на улице и теперь через командирский люк полез на свое место.

Шишкин попросил товарища старшего лейтенанта докурить бычок. Живов отдал — не жалко. Окурок был маленький, и командир орудия пошутил: «На, кум, докури, а то губы печет!» Все засмеялись. «Экипаж духом не падает», — подумал молодой командир.

Потихоньку темнело. Стрельба несколько стихла, из сплошного грохота стали слышны отдельные выстрелы. Ни советской пехоты, ни танков не видно. Скорее всего, немцы на этот раз смогли остановить порыв наступающих. Живов запросил по радио подчиненных Огаркова и Ефремова. Получил ответ: «Ведем огонь с места. Находимся в квадрате 125/827. Пехота залегла. Противник ведет фронтальный и фланговый огонь. Впереди лес и болото».

Затем командир взвода связался с полковником Киселевым. «Стою в засаде, дороге держу под прицелом, движения по дороге нет». В ответ комполка приказал стоять на месте.

В это время заряжающий доложил, что на дороге — легковая машина. Шишкин попросил: «Товарищ старший лейтенант, дайте, я ее!» Живов встал в командирскую башенку, Шишкин занял его место. К машине полетела очередь трассирующих пуль. Автомобиль опрокинулся «Молодец, Шишкин!»

3. Отступление

В это время по внешней связи слышно: «Орион-2, Орион-2! Как слышишь, Орион?» — «Я Орион-2, слышу вас!» — «Я Юпитер (Ковалев). Прибыть в квадрат 127/829. Обрати внимание на деревню. Наши предупреждены. Как понял? Прием!» — «Понял. Выполняю».

Судя по карте, комполка приказал вернуться на позицию, откуда началась атака. Поговорив с экипажем, Живов решил обойти разлив канавы по лесу, пока еще светло, а затем рвануть через поле. Погудин приготовил ракетницу с зеленой ракетой. Разведчик Слуквин спрятался за башней танка. Поехали.

Лужу при канаве обошли относительно спокойно. Вышли на край леска. Приготовились: развернули башню на деревню, вставили диски в пулеметы, раскрыли затвор пушки. На краю деревни увидели две «тридцатьчетверки» с опущенными стволами. Неужели это танки взвода Гончарова? А что с экипажами?

Край леска приходился примерно напротив середины деревни. Проехали несколько десятков метров — и взволнованный крик Шишкина: «Командир, пушку вправо, смотрите, выкатывают орудие!» Погудин без команды докладывает: «Осколочным готово!» Танк идет, цель прыгает, никак не поймать. Живов, чертыхаясь, крутит рукоятки наводки. Выстрел — мимо, снаряд попал в стоящий рядом сарай. Заряжающий тут же дослал второй. Выстрел!

Второй снаряд лег совсем рядом с пушкой. В прицел видно, как попадали артиллеристы из расчета. Однако танк уже засекали, по нему начали стрелять с трех направлений. Живов успел найти еще одну пушку. Один выстрел — мимо, недолет, второй выстрел — мимо...

В эту секунду послышался звук, похожий на сильный щелчок. Все заволочло каким-то туманом, сознание уплыло. Командира приподняло, затем шлепнуло на место, ноги соскочили с педальей ножного спуска.

Когда Живов очнулся, танк медленно ехал вперед. В башне плавал густой дым. Посмотрел вниз — механик, пытаясь поддать газу, дергает по колено оторванной ногой. В это время очнулся Шишкин и сразу же полез вниз, стал стаскивать Бутенко с места. Внизу тесно (там еще и разведчик Власов, он сидит, будто окаменев). Шишкин кричит Власову: «Что смотришь, помоги!» Лицо разведчика посечено мелкими осколками и залито кровью, он не видит. Тогда вниз спустился заряжающий Погудин. Вдвоем с Шишкиным они перетаскивают раненого Бутенко в башню. Шишкин занял место водителя. В это мгновение Живов увидел, как немецкая пушка выстрелила еще раз. Снаряд медленно пронесло над танком, он разорвался где-то в лесу.

Танк остановился. Живов смог поймать пушку в прицел. Выстрел! Снаряд лег рядом с целью. Все — про эту пушку можно забыть, хотя бы на время.

Но обстрел продолжается. Где-то еще есть орудия. Где? В одном месте между домами деревни — какие-то силуэты людей. Пушки не видно, но она, скорее всего, там. Живов доворачивает башню...

В это время Бутенко уже перетаскивали в боевое отделение, Шишкин сидит на его месте в луже крови, дергает рычаги переключения скоростей. Погудин вернулся на место, досылает в казенник новый снаряд. Живов всматривается в прицел.

Так и есть! На секунду командир видит в прицеле отблеск от оружейного ствола между домами. Значит, он прицелился правильно! Выстрел!

Воют шестерни коробки скоростей. Танк, клюнув носом, срывается с места. Шишкину все-таки удалось включить скорость! В том месте, куда послал снаряд командир — вспышка выстрела и сразу же — разрыв танкового снаряда. В следующий миг — удар по танку, волна тошноты. Немецкая пушка уничтожена, но и танк подбит еще раз. Внутри башни опять не продохнуть от дыма.

Теперь уже все, финал: немецкий снаряд пришелся на моторное отделение. По полу растекается лужа соляры. Сейчас начнется пожар. Однако Погудин еще раз заряжает пушку. Времени искать противника уже нет, Живов посылает снаряд в то же место, где была предыдущая цель, командует: «Из машины!» Командир выскочил через свой башенный люк, снаружи тащит через люк механика-водителя безногого Бутенко, которого из танка подталкивает Погудин. Бутенко, ранее не чувствовавший боли из-за шока, теперь беспрестанно матерится: ему очень больно. Из башни один за другим вылезли Шишкин и разведчик Власов. Весь экипаж контужен от попадания снарядов, людей качает, как пьяных. Власов к тому же дважды ранен. Из моторного отделения валит густой дым.

Между тем опускаются сумерки.

Внезапно Живов увидел метнувшуюся к танку тень. Командир выпустил клеенчатую куртку механика-водителя, которого все никак не могли вытащить из танка, схватился за кобуру. Однако эта тень оказывается разведчиком Слуквиным, который ехал на броне, живым и невредимым, про которого, признаться, уже и забыли. Слуквин вовремя успел спрыгнуть с танкового корпуса и теперь подбежал помочь вытащить Бутенко. Отвлекаясь от кричащего от боли механика, Живов увидел, что по ним уже ведется огонь из пулеметов. На поле единственное укрытие — это та самая канава, которая так мешала танкистам днем. До нее метров 50. Вытащив-таки водителя, дружно побежали прятаться, прикрываясь корпусом танка.

Бухнулись вниз. Время как будто снова ускорило свой бег. Раньше в одну секунду старший лейтенант Живов делал множество суетливых движений, теперь же все движения и его, и подчиненных стали плавными, какими-то сонными.

Между тем над головами висели светящиеся трассы от пуль. Нужно было уходить. Крутой скат канавы опускался под воду, до дна, по виду, было около полутора метров. В том месте, где спрятались танкисты, берег нависал над водой, можно было сидеть, не замочившись. Но сзади и спереди от беглецов местность опускалась, а откосы канавы почти сливались с водой.

Командир приказал отползти метров на 25—30. Густые светящиеся трассы остались позади. Погудин перетянул обрубок ноги Бутенко ремнем, сверху Шишкин обмотал ноги водителя своей фуфайкой и еще раз закрутил ремнем.

Что теперь делать? Вроде бы, если идти дальше по канаве, то можно выйти к своим. А если нет?

Общее мнение экипажа и разведчиков высказал Шишкин: «Вы, товарищ старший лейтенант, идите впереди в разведку. Мы берем Бутенко и идем за вами. Прикрывают Слуквин и Власов».

Через много лет Алексей Федорович Живов вспоминал, что он совсем не был уверен в том, что впереди свои. Идти одному с пистолетом было откровенно страшно. Но все бойцы поддержали Шишкина, тут уж нельзя показывать трусость. Пришлось, не подавая вида, идти вперед и прокладывать дорогу. Для самоуспокоения командир припоминал старые сентенции вроде «сам погибай, а товарища выручай».

Берега канавы понижались, прятались под водой. Хочешь — не хочешь, пришлось купаться. Живову вспомнилась сцена из фильма «Чапаев»: Чапай плывет по реке, над его головой — пулеметные трассы.

Вот и он теперь, как Чапай, бултыхается под пулями. (В скобках надо сказать, что человеку, родившемуся на сорок лет позднее, скорее всего, припомнился бы другой фильм. Мой ровесник, наверное, смачно сплюнул и грустно сказал бы хриплым голосом: «Как в Турции!») Из Лившица, не переставая, грохотали пулеметы.

Чапай Чапаем, но черт возьми, до чего же холодно! Не выдержав ледяной воды, командир выскакивает на берег, пробегает метров с двадцать, снова бухается в канаву. Алексею показалось, что так теплее. Он повторяет этот маневр еще и еще раз, затем ложится, смотрит назад: как там свои? На фоне мутного сумеречного неба четко виды бегущие силуэты: подчиненные тоже замерзли и выскочили из канавы. Командир поднимается, снова несется по полю.

Внезапно светящиеся линии смещаются вперед, догоняют беглецов: немцы их увидели. Живову кажется, что он переступает через трассы хвостатых пуль. Скорей в канаву!

Ощупал себя — вроде цел. Восточная окраина деревни уже позади. Вперед!

Во время одной из перебежек увидел перед собой новые снопы трассеров. Упал, полежал, отдышался, осторожно поднял голову, осмотрелся, снял танкошлем, чтобы лучше слышать. Да все правильно: спереди тоже бьют пулеметы. Но бьют они по Лившицу!

Может, там свои? Сделал еще одну перебежку, упал, услышал: сзади взволнованно, чуть ли не хором орут подчиненные: «Наши! Наши! Вперед!»

Еще перебежка. Впереди взлетают две зеленые ракеты (еще до начала боя командиры условились: две красные ракеты — атака, две зеленые — наши).

Судя по ракетам, до своих метров триста. Больше половины этой дистанции Алексей пробежал единым духом.

Снова упал, прополз, отдышался, начал кричать, что есть мочи: «Кто вы? Отзовитесь!» Снял танкошлем, услышал: «Свои, свои, давай сюда!»

Навстречу ползут двое, тоже кричат: «Свои, свои, не стреляй!» Когда подползли, первый сказал: «Мы за вами давно наблюдаем, прикрывали огнем, давали ракеты». Живов в ответ попросил помочь перенести раненого. Разошлись.

Через несколько минут старший лейтенант был уже на НП стрелкового батальона, рассказывал обстановку пехотным офицерам. От них, в свою очередь узнал, что из семи танков, что пошли в атаку, целыми остались только два — его, Живова, подчиненных, Огаркова и Ефремова, тех, что отстали. Теперь они стоят в засаде напротив деревни Юртч.

Пехотинцы рассказали Живову, как найти полковника Киселева, он пошел на доклад.

В командирском танке был только радист Юличев, он доложил, что полковник — на НП пехотного полка, увязывает взаимодействие частей для завтрашней атаки. Он уже знал, что полковой врач Кацман, которого все называли «Батенькой», уже сделал перевязку Бутенко, и что его немедленно переправляют на восточный берег Одера. Радист, как и все в полку, переживал за Юрченко и Гончарова. Последняя передача капитана была: «Веду бой с противотанковой батареей. Гончаров со мной, Живов ушел вперед, Григорьев прорвался на окраину деревни». После этого связь прекратилась.

Подожли Киселев, замначштаба по разведке Фортальнов, офицеры штаба: «Смотрите, Живов живой! Живов здесь!» первый вопрос командира — где Юрченко? Ну, а дальше — все по порядку: сколько у немцев было пушек, нет ли минных полей, как лучше перевалить через злополучную канаву...

В это время по лесу через расположение полка группами и поодиночке бегом и шагом к передовым позициям все подходили и подходили пехотные подкрепления, неподалеку разворачивались, распрягали лошадей артиллеристы. Утром явно готовилась новая атака.

Киселев отправил Живова к ремонтникам лейтенанта Волошина. Там, прямо в будке укрытой и замаскированной машины, уже разожгли буржуйку — обсушить старшего лейтенанта.

От старшины принесли Живову остатки обеда. Под непрекращающийся грохот оружейной канонады, под разговоры о том, что могло случиться с ротным Юрченко, старлей Живов уснул в углу ремонтной летучки среди папиросного дыма и печного чада, завернувшись в чью-то промасленную фуфайку.

4. Новая атака

Проснулся он оттого, что привычный шум перестрелки перекрыл грохот артподготовки. Машина ехала, раскачиваясь, потом останавливалась, снова трогалась, шла вперед, опять стояла. В полутьме Алексей оделся. Летучка остановилась на улице деревни. Живов выскочил из будки.

Это был Лившиц, который они вчера безрезультатно штурмовали. По улице в сопровождении зампотеха Седуна и механика Шлюпикова к машине шли два совершенно черных человека в прогоревших клеенчатых одеждах. Один «негр» вдруг закричал «Живов!» и полез со слезами обниматься: «Не думал, что мы встретимся, ждал, что нас фрицы прикончат!» Это был Котлов, командир орудия из танка капитана Юрченко. Второй оказался радистом Долгих.

Как это принято, после отхода немцев началось прочесывание деревни — не оставили ли «гансы» каких сюрпризов. Седун руководил этими работами. В центре деревни, в подвале кирпичного двухэтажного дома саперы обнаружили командный пункт немцев. Сюда вели ходы сообщения со стрелковыми ячейками. Рядом с домом стоял сарай, закрытый на всякий замок. Седун позвал известного своей силой Шлюпикова, вдвоем они выдернули пробой, открыли дверь, увидели двух человек, сидевших в темноте на соломе.

«Товарищ зампотех Седун! Не стреляйте! Я Котлов! Долгих, наши!» Седун и Шлюпиков развязали сидельцев, те плакали: «Мы думали, нас пришли расстреливать!»

Обоих танкистов отправили в санчасть к доктору Кацману.

Седун, Живов и Шишкин пошли искать тех, кто участвовал во вчерашней атаке.

На поле перед деревней стояли подбитые и обгоревшие танки: командира роты — подальше от домов, командира взвода — поближе. Недалеко от танка ротного нашли тела Юрченко, его механика-водителя Слепова, заряжающего и двух разведчиков.

Экипаж второго танка после того, как их подбили, пытался отползти от деревни по неглубокой колее гусениц своей машины. Однако они, скорее всего, были хорошо видны с чердаков, и их всех расстреляли. Так их, лежащих в колеях, и нашли: в одной — командир Гончаров и командир орудия, в другой — механик-водитель и заряжающий.

Танки лейтенантов Григорьева и Кирюхина прорвались в деревню, их уже там подбили фаустники. Экипажи, по-видимому, погибли сразу: никто даже не открыл люков, их теперь пришлось вскрывать ключами.

Солдаты из ремонтного взвода выкопали могилу в центре деревни, сколотили из досок пирамидку с жестяной звездой. Зампотех на трофейном бронетранспортере привез с поля погибших. Притащили железную оградку с немецкого кладбища. Похоронили товарищей честь по чести, с салютом и речами. Поклялись трижды отомстить за убитых.

А потом полк построился и двинулся на очередное доукомплектование. Живов вспоминал по дороге, как он и старлей Гончаров всего год назад пообещали двум серьезным девушкам из городка Сольцы в Новгородской области обязательно заехать к ним после войны. Петр Гончаров уже не выполнит обещанного. А Живов? Кто же знает...

4. А что было дальше?

Алексей Федорович Живов стал командиром роты, воевал до последнего дня, дошел до Праги, уволен из рядов Вооруженных сил СССР в 1960 году по известному решению Хрущева, долго жил в городе Осиповичи Могилевской области, работал начальником штаба по гражданской обороне.

Механик-водитель Бутенко умер по дороге в госпиталь. В одном из последующих боев погиб разведчик Власов. Капитану Николаю Юрченко и старшему лейтенанту Петру Гончарову было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Полковник Петр Киселев так же, как и Живов, служил в армии до 1960 года, затем жил в городе Ленинграде, работал там учителем труда в школе, до самой своей смерти в 1989 году возглавлял организацию ветеранов 124-го танкового полка. После него организацию возглавлял бывший лейтенант Огарков.

Украинка...

Это прекрасное стихотворение написала молодая и красивая украинская девушка, чье имя мы не можем назвать из соображений ее личной безопасности в условиях антироссийской истерии в современной фашистско-бандеровской Украине.

ПРОСТИТЕ НАС

Простите нас, родные россияне,
Пока еще вращается Земля,
Мы братьями Вам быть не перестали,
Вас предала не Родина моя,
Не люди, что на площадь выходили,
Пытаясь наболевшее сказать,
А те, кто нашу Родину купили,
Купили, чтобы выгодно продать.
Правители приходят и уходят,
Кого-то помнят долго и добром,
Но комом каждый президент выходит,
Как первый блин, в моем краю родном,
Нас ссорили с экранов и смеялись,
Что разругались братья в пух и прах,
Но верим, мы в душе людьми остались,
И понесем друг друга на руках;
Когда из нас кого-то ранят в спину,
Не будем о гражданстве вспоминать,
Я верю, что не может Украина
На братские народы наплевать.
Простите нас, что Вас не пропускаем
На собственных границах как врагов,
Простите, что каналам доверяем,
Где нас считают всех за дураков,
Показывают войны, истерию,
И получают в долларах паек,
Но нету Украины без России,
Как без ключа, не нужен и замок.
Мы все — одна семья, пусть разругались,
Но ссоры ведь случаются в семье;
И главное, чтоб мы людьми остались,
А не зверьми, готовыми к войне
За Землю, за туманные идеи, забыв о том,
Что детям нужен мир!
Я думать по-другому не умею,
А мы для власти нашей просто тир,
Хотят — на нас же армию направят,
Хотят — на воздух нам введут налог;
Но разлюбить Россию не заставят,
Пока мы вместе, с нами Бог!

Эльвира Плюснина
(г. Фрязино Московской области)

Плюснина Эльвира Николаевна — поэт, эссеист, по специальности физик, окончила физический факультет МГУ. Живет в г. Фрязино Московской области. Много лет проработала на предприятии электронной промышленности. Стихи пишет с 1998 г. Имеет ряд публикаций в сборниках в Москве и Новосибирске. Автор двух книг стихов: «Вижу красоту», М.: Московский Парнас, 2011 г. и «Остаться живой», М.: Московский Парнас, 2014 г. Член Союза писателей России.

МЫ ДЕТИ БЛЕДНЫЕ ВОЙНЫ

ДЕТСТВО

Дождь сыплется на озеро лесное,
И кажется — вблизи журчит ручей,
И зелень юная стесняется немного
Своей красы весенней.
Сияет чистый земляничный лист.
Вдруг детство вспомнилось далекое
В укромной костромской деревне.
Зимой волк заживал, бывало.
Кричали: «Волк!», и было очень страшно.
Баран воинственный боднул в живот.
Ручей заморозил прозрачностью —
Меня со дна достали.
А за околицей поля, тропинки...
И теплый бугорок в лесу,
Покрытый земляникой.
Он долго снился мне...
Теперь уже не снится.

ОТЕЦ

Мне был лишь год, и я не знала,
Что оказалась у начала
Смертельной жертвенной войны,
Что мой отец в утробе танка
Порою вспоминает Канта,
Но дни танкиста сочтены.

А он в своем идеализме
Мечтал о справедливой жизни...
Письмо последнее прислал —
Был август, первая година,
Уже обрушилась лавина —
И жизнью, и судеб обвал.

Под Ленинградом схоронили
В солдатской, праведной могиле —
Последний штрих в земной судьбе.
Он в церкви Богу не молился,
Но жизнь отдал — не поскупился...
И в Небо путь открыл себе.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Война. Деревня костромская.
Страды горячая пора.
У мамы вахта трудовая,
Сынишка каждый день с утра

Закрывает в избе. Сидит примерно,
Удрать не может никуда,
А под окном подругой верной
Его соседка, как всегда,—

Трех-четырёх годков девица.
То я была. Худа, мала.
Мать все звала домой — умыться,
Никак дозваться не могла...

Он к нам являлся без смущенья
В рубашке рваной, босиком,
И мама, словно в день рожденья,
Кормила гостя пирогом.

О чем, не помню, говорили —
Житейский ветер закрутил.
Шутили, женихом дразнили...
Осталось имя — Рафаил.

МАМА

Проложу я молитвой в запретные дали тропинку,
Словно в узкую щель, незаметно по ней проскользну,
Чтоб успеть поскорее внести золотую крупинку
В твою светлую память — добытых сокровищ казну.

Загляну в твои сны — в них сияют над Волгой закаты,
Ты стоишь на ветру — статуэтка работы ручной,

И отец с увлечением, так же как в тридцать девятом,
Рассуждает о Гегеле, ежась в прохладе речной.

Знаю, в сон твой благой строгий страж никогда не пропустит
Похоронки, как пули, внезапный и жгучий удар,
И больного ребенка, и привкус пожизненный грусти,
Что бывает у вдов, и от печки дымящей угар.

Постою в твоём сне, замирая с надеждою зыбкой
Вновь увидеть себя старшекласницей с длинной косой
И тебя, навсегда молодой, с безмятежной улыбкой,
И тогда я поверю, что встретимся скоро с тобой.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ТАЙНЕ

УМ И СЕРДЦЕ

Я бьюсь, как муха о стекло,
В своем усилии бесплодном
Соединить в уме холодном
То, что осмыслить тяжело.

Не зря прославлен интеллект —
В нем блеск и прямота кинжала,
И остроумие, как жало,
Всегда находит свой объект.

Но даже ум порой молчит,
Очерченный предельной гранью,
Лишь сердце предрассветной ранью
С надеждой прежнею стучит.

ТЕНЬ

Брожу по миру робкими шагами,
Они на срок недолгий мне даны.
Роняю шепот бледными губами
В холодный свет безжизненной луны.

Всего лишь тень, обман, мираж в пустыне,
На полотне набросок черновой.
Вчера он был, а завтра или ныне
Бесследно стерт решительной рукой...

Творец на холст наносит слой еля,
Втирает краски мира своего.
Мне стать живой — не раньше, чем сумею
Впитать хоть каплю замысла Его.

* * *

Быть земле назначено шахматной доской,
Испытанью тяжкому отдана земля:
Бог играет белыми лишь одной рукой,
А другою — черного ставит короля.
Если служишь белому — век живешь в борьбе,
А уступишь черному — темный след в судьбе.
Человеку слабому не понять порой,
Кто над миром властвует — добрый или злой?
Выбор сердца смелого — он верней всего:
Кто играет белыми — первый ход Его.

НЕВЕДОМОЕ

Из тишины рождаются слова,
Из темноты приходит луч рассветный,
Спешит расти весенняя трава,
Из-под земли пробившись незаметно.

Неведомое скрыто в глубине,
Невидимая мощь бесповоротна.
Чтоб жить на свете и тебе, и мне,
Подспудная свершается работа.

Невидимое видит нас с тобой,
Бесстрастно жизнь планеты созерцает
И человеческих страстей прибор
Земною красотою умиряет.

МОЛИТВА

Как в жаркий день холодная вода,
Как в день холодный красный жар камина,
Земная жизнь для счастья нам дана,
И в этом воля и Отца, и Сына.
Хочу служить и Сыну, и Отцу,
Благодарить за каждое мгновенье,
Но слезы вновь сбегают по лицу,
И душу мучит боль и сожаленье.

Прости, Отец, за горечь и печаль.
Прости за нерастраченную силу.
Уходит тело брренное в могилу,
А дух по-прежнему стремится вдаль.

Позволь, Господь, и на земном пути
Мне счастье неземное обрести.

СВИДАНЬЕ

Ты вынырнул из темноты пелен,
Нарушилось могильное молчанье.
Спасибо сну, ведь если бы не он,
Когда б еще нам выпало свиданье...

Увидела, что смерть была легка —
Изношенное сердце отказало,
Разорвалось, из раны кровь бежала
Подобием живого ручейка.

О нет, мне страшно не было ничуть.
Похоже, просто атлас показали.
Шепнуть успела: «Завершен твой путь,
Все кончилось, и, значит, все в начале».

Но мысль вертелась подлою змеей:
«Что будет в час неведомый со мной?..»

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

Лебедев Сергей Александрович. Лауреат премии «Левша» имени Н. С. Лескова 2012 года. Член РСНЛ, РСП.

Я НЕ ЗНАЮ БЕССОННЫХ НОЧЕЙ МЕДСАНБАТА

Я не знаю бессонных ночей медсанбата,
И осколок не колет под сердцем моим.
Из трубы одинокой, обугленной хаты
Не слепил меня едкою горечью дым.

Испытать не пришлось мне дорог отступленья,
Я не полз под огнем на горячем снегу,
И за ужасы плена, свое унижение,
Не ломал я врага в рукопашном бою.

Только, если все так, что ж, не чувствую боли?
От всего, что приносит с собою война?
Да, рожден я, наверно, на мирную долю,
Незабытая боль мне от мамы дана.

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

*22 июня 1941 года на границе безымянный пу-
леметчик за час боя уничтожил более роты
фашистов, погиб, но не ушел со своего поста.
Из Истории ВОВ*

Четыре года до Берлина...
Горит советская земля.
И мать с надеждою на сына,
В бой проводившая, жила.

А сын, с гранатой и «Максимом»,
Закрыв собою батальон,
Пока от немцев уходил он,
Косил их первый эшелон.

С пробитой грудью, истекая,
Сын до последнего стоял.
Потом, истерзанный штыками,
На дне окопа умирал.

Окоп могилой стал для сына,
Без обелиска и холма...
Четыре года до Берлина,
Не зная, мать его ждала.

БАЛЛАДА О РОТНОМ

По Украине шли поротно,
Резерв кидают снова в бой.
В строю нам вольно и вольготно —
В деревне нет передовой.
Вдруг пулемет из крайней хаты
Ударил точно в первый взвод,
Мы с флангов, бросили гранаты,
И взяли немца в оборот.
Троих живьем. Ведем пинками.
Навстречу ротный, бледен, зол,
Он встретил пленных матюгами:
«За двух убитых — в горло кол!»
Потом сильнее разозлился,
Когда в них русских он узнал,
Ведь капитан с семьей простился —
Жену и дочек потерял.
Мы видим — подленькие души
Затрепетали. Он спросил:
«Присягу как посмел нарушить?
Ну, отвечай мне, сукин сын!»
Но вместо честного ответа,
«Прости», — дрожа, тот прошептал,
В лицо ему из пистолета —
«Прощаю», — капитан сказал.
Упали двое на колени,
И лица подняли, как мел,
Он им в ответ: «Не будет прений»,
И выстрелив два раза, сел.
Своих ребят мы на закате
Похоронили, взвод палил.
А ротный наш... да просто — батя,
Молчал всю ночь и водку пил.

БАЛЛАДА О ТЕЛОГРЕЙКЕ

Иванов телогрейку поправил,
Затянул ее крепко ремнем,
По солдатскому кодексу правил

Вещмешок и винтовка при нем.
На снегу догорала ракета,
И в атаку пошел Иванов,
Он не видел разрыва и света —
Темнота через десять шагов.
Высота безымянная взята,
За шаги — из фанеры звезда.
Старшиной телогрейка изъята,
А причина изъятя — проста:
Телогрейки, шинели и обувь
Зашивали, чинили в тылу,
Так, в боях поврежденную робу,
Возвращали опять на войну.
Телогрейки с пробитою ватой
Привезли в ярославский Ростов.
Из него в сорок первом когда-то
Призывался на фронт Иванов.
Среди работниц — вдова его Клава
Зашивала разрывы иглой,
В телогрейке отверстие справа
Залатала умелой рукой.
И когда тот распоротый ватник,
Был починен и к бою готов,
Прочитала она на подкладке:
«Третий взвод» и «Сергей Иванов».
Ниже адрес, фамилию, имя
Видит словно в тумане — свои,
И как будто дыханье сдавило
От нахлынувшей боли в груди.
Она гладила ватник руками,
Рукава, воротник, каждый шов,
От нее, ожидавшей ночами —
Навсегда уходил Иванов.

БАЛЛАДА О РАЗВЕДЧИКАХ

На западной окраине деревни Горевницы, что юго-восточнее г. Великие Луки, в 4-х километрах, среди братских могил 31-й отдельной стрелковой бригады есть могила трех разведчиков, заживо сожженных гитлеровскими палачами 83-й пехотной немецкой дивизии

«Знать и помнить преступления фашизма в годы ВОВ». М. «Вече» 2012. НПИ. Док. № 43

Лес листвою шуршал, и молчала река,
Сапоги нам трава обнимала,
Возвращалась разведка из тыла врага,
По заметкам тропу свою знала.

Впереди за деревьями избы видны,
Тишиной напряженной объята,
Если что, автоматы нам будут верны,
Мы бывалые, в общем, солдаты.
Только вдруг из окна застучал пулемет,
Мы рассыпались редкою цепью,
Но враги окружают, нет хода вперед,
И стегают нас огненной плетью.
Кто засады не знал, тот меня не поймет,
Это кровь, это крики и пламя,
Разрывая огонь, мы стремились вперед,
И гудела земля под ногами.
По цепи передали: «Убит командир»,
И команда: «Вперед!» из засады,
Но мы словно мишени — устроили тир
И охоту немецкие гады!
Трое нас, мы остались, похоже, одни,
И в шинелях мышинных пехота,
Лай немецкий «Сдавайся» и вспышек огни,
Окружает стрелковая рота.
Два часа отбивались в избе от врагов,
Слышим крики команды захвата,
Мы тогда поклялись без торжественных слов,
Не нарушить присяги солдата.
Нам ломали суставы, кололи штыком,
Животы рассекли шомполами,
Умирали мы стойко, в крови, с матюгом,
А Победа — светила над нами.
И натешившись болью, устали враги,
Смерти нашей увидеть хотелось,
И живых нас бензином облив, подожгли,
«Прославляя» тевтонскую смелость.
Так в огне наши души и в вечность ушли,
Три звезды ярко в небе блеснули,
А враги еще долго боялись тиши,
Им все наши мерещились пули.
В Горевицах давно отшумела война,
Ты ж запомни, как все это было...
И на стяге Победы прочти имена,
Мы — Солянов, Лагутин, Шумилов.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

Корнилов Владимир Васильевич, родился 10 января 1947 г. Вырос на Южном Урале, в селе Октябрьское Челябинской области. С 1967 по 1969 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1987 г. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (занимался в творческом семинаре известного русского поэта, лауреата двух Государственных премий, Владимира Фирсова) ...В Сибири живу с 1972 года. Из тридцати с лишним лет, прожитых в г. Братске, около двадцати посвятил Производственному объединению «Сибтепломаш», где за годы трудовой деятельности освоил немало рабочих и инженерно-технических профессий. Работал токарем 4 разряда, шлифовщиком, конструктором, начальником смены. С 1994 г. и по настоящее время работаю во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска педагогом-методистом высшей квалификационной категории. Передаю свой литературный опыт юным дарованиям, пытающимся выразить свой внутренний мир художественным словом... Женат. Имеет двоих детей.

За вклад в совершенствование журнала «Сибирячок» В. В. Корнилов удостоен Знака отличия XV международной профессиональной выставки «ПРЕССА-2008» и присвоено звание «Почетный член общероссийской организации «Золотой фонд прессы». Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. поэта Николая Рубцова (г. Москва). Лауреат второго международного фестиваля славянской литературы и культуры «Славянские традиции-2010» — награжден Почетными премиями Конгресса Литераторов Украины им. Юрия Каплана и Международного Сообщества Писательских Союзов им. Владимира Даля (Украина, Крым, г. Щелкино) с вручением медалей. Победитель первого этапа международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2010» (г. Москва). Финалист III международного литературного фестиваля «Русский стиль-2010» (Германия) — награжден дипломом с публикацией произведения в альманахе «Русский стиль». Полуфиналист международного конкурса «Литературная Вена-2010» (Австрия). По итогам международных литературных фестивалей 2010-го года Владимир Корнилов принят в члены Международной Гильдии Писателей (Германия).

БАБУШКА

Дед вернулся с войны
Опаленный, седой и небритый.
Ты навстречу неслась,
Чтобы счастья напиться досыта.
И от ласки солдатской,

Пропахшей махрой и грозою,
Мир в глазах посветлел
И по-бабьи пролился слезою...
Сколько весен с тех пор
Унесли долгой памяти реки?!
Сто метелей седых
Заплутали в одном человеке.
Возле глаз ручейки
Твою женскую долю вместили.
Ручеек к ручейку —
Родниковые души России.

НА ДЕЛЯНЕ

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова,—
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На делянну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!»

* * *

Дал Красный Май* Земле Свободу,—
И всколосилась детвора.
Звонкоголосому народу
Пришла счастливая пора...
Я рос уже под мирным небом,
Но не был баловнем страны:
В те годы было трудно с хлебом —
Мы это знали, пацаны...

---

* Красный Май — День Победы 9 Мая 1945 г.

Но жил в народе дух могучий,
Мир возрождавший из руин,
И песни тысячью созвучий
Вливались в наш победный гимн...
И были необыкновенны
В величье тех суровых лет
Отчизны голос вдохновенный
И мирный солнечный рассвет.
...Мне стали датой сокровенной,
Войны презревшей ремесло,—
Сорок седьмой, послевоенный...
Январь. Десятое число.

* * *

На все руки дед у нас:
В одночасье кадку сладил,
Баньку сам срубил в ограде,
В погребке затеял квас...
Сруб сложил — венец к венцу.
Конопатил крепким словом.
Вышла банька, — хоть танцуй,—
Пар в ней с запахом смолевым...
Брызнешь — камни зашипят.
Рукавицы дед наденет.
Веник, пробуя на деле,
Проберет до самых пят...
Кряжист дед еще в плечах,
Хоть в груди осколок чует.
...Баней дед себя врачует,
Вот и выжил — не зачах.

* * *

*Светлой памяти моей бабушки,
Корниловой Ефросиньи Петровны*

Для меня ты всех родней на свете!
Я твоей завидую судьбе:
Даже мама с папою, как дети,
За советом тянутся к тебе...
Если в школе получу я двойку,—
Пожуришь, но скажешь: «Не беда!»
Не устроишь мне головомойку,
Как мой папа делает всегда...
Приголубишь, угостишь конфетой,
Отогреешь сердце мне зимой.
От тепла и твоего привета
Вновь счастливый я уйду домой.
...Милая и добрая бабуля,
От души тебя благодарю!
В день рожденья все цветы июля

Я тебе, родная, подарю!
Обниму за худенькие плечи,
Самых нежных слов нашебечу.
...Мне с тобой в такой прекрасный вечер
Все невзгоды детства по плечу.

ПРАЗДНИК ЗИМНИЙ НИКОЛА

Тонкие снежные блестки
Ангелы сеют с небес.
В инее белом березки
Сгрудились кучкой невест.
Всюду узоры в оконцах.
Весел и праздничен день.
Зимний Никола под солнцем
Льет колокольную звень.
...Господи! Господи! Господи!
Как это сердцу сродни!
В звоне малиновом, Господи,
Благостью полнятся дни!
Музыкой горней влекомы,
Люди к молебну спешат,
Чтобы у Божьей иконы
Вновь освятилась душа...
Возле церковной ограды,
Много нарядных старух,
Крестятся — празднику рады,
Глянешь — заходится дух.
...Значит, еще не померкли
Радость людская и грусть,
Если толпится у церкви
Наша исконная Русь.

ВЗГЛЯД ИЗ ДЕТСТВА

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.
Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким «шафе»
И всем красивым тетям улыбался.
Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет,—
Вели себя, ну просто как девчонки!..
Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и, значит,— все отлично!

* * *

Николаю Золотареву

Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
    Хлебосолен...
Слышишь, Русь в церквах звонит? —
    Души тянутся в зенит
        С колоколен...
За окном кружится снег.
На дворе 20-й век
    Провожаем.
На изломе двух эпох
Был он грозен, видит Бог,—
    Мы-то знаем!..
Но стучится новый век —
Будь в нем счастлив, человек,
    Бодр и весел!
День рожденья твой пришел,
Светел ты всегда душой,—
    Пьян от песен...
Час, когда ты был рожден
И в купели окрещен,—
    Мы восславим!
Впредь до двести лет живи
Ты в согласье и любви
    С Православьем!..
Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
    Хлебосолен...
...Слышишь, Русь в церквах звонит? —
    Души тянутся в зенит
        С колоколен...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

Акимов Валерий Юрьевич родился в 1949 г. в Новомосковске. Срочную службу проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. переехал в Нижневартовск, где работает в нефтепереработке. «Почетный нефтяник», лауреат творческого конкурса ТНК-ВР. Стихи пишет с детства, автор нескольких поэтических сборников.

«В нашей семье в Великую Отечественную войну воевали четверо моих дядей и дед. Дядя — Акимов Константин Семенович погиб летом 1942 года под Ростовом. Дед — Петрунин Алексей Степанович пропал без вести в том же 1942 году на Калининском фронте. Мои родители с пятнадцати лет — участники трудового фронта».

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

В Европе есть город Бунцлау,
Свой орден я там получил.
Сам Жуков солдатскую Славу
Тогда принародно вручил.

В разведку мы в ночь выходили,
Входили в охотничий раж,
И знали, что ждет или — или...
Вдруг нам подвернулся блиндаж.

Секунда — и нет часового.
Кустарник листвой шелестел.
Был суд без единого слова
Для спящих семнадцати тел.

И пламя коптилки дрожало,
И тени от нас — миражи,
И нам ничего не мешало,
Мы в дело пустили ножи.

И чавкала кровь под ногами,
И жалости не было в нас...
Нельзя по-другому с врагами!
Я думаю так и сейчас.

ОТКРОВЕНИЕ ФРОНТОВИКА

Мой рассказ — пережитые были.
Молодым надо прошлое знать.
В школе мы атеистами были,
На войне стал Его поминать,

Воспаря к Нему в мыслях птицей,
Чтоб простил за неверие Бог.
Без молитв, не умея креститься,
Зная только, что добр Он и строг,

Умолял перед боем, до муки
Устремляя свой взор в небосвод,
Чтоб глаза уцелели и руки,
Чтобы не было раны в живот...

Я ни трусом не слыл, ни скаредой,
Рисковал много раз головой
И Господь уберег, и с победой,
Слава Богу, вернулся домой!

21 ДЕКАБРЯ 1941 года

Снова я в окружении
Тех безжалостных дней,
В подмосковном сражении.
Слышу ржанье коней.

Там приказ накатали нам:
Нужно взять позарез
К дню рождения Сталина
Тульский город Мордвес.

Завывала метелица,
Сек огонь на скаку...
Никогда не отбелится
Наша кровь на снегу.

И не зря мне бессонница,
Я забыть не могу,
Как беловская конница
Погибала в пургу.

Но в глазах именинника
Командирам дал вес
У снегов и противника
Взятый город Мордвес.

«ШТУРМ»

Свою науку побеждать
Мы познавали под Москвою,
Начав страну освобождать.
С патриотическим настроем,

Без маскхалатов, не тайком —
Тогда и сумерки не пали,
Двумя колоннами, гуськом
На Бобрик-Гору наступали.

Пускай прошло немало лет,
Не забываются те роты,
Глубокий снег и шаг след в след,
Как сверху били пулеметы,

Гася наш воинский порыв,
Но прибавляя сил уставшим...
И третий делался вторым
И становился первый павшим.

Мы не любили трескотни,
Но чтоб в потомках воскресали,
Свои фамилии в те дни
Навек в историю вписали.

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

«Был и я молодым и горячим!
Распрямылись морщины у глаз,—
Говорил он, усмешки не пряча:
— Не такие солдаты сейчас!

Представитель великой державы
И советскою властью рожден,
Я с боями дошел до Варшавы,
Ранен был и не раз награжден...

Я названья заморских селений
Безударно читал по слогам...
И теперь нет ни в чем сожалений,
И вдвойне беспощадней к врагам.

Хоть и силы былой не осталось,
Мой задор боевой не угас.
Жалко только, ну, самую малость:
Не узнают всего после нас!»

НАСТЕННЫЕ ЧАСЫ

В них явно для удачи
Минуты и часы:
У Сталина на даче
Такие же часы.

Всегда предмет вниманья —
Поди еще достань!
Трофейная Германия:
Реликвия и дань.

Семейная традиция
Без языка и рук
Грустить и веселиться
Нас приглашает в круг.

Со всех концов вселенной
Услышав бой часов,
К ним памятью нетленной
Несет сердечный зов.

По возрасту другие
Мы за одним столом
Все душами нагие
В том призрачном былом.

СОЛДАТ

Победный май — ему уже полвека,
Но раны догоняют тех солдат.
История простого человека:
Недавно был еще молодецват,

Сраженный после битвы русский воин.
Старуха с ним и время — на двоих.
Лежит сосредоточен и спокоен,
А ночь, как вечность, жизнь — единый миг.

Бывает, за день не промолвит слова —
Глядит сквозь паутину в потолок,
А память все картины из былого
Мотаает, словно пряжу на клубок.

Не ищет в них ни почестей, ни славы,
И жить уже не может без войны.
Забывтый сын, спасенной им державы,
Давно устав ждать помощи страны,

Он каждый день в подбитой самоходке
Горит и сердце учащает стук...
Спасает всякий раз глоточек водки
Обманом избавления от мук.

ДЕД АЛЕКСЕЙ

Во мне он — метою из мет,
Я — слово им запетой песни!
Так получается, что дед —
Не одногодок, а ровесник.

Не слыл в селе говоруном.
И огород любил и поле.
Не зря прозвали «агроном»,
Жил независимым в неволе.

Не убежишь от мыслей ос,
Какими б ни были шальными:
Вот, если б он вступил в колхоз,
Хотя бы вместе с остальными.

Всегда так: если да кабы,
Когда давно прошли те годы,
А дом его в деревне был
Последним островом свободы.

И костью в горле у властей,
А потому не поглядели
Ни на лета, ни на детей.
Исполнив то, чего хотели.

И, небывалому бывать!
Ох, не до жира — быть бы живу!
Его послали воевать,
Не подлежащего призыву.

Не из дворца, не из хором,
А где всегда нужда в заботах...
Мой дед уже в сорок втором
Погиб в калининских болотах.

Сквозь суетошный будний бег
Я слышу, видно, от пророка:
Алексий — Божий человек!
И Бог забрал его до срока.

Роза Нарышкина
(г. Алексин)

МАЛЕНЬКАЯ КОЗЕТТА

*Посвящается бывшей узнице немецких
концлагерей Валентине Бергнер*

Враг пришел на родную землю, попирая ее силой оружия. Город Ржев оккупировали фашисты, ставшие жестокими хозяевами. Многие погибли, немало было отправлено в Германию, в том числе детей и подростков.

Кате исполнилось 12 лет, когда началась эта страшная война с фашистской Германией. Отец с братом ушли на фронт, а она с мамой остались без всякой поддержки. Вскоре они попали в плен к немцам и были отправлены в грязном, вонючем товарняке в город Дорогобуж, где фашисты создали концентрационный лагерь. Поезд шел долго, почти не останавливаясь. Катя, прижавшись к матери, вспоминала, как славно они жили до войны, какая дружная и талантливая была ее семья: мама прекрасно пела, брат Алеша хорошо играл на баяне, писал стихи, мечтал стать летчиком (он им и стал, окончив в начале войны летное училище). Маленькая Катя тоже имела хороший голос и вместе с мамой и братом пела лирические песни, звучащие часто по радио. В одночасье все рухнуло.

В грязном вагоне было тесно и душно, еще и холодно: через щели вагона дул холодный промозглый ветер. Очень хотелось есть; все, что успели взять с собой, съели. Немцы давали жидкую, сваренную на воде кашу один раз в день. Наконец, прибыли в Дорогобуж, где всех распределили по баракам. Здесь предстояло жить и работать на немцев. Трудно описать барак, его надо было видеть, чтобы понять всю безысходность тех, кто попал сюда. Дети работали наравне со взрослыми, понимая всю тяжесть положения.

Война затянулась. Не было сил уже, но где-то в уголке сердца теплилась надежда, что весь этот ужас кончится и Родина будет свободна от злой нечести, несущей голод и смерть. Утро начиналось с окриков немецких солдат, выгонявших пленников на работу. Катя держалась около материнского плеча, Анастасия говорила тихо дочке:

— Держись, доченька! Папе и брату разве легче на фронте?

— Мамочка, я постараюсь не плакать. Только руки болят.

— Это от тяжести и от холода. Потерпи, родная. Вечером я тебя полечу.

— Хорошо, мамочка. Я буду терпеть,— отвечала Катя.

А между тем работа подрывала силы и здоровье людей, некоторые, не выдержав трудностей, падали. Тогда немцы поднимали крик, а то и стреляли. Одежда у Кати потрепалась, кто-то дал ей большую теплую кофту, которая висела на девочке, как на вешалке. Весенняя оттепель несла холод. Туфельки на ногах развалились, оставались только валенки с галошами — на них была надежда. В бараке было сыро и холодно,

ко всему донимали мыши и насекомые, особенно вши, переносчики всякой заразы. Много людей умирало от болезней, голода и перенапряжения нервов. Выживали немногие сильные. Началась эпидемия тифа, которая свалила и Катю. Ее изолировали от тех, кто работал. Пока девочка лежала больная, с высокой температурой, в бреду, фашисты отправили мать в другой лагерь. Так мать и дочь были безжалостно разлучены. Когда Катя стала поправляться, она обнаружила, что у нее украли галоши, Валенки без галош промокали в сырую весеннюю погоду, набухали и в конце концов развалились. Так что на поверку по утрам Катя выходила босиком. Вспоминая маму, ее заботу, она втихомолку плакала, пряча ото всех свои слезы. Девочка выросла, вскоре в числе других она была отправлена в Слуцк. Здесь условия для жизни и работы были ничуть не лучше.

Война продолжалась. Впереди Польша, чужая речь. На третий день прибытия в лагерь Катя с подружкой, с которой сблизилась еще в Слуцке, решили бежать. Им повезло уйти от преследователей. Девочки решили разделить: Света пошла в один дом, Катя постучалась в другой. Хотелось есть так, что сводило живот. Каждая из них просила милостыню. Кате открыла дверь хозяйка пани Липперт, которая, увидев бледную, худую, полураздетую девочку, без обуви, пожалела несчастную.

— Откуда ты, дитя? — спросила женщина.

— Оттуда я ушла, — сказала Катя, махнув рукой в сторону лагеря.

— Ты сбежала?

— Да. Помогите. Оставьте у себя, я буду делать все, что скажете, — глаза

Катя молили о помощи, слезы текли по щекам.

— Хорошо. Проходи. Ты мне расскажешь все про себя. Садись, я тебя для начала покормлю.

Так Катя стала жить у бабти (так в Польше называли бабушек) Липперт, которая умела говорить, хоть и плохо, на русском языке, поэтому и хозяйке, и госте было не трудно понимать друг друга. Катя делала по дому все, что могла: мыла полы, работала на кухне, убирала двор, носила хворост из леса, который находился неподалеку от домиков. Соседи давно приметили маленькую девочку, носившую охапки хвороста. Кате хотелось бы взять побольше, да в ее руках умещалось мало. Она ходила босиком, спотыкаясь о кочки, о камни, и хворост порой вываливался из слабых рук. Со слезами на глазах она работала наперекор усталости, никогда не жалуясь. Пани Липперт была по характеру доброй женщиной, но иногда в запальчивости кричала на девочку:

— Какая ты ленивая! Спишь на ходу!

— Не ругайтесь, бабтя! Я постараюсь...

— Вот-вот, старайся! Ну ладно не плачь, — жалела она Катю и в знак примирения угощала чем-нибудь.

Самое трудное было — ходить за водой к колодцу. Надо было опустить ведро в колодец, зачерпнуть воду, а потом крутить ручку, чтобы поднять полное ведро наверх, и если оно вырывалось из рук и летело вниз, приходилось крутить тугую ручку снова и тащить ведро. А сил мало, а ведро огромное, а руки слабые. И пока несла это большое ведро, вода расплескивалась, обливая подол платья и босые ноги. До дому доносила неполное ведро. Бабтя сердилась и посылала к колодцу снова. Соседи, наблюдавшие за этой картиной, жалели Катю, называя ее маленькой Козеттой. Видимо, рядом жили образованные люди, читавшие французскую классику. Да, девочка из Советского Союза напоминала им героиню романа Гюго «Отверженные»

Катя встретилась с мамой, с братом и отцом позже, когда пришла долгожданная победа. Но об этом рассказ пойдет в следующий раз. Это будет продолжением семейной истории.

КРУПНЫЙ ЖАНР

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

В СТОРОНЕ ОТ ФАРВАТЕРА
киноповесть

Ефим Гаммер — родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», Москва, золотой знак — 2005 и золотая медаль «Лучшему автору» — 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. Его роман о подростках «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир». Картины Ефима Гаммера представлены на трех персональных и более чем ста международных выставках в Иерусалиме, Нью-Йорке, Торонто, Ванкувере, Ницце, Лионе, Париже, Сиднее. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп»; член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников; член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия); широко печатается в журналах России, США, Израиля; Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран; переводится на иностранные языки.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Татьяну Сергеевну разбудили частые удары в заиндевевшее окно. Она неохотно вылезла из кровати, накинула на плечи теплый халат с набивными цветами и направилась к двери.

В комнату вошел рослый, заросший недельной щетиной парень, в ватнике и ушанке. Он прошел к печи, согрел на забеленном камне руки. Представился.

Костик. Костик.

Татьяна Сергеевна. Татьяна Сергеевна.

Костик. Знаю, потому и пришел.

Татьяна Сергеевна. Белое не подаем.

Костик. Мне и красное без надобности. Помощь требуется. С Федюлей неладное. Без врача очухурится.

Татьяна Сергеевна. А что с ним? Какие симптомы? На что жалуется?

Костик. Ну?

Татьяна Сергеевна. Я уже не практикую. Уволилась. Тут разве что за Фролом Красноштановым присматривала — бакенщик...

Костик. Доктор! Вы говорите — говорите, а там человек...

Татьяна Сергеевна. Далеко?

Костик. Пару махов отсюда. Вниз по Лене. Он на барже застрял. Лихоманка какая-то! Держится, черт, за живот, стонет, мать его! Может, аппендицит? А, доктор?

Татьяна Сергеевна. Господи! У меня же ни инструментов, ни обезболивающего. И потом — вам хирург нужен, а не терапевт. Вызвали бы по рации. Или?.. И рация у вас сломана?

Костик. Сломана, мать ее! Говорил этому Федюле, надо бы заменить. В случае чего, помощь — по-экстренному. На вертолете. А он...

Татьяна Сергеевна. Но поймите же, если резать...

Костик. Не сдохнет, вы его хоть топором.

Татьяна Сергеевна. Напарник по зимовке? Подрались?

Костик. Хватит вам, доктор! Пойдемте! Там человек гибнет! А вы тут!.. Разводите... Я наворочал снегу... Ради вас, да? Ну и будьте здоровы! Лучше бы укатили уже в свои Палестины, а то мозолите нам здесь глаза!

Татьяна Сергеевна. Муж вернется с визой, вот и укатим. И мозольте себе глаза самостоятельно.

Костик угловато шагнул к двери.

Татьяна Сергеевна. Стойте!

Костик. Так-то лучше. Сколько вам на сборы?

Татьяна Сергеевна. Минуточку! Я переоденусь. Вы... вы повернетесь спиной... И без этих... Не оборачивайтесь.

Татьяна Сергеевна переделалась — ватные штаны, вязанный свитерок, телогрейка, сапоги-карбоза, прихваченные по голенищу собачьим мехом, заячья шапка с длинными, заменяющими шарф ушами.

Татьяна Сергеевна. Я готова! Пошли. Где твоя баржа?

БАРЖА

В каюте, на узкой койке, под одеялом верблюжьей шерсти, лежал человек с отечным лицом, жадно, по-рыбьи хватал воздух. Пол усеян окурками, в углу раскаленная буржуйка и ведро с пустыми консервными банками. На стене гитара.

Татьяна Сергеевна. Не подмести! Не убрать! Ну и зрелище: огарок свечи и... раздва-три... пустых из-под питьевого спирта. Глотку не сожгли?

Костик. Под гитару ее остужали.

Татьяна Сергеевна. Красиво жить не запретишь.

Костик. Люди — не звери...

Татьяна Сергеевна. Оно и видно. Вскипяти воду, побольше. И нож приготовь мне. Какой поострей...

Костик. Резать будете?

Татьяна Сергеевна. А если придется? Что я могу знать до осмотра?

Костик. Хорошо. Федюлю можно резать. Но не до смерти.

Костик выискал закатившееся под вторую койку эмалированное ведро и вышел из каюты.

Татьяна Сергеевна, сняв ватник, прошла к больному. Уселась рядом с ним — на табуретку. Задрала на Федюле рубаху, цепко стала ощупывать живот.

Татьяна Сергеевна. Щекотно? Нет?

Федюля. Мы это так... случайно. Не по вражде...

Татьяна Сергеевна. Догадываюсь, с перепоею.

Федюля. Скорее, по глупости.

Татьяна Сергеевна. Ты про живот лучше думай, Федюля.

Федюля. Я животом думать не привык.

Татьяна Сергеевна. Не хохми! Не напрягайся животом, я тебе говорю.

Федюля. Резать будете, Татьян Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. Если резать, то не до смерти. Костиково ЦЕУ.

Федюля. Костик знает, чо говорит. Чо не скажешь на больную голову...

Татьяна Сергеевна. А давно у него?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. С головой.

Федюля. Таким уродился, с гнильцой.

Татьяна Сергеевна. А ты?

Федюля. Чо я?

Татьяна Сергеевна. Как у тебя с головой?

Федюля. Тянет на две полши, и не колышется.

Татьяна Сергеевна. Значит, крепкий?

Федюля. Мы Никулинские! Наш хромосом с железом в кости родится!

Татьяна Сергеевна. А про мамку не вспоминаешь, когда болит?

Татьяна Сергеевна подобралась пальцами под нижнее ребро.

Федюля вплелся в женские руки. И в крик.

Федюля. О-о-о! Вы это чо? Зачем про мамку? Я вам не малец какой. Я!.. Я сам уже папкой быть могу, если позволите.

Татьяна Сергеевна. Сначала до свадьбы доживи, тогда и позволят. Ушиб у тебя, ничего страшного.

Федюля. Почем знаете?

Татьяна Сергеевна. Училась, вот и знаю, Федюля.

Федюля. (Обиженно). Поучите и меня. Я... ведь сказано... не малец уже. Я... я...

Федюля тянул уже не слово. В слове задохся. Руку тянул, спасительницы своей и мучительницы, ниже и ниже, за рубаху, за ее, бортиком подшитый край.

Татьяна Сергеевна. Дурак!

Женщина с отвращением вырвала руку из потных, мыльной скользкости пальцев. Потрясла ею, как после укуса, и повернулась на скрип открываемой двери.

Татьяна Сергеевна. (Костику). Я же воды просила!

Костик вносил в каюту поднос с угощением. На тарелке под кружками лука малосольная рыба-кондевка. На другой — матовые полоски замороженной строганины, обложенной дольками консервированных огурцов. Карман его телогрейки пузырился бутылкой питьевого спирта.

Костик. Что охраняем, то имеем. Будет и вода!

Татьяна Сергеевна. А не переборщишь, Костик?

Костик. Мы с закусоном, не как-нибудь голиком, ваше высочество. И потом... За знакомство. Закон требует! У кавалергарда век не долог. А тут выпало впервой — голубая кровь, живая княгиня...

Татьяна Сергеевна. Не дури!

Костик. И декабристской нельзя?

Татьяна Сергеевна. Татьяна Сергеевна — и точка!

Костик. Хорошо, Татьяна Сергеевна, будь по-вашему. А песню? Песню тоже нельзя?

Татьяна Сергеевна. Какую?

Костик. Гитарную-вашенскую, родовую, так сказать. «Поручик Голицын, корнет Оболенский...»

Татьяна Сергеевна. Мой поручик Голицын был вовсе не поручик. Он вышел в отставку прапорщиком. Пора уже знать, если решил погусарить под моего Голицына.

Костик. Кто он вам, если на пальцах считать? Прапрадед?

Татьяна Сергеевна. Обойдешься без заполнения анкеты.

Костик. А то?

Федюля. На дуэль!

Татьяна Сергеевна. Я вам в этом деле не компания!

Костик. В дуэли, Татьяна Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. В пьянке-гулянке!

Федюля. Отчего же, Татьян Сергеевна? С этого дела легчает. Проверено — мин нет!

Федюля плавно влил в себя спирт, поостерегся порывистого движения.

Федюля. Хошь, Татьян Сергеевна? Не хошь? Как хошь! А мне, Костик, повторную. Хорошо пошла, напрямки к оздоровлению организма.

Костик пододвинул тумбочку к Федюлиной койке. Быстро порезал кондевку, на шесть частей. Обсосал слезящиеся жиром пальцы, протер их газетой. И после, все так же молча, прошел к иллюминатору, под которым держал опорожненную посуду. Отдраил его и побросал бутылки на лед.

Татьяна Сергеевна. Застудишь парня!

Костик. Чего там! С морозца не дохнут! А иллюминатор — это... типа окно в Европу. Глядь, сейчас суший цирк будет! Собака там у нас, просто черт живой. Идите сюда, а то прошляпите зрелище. Во! Не зазевалась — махнула за борт. Во-во, глядь! Тащит уже, тащит назад тару стеклянную. Наш характер, таежный. Чего деньгам зря пропадать?

Татьяна Сергеевна. Кино!
Костик. Не кино, а цирк.
Федюля. Такое дело надо обмыть.

Костик бросил ломтик строганины собаке, за дверь. Повернулся к Федюле.

Костик. Выходит, на вторую потянуло?
Федюля. Говорил же, пошел напрямки — к оздоровлению организма, паря.
Костик. Хвалю!

Взялся за бутылку.
Горлышко просыпало стеклянную дробь по краю стаканчика.

Федюля. Не расплеши!

Пахучая лужица растеклась по поверхности тумбочки.

Костик. Ну, на грудь! Сейчас костерчик запалим.

Костик чиркнул спичкой. Синеватый огонек вскинулся над тумбочкой.

Татьяна Сергеевна, не реагируя, уложила руки на плечах и, слегка покачиваясь, смотрела на огонь, как в зеркало...

Тепло добиралось до нее волнами, низовыми, обласкивало ноги. Но в груди все еще занозисто гноился холодок, быть может, не живой.

Этот чувствительный, но странный по восприятию — будто бы из потустороннего мира — холодок, достался ей в наследство от известного с давних времен на все таежное приволье золотодобытчика, печника, и летописца Кима Кудесника, обучаемого французскому женами ссыльных декабристов, негласного тестя князя Валериана Голицына.

Ким Кудесник слыл великим выдумщиком и чародеем. Знал множество потайных троп и целебных трав. Видел прошлое и будущее. В своих летописях, памятуя о наказе атамана Бугра, вел жизнеописание Киренска — не жалел слогу ни силы ядерной, ни цвета исконного.

«День вертит солнечный жернов к ночи,— писал он в 1829-ом, горько вздыхая от дум своих.— Ночь извергает небесный огонь на рассвете. И вспыхивают облака зорным заревом. Первые российские облака, порожденные у восточных границ Отечества нашего. Облака, коим нести очищающее пламя на запад, в далекую Московию. Облака, кои будут за плечами у отрока Валериана, князя Голицына, когда оторвется он от дочери моей, светлой лицом Ольги Разумницы, и направится по цареву указу в солдатчину. Соловей поет к разлуке. Не стерплю, заплачу я...»

Эти, последние слова о соловье, слетев невзначай с пера Кима Кудесника, обросли крыльями и превратились в песенные, народные, распеваемые в Сибири и в Арктике, на Урале и Дону.

Жизнь, по летописям Кима Кудесника, вырисовывалась тяжкая, но Богом отмеченная, не пресекаемая из рода в род. На дальнем побеге рода своего видел он сиятельный знак небесного знамения и Святой Земли, где пра-пра-внучка его Татьяна явит миру младенца, нареченного Мессией новых времен, и потому, не страшась, ввел свою дочь — красавицу Ольгу Разумницу — в опочивальню ссыльного декабриста Валериана Голицына.

Ким — единственный грамотей — был приставлен к нему в услужение до при-

бытия губернатора грека Василия Лазова. Тот был отправлен из семьи с запасом книг в край невероятной отсталости, где, как явствовало из письма Валериана,— жило всего семьсот человек, и все они такие дремучие, что не с кем перекинуться словом, разве что с Кимом Кудесником, которого жены сосланных декабристов обучили даже французскому, и его дочь Ольгой. В остальном — никаких развлечений. Слово «театр» звучит для киренчан сугубо абстрактно. О существовании библиотек — понятия никакого. Правда, кое-кто, кое-когда мог о них слышать, но во имя чего ими пользоваться никто представления не имел.

Столь образное описание времяпрепровождения в Киренске, понятно, вызвало панику в княжеских покоях. И губернатор Василий Лазов, с деньгами, домашней библиотекой и двумя крепостными был снаряжен в дальнюю дорогу. На перекладных он добрался до Иркутска, представился губернатору. И попросил разрешение поселиться в Киренске — у своего воспитанника князя Валериана Голицына.

Губернатор боялся выглядеть снисходительным по отношению к государственным преступникам. Поэтому он пообещал Василию Лазову обратиться с запросом к генерал-губернатору Восточной Сибири. Заодно и поинтересовался: как это отпрыска высокочтимой фамилии князей Голицыных занесло в вольнодумцы? На что грек Василий Лазов ответил приблизительно так... Никакой бес не попутал молодого князя Валериана, а просто-напросто он из уважения к человеческому достоинству и вольности записался в Северное общество. На допросе Валериан пояснил: к этому его побудило то, что он «заимствовал свободный образ мыслей от чтения жарких прений в парламенте тех народов, кои имеют конституцию, а также от чтения французских, английских, немецких и итальянских публицистов». Если же быть абсолютно точным, следует добавить следующее: в Северное общество молодого князя Валериана Голицына принимал Александр Викторович Поджио, итальянец по происхождению, чей отец переселился в Одессу вместе с отцами-основателями города: герцогом Ришелье, Ланжероом и де Рибасом.

Дав исчерпывающую информацию губернатору Иркутска, Василий Лазов не стал дожидаться милостивого соизволения на проезд в Киренск, и двинулся туда на свой страх и риск. Ждать пришлось бы долго. Ибо и генерал-губернатор, по известной каждому русскому чиновнику причине, не отважился взять на себя ответственность. Он перекинул решение вопроса на всеильного шефа жандармов Бенкендорфа.

Получив послание из Иркутска о том, что грек Лазов, упредив высочайшее соизволение, самовольно направился в Киренск, всемогущий шеф жандармов Бенкендорф тоже не сподобился на волевой поступок. И обратился к царю Николаю Первому. Царь потребовал обстоятельных разъяснений у Натальи Ивановны Голицыной, матери декабриста. И эти разъяснения получил в письменном виде.

«На вопрос, по какому случаю грек Лазов находится в Киренске объясняю, что более 20 лет он жил у нас в доме как друг и по собственной своей привязанности к нам и детям нашим просил согласия ехать в Киренск, так как от правительства не было запрещения на въезд и жительство в оных городах свободного состояния людям. Мы не только не отказали ему в том, но были совершенно уверены, что он не допустит нашего сына впасть в пороки, которые еще могут усугубить его положение».

На письме княгини Натальи Ивановны царь Николай Первый поставил собственноручно резолюцию: «Крепостных отправить в Россию, а греку разрешить остаться в Киренске». Но было уже поздно. Лазова, чтобы не морочить себе голову перепиской с высокостоящими начальниками, спровадили восвояси: из Сибири — куда подальше, на запад. А в 1829 году, когда Ольга была на девятом месяце, и Валериана Голицына выслали из Киренска. По указу императора его откомандировали в действующую армию, на Кавказ, в унижительном для князя звании — рядовым...

А Ольга?

Ольга родила сына, дала ему по отцу имя — Голица. Таким образом — не зря ее величали Разумницей! — заложила и для детей сына своего, внуков да их потомков, славную, от рода положенную им фамилию — Голицыны. И еще оставила она им всем, как в наследство, песню Кима Кудесника — колыбельную женского сердца: «Соловей поет к разлуке. Не стерплю, заплачу я...»

ЛИШНЕЙ ВОДКИ НЕ БЫВАЕТ

Татьяна Сергеевна вышла из забытья, ощутив в пальцах холодное стекло.

Татьяна Сергеевна. Это лишнее.

Федюля. Но не для меня!

Костик потянулся к нему с бутылкой.

Татьяна Сергеевна. Хватит ему! Ты же его спаиваешь, Костик.

Федюля. Спаить — не удавить! Мы Никулинские! Мы можем! Налей, казак, атаманом будешь! Плесни! Плесни! И Татьян Сергеевне удружи. А то, глянь, в штаны ватные втерлась, а сама дрожит. Штаны-то что? Снаружи греют. А водка изнутри — по-нашему, как сердце... Правда моя, Татьян Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. Вся твоя правда, дружок, на доньшке.

Костик. Ага! Муж алкоголик. Не любит таких... Нас...

Татьяна Сергеевна. Ох, парень, парень! Все твои мысли дают крен на сорок градусов.

Костик. А нам — что? Мы в лед вросли. Нас крен и на девяносто градусов не скопытит. Самый стояк!

Федюля. Спирт стакану — не обуза.

Татьяна Сергеевна. Я вам не компания. Да и поздно уже. Пойду.

Костик. Ой ли? Пойдете! Куда вы пойдете на ночь?

Татьяна Сергеевна. Как пришла, так и пойду. Привычная.

Костик. У нас крен на сорок. А у вас? У вас вообще крыша поехала, доктор! Напоритесь на шатуна-якута, и полный шахсей-вахсей. Он вам шею свернет на все сто восемьдесят.

Татьяна Сергеевна. Не свернет! Я у вас одолжусь ружьишком. Есть у вас ружьишко, Костик?

Костик. Как не быть? Под койкой у Федюли. Но... доктор! Как вам ствол? Он... того... нам под расписку даден...

Татьяна Сергеевна. О неразглашении?

Костик. Чего? А-а, язвите с устатку. Дело хорошее. Мы не в претензии. Ствол нам даден для охраны груза. А груз у нас приметный... На нюху у каждого зверя в человечьем обличье. Спиртыга.

Татьяна Сергеевна. С вашим аппетитом, Костик, вы весь свой груз...

Костик. До навигации, хошь сказать? Не бойсь, доктор! Не пропьем — некуда стеклотару сдавать. А если под серьез подвести... Мы, Татьяна Сергеевна, не дуриком лезем в горлышко. Что положено на усушку, то — да! — прямым ходом в пасть, как пить дать. А что не положено... За «неположено» — тюрьма. Мы, доктор, свои права, знаем.

Татьяна Сергеевна. На спиртовом дыху мозги выветриваются.

Костик. В этом вы правильный курс держите. На спиртовом духу человек начинает ноздрей думать. Кого наш спиртовоз ни притягивает, дай только запашку поднаглеть. Даже шатун-якут, и тот повадился. Следами кружит вокруг баржи, а зайти стесняется.

Татьяна Сергеевна. Гостинца не припас на обмен?

Костик. Он без гостинца не заходит. А гостинец его — жакан убойный. Правильно я говорю, Федюля?

Паренек уже тихо посапывал. Откликнулся спросонья.

Федюля. Чо?

Костик. Докторша вот надумала драпать.

Федюля. А я?

Костик. Ты — выздоравливай сам!

Федюля. С твоей, видать, помощью, Костик? Твоя помощь, паря, известная. Спасибо, что не убил.

Костик. Ну, болотун! Все по природе, малец! Сильному — право, а с правом — и верх. Правильным я курсом иду, доктор? Или в ваших Палестинах все наоборот?

Татьяна Сергеевна. Налей уж, Костик. А то говоришь-говоришь, поскользнешься на языке и зубы сломаешь. Лучше уж выпьем за здоровье, чтобы не пить на упокой.

Костик. А что? И убить горазды?

Татьяна Сергеевна. По мне, важнее исцелять. Некоторых и от каши в голове.

Татьяна Сергеевна пододвинула к себе тумбочку, высвободила от газет вторую табуретку для Костика. И подставила стаканчик...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Судорожно, двойным глотком, в перехват горла Татьяна Сергеевна вобрала в себя студеное питье, поспешно закусила кондевкой и лишь потом вспомнила о запивке. Потянулась стаканчиком к Костику. А он, оказывается, уже позаботился: впритык к бутылке поставил эмалированную кружку с водой. Движение же Татьяны Сергеевны истолковал превратно. И чтобы угодить, поторопился, плеск-плеск, девяностоградусного спирта, наскоро, с переливом.

Татьяна Сергеевна. Повремени.

Костик. А мы и не заставляем! Кто сколь может! — (И к Федюле).— Правильным я курсом иду, паря?

Федюля. Чо?

Костик. Да ничо... Правильно?

Федюля. У тебя всегда правильно, пока не убьешь невзначай.

Костик. Поговори мне!

Федюля. А чо?

Костик. Через плечо! «Отговорила роща золотая».

Татьяна Сергеевна. Есенин?

Костик. А то! Мы можем ходить конем! Надо, и в рифму впряжемся на раз... Если жить, как жить, по уму, без дураков, в получку положенных!

Татьяна Сергеевна. Ладно, ребята. Выпьем за вас.

Костик. Пей до дна! Пей до дна! Там на дне любовь видна!

Федюля. Видите, как обрадовался, что уговорил вас. Для него «своя» — это всегда праздник.

Костик. Вот вы, доктор... вы по музеям ходили. Деньги выкладывали за входной билет, смотрели на разных Рембрандтов. Репин там, Левитан... А у меня музей без входного билета! Бесплатно! Здесь! На борту баржи! Федюля!.. Мозгов бы ему поболее — продавай в Эрмитаж.

Татьяна Сергеевна. Мозги?

Костик. Мозги ему высыпали. Их не продать. А картины...

Федюля. Помолчал бы в тряпочку.

Костик. Прикиньте, доктор. Вот живем-живем, хлеб жуем, ухом не ворочаем. Стрельнем какого зверька — на мясо. Мясо съедим, белым заьем, и под кусты. Тишь да тоска мухобойного времени! Ну и? Пусть так, вы умная, я не очень. Но и мы — мы! — можем. Можем, Федюля? Можем! Правильным я курсом иду, Федюля, а?

Федюля. Другого у тебя не бывает.

Костик. Слышали? Федюля — на полном согласии. А он не простак, а мастак, если в рифму. Мастер художественного промысла! Он вас, Татьяна Сергеевна, прояснит лишь понимание на копейку, изобразит на рубль с полтиной. И будете красоваться на портрете, как живая.

Татьяна Сергеевна. Я и без того покрасовалась

Костик выволок из-под Федюлиной подушки коленкоровую папочку с тесемочками. Хлопнул ею по ладони, для звука богатырского, и протянул гостю первый из наугад выхваченных листов.

Костик. Мы можем, доктор! Можем! Глядите, завидуйте, я человек! Мой дюжий талант не растает, как снег!

Видя, как Татьяна Сергеевна, взяв лист ватмана, жмурится от нехватки света, Костик затеплил на тумбочке огарок свечи, потом еще один на приклепанном к перборке угольнике, где и оставил коробок спичек.

Татьяна Сергеевна. Не понимаю...

Костик. Что «не понимаю», доктор? Я вам подсунул не историю болезни.

Татьяна Сергеевна. Не понимаю... Федюля, ты где-то учился этому?

Федюля. Не-а!

Татьяна Сергеевна. А с какими художниками знаком?

Федюля. Лично?

Татьяна Сергеевна. По альбомам хотя бы...

Федюля. У нас разве что настенный календарь купишь.

Татьяна Сергеевна. Как же тогда? У тебя линия... композиция... прием... Да и похож ты... Это не придумано. Дважды одно и то же не придумывается. Твое... Как бы это тебе разумно объяснить? Твое, понимаешь, от него... Ты похож... знаешь, на кого ты похож, Федюля?

Костик. На папу! Я же говорил: он не пальцем деланный. Он и сам уже способен мальчика заделать. Только пригласи — будет вам чудо заморское, как на роду написано.

Татьяна Сергеевна. Погоди, балабол! Он похож... Как это может быть?

Федюля. Мне дадено.

Татьяна Сергеевна. У меня муж...

Костик. Тот, кто за визой рванул?

Татьяна Сергеевна. Других не держим! Так вот... Мишаня мой по образованию искусствовед. И я, надо сказать, под его влиянием поднаторела.

Костик. Дурак он у вас, простите за резкость!

Татьяна Сергеевна. Если бы так, Костик. Всем бы жилось полегче. Дуракам — счастье, а женам их печатные пряники и расписные кокошники.

Костик. А чего он вас тогда с курса сбивает? Голубая кровь...

Татьяна Сергеевна. (Будто кому-то подражая). А променяла на...

Костик. На европейскую, Татьяна Сергеевна. Европейскую. Мы без этих. Нам что француз, что арбуз. Одно едино — за Уральским хребтом, Европа! Все бы им нашенское вывозить. Свое создать не способны — нашенское им подавай за бесплатно! Вот разродитесь там, глядь, и впрямь чудо явите из чудес. И опять они за наш счет — впереди планеты всей. А мы? Мы не умы! Правильным я курсом иду, доктор? Я — то правильным. А вы — увы, как говорят знающие люди! И кто же вас сбивает с пути?

Татьяна Сергеевна. Не он, Костик. Не Мишаня... Успокойся. Да и вообще, родись он, где нужно... Не сидел бы в местной газетке, не гнал бы строкаж о коровах, надоях. Он музейный эксперт, Костик... Талантливый человек.

Костик. Как Федюля?

Татьяна Сергеевна. В другом смысле... Эксперт от Бога! Если я разглядела в этих рисунках Шагала, то можешь себе представить...

Костик, перебивая. Куда шагала?

Татьяна Сергеевна. Вот-вот...

Костик смутился.

Костик. Я не деревня!

Татьяна Сергеевна. Какая разница, да пусть городской! А город у нас, город! Бревенчатый, изба на избе — допотопное зодчество! В гордом одиночестве торчит посреди тайги, один на пятьсот верст по округе. Минус сорок. Канализации нет. Водопроводом не обзавелись. Воду таскай коромыслом из проруби. Так кто мы, киренские? Не деревня?

Костик. Себя, Татьяна Сергеевна, величайте, как слово на язык напросится. А меня не невольте. Я Петропавловский!

Татьяна Сергеевна. С каких это пор ты стал городской?

Костик. Было однажды: делать из нашего села город. Но не позволили в Иркутске, в области. Два города на один район — замного, постановили в центре, переделаются еще, кого звать столичными.

Татьяна Сергеевна. Столичные вы, не столичные... Называйтесь хоть заграничными! Каждый — иностранец Федоров! А по большой нужде приспичит, бегать все равно на двор. В дощатик. Дикость, как при атамане Бугре — основателе Киренска, триста пятьдесят лет тому назад. Цивилизация!

Костик. Не накладывайте резолюцию, Татьяна Сергеевна. Доктор вы по другим болезням. Вот я недавно прочитал: динозавры жили шестьдесят миллионов лет подряд, и ничего — ни следа. А мы, человеки? Подумаешь, и десяти тысконок нам не наступало.

Татьяна Сергеевна. Динозаврам, Костик, во двор при минус сорока ходить не понадобилось. Они предварительно вымерли. От страха, за участь...

Костик. (Под смех Федюли). Своих яиц?

Татьяна Сергеевна. Пусть так...

Костик. Ладно, Татьяна Сергеевна, не будем думать яйцами. Я посоветоваться хочу. А не попробовать ли нам опять, петропавловским?

Татьяна Сергеевна. Что? С динозаврами соревноваться?

Костик. А то самое! Взять да перелицевать себя в городские нынче. Времена покамест мирные: загривок топором не причесывают. Разродились бы у нас, в Петропавловске, а? Глядь, малец и впрямь чудо, с небесным знаком отличия. Соображаете, какой резонанс в мире? Новое Пришествие! Новое Пришествие! Паломничество к нам тотчас начнется. И сразу прав у нас на городское наименование прибавится. К тому же, для укрепления рейтинга, можно напомнить: в прошлом здесь и сам Косыгин, Алексей Николаевич, уродился. И предки его, купцы богатейшие. А не уродился, так жил и работал. В двадцатых — прослышали? — верховодил у Киренских кооператоров, писал в нашу газету.

Татьяна Сергеевна. Скажу тебе по секрету, Костик, чего не знаешь. В семьдесят третьем, когда Косыгин гостил в нашем регионе, редакция «Ленских зорь» из этих заметок газету для него на ватмане напечатала. В одном экземпляре. И преподнесла в дар. А он нам за это — «Орбиту» поставил. Вот телек и смотрим.

Костик. А то! Какой секрет? Слышали! По личному своему указу! Значит, есть смысл и сегодня кого попросить из большого начальства. Разделите вы по личному своему указу, господа хорошие, нашу территорию по уму. На два района. Киренский и Петропавловский. Чтобы стенкой не ходить на стенку, не гоношиться — кто столичный, кто глухая провинция. Правильно я говорю, а, доктор?

Татьяна Сергеевна. (Пожала плечами). Я знаю?

Ей было не до Костика. Она изучала содержимое коленкоровой папочки. Переворачивает листы, рассматривает рисунки.

Татьяна Сергеевна. И Шагал из-за отсутствия красок рисовал в двадцатых годах ламповой копотью.

Костик. Ну?

Татьяна Сергеевна. Что?

Костик. Ну, так я интересуюсь, доктор. Дайте диагноз. Правильно мы пьем, по поводу?

Татьяна Сергеевна. Вы пьете правильно.

Костик. Налить?

Татьяна Сергеевна. Налей! И я выпью правильно.

Костик. Мозги, видать, не заклинило. А то я и так и этак ему: рисуй акварелью, цветные картинки всегда симпатичнее. Нет, натягает из керосинки грязи, разбавит водичкой, и ну возить по бумаге. Думал я, срамотища! Потом думал — а хрен его знает! Теперь хочу думать — а почему бы не в музей?

Татьяна Сергеевна. В музей?

Костик. А то! Ваш муженек — мы прослышаны — со всеми музейными наперечет знаком.

Татьяна Сергеевна. Этого мало.

Костик. А пусть пригрозит: здесь Федюлины картинки не возьмете на выставку, я их в Париж увезу, за деньги там показывать буду.

Татьяна Сергеевна. Мы не в Париж собрались.

Костик. А хоть и в Палестины!

Татьяна Сергеевна. Разрешаешь? В ущерб Петропавловску?

Костик. Ну...

Татьяна Сергеевна. Петропавловску Федюлины картины не по карману?

Костик. Не по мозгам. Было еще на что им гроши тратить.

Федюля. Отстань! Дай Татьян Сергевне!

Татьяна Сергеевна. Откуда ЭТО у тебя?

Федюля, не поняв. Этот? На крыше избы? С дудкой? Который коров собирает?

Татьяна Сергеевна. ЭТО...

Федюля. А-а... Папаня картинки привез. На стенах прикнутил.

Татьяна Сергеевна. Он бывал в Витебске?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. В городе, спрашиваю, Витебске? Рисунки — оттуда?

Федюля. Не-а! Из Костикова села. По плотницкому делу, когда судно зимой на приколе, их выкомарил. В Петропавловском, на халтуре. Раскатывал там богатую избу. Наследнички упростили — перебирались в Киренск, на столичное житье. Как им на новом месте без избы?

Татьяна Сергеевна. Я о рисунках...

Федюля. И я о том же. Там, в той избе, на чердаке, и выкомарил папаня картинки. Там еще, в сундуке, керенки были. Но куда с ними нынче? Селедку в них заворачивать — себе дороже. Вот папаня и сдал их в нашу школу, в музей, стало быть. Об этом даже в газетке нашей, в «Ленских зорях» писали.

Татьяна Сергеевна. Мой муж и писал.

Федюля. Помню. Называлась статья — «Ценная находка».

Татьяна Сергеевна. А подпись... Не помнишь?

Федюля. Почему? Я еще из памяти не вышел. Большими буквами было — МИХАИЛ ГОЛЬДИН.

Татьяна Сергеевна. А внизу? Маленькими?

Федюля. Во пристала! Всего не упомнишь, Татьян Сергеевна.

Татьяна Сергеевна. Внизу... маленькими... «искусствовед».

Федюля. Куда это вы клоните, доктор?

Татьяна Сергеевна. Лучше бы твой папаня ему рисунки Шагала показал. Это же!.. Это же... неизвестные работы Шагала! Революция в умах! Событие на весь мир! А то керенки. Подумаешь, невидаль.

Федюля. Спасибочки, вам Татьян Сергеевна! А вы задумывались, какие украшения у нас в избе? Фотки родичей, да и те выцветши. А тут картинки... Папаню не проведешь. Дашь кому посмотреть, назад не допросишься. А что на стены кнопить? От вашего наива страдать умом станешь...

Татьяна Сергеевна. Какое у тебя образование, Федюля?

Федюля. Восьмерка. И курсы речников.

Татьяна Сергеевна. А дальше?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. Учиться.

Федюля. Век учись, Татьян Сергеевна, все равно дураком помрешь.

Татьяна Сергеевна. Все-то у тебя, парень, просто.

Костик. А чего сложного в жизни. Жизнь одна. И с ней обходись попроще. Как с собакой. Встать! Лечь! К ноге!

За дверью заскулила собака, скребя когтями по дереву.

Татьяна Сергеевна. А ты, Федюля? Как ты?

Федюля. А так, Татьян Сергеевна! Я за правильное житье. Чтобы мне — мое, ему — его. Он в том разе не позарится на мое, я на его. И все миром. Иначе война, и руби головы. Чего проще?

Татьяна Сергеевна. Проще? Федюля, как же проще, когда себе противоречишь? Вот, например, ты. Сам того не ведая, ты позарился на весь мир.

Татьяна Сергеевна выжидательно постукивала пальцем по коленкоровой папочке.

Федюля. Я? Дался вам этот мир, доктор! Мне этот мир и даром не нужен!

Татьяна Сергеевна. А если прославишься?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. Если твои картины будут выставлять в музеях? Если о тебе будут писать в газетах?

Федюля. Газеты... это... Я в газеты плохо верю, Татьян Сергевна. У них дурной глаз. Про папаню разок прописали. Мол, унаследовал он тропку-чудесницу. К Юмале, богине Сибири, литой, понятно, не из сургуча, что на почте. Из самородного золота. Прописали и забыли. А папаню за эти писания... Где тропка? Где золото? И в прорубь...

Костик. Так на слуху. А что всамдел произошло с батяней — никто толком не знает. Глядишь, и сам по пьяни нырнул. Известно лишь, что секрет этой тропки с концами ушел под лед. И теперь, пока не сыщут деда его, Федюлиного, стал быть, — никто не доберется до Золотой бабы. Дед у него шаман. Может, наслышаны? Григорий Конда.

Татьяна Сергеевна. Как же! Слышала. От Фрола Красноштанова, бакенщика. В его избе я и окоренилась с тех пор, как приехала лечить старика. Станный мужик был, собственную смерть день-в-день предсказал.

Федюля. Чепуха! Какие у него, кегебешенного пытателя, предсказания? Это все мой дед!

Костик. Шаман!

Федюля. Сам ты шаман! Дед — большой человек! Всей Сибири властитель! Сколько лет по тайге бродит, вроде пропал совсем. Ан нет! Каждое его слово докликивается до людей — почище вашей газеты. Помнят люди его, берегут от винтаря. И передают тишком, не-а, не старое, а сего дня молвленное. И где молвленное? В такой задуми, что... Как с того света дед говорит. И аукается каждому его слову тайга.

Костик. Не врет. Люди слушают. А потом слово, сказанное им, само собой выполняется — факт!

Федюля. Вот прорезалось у деда, мол, помрет вскоростях Фрол Красноштанов. И чо? Фрол перечил, гоношился, как по молодости, когда пытал деда паяльной лампой? Не перечил слуху, не гоношился. Отправил писулю в пароходство — «пришлите кого-нибудь в помощь». И все тут.

Татьяна Сергеевна. Э, нет, Федюля! Неправда твоя. Фрол лично мне божился — предчувствие у него.

Федюля. Фрол от дьявола! Он тут Че-Каблучил! Че-каблучил, людей в гроб загонял. А вы — божился... Значит, допекло! И все же, лучше, не божился, Татьян Сергевна, а сказывал? Согласны?

Татьяна Сергеевна. Пусть сказывал... Что это меняет?

Федюля. А то! Сказывал, да не все, Татьян Сергевна! Сказывал он, откуда взялось такое предчувствие? Не морщите лоб, не сказывал. А взялось оно не с неба. От меня! Проходил я на барже мимо бакена, а мне голос дедов. «Спусти якорь, иди к Фролу Красноштанову. Иди и скажи ему: «Смерть твоя пришла, Фрол! Заканчивай свои земные дела, и собирайся в дорогу». У них, Татьян Сергевна, давние счеты. Это сейчас Фрол был при полезном деле... А раньше... раньше — говорят, по приказу самого Сталина — вылавливал из тайги Золотую бабу. «На фига твоей потайной женщине в снегах укрываться? — теребил деда под присмотром винтаря. — Золото — это народное достояние!» Однако дед не подался Фролу. И богиню Юмалу не отдал на растерзание. А накричал-напророчил: «Будешь ты бирюк бирюком, без жены, без детей, и Че-Каблучить тебе разохотится! А умирать будешь, о Боге вспомнишь».

Татьяна Сергеевна. Подействовало?

Федюля. Вы свидетельница, Татьян Сергеевна.
Татьяна Сергеевна. Умирал он у меня на руках...
Федюля. Прощение просил?
Татьяна Сергеевна. Просил. У меня просил, за все прегрешения. Странно, что у меня. Но... Знаете, ребята, еще он просил поставить на помин его души свечку в Храме Гроба Господня.
Костик. Это — где? В Иерусалиме?
Татьяна Сергеевна. В Иерусалиме.
Костик. Поставите?
Татьяна Сергеевна. Поставлю, если вы меня отпустите в Израиль.
Костик. Я отпускаю.
Татьяна Сергеевна. Федюля?
Федюля. А картинки мои повезете к вашему Шагалу — на проверку достоинств?
Татьяна Сергеевна. Шутишь?
Федюля. Я не шучу... Ни папани, ни деда в наличии. Какие шутки? Сеструху насильничали, померла. Да и маманя... Живет ли, нет — на лбу словом не написано. Вот такие, Татьян Сергеевна, наши с вами пироги с капустой. И кому все это было нужно?
Татьяна Сергеевна. Не кому, а — зачем?
Федюля. Вы о чем?
Татьяна Сергеевна. О себе я, о себе...
Федюля. О себе не во вред. Хуже, когда о всем человечестве.
Татьяна Сергеевна. Честно, не только о себе. О тебе, Федюля, о Костике...
Федюля. И обо всем человечестве?
Костик. Мы можем — ходить конем! А?
Татьяна Сергеевна. Мне подумалось невзначай, ребята... как бы это вам?
Федюля. Не маленькие.
Татьяна Сергеевна. Вижу, большие! Тогда поломайте со мной голову над одной мыслью. Как это так получается, что Гитлер и Чаплин родились в один день. 20 апреля 1889 года...
Костик. Было над чем думать!
Татьяна Сергеевна. Не густо!
Федюля. А он на другое не способен. Ему щец пожиже, но побольше, до зелененького ранта на тарелке.
Костик. Ладно, уймись, философ хренов! Тебе уже зелененькое мерещится. Скоро и до зеленого змия докличешься.
Федюля. Змий, не змий. А дед... Тут он — мельком прошмыгнул... И смерть заглядывала, как с того света...
Костик. Опять? Хватит тебе, не шамань! Думает твой дед о нас, как же! Сгнил уже, вывонялся весь до косточек! Возле разлюбезной своей Золотой бабы!
Федюля. Сам ты вывонялся!
Костик. Говорят, говорят о нем... А кто его видел вживую?
Федюля. Фрол его видел. В том году, когда сеструху насильничали. Сам и передал мне приветствие. «Приходил твой дед Григорий,— сказал мне.— И пообещал, что предупредит меня о смерти, чтобы мог я по-хорошему подготовиться, грехи от-молить». И еще сказал, смерти боялся вот и сказал: «Чистый я перед дедом твоим Григорием. Не я его убил, он меня. Так пусть на меня зла не держит».
Костик. А ты, Федюля, ему и поверил?
Федюля. Перед смертью не врут. Перед смертью уже знают. Там суд правый. Ежели загодя совесть не отмоешь, там все твои пятна проступают наружу. По ним и читают повесть жизни твоей.

Костик. Брось! Станет Фрол выводить пятна загодя!

Федюля. Станет. Когда за плечами — смерть, баловству конец. Лицом поверты-
ваешься к Богу.

Костик. Федюля! О чем ты? У тебя же Бог из золота... Забыл?

Федюля. Не важно, какому Богу молиться, верят-то в Единого. Молитвы всегда направлены к небу. Даже у Фрола. Пусть и не верил, а душу все равно отдал Богу.

Костик. Кто докажет?

Федюля. Я...

Костик. В окошко подсматривал?

Федюля. Не без этого.

Костик. И как Он выглядит?

Федюля. Своего Бога каждый видит по-своему.

Костик. А свою смерть?

Федюля. Свою смерть не дано увидеть. Чужую — да, свою — нет.

Костик. Ну и как она, чужая?

Федюля. Оглянись и подумай!

Костик. Да ну тебя, черт никулинский! Запугаешь!

Федюля. А ты не пугайся, Костик. Тебе один фиг, что назад глядеть, что вперед.
А мне — страшновато. Вижу, таится она тут у баржи, в каюту пару раз заходила.

Костик. Костлявая? С вострой косой? Так и выглядит?

Федюля. Она в каждом из нас по-своему выглядит.

Костик. Моя покраше твоей будет? Ну, художник, рисуй!

Федюля. Не то, Костик. Не то... Своя смерть всегда красива. А вот чужая... В нас, паря, живет и чужая смерть. Но не в ружье она, не в заточке. В душе... или еще где, назвать не берусь. Но в нас. Это точно. Это проверено. Не веришь? Что ж, приметь, во что выливается твоя ненависть и во что моя. Твоя в кулаки, в кулаках она и гаснет. Моя — в долготерпение. А долготерпение — это не смирение отнюдь. Это, в итоге, пуля. Тебе нужны примеры? К слову, ты, конечно, глух, да? Примеры — тайна моя. И все же... Никто никогда ничего не докажет! Слушай! Помнишь капитана Толмачова? Как он выжимал из меня масло, помнишь? Он ведь чего хотел? Он хотел — да ладно, догадываешься! И вместо того, чтобы меня... сам угодил, козел, в задницу! Помнишь, перед половодьем махнул он по Лене? «Эх, прокачу!» И куда? Загулял в польню, к рыбам на свадьбу. Так что, Костик, не робей. Нам, Никулинским, не привыкать. Мы и смерть посылаем по указанному адресу.

Костик. Заказным?

Федюля. Не письмом, не телеграммой. А живой молнией.

Костик. Пошел бы ты, Федюля, знаешь куда?!

Татьяна Сергеевна. Ребята, угомонитесь!

Костик. С ним всегда так! Путем и не выпьешь! Кладбищем умоет. В могилу сведет. Черт бы его побрал!

За дверью отрывисто залаяла собака.

Федюля. Чужой!

Костик достал из под Федюлиной койки ружье, положил его на свою, под небрежно взведенную на одеяле складку.

Татьяна Сергеевна. А без этого нельзя?

Костик. Без этого? Вы думаете, доктор, он приволокся сюда ради ваших прекрасных глаз?

Татьяна Сергеевна. Compliments в следующий раз!
Костик. Прослышал — спирт на борту, вот и приволокся!

ЧУЖОЙ

В каюту вошел незнакомец. Ружье за спиной, на поясе финка с наборной ручкой. Потер ладони, потрепыхав висюльками-рукавицами, подвешенными на резинках к обшлагам телогрейки.

Рогычаев. Будем знакомы! Алексей Рогычаев! Я с зимовья, тут недалече.

Понес руку, угадывая старшинство. Сначала Костику. «Будем знакомы!» Потом Федюле. «Рогычаев!» Обошел тумбочку, и к Татьяне Сергеевне. «Приветствую, Алексей!»

Присел на табуретку. Поправил ружье, чтобы не мешало прикладом. Опустил в ноги рюкзак. Выжал в горсти бороду, без потери для упрятого в ней серебра.

Рогычаев. А вы с дамой... Хвалю!

Татьяна Сергеевна. Я доктор.

Рогычаев. А я моряк. Что это меняет во глубине сибирских руд?

Татьяна Сергеевна. Я настоящий доктор! Он заболел... Федюля... Вот меня и вызвали...

Рогычаев. Вызвали и вызвали... Зачем кипятиться-оправдываться?

Татьяна Сергеевна. Вы, Алексей, на Деда Мороза похожи. Вам согреться — не во вред.

Рогычаев. Греются изнутри.

Костик поднялся с койки.

Костик. За гостя и не грех выпить.

Рогычаев. И гостю не грех. А то гость до костей сомнамбула, и ни на грамм человек.

Взял стаканчик, протер усы и с легкостью таежника вобрал в себя питье.

Рогычаев. Да-а-ах! А мне сегодня, братишки, сороковником стукнуло. Круто это, круто, когда так, ни с того ни с сего, бац, и готово! Жили — жили и дожили!.. Пятый десяток. Да-а-ах!.. Спасибо за угощеньице.

Татьяна Сергеевна. С праздничком!

Костик разлил остатки по доньшкам, чокнулся с Рогычаевым и поспешил на выход.

Костик. Я за припасцем. Обмоем праздничек. Выпьем раз, выпьем два, чтоб кружилась голова.

Рогычаев. Поэт?

Федюля. Это иногда на него находит.

Рогычаев внимательно посмотрел на Федюлю, словно пытаясь что-то вспомнить.

Федюля также внимательно посмотрел на него, и вернулся к карандашному наброску — к женскому портрету, над которым некоторое время уже работал.

Татьяна Сергеевна. Встречались?

Федюля. Сибирь большая.

Рогычаев. Как океан. Идешь-идешь, суши не видишь. И вдруг вахтенный на клотике: «Берег! Берег!» В этой ситуации и чужой берег — великая радость. Вот как сейчас. Как здесь. На чужом берегу, а душа — греется, отмерзает.

Федюля. Костик принесет добавки, станет совсем тепло.

Рогычаев. Я к вам не по-пустому. Так что не будем!.. Примите привет от Лени Красильникова, из Кузьминок. Мы с ним в зимовье напару живем. Белкуем понемногу.

Татьяна Сергеевна. Сколько же вы там выпили?

Рогычаев. Было.

Татьяна Сергеевна. Тяжко?

Рогычаев. Не знакомо?

Татьяна Сергеевна. Сейчас Костик вернется. Полегчает.

Рогычаев. Вот вы о чем...

Татьяна Сергеевна. О чем же еще? О мировых проблемах?

Рогычаев. Да сорок мне, сорок! Не понимаете? А жизнь...

Татьяна Сергеевна. Не у каждого слаживается.

Рогычаев. Слаживается — не слаживется! Жизнь — не кубики! У меня жизнь — подмечу для верности — как раз всю жизнь и складывалась. Эх, и боевито гулял я, милая вы моя женщина! Под килем семь футов и форштевнем брызги разбрасывай! Эх-ка! Подперло — сорок. Снегом проросла шевелюра. Да и времечко на дворе, снегом засеянное. Белкуй! Отоваривай отпуск. Но тоска, тоска! Вдруг повалит, как тот же снег, и хоть умри на месте. Утеряно, все утеряно! Сорок — и никакого события! Как с морской границей. Своя территория — нейтральные воды — загранка... Вода, сколь не изучай ее сквозь окуляры бинокля, везде одинаковая. Та же свинцовая угрюмость, та же неторопливая волна. Кинься в эту воду, те же несколько минут определены тебе до разрыва сердца. А тут — сорок лет, и ничего! Глушь — смурь — тишина!..

Татьяна Сергеевна. Знакомо... Местная...

Рогычаев. Местная — уместная! Можно подумать, я без понятия. Я о вас еще до вашего рождения слышался. От бабушки-дедушки. Будет, мол, у Кима Кудесника внучка-пра-правнучка, краса ненаглядная. Как соберется на Земли Обетованные, знайте, время настало. Пройдет узаконенный срок для рождения ребенка, и ждите Нового Пришествия.

Татьяна Сергеевна. Очень остроумно!

Рогычаев. Со стариков какой спрос? Не я сочинял. По сказкам я не мастак, а вот курс проложить... Могу быть проводником. Хоть до Хайфы. Я ведь моряк-загранщик. По морям — по волнам, нынче здесь — завтра там. По молодости не в речники махнул, как другие, а в мореходку, и «прощай, любимый город, уходим завтра в море». Море — это не Киренга и не Лена. Море!.. Бывали?

Татьяна Сергеевна. На Рижском взморье...

Рогычаев. Рижский залив — не море. Я вам больше скажу, даже Балтийское море называют Балтийской лужей. А вы — «пляж-пляж, золотой песочек!»

Татьяна Сергеевна. Ничего подобного я не говорила.

Рогычаев. Еще скажете.

Татьяна Сергеевна. Ничего такого я не скажу.

Рогычаев. Давайте на спор.

Татьяна Сергеевна. Уймись, Рогычаев!

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. Я... я без намерений.

Татьяна Сергеевна. Вы женаты?

Рогычаев. И да, и нет, сейчас трудно сказать. Мне печать нужна была для паспорта, чтобы в загранку ходить.

Татьяна Сергеевна. Ох, мужики! Как это так? Жить и без любви?

Рогычаев. Да не живу я, Танюша! Можно вас так называть?

Татьяна Сергеевна. Называйте так, если вам легче от этого на душе.

Рогычаев. Старый, да?

Татьяна Сергеевна. Глупости!

Рогычаев. Хотите без глупостей? А если без глупостей, то... Не живу я вовсе! Не живу я!.. Разве это жизнь? Сороковник, и никаких событий! А любовь? Была у меня любовь. Как без любви? Я о настоящем говорю. Из-за меня... из-за любви неразделенной, можно сказать, одна девчушка тут даже...

Федюля. Вешалась?

Рогычаев отстраненно посмотрел на Федюлю.

Рогычаев. Скажешь, паря, не подумав. Потом душа болеть будет. Эх, чего там! Не будем старое вспоминать, нервные клетки не восстанавливаются.

Татьяна Сергеевна. Это на Балтике не восстанавливаются. А у нас, в таежной системе... у нас тут они восстанавливаются. Что им еще делать здесь? Или от скуки сходить с ума. Или восстанавливаться. Поверьте мне, я врать не буду. Все-таки врач.

Рогычаев. Отчего же, не поверить. Мы люди темные, врачу на слово горазды верить.

Татьяна Сергеевна. Тем-ны-е... По вам, Алексей, не скажешь, что вы — темный.

Рогычаев. От вас ничего не скроешь, Танюша. Родом я, правда, из Кузьминок — глушь глушь. Но отсюда по молодости лет рванул в Северную столицу, а там — мореходка и все остальное. Догадайтесь, кто я теперь по званию буду?

Татьяна Сергеевна. Небось, капитан дальнего плавания?

Рогычаев. Чиф!

Татьяна Сергеевна. А кто это такой?

Рогычаев. Старший помощник.

Татьяна Сергеевна. Неплохо. Что же вас забурило в тайгу? Погнали с мостика?

Рогычаев. Э-э, Танюша, как же это так, с мостика? Мы же, родная, просолены в морской купели, как сельдь. Нас куда ни кинь, хоть рылом в огород, все равно курс норд-ост, машинный телеграф на «полный вперед» и в открытое море по штурманской прокладке.

Татьяна Сергеевна. Почему же вы здесь? Не у машинного телеграфа?

Рогычаев. Да, отпуск у нас. На весь экипаж в один срок. А отпуск — ба-а-ль-шой, Танюша!

Татьяна Сергеевна. Как у медведя, когда спячка?

Рогычаев. Похоже. Мы же, родная, если в плавании, так без выходных. Вахта — в «солому», вахта — в «солому».

Татьяна Сергеевна. «Солома»?

Рогычаев. По-нашему — в койку. Я имею в виду — сон, ничего прочего.

Татьяна Сергеевна. Догадываюсь.

Рогычаев. Отгулов — нет, вот и накапливаются отпускные. На тот еще отрезочек времени. А куда потом с этим отрезочком? Ни друзей, ни знакомых на берегу. Ну и...

Море отпустит, тайга притянет — и вываливаешься, как за горизонт, за грань времени. Здесь-то, у вас, как на том свете, времени нет. Полное безвремье, по-нашему — штиль. Спускай паруса и — живи надеждами на счастливый случай. Авось подфартит... Нам бы, Танюша, попутный ветерок, а курс — не беспокойтесь! — мы проложим, не мешкая.

Татьяна Сергеевна. Красиво сказано. Будто вы и по сказкам мастак, Рогычаев. А?

Рогычаев. Не пишем... Э-э, да у вас здесь гитара!

Рогычаев снял гитару с гвоздика. Проверил настрой инструмента. Прежде чем сесть на табуретку, прислонил ружье к Федюлиной койке. Подвернул колки, подлаживая семиструнку под свой голос. И басовито затянул:

У компаса нет для нас
лишней стрелки про запас.
У компаса правило:
курс — «туда»,
хоть рвись — «обратно».
Уходить легко,
а приходить приятно.

Возвращаемся к жизни,
возвращаемся к жизни,
и к любви,
если жизнь — любовь.
А над нами
звезды нависли,
как гирлянды
непонятых слов.

Возвращаемся к жизни,
ребята,
и к любви возвращаемся
вновь.
Что нам нужно,
и много ли надо?
Только жизнь нам нужна
и любовь.

Татьяна Сергеевна. А вы душка, Алексей Рогычаев.

Рогычаев. Вот не думал. Просто — баловник я природы, вот и все.

Рогычаев положил ногу на ногу, усадил на колено гитару и стал наигрывать мелодию, косо поглядывая на Федюлю, который продолжал что-то рисовать, полулежа на койке.

Костик выявился в проеме двери с бутылкой спирта.

Костик. Будешь? Или как?

Рогычаев. Каком вниз.

Костик. Значит, не разбавлять, позабавишься чистым?

Рогычаев. Грязное отпил.

Костик плеснул в подставленный стопарь.

Рогычаев. Будем жить! И никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца!

Костик. Будем! Однако не перевирай Маяковского, он этого и на том свете не любит. Просил ведь перед самострелом — «Не делайте под меня, делайте под себя!»

Татьяна Сергеевна. Костик! Не приставай!

Рогычаев. Оки-доки! Кто-то тут нами брезгает. Или мне мерещится?

Он поднялся с табуретки, протянул Федюле стаканчик.

Рогычаев. Не обижай! Кто не пьет, тот по нашим, морским верованиям, слушает лишнее. Или... уже набрался — под завязку?

Федюля. Это у нас? У Никулинских? Под завязку?

Рогычаев рассматривал нарисованную им картинку — графический портрет женщины.

Рогычаев. Эх-ха, братишка! Твоя препо-даваха и не смахивает на Танюшу.

Татьяна Сергеевна порывисто схватила рисунок. Действительно, не очень похоже. Отдаленное сходство есть, но...

Рогычаев. Танюша! Карандашику ли поспеть за мимолетным видением чистой красоты? Вглядитесь в себя. У вас глаза... Разве способен ленский тихоход ухватить их сияние? Моряком надо быть, чтобы увидеть их в истинном свете.

Татьяна Сергеевна. Из какого это заграничного фильма про любовь?

Рогычаев. Танюша! Не верите, обратитесь к зеркалу. Слово моряка, у вас глаза цвета морской волны. Такие бывают лишь у русалок.

Татьяна Сергеевна. А встречали?

Рогычаев. Русалок?

Татьяна Сергеевна. Их самых, Андерсоновских.

Рогычаев. Наше дело — морское. Курс — туда, хоть рвись обратно.

Татьяна Сергеевна. В Копенгагене, наверное, пересеклись по курсу?

Рогычаев. Э, нет, Танюша. Меня на ваших познаниях не проведешь. Каменная баба есть и в Таллине. Я о настоящих русалках. Не поверите, а ведь они существуют. Есть такое место в Риге, на выходе из Даугавы, там, где вода уже соленая... Так там они собираются. Ну-у... как на дикий пляж. И вытворяют по ночам... вытворяют... С одной я даже пообщался.

Татьяна Сергеевна. Давно это было?

Рогычаев. Поди, в мае.

Татьяна Сергеевна. Сейчас она, небось, на девятом месяце.

Рогычаев. Скажете, Танюша. Я о романтике, о возвышенном, о любви с первого взгляда. У русалок, учтите, только так. Влюбляются, и ни в зуб ногой!

Татьяна Сергеевна. Хвостом!

Рогычаев. Хвостом? Чего так?

Татьяна Сергеевна. Хвост у них вместо ног, Алексей. Или за любовными играми запомнили?

Рогычаев. Ох, уж эти женщины! Все видят, все подмечают. Подумаешь, хвост. Не морж все же усатый, русалка! Красы необыкновенной. Посмотрит — рублем одарит.

Татьяна Сергеевна. А вы душка, Алексей, если не миллионер.

Рогычаев. Я не душка, Танюша, и не миллионер. Русалки наличные не носят — карманов нет. Просто я всю жизнь прожил среди людей, и никогда не был лишним.

Татьяна Сергеевна. А я вот — лишняя.

Рогычаев. Вы не лишняя, Танюша. Ох, как вы не лишняя! Загляните мне в сердце, увидите.

Татьяна Сергеевна. Соблазняет?

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. И я — по бумагам — женат. Но сердцу не прикажешь. Загляните в душу мою, сердце открыто для каждого!

Татьяна Сергеевна. В вас, Алексей, бродят морские волны. Что я увижу в вашем сердце, кроме воды?

Рогычаев. Любовь, Танюша.

Татьяна Сергеевна. Вам еще выпить надо, Алексей. Вам это на пользу!

Рогычаев. Перельете!

Рогычаев перехватил ее руку, направленную к бутылке. Погладил успокаивающе, не стесняясь Костика и Федюли.

Федюля взял чистый лист бумаги и снова погрузился в рисунок, что-то бормоча под нос

Федюля. Однако памятью слаб, слаб ты памятью, Лешка! А кто памятью слаб, тот слаб и сердцем.

Федюля не был памятью слаб. Память его проявилась на листе ватмана, разумеется, не Татьяной Сергеевной, а Валюшей, старшей сестричкой: ее продольной складочкой на переносье, глупенькими — так уж ли глупенькими? — ямочками на щеках, смешинками в зрачках.

Складочка на переносье, ямочки на щечках, смешинки в зрачках... И все же мертвая!

Да и какой ей предстать перед тобой, морячок, если насильничали, если вешалась?

Было так... Пили — ели — веселились. Маманя впервые после исчезновения отца нарядилась тогда, в цветастые шелка, хранимые в шкафу. Впервые гляделась тогда прежней, без визгливой слезы в голосе.

Было так... В Кузьминки, на побывку к родичам, прибыл морячок с Балтики. Загранщик Лешка. А с ним дружок его неразлучный Коля-Нос. Из Кузьминок шастали они к никулинским, мостились к маманьке и сеструхе. Маманька и подалась Лешкиным ухаживаниям. А Валюшка, как выяснилось, тоже в него врезалась, хотя Лешка рядил ей в кавалеры Колю-Носа. Не полюбился девчонке Коля. Лешку охотила. И выохотилась...

Маманя вроде перебрала. Прилегла. И он, Лешка-загранщик, вскоре прилег... Но напротив. К Валюше. А Валюша... Валюша не спала. Валюша дождалась, получается, своего часа. Грудью — о его золотые галуны. Щекой — о его шкиперскую бородку. Руками — за шею, притянула к себе — «Любый!..»

Тут и Коля-Нос подвернулся. Приволокся, весь в снегу, с полночных игрищ. Видит — такое дело. И переусердствовал в дружбе. Нырнул под одеяло к мало понимающей по отключке маменьке и сделал свое охотничье дело, чтобы на утро не кричала она Валюше — «Позор!»

А потом Валюша опомнилась, застыдилась. И кинулась со двора. Куда? Сама без

понятия. Кружило ее, как суводью, несло вдоль ледовой реки. А там, у тракта, приметили девчонку кузьминские, бывшие одноклассники, алкогольным градусом разгоряченные. «Ах, ты, девка — мата! От нас нос воротись, а ему, с Европы,— пожалуйста!» Все проведали, змеиды, либо догадывались. Злость их тяготила. Набросились на Валюшу. И давай давить из нее воздух.

Не осилила себя Валюша, когда очнулась. Одна-одинешенька, и никого вокруг. А внутри — стыд! стыд! стыд! Жжет, выворачивает. Не выдержала. И через перепад чувств — в смерть — вешаться!

Проезжий шофер, Юркин-младший из деревни Орлова, вынул ее из петли, отвез на ЗИЛе в медпункт. Но там — что? — волшебники? Ноги-руки обморожены, резать их скальпелем. Отправили сестричку в Киренск. Но и в городской больнице волшебников отродясь не водилось.

Те не волшебники, эти не волшебники, а Валюши нет. И все, что произошло с ней,— сплошная ошибка.

Он, Лешка-загранщик, может быть, по ошибке...

Ты, Валюша, может быть, по ошибке...

Маманя из ума, как положено ей, по ее ошибке...

А ему — ему, Федюле, самому младшему, проясните, куда ему по его ошибке? Жжет его, милые вы мои, крапивная мысль: мы всей семьей для него, Лешки-загранщика, выслужились, подвели живехонького, ухоженного, будто под рученьки, к праздничку его, к сороковничку. Ему праздничек, надежды на будущее, а нам — воспоминания и слезы.

Где же тут справедливость?

ССОРА

Рогычаев поднялся с табуретки, глянул искоса на рисунок, завершаемый Федюлей.

— Да-а-ах! И эта неказиста.

Костик. Что ты понимаешь? Он почти Шагал! Татьяна Сергеевна говорила. А она понимает, что говорит.

Рогычаев. Я — нет?

Костик. У тебя пьяный язык.

Рогычаев. Тогда послушай, что я тебе скажу по-трезвому. Из дружка твоего Шагал, как из меня Шаляпин. Я Шагала!.. Я лично с Шагалом!.. Если ты хочешь знать... Лично с ним пил на Эйфелевой башне.

Федюля. Он, полагаю, непьющий.

Рогычаев. Пьющий! Непьющий! Много ты сечешь на своем ленском корыте. Он... он малопьющий, но пьющий. Факт мною проверенный.

Татьяна Сергеевна. На чем же вы сошлись, Алексей? На взглядах об искусстве? На «штурманской прокладке курса»? На «машинном телеграфе»?

Рогычаев. Шутить изволите, Танюша? На чем с ним не сойтись, как не на любви к России?! Он же наш насквозь человек, хоть и по-французски шпрехает. Услышал русскую речь, вот и подвалил к нашему столику. «Как живем, как можем?» — интересуется. Так и отбарабанили, борт о борт, всю ночную вахту.

Татьяна Сергеевна. Он тоже барабанил?

Рогычаев. Та-ню-ша! В нем та же музыкальная тональность, что и во мне. А не веришь, иди — спроси у него!

Федюля. С этого и начинал бы, паря, вешать лапшу на уши.

Рогычаев. Не трави концы, пацан! Я начинал, как все! С нуля! С такого же ленского корыта! Пройди моими путями, тогда и поговорим. Отсюда в загранку — это тебе не соболя в глаз. Доходит?

Федюля промолчал

Рогычаев. Да, согласен, из какой Роттердамушки легко шлепать домой. Рейс удобный — «на коротком плече» называется. А в круговорот Земли нашей? Тошнеловка! Гнусь! Накручиваешь на винт мило за милей. Наши, морские мили. У вас здесь мили на километры мерят. Дикари! Так вот, накручиваешь, а им, милям нашим, как в космосе, имя одно — бесконечность. Наконец дождались, впереди маячок. Не бакен ваш! Маячок — глаз родного порта! Причалишь и — баста! Весь мир позади... Там себя показали, тут покрасуемся.

Рогычаев, утверждая себя, поволок из Федюлиных пальцев лист ватмана. Но — захмелел! — нерасчетливо поволок. Карандаш побежал вниз по рисуночку, подпортил тускло выявленное лицо женщины.

Федюле была интересна реакция Лешки-загранщика. Вспомнит ли он, этот посланец смерти, пусть уже не Валюшу, а маманьку его, изображенную на втором рисунке.

Но не врубился Рогычаев в рисунок.

Рогычаев. И гуляем! Морячку положено, как прокаженному. Девицу привечаешь заграничными шмотками, официанту делаешь «шмайс». За все уплачено. Се-ла-ви, как говорят Шагалы, когда говорят на французском языке. А по-русски — такова жизнь! Жизнь, пацан! Жизнь! А в жизни как? В жизни все есть. И шмотки заграничные, и выпивка. А жизни... жизни самой... как не было, так и нет! Или... я ее за этими милями-километрами не увидел. И за это ты меня не уважаешь? Слову не веришь? А ведь я тебе честное слово даю — пил с ним, пил с Шагалом, на Эйфелевой башне! И чокаюсь, и на брудершафт. А ты не веришь. Фома ты неверующий после этого, Федюля!

Федюля. Я не Фома.

Рогычаев (держит на отлете лист бумаги). И не Шагал! Не обижайся, пацан, но и эта... на Танюшу... не очень. Да и постарше выглядит. Одна молодуха, вторая старуха. Рисуи третью, возрастом промежду двух первых препо-давух. А мы пока выпьем.

Пошатывало Рогычаева над тумбочкой. Хотел рукой к бутылке, а не вышло. Уронил ее на пол грифом гитары.

Рогычаев. Та-ню-ш-ш, мы с тобой два сапога — пара. Невезуха нам — мать родная!

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. Замужем — не замужем, какая разница? Брак закрепляется на небесах, а не в ЗАГСе. Там, на небесах, и Шагалами становятся. А не в снегах. Ясно? Тоже мне, художник, от слова — худо! Танюшу деревенской бабой изобразил, в платочке. А ты видел ее хоть раз в платочке?

Свое разочарование Татьяна Сергеевна выразила тягучим вздохом и неуверенно протянула руку за бутылкой. Но ее не оказалось на прежнем месте.

Татьяна Сергеевна. А выпить?

Рогычаев. (Костику). Кореш! Неси сюда еще одну полшу! Гулять, так гулять! За все уплачено будет!

Костик. А не переберешь?

Рогычаев. Я не фраер!

Костик. Но тебя уже кинуло на борт.

Рогычаев. Сказано тебе, я не фраер! И помни — к тебе не торговаться пришли. Во-о-о! Бери-принимай с моего борта на свой причал. Все, что настрелял, твое. Весь рюкзак! По-честному, а-а? Я — человек, кореш! И ты подражай!

Костик. А чему подражать? Что за невидаль такая в твоём рюкзаке? Пару собольков, горноста́й-альбинос, сколько-то белок. Но не аккуратные, не аккуратные. В крапинку-дырочку.

Рогычаев. Очумел? Да я в глаз без промаха бью!

Костик. Это — если кулаком да по хулиганке.

Татьяна Сергеевна. Костик!

Костик. А что, доктор? Проверим гостя? Каким это он из Европ своих к нам в тайгу приперся, а? Или в ваших Палестинах другого мнения люди?

Татьяна Сергеевна. Годи! Не приставай к человеку, обидится — разнимай вас потом.

Костик. Он обидится, доктор? Это я обижусь! Он мне соболишек, да? А зачем они мне, порченные, в крапинку-дырочку? По пьянке сделанные.

Рогычаев. Ты сам по пьянке сделанный, порченный, в крапинку-дырочку!

Рогычаев бросил гитару на кровать к Федюле, и — нащупывать ружье.

Татьяна Сергеевна. Алексей, прошу вас, успокойтесь.

Федюля. Не бойсь, Татьян Сергеевна! Это как игра — таежная дуэль. Постреляют, но не до смерти. Так у нас принято, если не трус.

Рогычаев покопался в левом кармане телогрейки, взвесил на ладони пяток патронов.

Рогычаев. У меня тут на зайца... дробь.

Костик опоясался патронташем.

Костик. И у меня на зайца.

Рогычаев. Без обмана?

Костик. А говоришь «свой». Чужак ты, моряк дальнего плавания!

Рогычаев. А чем подсвечивать будем? Темно как у черта в заднице. А-а-а! Идея! Факела! Сообразим на двоих.

Рогычаев свернул в трубочку оба рисунка, заткнул их за пояс, изломав бумагу у финки с наборной ручкой.

Рогычаев. Федюль! Не печалься и не хмурь бровей. Все равно препо-давухи твои на Танюшу совсем не похожи. (Повернулся к Костику). Тебе, кореш, будет та, что постарше. Мамка-оберегательница! Мне молодуха — жаркий рот и два уха! По справедливости, да?

Костик. А спички у тебя имеются?

Костик поискал на железном угольнике-подсвечнике, над Федюлиной койкой, коробок спичек.

Рогычаев. Да есть у меня спички! Кто по тайге без спичек бродит?

И пошел из каюты.

Костик самое время поспешить за ним, повиниться в непреднамеренной задержке. Но Федюля... Федюля... Занедужил. Бормочет, как наговаривает.

Федюля. Он, хромосом этот, послал на смерть мою Валюшу. Ты отправишь его за ней.

Костик. Не подправляй мою руку, шаман!

Федюля. Рука в тебе не твоя, паря. Моя рука в тебе.

Костик. Чокнутый ты придурок! И лечить тебя от расстройства мозга — кулаков не хватит. Медицину тебе подавай...

Костик взглянул на Татьяну Сергеевну: голова на груди, глаза закрыты — умялась, спит... Махнул рукой. И к иллюминатору. Как там Чужак?

Рогычаев пританцовывал на Ленском льду, с первой спички поджигая бумажные факелишки.

Рогычаев. Костик-чехвостик! Мили на километры мерит, мудило. Мерь — не перетрудись глазом. Испортишь его здесь снежной искрой, век не видать себя в дальнем плавании, с заходом в «братский» на шмотки порт. Салага! Тебе, шмотки, понятно, подай. Шмотками, не ропщи, отоваришься в море. А жизнью? Жизнью, салага, не отоваришься ни на «коротком плече» — где-нибудь у финнов либо шведов, ни на «длинном» — хоть в какой их карнавальной Бразилии. Жизнью — учти и помни, пацан! — отовариваешься в нашей домотканой деревушке. Входишь туда как по фарватеру, в полном флотском обмундировании. А для развития куриной слепоты — у местных при виде золотых галунов эта болезнь часто встречается — цепляешь на плечи погоны. И восходишь на уровень Председательской дочки. Тут и начинается жизнь. День за днем в пьянках-гулянках, сеновал — застолье. А когда отпуск катится к закату, родственные чувства закрепляются родственными словами.

— Блюди себя, друг, — наставляет тебя за штофом Председатель. — Помни о чести Краснозвездной Балтики. А то знаем мы вас, поганцев. В каждом порту по девахе. А у меня дочка одна-разъединственная...

— Э-э! Друг ты мой дорогой! — отвечаешь с достоинством. — Знал бы — не говорил, вентиль! Порты есть — да. Но они для иностранцев. А нам, военным... Нам на чужой берег спуск запрещен. Мы насквозь для берега засекреченные.. Ходим, как челноки на ткацкой фабрике, туда — сюда — обратно. Вы — в снегах, а мы — подо льдом. Подо льдом да с песней. К ним... туда... На атомной... На подводной... Догадываешься? А там, подо льдами... там... как в нашей песне... сам сочинил. «И никто нам не подметит, где подлодка НЕ ВСПЛЫЛА...» Словом, ручкуемся, и имей в виду: выявлюсь из спецзадания — ваш, и прямым ходом в ЗАГС.

— Сельсовет...

— Хорошо. Уговорил, пусть будет по-вашему. Не выявлюсь, ставить тебе, друг ты мой дорогой, бронзовый бюст, скромно отметим, героя секретных горизонтов. Так что, «прощай любимый город, уходим завтра в море...»

И уходил...

Лешка, сколько ты ни уходил в море, ты — «это» не тонет — всегда, мудака, возвращался. За жизнью возвращался.

Ради тряпок и жратвы можно было и там остаться.

И Коля-Нос, кореш твой, одной с тобой волной просоленный, уходил. И тоже возвращался. Жизни хотел — вот и возвращался. Оба умные, когда не дураки... Вы телеграммки слали по известным адресам «на задании по спецзаданию» и ехали по неизвестным адресам. Артисты! И все спектакли — сплошная импровизация, без единой репетиции! И ведь уверен ты, Лешка, душа морская, что пусть не бронзовый, пусть гипсовый, но стоит где-то бюст с твоей фотокарточкой, председательской волей обеспеченный. Стоит себе, родимчик, выставляется в укромной точке. С уважением поставлен, как герою. А здесь, на ленском их корыте, какое уважение? Ну-у, Костик? В подплаве гибнут всем экипажем. А приспело мне в одиночку, что ж... корешей в этом деле не подведу. Выходи уже, отгребись от мамкиных сисек, пацан!

СХВАТКА

Рогычаев поднял двустволку, грохнул дуплетом.

Рогычаев. Выходи, пацан! Я как динозавр уже, не переживу ледникового периода! И накликал. Дробью шарашнуло по факелишкам, бросило их на лед догорать. На барже завыла собака.

Рогычаев. Ах ты, сукин сын! Не по уговору!

Снарядил ружье, взвел курки.

И опять как жажнуло — нет, не с баржи, с противоположного берега реки. Пулей. Прямиком в ногу. В мякоть, повыше колена.

Рогычаев засек вспышку. Приклад к плечу, палец на спуск. Выпалил разом из обоих стволов. И ничком на лед. Отвалил от догорающих факелишек. Обогнул прорубь. И потек вдоль баржи на новую позицию. Пристроился за сугробом, примечая Костика, скакнувшего на лед с баржи.

Костик. Живем?

Рогычаев. Мне это занятие еще не надоело.

Костик. Тогда не высовывайся. А то собаку он мне с первого выстрела подстрелил, чтобы на след не вывела. Башковитый, гад. Кто? Да, шатун-якут... Водится здесь один такой чокнутый...

Рогычаев. Одна извилина, и та прямая, как Невский проспект?

Костик. Хуже... Но не будем. Ты вот... Ты загребай вправо и время от времени постреливай, чтобы вызвать внимание на себя. А я... Я кругом.

Рогычаев. Понял.

Костик. Главное, патронов не жалея. А уж за меня не боись. Я ему яйца вырву! Про спирт пронюхал, повадился сюда, паразит! Э-э, да ты... (Рука Костика попала в какую-то влажину на ноге Рогычаева.) У тебя штаны мокрые.

Рогычаев. Кровь!

Костик. А я что говорю?

Рогычаев. Зацепило чуток.

Костик. В этом деле, паря, чуток не бывает. Через малый срок ты уже не жилец, а то и ногу отрежут.

На палубе баржи показался Федюля. Осторожно, чтобы не разбередить боль в ребре, он бочком спускался по трапу.

Издали гроыхнуло. Сгустком дробнн шарахнуло о металл, воздух противно заскрежетал. Рогычаев выстрелил в ответ.

Рогычаев. Надеюсь, попал,

Костик. Паря, кончай с баловством! Ты уже отстрелялся. Двигай на баржу. Там аптечка. Там докторша. Тебе перевязаться надо, а то...

Рогычаев. Чего?

Костик. В жизни раз бывает сорок лет... А пятьдесят?

Федюля грузно опустился на снег рядом с Рогычаевым.

Костик (Рогычаеву). Стволы передай Федюле, а сам... Там на палубе — ящичек с питьем. Не заради твоих соболишек, но... Дотащишь до каюты?

Рогычаев. Спирт тащить — силенок всегда хватит.

Костик. И Шатун-якут того же, видать мнения. За тем и приперся. Да вот фотку никому не показывает.

Федюля. В лицо его никто не видел. Шатун — на то и шатун. А якут? Прозвище... «Погоняла» такая, как у сидельников-уголовников с Катанги. Там прежде была лагерная зона. Поди, и паспорт у него есть. И прописка, как у людей. Ходит себе на работу где-нибудь в Усть-Куте, в Бодайбо, отпуск берет на охотничий сезон и промышляет. Целая история ходит по языкам на этот счет. Да ладно, какая история? Приспело курками щелкать.

На палубе Рогычаев отыскал ящик, на четверть заполненный поллитровками питьевого спирта, зацепил его железным крючком и поволок вдоль борта.

Над заснеженной рекой несся Федюлин голос.

Федюля. Эй! Это правду о тебе говорят, шатун, что ты — сумасшедший псих? Ты псих? Ты сумасшедший?

«Шед-ши-шед-ши-ши-и-и!» — ворохнулось эхо у противоположного берега, разбилось о каменный откос.

Вдали вспыхнул ружейный огонек. Вниз по реке покатился дробный звук — словно в приступе злости разорвали плотный лист бумаги.

Федюля. Чо? Ты чо сказал, Могила? Так стрелять — это шкурку зазря портить.

Шатун. Я те шкурку попорчу!

(Эхо понесло) — «чу-чу-чу!»

Федюля. Сумасшедший! Беглый псих из дурдома! Сволочь!

Эху раздолье: «до-о-ма! но-о-чь!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЮТУ

Рогычаев перевалил через комингс ящик со спиртом, стянул зубами рукавицы. Татьяна Сергеевна лежала на Федюлиной койке, лицом к нему, Рогычаеву. Ее колени остро выпирали под одеялом, которое одним краем сползло к полу.

Рогычаев поправил одеяло. И аккуратно, чтобы не потревожить спящую женщи-

ну, опустился на табуретку. Подложил в печурку пару полешек. Прикинул — где аптечка? В тумбочке? Действительно, там. Вынул бинт, капсулу с йодом, откупорил ее лезвием финки-неразлучницы. Скинул на Костикову лежанку ватник, стал стягивать унты.

Тут-то и ударило болью.

Рогычаев. (С досадой). Не умно! Сначала — что? Поднаркозиться надо, чиф. А потом...

Вылил в себя стаканчик, пожевал, для вкуса, кондевку. Выполз из ватных брюк, остался в кальсонах. Распорол ножом бежевую байку — от колена до бедра.

Кривясь от ожога, Рогычаев обработал рану йодом. Смахнул со лба пот, глотнул из «горла» белоградусной, и — мастерить перевязку.

Рогычаев. Да-а-ах, угораздило. Без жгута не обойтись.

Отрезал кусок марли. Пропустил ее, прокручивая, сквозь ладони. Завязал узлом концы. Финку приспособил под вороток и — наворачивать по кругу, под затяжку. Удавку затянул потуже, кончик лезвия запустил под бинт, чтобы нож не раскрутился назад.

Рогычаев присосался губами к щербатому краю эмалированной кружки с водой. Но, втягивая в себя воду, внезапно ощутил нестерпимый холод. Понял, колотит его ознобом, замерзает он, Лешка, а живое тепло — вот оно! — в двух шагах: Татьяна Сергеевна, казалось бы, такая доступная, в свитерке, с припрятанной на груди рукой, с выпирающими из-под одеяла коленками, острыми, живехонькими...

Рогычаев. А ведь мила она, мила. И как дышит во сне. Дышит — как плывет. Ровно, мягко, без всякого беспокойства в мыслях. Везет же людям — так жить безмятежно.

Рогычаев медленно, без излишнего шума, поднялся с табуретки и шагнул к Татьяне Сергеевне.

Рогычаев. (Тихо). Танюша! Не обидь. Поверь, не баловства ради. Обогрей! Замерзаю! Спаси человека! Не бросай за борт. В океане — всего несколько минут до разрыва сердца. А сердце не для разрыва дано, для любви...

Татьяна Сергеевна не ворохнулась, не воспротивилась в дремотном безволии. Покладистая во сне, увела коленки, приняла голову Рогычаева на покатое плечо.

Рогычаев, бормоча, как в несознанке. Да-а-ах, сороковничек. А ведь мы еще кое-что можем. Чем мы хуже других? Чем мы хуже Танюшкиного Мишани? Столько лет замужем — и ничего. Будто лишний он в этой истории, Кимом Кудесником предсказанной. Столько лет вместе, и не разродится. Тут и Земля Обетованная не поможет, если мужик со слабиной. Тут на помощь небес надо надеяться или... или на лотерейный случай... Случай — не случай, но свело тебя невзначай, Лешка, с Божеским замыслом. Как Моисея с неопалимой купиной. Он не по воле своей. Ты не по воле своей. Но кто-то ведь свел. А у того, кто свел — планы свои, земному умишку не подвластные...

Только сейчас, на прицеле у смерти, когда из-за потери крови оказался уже чуть ли не за гранью жизни, открылось Рогычаеву: он теперь не тот, не прежний, естеству подопытный кролик, не «по бабам мастак», другой... потому и не гребет ладонью наобум, без лоций, по такой податливой коже. По животу. По бедрам. Ближе и ближе... Туда... в дивные шелка... где... умри — не живи!.. ближе уже не бывает. Он другой! Он теперь другой! Отчего? То ли излишне кровью-живицей изошел. То ли просветлел внутри, спасаемый от полного ооченения живительным теплом Татьяны Сергеевны. То ли... Но нет, ничего он не содеял — и не намерен содеять! — против пальцев ее, втекших в пальцы его. Ничего! «Против пальцев ее я никогда!.. Против пальцев ее, ребята... Костик!.. Федюля!.. Я... Помираю я, братцы... Помираю... Крови разок лишиться — это как души — навсегда...»

Рогычаеву представлялось: он не спит, он наяву пребывает в своих благих думах. Не наносных. Не от земли. Не от хлеба насущного. От неба. От того высокого неба, которое всегда над нами, на какую ни поднимись высоту. Того неба, от которого постоянно ждут чуда. И он ждет чуда. И Танюша. И Ким Кудесник, пусть сам уже на небе, тоже ждет чуда. Почему бы ему, Лешке Рогычаеву, не стать провозвестником этого чуда? Чем он хуже других? Главное, оказаться в нужное время в нужном месте и не проспать свой шанс.

Однако он спал...

Время — время... Не покидай его, время. По ту сторону времени нет.

НА ПРИЦЕЛЕ У СМЕРТИ

В каюту ворвался шатун-якут. Шапка, тулуп, борода. И ружье. В глазах никакой раскосины.

Шатун. Не ожидали, кролики? Думали, выставлюсь у вас на прицеле. Не за тем охотились. За слухами вы охотились. А я не под слухи рисуюсь, когда смотрюсь в жизни. В жизни все иначе, чем по слухам.

Шатун наклонился над ящиком с питьевым спиртом. Выбрал бутылку. Откупорил зубами. Глотнул.

Шатун. Знатное питье, для согрева.

Рогычаев заскреб ногами по матрасу, вздымая себя по подушке, вслед за испуганной, ничего не сознающей спросонья Татьяной Сергеевной.

Затылок припер к металлической спинке кровати, руку опустил вниз, чтобы украдкой — ближе и ближе... Ближе к наложенному на ногу жгуту, ближе к финке — своей неразлучнице. Ею гвозди в Беса загонять по шляпку — так метко бьет по мишени!

Шатун. (Татьяне Сергеевне). Ты-ы! Ты-ы! Где родилась, там и умри! Ким Кудесник мне не указ! Нечего возвеличивать Земли чужие! Все бы им наше, наше — на дармовщину! Здесь не хочешь рожать, и там не родишь!

За бортом баржи бабахнуло дуплетом.

Шатун-якут открутил барашки задраек, открыл иллюминатор, пристроился с ружьем, беря на прицел стрелка.

Рогычаев. (Едва слышно). Умирать нам рановато. Не в Бермудском мы, Бес, треугольнике. Их нечистая сила нас не взяла, а с нашей сам Бог велит справиться!

Рогычаев вытащил из-под бинтов финягу и выложил ее в броске.
Финяга и сработала. На совесть. Без промаха. По рукоятку вошла в спину Шатун-якута.

Однако смерть свою шатун-якут ощутил не сразу.
Он еще повернулся и выстрелил по Рогычаеву.
Он еще поволокся к двери, чтобы уйти-убраться восвояси. Но...

Дверь распахнулась. И оттуда, из черного прямоугольника, набежал на него Костик. Набежал и в упор шарахнул из двух стволов.

Потом обернулся к запоздавшему Федюле. И в нерасчетливый замах. Но опустилась рука, обезволила от нокаутирующей тяжести кулака.

Костик. Эх ты, нашаманил! Черт тебя подери!

Федюля. Сказывал, смерть сюда заглядывала. А не шаманил. Не шаманил я, Костик. Смерти не прикажешь, она без спросу захаживает.

Татьяна Сергеевна, мало-помалу осознавая происходящее, вела глазами: от Костика к Федюле, от Федюли к Рогычаеву, лежащему сбоку от нее.

Машинально массировала пальцы, выходила из нервного стресса, вращала в себя, прежнюю. В ту, какую была менее суток назад, в час появления в ее избе Костика.

Татьяна Сергеевна. Костик! Вскипяти воду, побольше. И нож приготовь, какой поострей.

Костик. Резать будете, Татьяна Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. А если придется?

И в этом — «если придется» — всплеснула вдруг женская, каждому близкая и понятная надежда — надежда на чудотворное «если»...

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ:
ИЗ РАССКАЗОВ НИКОЛАЯ
АНДРЕЯНОВИЧА***

Французские историки, описывая положение французского войска перед выходом из Москвы, утверждают, что все в Великой армии было в порядке, исключая кавалерию, артиллерию и обозов, да не было фуража для корма лошадей и рогатого скота.

(Лев Толстой «Война и мир»)

В длинные осенние вечера, вернувшись из университета, уже по привычке к своей роли доцента Николай Андреевич ужинал, со смехом просматривал предвыборную дармовую почту, что по пути вынимал в подъезде из ящика, затем брал в руки серьезную книгу — по отечественной истории или из русской классики — и уютно примасивался на диванчике, стараясь не глядеть в сторону телевизора, что трудолюбиво смотрела супруга, переделав домашние дела.

Но, как говорит народная мудрость, от дьявола-искусителя и в чистом поле не отвяжешься. То есть и из телеящика слова в уши втекают, а по утрам, за завтраком, кухонный репродуктор то пургой гневной завывает, то ласково шепчет о пользе пищевых добавок. Про добавки, то есть биологически активные вещества (на основе дешевого витамина «С»), все понятно: нанятые актеры второго разряда имитируют голосами заботливых докторов и болящих старушек-пенсионерок. А как быть с пишущими в газетах, вещающими по радио, красующимися перед телекамерами с актуальными интервью, творческими и депутатскими отчетами, многочасовыми воспоминаниями о своем творческом пути и так далее? Ведь каждый из них, о чем бы ни говорил, обязательно вначале, как по обязанности, лягнет «тоталитарные советские годы». С них подписку что ли берут?

А тут прямо живой и свежий пример. Взял в руки вечером Николай Андреевич бесплатную ветеранскую местную газету, что вынул из почтового ящика, и решил прочитать заинтересовавшую его статью известного местного же писателя Виталия Жирова по поводу 500-летия городского кремля. С изумлением узнал из статьи наш доцент, что оказывается только в последние годы кремль был приведен в приличный вид. Не верь глазам своим! Ведь Николай Андреевич прекрасно помнил из своей юности, только-только приехав в семье с Севера в Т.: разрушенный веками кремль, почти груды камней, полностью восстановили и купола башен позолотили именно в 60-е годы. И собор в кремле тоже. Так и стоит по сию пору. Правда, про позолоту писатель Жиров упомянул, хотя и здесь со снисходительной усмешкой в словах...

---

* Главы из нового романа, над которым сейчас работает автор. Начало см. в «ПЗ» № 4, 2014.

И во всех этих обязательных «идеологических предисловиях» утверждают: все было плохо в советские годы, все неладно и наперекосяк.

Отложил Николай Андреевич уважаемую им ветеранскую газету (хотя сам еще не на пенсии), задумался. Да, конечно, много было нелепого, но еще больше хорошего, оптимистичного, полезного человеку. Сейчас вроде как все наоборот, хотя за пятнадцать-то лет уже и попривыкли. Но прежнее всегда приятно вспомнить. Даже это самое нелепое.

С определенными, но весьма существенными оговорками Николай Андреевич признавал, что в золотые советские 60—80-е годы жили скучновато. Если, конечно, под скукой понимать отсутствие нынешних казино («И, как на золотое дно, ныряет сволочь в казино», — это какой-то поэт припечатал), стриптиз-клубов, ночных ресторанов с «комнатами отдыха», бандитских разборок, многомесячных шоу-выборов депутатов разных уровней и так далее. Поэтому народ, особенно молодой, искал развлечения в очевидных нелепостях. И получал отменное удовольствие от этого. Такая вот интеллектуальная забава процветала.

Тут к месту вспомнился Витька Смышляев — дружок Николая Андреевича еще по работе в ЦКБ агрегатостроения, куда он был распределен после окончания института, проработал восемь лет и ушел в НПО «Меткость». Как раз позавчера, гуляя после лекций в городском парке, он и встретил Витьку, тоже возвращавшегося домой с работы, все из того же ЦКБ агрегатостроения, только теперь с приставкой «ОАО». Поговорили о былом, вспомнили сослуживцев.

...А теперь Николай Андреевич стал вспоминать о своей работе в ЦКБ юным инженером, о проделках Смышляева — первого пересмешника в учреждении, о прежнем начальстве. Благо недавно из областной официальной газеты узнал: некогда бывший основатель и первый начальник ЦКБ, уже четверть века проживающий в Москве, получил очень высокое почетное звание.

Все одно к одному тянуло на приятные воспоминания..

1. О шестидесятниках и немного о детективах

Люди мы смиренные, все люди в стране и особенно мы, шестидесятники. Отшумело в кои-то года интеллигентное поколение эпохи великой гласности и общественного мнения — начала века, отшумело на земских съездах, думских трибунах и сгнуло в Европах, а самые неловкие — на Беломорканале. Несколько позже перемерли голодной смертью, были расстреляны в подвалах ОГПУ—НКВД, умерли от «сердечной инфекции» (сам в руках держал реабилитационные бумаги со стандартным диагнозом) на Колыме, а позже — в Степлаге, Берлаге и Онеголаге люди, из которых грозился поэт навывдывать накрепчайших гвоздей. В Великую войну повыбиты крупновским металлом последние миллионы отчаянных российских людей. И так, в кратчайший исторический срок Троцкий со Сталиным уничтожили хотя и робко, столетиями, но впоследствии все быстрее и увереннее накапливавшийся в народе генотип инакомыслия и духовной раскрепощенности. Много, кстати говоря, написано о гонениях на лженауку генетику, и причины указывают: темные, мол, люди у власти стояли, бездарям покровительствовали в науке. Но так ли просто? Мне кажется, что темнота эта отлично сочеталась у них с черноземной хитростью, понимали про себя: из грязи в князи выкарабкались, не имея за собой поколений генной эволюции, становления и закрепления интеллекта. Это уязвляло нуворишей власти, которые посему и поспешили объявить о первозданном, природном многоумии, запретили генетику... Но это к слову. Так вот, выжили люди смиренные, все мы с вами ведем род от них. В конце 50-х годов народу позволили перевести дух; следующие шестидесятые годы

прошли в эйфории выздоравливающего больного. Что было дальше — вы знаете. Вот тогда-то, прямо к полету Гагарина, к семилетке и провозглашению с высоченных трибун пришествия коммунизма на памяти ныне живущего поколения, нынешние шестидесятники учились в золотых, по школьным понятиям, классах: от шестого до девятого; десятый и одиннадцатый, недавно введенный, не в счет. Почему? Только по наблюдениям, это были люди еще предшествующей эпохи. Какие-то год-два, но отделяли их от нас. Понятно, что в школе это не было видно, но впоследствии, сталкиваясь постоянно с ними в жизни, убеждался: это не шестидесятники. Такой вот парадокс. И что за незримая грань? Ума не приложу. Это как до и после встречи с милиционером: все к тебе товарищ да товарищ, а вот он, сокол в красной фуражке, подошел, откозырял и — «пройдемте, г р а ж д а н и н !».

Веселое поколение росло, впервые в новейшей истории страны не голодало, впервые — и опять-таки единственный, увы, более не повторившийся случай за всю историю! — почти исчезли очереди. А раз не голодало, то умное росло, видное собою, добротой оттаявшее, не приучаемое копейку с копейкой складывать. Когда школы мы позаканчивали, в институты пошли, то еще веселее жить стали, потому что юность влюбчивая накатила, а девушки-шестидесятницы под стать выросли: красивые, добрые, ласковые, денег сами не брали и не требовали, а главное — Никитушко, хоть в опале к тому времени уже был, но сумел-таки нас за школьной партой увлечь своим безоглядным оптимизмом, верой во всемогущество научно-технического прогресса. Тогда физики словесно победили лириков, а мы всей братией, гордо миновав КПП военных училищ, плюнув на вывески юридических и разных торгово-экономических вузов, пошли учиться на инженеров, хотя даже в провинции в технических институтах свирепствовал конкурс. Счастливым было время, как прекрасно и волнующе в теплую сухую осень пахло в городе дымком сжигаемых листьев! В киношках шли хотя отобранные, но все же настоящие итальянские и французские фильмы, а наши девушки, прилежные ученицы-медалистки, чуть робея от непривычности перенятых с экранов манер, в темноте парковых аллей расстегивали кофточки и позволяли нам, страшно волнуясь, целовать их маленькие груди...

Быстро все закончилось. Застой крепчал. Мигом, по приказу, перестали печатать в толстых журналах ужасающие повести и романы о пытках в плавучих тюрьмах по пути на Магадан, расстрелах тысячных толп заключенных... ну, это вы сейчас все вновь читаете. А тогда послушно замолкли, один только чужак засопровтивлялся, непонятливый человек... Но иные хитрецы вроде как на рожон полезли, в дурдомх побывали, а оттуда — прямо за бугор. Это опять к слову. Слова-то словами, но за считанные годы все произошло навряде недавно слышанной мною оговорки диктора центрального радио: «Вы слушали скрипичные сонаты советских композиторов, а теперь послушаем музыку...» Мы вышли из вузов в жизнь, в которой более не было свежести, оптимизма и научно-технического прогресса. Как память о них остались с нами навеки наши добрые, сейчас чуть смешные жены — бывшие подруги с трепетными маленькими грудями, а в пыльных чуланах «хрущевок» — учебники обществоведения и конспекты по сопромату. Вот тогда-то стал складываться психологический тип, а заодно и социальный, шестидесятника: слабо приспособленного к реальной жизни, в которой к тому времени командно-распределительные, торгово-культурные посты заняли предшествующие и последующие за нами поколения. Сверх меры инфантильные, по привычке юности верующие в науку и не верящие, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», любящие потолстевших жен, потому попавшие им под каблук, анекдотисты, уважающие праздничные застолья с друзьями, по-семейному, очень увлекающиеся холостяцкими пирушками, посиделками в тогда очень доступных ресторанах, беседами с народом в пивных (еще не «барах» с обяза-

тельной дорогостоящей закуской). Душевную надломленность шестидесятники по молодости топили в интеллигентном винопитии, легком адюльтере с незамужними шестидесятницами, слушании «Голоса Америки» и «Дойче Вилле», чтении привозимых из Ленинграда ксероксов с «Архипелагом Гулагом», Вивеканандой и «Разворованной республикой» (это об Азербайджане). После тридцати занялись детьми, построили дачи, но деловыми людьми так и не стали: не получили закалки в те десять освежающих лет. Жили, как и раньше, на голую зарплату, в торговлю пирожками не шли, защищали диссертации, создали самый большой в мире фонд изобретений, что не внедрялись в бюрократизованную промышленность, крепили оборону страны за кулманами и паяльниками отделов, лабораторий, копали в обезлюдевших колхозах картошку, сахарную свеклу. Самогона не гнали тогда. Вот такое выросло поколение, в чем-то сродни шестидесятникам XIX-го века. Еще раз подчеркну: наиболее массовая группа шестидесятников осела в НИИ, КБ, а тамошние условия в наибольшей степени препятствовали их перерождению в торговцев пирожками, хронических пьяниц, проституток, милицейско-руководящий аппарат управления жизнью общества. Именно в этой многолюдной, своеобразной среде сложился свой стиль жизни, свой фольклор, философия мировоззрения. Эпоха преобладания в жизни шестидесятников — годы семидесятые, по-своему тоже веселые, анекдотичные, слуховые; слухи заменили прессу и телевидение, а любимым чтением стали детективы. В инженерной среде высший тип детектива — психологический (народ попроще баловался милицейскими комиксами и «Семнадцатью мгновениями весны»), что не удивительно: сама наша жизнь стала все более напоминать сложный, изломанный по сюжетной линии детектив, в котором развязка все приближается, приближается, но не наступает, захватывает все больший круг персонажей, всю страну и... все летит в тартарары без логически осозанного смысла. Вот, кстати, о детективах.

2. Место обитания шестидесятников

Было время — учреждения располагались в невысоких, по преимуществу, двух-трехэтажных домах добротной, в полсажени у основания, кирпичной кладки. Окна задумывались невеликими, в толстых стенах они смотрелись изнутри покоев бойницами. Просторные подоконники заставлялись кадками с японскими деревьями, в заведениях второго разряда закладывались стопками пыльных дел, тесня горшочки с геранями и чахлыми фиалками. Здания со всех сторон огораживались решетчатыми чугунными оградами, в промежутках между ними росли столетние, выше крыш вяза и тополя. Такое устройство в совокупности с духовым отоплением — высшим достижением калориферной мысли — создавало учреждению приятный, ровный климат во все времена года и даже исправляло крайние выпадения природы в России: в тридцатипятиградусную жару, безводную засушливую духоту и пыль толстые стены, невысокие этажи, томные вязы доставляли служащим райскую тенистую прохладу, а в лютый, французов сгубивший мороз, те же стены, сугробы застрявшего между тополями и оградой слежавшегося снега, самовар сторожа под лестницей, а более всего отменные калориферы приятно покоили теплом и уютом чиновников в добротных суконных вицмундирах: от писцов 14-го класса и выше, вплоть до действительных статских, тайных...

Так было, а может, сказывается обычный ностальгический скепсис памяти предков? Своего рода ретроспективный оптимизм: дескать, раньше и вода была мокрее! Но уж очень многое говорит за реальную основу зависти быту старинных служащих: во-первых, схоронились от Кагановичей и Татлиных эти самые уютные, климатически выдержанные здания, в них сейчас, по преимуществу, районные нарсуды и про-

куратуры розыск и праведж ведут. Кроме того, достаточно сравнить численный состав новых учреждений со старыми; последних имелось 4—5 на губернский город, невеликое число служащих в них упражнялось, не было массовости, а именно переход от индивидуальности к избранности, от нее к массовости есть онтологическая перво-причина стандартизации, то есть упрощения условия быта и самого стиля существования.

В наше с в а м и,— как любит говаривать парторг КБ, где я тружусь,— время, когда число служащих в стране почти сравнялось с числом работающих (я использую устоявшееся определение слова «работающий» в смысле кующий, вертящий, строгающий, ворую... нет, это из другой прослойки), об избранности, не помяная даже об индивидуальности, смешно речь вести. Более того, начальники над служащими, по-старинному избранные из избранных, и, сверх того, начальники над начальниками, то есть прежние индивидуальности, и те служат в условиях всего лишь условного, делового комфорта, отличаясь от простых исполнителей только уединенным расположением и тамбурированным входом. А могло ли быть иначе? — как пишут сегодня в газетных статьях с критикой сталинизма. Увы, это закономерная, диалектическая, хотя и жестокая, необходимость. Так учит нас наша передовая философская мысль. Ведь, если бы не была приостановлена тенденция строительства учреждений-особняков, то... страшно помыслить. При нынешнем, вызванном безостановочным научно-техническим прогрессом росте числа учреждений и служащих в них, вся европейская часть страны, включая Поморье, Валдайскую возвышенность, Таврию и Северный Кавказ, покрылась бы сплошной сетью, плетеной из узорных чугунных оград, а в каждой ячейке, посреди вязов и тополей (елей на севере, кизилowych и тутовых деревьев на юге) — учреждение со стабильным климатом... Не осталось бы места для железных дорог, по которым высшие служащие командированы в Центр за инструкциями, гребных физкультурных каналов и каналов малосудоходных, а также площадок для размещения производственных мощностей, необходимых хотя бы для оправдания существования самих учреждений, призванных идейно и административно руководить этими мощностями.

Такой путь, конечно, всерьез не принимался даже в эпоху волонтаризма. Выход нашли в социально-экономической жертвенности: поступились удобствами быта служащих. Жертвование протянулось на несколько десятилетий и проводилось в три этапа. Поначалу, когда финансовые и технические возможности резко отставали от динамики роста учреждений, выход искали в переуплотнении населения зданий прежних управ, судов, банков и пр. Это совпало по времени с общегосударственным жилищным кризисом. На следующем этапе, когда финансово-технические возможности еще не сбалансировались с ростом числа служащих, ввели ночные смены для руководящих товарищей и граждан (грань между этими категориями стала очень неустойчивой), размещали учреждения в случайных, совсем иного функционального назначения помещениях, расширили ареал географического расположения — децентрализация, — в частности, освоили огромные сибирские просторы. Частично ситуацию подправляло робко начавшееся строительство в масштабах народного хозяйства.

Но только третий, решающий, этап разрешил проблему: наконец-то нашли разумный, также диалектически сбалансированный компромисс между возросшими финансовыми и строительными возможностями государства, с одной стороны; резко прогрессирующей численностью учреждений и служащих, с другой; минимумом жизненных удобств служащих, с третьей. За техническую основу взяли принципы нового конструктивизма (не татлинского!) школы Ле Корбюзье, за финансовую — технологичность и дешевизну поточно-панельного домостроительства. Так появились многоэтажные учреждения из стекла и бетона, в которых разместились много-

численные учреждения со всем своим основным, техническим и вспомогательным персоналом.

Бетон — незаменимый материал для строительства посадочных полос аэродромов, заводских корпусов с тяжелым кузнечно-прессовым оборудованием, бомбоубежищ и оборонительных сооружений для долговременного сопротивления ракетно-артиллерийскому обстрелу. Перспективны почему-то отвергнутые идеи 20-х годов о строительстве океанских тяжелогрузов с литыми бетонными корпусами. Менее удобен, но еще терпим бетон при сооружении жилых зданий, терпим, учитывая, что владельцы квартир сами заделывают дыры, щели и другие огрехи спешно-поточного строительства. Кроме того, дареному коню в зубы не смотрят, на безрыбье и рак рыба. А что касается сохранения тепла зимой, то отчасти здесь помогает центральное водяное отопление, небольшая кубатура комнат с легким перенаселением. Летом можно бороться с раскаленной духотой: открывать балконную дверь, проводить жаркое дневное время на работе, на даче, в пивной...

3. О пользе утренних прогулок

Но вот в учреждениях бетон враг номер один, а вреден своими коварными свойствами: идеальная теплопроводность, когда зимой в бетонном здании холоднее уличного, летом жарче пляжного. Всему этому хорошо помогают огромные витринные окна, занимающие до 75 процентов от площади наружных стен помещений, а где окна, там щели, незатворяющиеся до упора рамы, фрамуги, отлетевшая замазка. «Огромная кубатура помещений — идеальный полигон для разгула температурных стихий», — так монотонно, в ритм ходьбе докладывал сам себе мой приятель, коллега и бывший однокашник Виктор Смышляев с необязательным по его малой должности — инженер-конструктор 2-й категории — и относительной молодости отчеством Сергеевич, идучи утром на работу. Обличительную, хулительную филиппику против бетона ему подсказала сама жизнь, а именно: установившаяся с неделю тому назад знойная июльская погода. Несчастный он, бедный, не сумел отвертеться от восьмичасового сидения в конторе в такую жаркую непогоду! Более умные, сообразительные его коллеги устроились на это время кто как смог: кто отпуск подгадал к самой ненавистной для служащего в двенадцатиэтажной бетонной башне поре; кто-то сумел обосновать и внушить начальнику своего отдела необходимость в срочной, долговременной казенной поездке в прохладные места: в Ригу по снабжению, в Ленинград по обмену опытом, на худой конец, в Вологду к смежникам — там сейчас циклонит. Народ посерее, поплотше догадливостью загорал в колхозе на сенокосе или на поздней прополке. По аналитическим подсчетам Смышляева, — дал Бог в насмешку антагонистической его натуре типичного шестидесятника фамилию! — еще процентов до 30 сотрудников КБ, не попавших в число отпускников, командированных и сенокосных, таинственно исчезли на жаркое время из учреждения без всякого видимого обоснования причин отсутствия. Как только люди умудряются? Много в природе нерешенных загадок, но именно эта, судя по всему, — постулат, нечто необъяснимое, априорное сущности конторского бытия.

Предоставленный самому себе, Смышляев уподобился утопающему, спасение которого дело его рук. В подобных ситуациях человек мужает, развивает свой инстинкт выживаемости, плавучести тож. Точно так же бросают малых ребят в воду: учись плавать по жизни, малыш! Не хочешь тонуть — плыви, работай ручонками, сучи ножонками. Хотя давно прошли те времена, когда жизнь учила Виктора выживанию в стенах учреждения, бросая в разнотекущие конторские воды, но июльскую жару в бетонной, стоямя поставленной коробке он всегда ожидал с ужасом, отчаяни-

ем, сердечным биением: был по рождению и начальному вырастанию сибиряком, не мог подавить в себе атавизм прохлады и простора. Но коли судьба из-за некоторой, тоже от сибирской температуры, раздольности строптивного характера и воследовавшей от этого некоторой же холодности к нему начальников — непосредственных и посредственных — не смогла избавить от каторги июльского присутствия в конторе, то ему самому приходится искать противоядие. Хотя и частичное, но оно было найдено: с наступлением невыносимо душных дней Виктор ежегодно отказывался от услуг троллейбуса, а на работу ходил пешком.

И не только по причине жары. Как-то случайно проснувшись слишком рано, еще не будучи женатым, проживая без забот и печалей, не желая выслушивать нудные материнские нотации по поводу перерасхода вчерашнего аванса без убедительных мотивов (потратил он четвертной билет, купив у подозрительного ханыги из носковской пивной, впрочем, ханыги себе на уме, по дешевой до смеха цене роскошно переплетенную книгу Вейнингера «Пол и характер:»), Виктор выскочил из дома за полтора часа до работы. Стоял тогда пусть не душный июль, но весьма жаркий август. Все же сообразив, что в его ничтожном чине появляться на службе за час до звонка — дерзкий вызов и намек, он впервые, не опаздывая, не толкаясь в переполненном неопохмеленными работягами троллейбусе, дивным летним утром, не спеша, интересуясь во встречных киосках сигаретами, газетками, пристойными его возрасту и увлечениям журналами, а также встречными, розовыми со сна девушками, прошелся по вымытым, свежим с ночи городским улицам и заявился в контору вовремя с чудесным прогулочным настроением, которое цепко держалось весь день. А кроме настроения, что само по себе немаловажно, пришло ему в голову на той утренней прогулке несколько афористических мыслей о начальниках, сути начальничества, которые помогли хладнокровнее, спокойнее выполнять в течение дня наиболее необъяснимые, вроде как нелепые установления правил внутреннего дисциплинарного распорядка.

С того дня, хотя появилась требовательная жена, впоследствии еще более хлопотная дочурка, а с ними масса житейских, политико-бытовых, морально-этических хлопот, когда только можно было, Виктор добирался до своего учреждения пешком. Афоризмы, которых со временем набралось на целую общую тетрадь большого формата, обычно сопутствовали безмятежному состоянию души, а сумеркам ее более отвечали гневные эссе-обличения, также заносимые по приходу в КБ в большеформатную тетрадь, за ознакомление с которой дорого бы заплатили иные руководители, особенно его непосредственный начальник Михаил Иванович Дорофеев, человек любознательный.

...Сегодняшнее предчувствие тропического сидения в стеклобетонном гробу, да к тому же в предельно (в который только раз?) обострившейся, неугасаемой, чисто органического происхождения борьбе между ним и администрацией что-то грозило взрывом. Все это склоняло размышления именно к пространным обличениям.

Развитие монолога о зловредности бетона прервало видение: на противоположной стороне улицы им. Пфаффенбляхера мелькнул и энергично спрятался в автобусе двадцать восьмого маршрута Чурбаков, мелкий начальник из соседнего отдела. Шахматист, он спешил к получасовой разминке перед работой. Мысли Смышляева потекли по иному руслу. В чем суть его многолетнего конфликта с начальством? Вопрос был древний, оскомину набивший, но навязчиво — своего рода мазохизм — всплывавший в голове всякий раз, как случалась очередная неприятность. А вывод, давно сформулированный, гласил: все дело в неверном о нем, Смышляеве, мнении, сложившемся у начальников. Давно открыл он парадокс, чем гордился, и полагал себя первопроходцем мысли, парадокс о ложной убедительности народной мудрости:

чем дольше знаешь человека, тем больше его узнаешь, выраженный в крылатой фольклорной форме («пуд соли нужно съесть, чтобы человека узнать»). В давние времена мысль эта верно отображала сущность дела, во времена оформления народной мудрости. Но тогда-то люди жили в деревнях, откуда истоки фольклора, когда человек был на виду со всех сторон, в избе, в работе, в гульбе, в отношениях с родственниками, соседями, просто односельчанами и чужаками. Деревенский ум, скупая по событиям в своем замкнутом мирке, все свое неумное любопытство и острое внимание крестьянина сосредотачивал на личности каждого в отдельности. Ни одна мелочь характера и поведения за время долгой, сконцентрированной деревенской жизни не ускользала от оценивающего, изучающего соглядатайства. Так было.

«Но теперь? — Сколько бы ты ни служил в КБ, толку в смысле истинного узнавания не было никакого. Более того, здесь характерным является нечто противоположное: метод цепной реакции в составлении и закреплении ложного представления о человеке. В силу самой природы власти начальствующему свойственно замечать в подчиняющемся ему лишь негативное; положительное же крепко в голове не оседает, попросту не регистрируется, ибо оно-то и считается нормой поведения идеального служащего, исполнителя. Наблюдая лишь внешнюю сторону человеческой натуры, запоминая промашки, замечая озлобление, уделяя каждому конкретному подчиненному лишь по несколько минут в день, начальник никогда не проникнет в душу подчиненного, а лишь с течением времени укрепит неверное свое о нем мнение...» На самой горячительной фразе Виктор подошел к проходным и вступил в иную климатическую зону; даже сейчас, прохладным ранним утром, в вестибюле повисла душная сырость, оставшаяся с вечера, сконцентрировавшаяся за ночь влага дыханий тысяч ртов. Бетонные стены сочлились осязаемой мокротой. В лифте мерзило застарелым запахом потных ног. Рабочий день начинался с неприятностей для обоняния.

Уже входя в отдел и слегка позвякивая тяжелой поклажей матерчатой сумки-нищенки, он вспомнил, что сегодня жена нашла для него в т о р о е п р о т и в о - я д е против зловонного, жаркого июльского дня в конторе.

4. Бремя начальствования и система противоядий

Начальнику всегда кажется, что он знает и видит своего подчиненного насквозь. Михаил Иванович Дорофеев, начальник небольшого конструкторско-тематического отдела, находился на взлете невеликой личной карьеры, вполне гармонизировавшей по размаху с его средним, но ближе к пенсии возрастом, элементарными административными способностями и пониманием своего места под солнцем, то бишь в структуре КБ. Человек он был, объективно говоря, хороший, даже начальствование не смогло его испортить. О многом говорит тот нашумевший в КБ факт, что, будучи любителем покопаться на даче и страстно мечтая приобрести автомобиль для удобства поездок за город, он года два тому назад отказался от трудового, заслуженного места в списке утверждаемых на Государственную премию в пользу лавролюбивого тогдашнего начальника отделения Гриневицкого с тем, чтобы ему вне отделенческой очереди разрешили покупку «Запорожца». Именно таким людям свойственно, как ни странно, приписывать себе сверхпроницательность.

В обычном течении жизни учреждения, весьма спокойном, общечеловеческие качества начальников средней руки и рядовых инженеров стремятся к умиротворяющему тождеству, никто никого не дергает, а начальник такой же, в общем, человек, как Курбаченко, Давыдова, Смышляев... или вот молодой специалист Мирошников. Но статика взаимоотношений ведет к застою администрирования, почти к панибратству. Это прекрасно понимает высшее руководство, время от времени дергает

Дорофеева и людей его сословия. Те, в свою очередь, вынуждены дергать Курбаченковых, Давыдовых, Смышляевых. Радости Дорофеевым от этого никакой, но, помимо воли, появляются азарт, озлобление. Вот, допустим, умный парень Смышляев, соответствует своей фамилии. Понимает, что он, Дорофеев, такая же пешка в руках начальника отделения Кладунова; и если этот умный парень имеет зуб на Дорофеева, то только по чисто физиологической, оборонительной причине — известно, человеку более неприятен дающий зуботычину исполнитель, палач, нежели истинный виновник, инициатор и приказчик — в смысле отдающий приказы о наказании. А вот засидевшаяся в девках Давыдова — грудастая, в теле, с этакой тяжелой, ошеломляющей матерых мужиков ладностью и красотой, но слишком разборчивая... или глуповатый спортсмен Мирошников — те-то, не удосуживаясь подумать, полагают именно Дорофеева изощренным истязателем, неутомимым в пытках даже в июльскую жару. Хотя, конечно, надо быть построже с ними со всеми. Без придинок, но — строго! Распустить коллектив — раз плюнуть. Бдительность и внимание, но не понимание где взять время? План, колхоз, отпуска, командировки — все это способно замотать и более дюжего человека. А сверху требуют, настаивают, порой грозят.

Тревожнее стало работать после передачи его отдела из ведома Гриневицкого в отделение Кладунова, известного в КБ полным отсутствием юмора, тощей высокостью роста, прямолинейной убежденностью в своей всегдашней правоте. По простетивии уже многих лет всей конторе помнилось его предложение, высказанное на партактиве КБ: для предотвращения утечки информации, упорядочения хранения технической и иной документации, а также в целях укрепления трудовой дисциплины ежевечерне, по окончании рабочего дня, авторитетной комиссии проверять столы сотрудников. Именно после этого события по рукам долго ходила карикатура, явно вышедшая из сектора дизайна: стилизованный Кладунов, высокий, тощий, в раздутых старшинских голубых галифе, в сапогах и мундире неведомой армии, в франкистской пилотке с кисточкой, с засученными рукавами френча, идет мимо вывернутых наизнанку из столов подчиненных ящиков и ворошит плеткой-семихвосткой их содержимое: бумаги, объедки яблок, пустые флаконы из-под духов, принесенные на перепродажу интимные принадлежности дамского туалета, дефицитные импортные презервативы с «усами»...

Человек, по своей конституции сухой, поджарый, он резко диссонировал с остальной массой служащих — начальников и подчиненных — безмерно страдавших от духоты и зноя. Более того, именно в июльские преисподние дни у Кладунова наблюдались спонтанные взрывы активности. Кроме выгодных физиологических особенностей, здесь немалую роль играло его коварство — в томящую погоду жаркого месяца, когда служащие теряли остатки бдительности, предполагая такой же порок в начальстве, легче было выявить, застать врасплох, подловить на нарушении, на неисполнении.

«Дурная голова ногам покоя не дает», — подумал нечто вроде этого, только (даже в мыслях!) облачив в более почтительную форму, Дорофеев, выходя из кабинета начальника после получения очередной инструкции. Была она малопривлекательной и касалась Смышляева. Кладунов, ведя индивидуальные мысленные досье на всех более или менее приметных сотрудников своего отделения, в последнее время вплотную обратился к личности обладателя скромной должности инженера-конструктора 2-й категории и вот теперь сообщил его непосредственному начальнику некоторые свои наблюдения, а именно: раза три в течение нынешнего лета, гуляя по городу с женой или с сыном-восьмиклассником, он вроде бы видел подчиненного Дорофееву инженера в пивных очередях. На последнем — к майским торжествам — учрежденческом вечере Смышляев довольно изрядно выпил в буфете с Мишиным и Пирожниковым, а

на торжественной части громко разговаривал и смеялся в задних рядах. На воследовавшей затем демонстрации он опять был навеселе, вычитал с несомого Мирошниковым и Курбаченко транспаранта с гербом, кажется, Казахской ССР пролетарский девиз и беспрестанно бубнил: «Барлык елдирдин, пролетарлары биригиндер!» И что переполнило чашу терпения — не далее как вчера он встретил Смышляева в коридоре вполубнимку с молодой сотрудницей от Розалины Тимофеевны с очень красным, потным лицом, причем от него вроде бы исходил легкий запах спирта или водки.

— Я знаю, как выглядят сибиряки в жару! — досадливо перебил Кладунов Дорофеева, пытавшегося сказать о климатической аллергии своего подчиненного, — сам родился в Магадане, после жил в Алмалыке, где летом градусник ниже сорока в тени не показывает. — Дорофеев знал, что ныне покойный отец его начальника в конце тридцатых служил в охране Берлага, а после войны с повышением был переведен оперуполномоченным в лагерь под Ташкентом. — И вообще, ходят слухи, что за кульманом Смышляева, он ведь отгораживает глухой угол комнаты, за его столом часто собираются в обеденный перерыв записные, общеизвестные выпивохи: художник Пирожников из оформительского сектора и ведущий инженер Мишин из двенадцатого отдела. Звенят стаканами, как видно, пьют принесенный из лабораторий спирт, закусывают. Откуда данные? Вам, Михаил Иванович, лучше знать, народ не совсем слепой и глухой рядом со Смышляевым сидит, видит и слышит. Пора положить этому конец. Самого парня до добра не доведет и тень на отделение бросит. Поэтому следует поймать за руку и примерно — другим наука! — наказать.

Такова в общих чертах была инструкция, полученная Дорофеевым от начальника. Он раньше сам отмечал, что Смышляев хотя и неназойливо, но дает повод думать о нем, как о «нелюбителе» выпить. И верно, встречали его в пивных очередях, на учрежденческих вечерах не избегал буфета, в предпраздничные дни ходил по этажам под легким хмелем, но все более или менее в общепринятых рамках. Водил компанию с Пирожниковым и Мишиным, имевшими несколько подмоченные репутации. Из угла, где, отгороженный большим немецким кульманом, сидел Смышляев, часто доносились в обед тройственные — хозяин низким, Пирожников высоким голосом, а Мишин, участник самодеятельности, темперированным баритоном — разговоры, смешки, после которых от выходящей курить тройцы чуткий нос вроде как улавливал то спиртовую резкость, а то и хлебный запах ординарного портвейна. Известно было, что Пирожников, как человек общепользительный, художник, пользуется расположением во всех подразделениях КБ, особенно в лабораториях, где ему под заказы на торжественные адреса свободно отпускают спирт.

Вроде бы все, годами наблюдаемое, говорило к очернительству Смышляева. Молодой, неопытный начальник давно бы затретировал, призвал к ответственности и... кроме неприятностей для себя со стороны высшего начальства, полной потери авторитета у подчиненных, ничего бы не имел. Но Дорофеев-то был руководителем со стажем, четко анализировал и сопоставлял доводы, из которых следовало: против Смышляева ничего не предпринимать. Доводов насчитывалось три. Как специалист Смышляев в отделе труднозаменим. Невысокая его должность, сравнительно со стажем работы и полезными в ней качествами, ничего не объясняла, так как была лишь результатом его ершистости и административной непоколебимости. Парень обидчивый, что-либо предпринять против него — беседы «по душам», запугивания — нерентабельно. Никаких льгот тот от конторы не имел, не ожидал, так что угрожать было нечем. Во-вторых, собственно, все домыслы о нарушении дисциплины за все время его работы в КБ никакого официального, документального подтверждения не имели; никто его не водил с работы на экспертизу, не делалось устных или

письменных выговоров за пьянство на работе. Даже со стаканом в руках и подготовленной к тому закуске никто из начальников не заставлял, хотя часто видели суетящихся Мишина с Пирожниковым, пробирающихся из своих отделов с оттопыренными карманами, закусочными свертками, слышали легкий перезвон посуды в углу. Наконец, все трое часто уходило на обед в город, задерживаясь на час-другой, но опять, как-то сглаженно все это было, с правдоподобными поводами, не вызывающее... И наконец, по наблюдениям Дорофеева, сам Смышляев, долго работая в КБ, славящемся на весь город скандалезностью, открыл превентивный способ борьбы за спокойное существование, а именно, систему мер-п р о т и в о я д и й. В данной ситуации противоядие состояло в умелом использовании аннигиляционных разговоров. Аннигиляция есть термин астрофизический, означает уничтожение вещества при столкновении с антивеществом. В человеческом обществе аннигиляция была известна задолго до физического обоснования существования античастиц, особенно — аннигиляция слухов или встречно-предупреждающая пропаганда. Еще Макиавелли и Гвиччардини («*Ricordi*») отмечали это чудодейственное средство сокрытия истины, но принято виртуозом аннигиляции считать рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса, хотя в последние десятилетия эта наука столь развилась, стала такой массовой, всеупотребительной, что и доктор выглядит на таком фоне любителем.

Смышляев, как только почувствовал завитавшие слухи, приступил к испусканию мощных аннигилирующих струй: за краткое время вызывающе создал себе — на словах — репутацию не просыхающего пьяницы. Поскольку это сильно гипертрофировало реальное скромное увлечение, несостыковывалось с его трудолюбием, аккуратностью в работе, свежим внешним видом, то он достиг желаемого: народ воспринял это как сорт юмора, на фоне которого всякие слухи потеряли доверительную ценность. Созданием аннигиляционной зоны Смышляев полностью обезопасил себя от посягательств, что вполне удовлетворило Дорофеева, но вот нектати вышла инструкция от Кладунова... Опять думать, выискивать, наказывать. Дорофеев осторожно вздохнул и принялся за дело.

5. «Медведь обложен!»

Дорофеев, равно как и переключивший одним своим появлением на противоположной стороне чудной улицы течение мыслей Смышляева начальник 203 сектора Чурбаков, был шахматным любителем. Надо отметить, что в наших учреждениях утром, в обед и после звонка в шахматы играют в основном начальники. Это не значит, что рядовые инженеры сплошь дубиноголовые, просто индусская забава нужна начальникам профессионально. Они в этой хитроумной игре оттачивают, как кошка коготки перед мышинной ловлей, свое административное ремесло: двигать людьми по ведомым только им, вершителям, законам выдвиганий, перемещений, боковых ходов. Видимость деятельности у фигур на доске имеется, но к цели идет через их моральную отставку и гибель только он, начальник.

Отгремела получасовая утренняя битва. Со звонком шахматисты-пятиминутники разошлись. Дорофеев, неприятно взволнованный «высадкой» в первой же партии блица (зевнул обоим слонов!), как хранитель всей шахматной снасти, сгреб фигуры в ящик стола; доска, нарисованная цветной тушью на ватмане Пирожниковым за стакан спирта, собранного любителями, была стационарно прижата столешным листом оргстекла. Затем он переложил шахматные часы на шкаф, сел за стол, залистал папку с перепиской со смежниками по изделию. Со звонком в отдел подтягивался последний народ, было его мало по летнему времени. В комнате начинался новый рабочий день. Служащие, как воробушки, а правильнее сказать, как коты на заборе, поудоб-

нее угнездывались за своими столами. Наступал час первой стражи: тихий, сонный час вхождения в ритм дня. Пролетит в дреме этот час, и тихие воробушки загадят грачиной стаей, загомонят. Только обед слегка их успокоит. Михаил Иванович по-отцовски добро смотрел на подчиненных, любясь их умиротворением и покоем. Вот они, страдальцы жарчайшего конторского июля, одни за всех отсиживающие в бетонных тропиках, рассаживаются по местам. В ладном, красиво бюстированном теле, спортивно-похотливая, на первый взгляд, строго уселась за столом Давыдова. Засидится она в девках до старости! Раньше хоть на все лето в колхоз правдами и неправдами вырывалась, а сейчас и этого не пожелала. Хотя стоило только полслова сказать — Кладунов к ней благоволит. А как, сидя в отдельской комнате, жениха найти? Своего — но если с десяток лет по восемь часов в день видеть перед глазами молодого Жана Марэ времен съемок «Графа Монте-Кристо», так и тот хуже столовских котлет опротивеет! Ну, сиди, сиди, от тебя хоть ни пользы, но и вреда никакого нет. Так просто, украшение интерьера. Мирошников, глуповатый физкультурник, только из института, уткнулся вроде бы в альбом чертежей по 1506-й ведомости, а знаю! — «Футбол-хоккей» читает, вот и скальпелем воровато двигает, разрезает только для этой газетки характерные, слепленные поверху полос листы. Мирошникова, как человека без права голоса, он выдерживает для осеннего, принудительного, с грязью до колен и позднеоктябрьской стужей колхоза. Принимай боевое крещение, малец!

Солидный Курбаченко, постарше его, отставной подполковник по артиллерийскому интендантству, но с техническим образованием, врос за столом, как дуб, смотрит на свой же чертеж. Хорошо ему, оклад с пенсией в сумме на полсотни превышает зарплату Дорофеева, а ни черта не делает и не тронь его! Хотя мужик хороший, разговор с ним одно удовольствие вести неспешный. Опять же машина — не отказывает иногда подвезти, когда своя на мелком ремонте либо «лысая» стоит в гараже. Через три минуты (Дорофеев взглянул на часы, выверяя точное время) уйдет в курилку, там с такими же отставниками до самого обеда о военных пенсиях станут спорить... со-рокапятилетние пенсионеры!

Надо сказать, что Дорофеев несколько своеобразно воспринимал юмор, ибо в детстве сильно ударился головой в гололед, а врач, знакомый по даче психиатр, определил эту специфику как очаговое нарушение эмоциональной деятельности в результате поражения правого полушария мозга. Физических страданий это не приносило, только порой моральные. По этой причине, даже хорошо и давно зная аннигиляционную сущность заявлений Смышляева, он на какую-то, пусть небольшую долю, но вполне серьезно воспринял вчерашнее, всеми ушами услышанное заявление: «Завтра ожидается плюс тридцать семь в тени, воды на этаже опять не будет, придется банку пива принести...» Воды, конечно, порой неделями не бывает на верхних этажах учреждения — обычная хроническая недоработка строителей, а скорее, проектировщиков здания, но ведь не повод же это был Смышляеву войти, спустя минуту после утреннего звонка, в отдел с раздутой матерчатой сумкой с четко вырисовывающимися боками двух литровых банок, глухо-наполненно стучающихся друг о друга? Дорофеева прошиб сложный пот и вдохновения, и недоверия, и удивленного восхищения, который выступает у всякого наблюдающего, как осмелевший от вина гражданин сам вступает в пререкание с милицией: а вдруг заберут?

Меж тем события развивались своим чередом, но предварительно поясним, что нынешний отдел Дорофеева еще пару лет тому назад имел очень сложную структуру: был он комплексной лабораторией со своими конструкторами, тематиками, технологами. Даже химики были, а сам Дорофеев руководил в лаборатории конструкторским сектором. С ростом числа сотрудников лаборатория превратилась в очень громоздкое сооружение, поэтому была вскорости разукрупнена на два отдела. Так Дорофеев

вступил на следующую административную ступеньку. Но поскольку прежние владения лаборатории сохранились в виде сложной сети проходных комнат и глухих чуланчиков, то при дележе Дорофеев получил одну большую комнату и чуланчик, соединенный с комнатой коридором. В чулане сидела его заместительница Розалина Тимофеевна Веснянская со своим маленьким сектором расчетчиц из трех девиц. Коридор же между комнатой и чуланом принадлежал второй, химико-технологической, половине бывшей лаборатории; вдоль его стен расположились шкафы с документацией, химпосудой и холодильник «ЗИЛ», в котором надлежало хранить реактивы, но на самом деле сотрудники обоих отделов клали туда до обеда приносимые из дома тормозки, а после обеда — купленную в буфете колбасу и сосиски. Так вот, Смышляев поздоровался устно с народом не отдельно, за руку, с начальником, прошел за свой кульман (видно было под доской — сбросил с ног уличные сандалии и обул казенные тапочки), после чего загремел переставляемыми банками, нагло-весело прошествовал мимо Дорофеева с цветным полиэтиленовым пакетом, в котором стояли банки с пенистой коричневой жидкостью, и всей комнате видно было через незаперенную дверь в коридор, как он устанавливал пакет в холодильник.

— Чего ставишь? — спросил, протискиваясь между свободной стенкой коридора и спиной присевшего перед распахнутым холодильником Смышляева, молодой угрюмый лаборант Васюков. — Правду говорят, что пива принес?

Если бы... так, пожрать.

«Халявщиков опасается, — ухмыльнулся Дорофеев. — Давай, давай! Васюкова ты мне не трожь, его да Мирошникова — кого еще на осень в колхоз, а зимой и вообще по разнорядке парткома на курсы механизаторов отправлять?» Очень его обрадовало, что Васюков не сумел напроситься на пиво, проще стало ситуацию обыграть, не вмешивая полезного, обидчивого парня. А план в голове создал он тотчас, как увидел входящего в отдел, гремящего банками Смышляева. А тот, не чуя надвигающейся бури, окончательно уверовав в спасительность аннигиляции, захлопнул холодильник и отправился, на ходу вынимая из кармана халата сигареты, для зарядки трудового дня в курилку, куда и ходил до самого обеда каждые полчаса, не выдерживая за своим кульманом в нарастающей духоте более получаса.

Меж тем солнце разогревало одиноко возвышающуюся посреди приземистых цехов, старых корпусов КБ и подсобных зданий бетонную, поставленную на попіа гигантскую спичечную коробку. Внутри ее, как в чайнике, закипело задолго до полудня. Не помогали зашторенные с солнечной стороны окна, распахнутые фрамуги. Жара вместе с городской пылью заливала помещения. За столами кисли распаренные служащие в легчайшей, но, увы, от того не менее пропотевшей, скользко-липкой одежде. К одиннадцати все женщины побывали в туалете, откуда вернулись в халатах, под которыми уже не угадывалось признаков платьев, юбок, блузок. Девицы и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами снимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полузастегнутыми халатами. Мирошников пришел на работу в сандалиях на босу ногу. Сам Дорофеев томился в облегченной форме начальника: рубашка-апаш, легкие брюки, летние туфли с дырочками — изделие дружественных индийских кустарей. Только высшие начальники, редко-редко стремительно проходившие коридорами из кабинета в кабинет, были одеты в полные пиджачные пары с галстуками, в стукотящие полуботинки на каблуках. Но у них это все натренировано, это люди другой породы, которым процесс терморегуляции тела подчинен...

Полдень. Мученье, казалось, достигло вершины, выше которой не может и быть. В эти томительнейшие минуты даже самых идеологически выдержанных сотрудников, даже малых и средних начальников нередко посещает дьявол-искуситель: мель-

кает недозволенная мысль о преимуществах службы в закордонных офисах, где кондиционер обычное, плевое дело, не как здесь, где примитивной услуги прохладительный прибор стоит только на подоконнике в кабинете самого Трибелнна, да и тот раз в месяц выходит из строя.

Дорофеев усилием волн отогнал антипатриотическое видение, взглянул на часы: до обеда двадцать минут. Разумеется, он не сидел до того сиднем, не ждал, пока пиво зарвавшегося Смышляева охладится до +5 °С. Все было подготовлено, оповещен Кладунов, подключены к акции Розалина Тимофеевна, начальники Мишина и Пнрожникова (их решил заодно приструнить Кладунов, хотя последние не были его людьми), партгруппорг отделения. Лишь профсоюзный руководитель, недавно назначенный бывший молодой специалист Афремов, встал в позу, отказался. По деловым, конечно, соображениям, поскольку Пирожников, намеченный в пострадавшие, только что дал принципиальное согласие на изготовление Афремову плакатов для его диссертации. Ничего, у Кладунова отличная память. Отказался бы и начальник Мишина, но был он в отпуске. Согласился замещающий.

Несколько раз у Дорофеева возникало острое желание стопроцентно у д о - с т о в е р и т ь с я; даже, проходя по делам коридорчиком к Веснянской, взялся было за ручку холодильника, но, испуганно оглянувшись на случайный шум, устыдился, оставил намерение. Розалина Тимофеевна, непосредственная, как всякая женщина, предлагала послать девочек, но Дорофеев отклонил. Смышляев импонировал двум из ее девиц. Она все же послала третью — подхалимажную Людочку, но было поздно; Юрка Васюков застучал молотком, завизжал напильником в своей слесарке, что располагалась в нише все того же коридорчика, и как только Людочка якобы по своему обеденному делу открыла холодильник и заприметила, что хитрый Смышляев задвинул пакет в самый зад нижней полки, к тому же заваленной горой чужих тормозков, как хмурый Васюков шуганул ее:

— Чего шаришь?!

Но зато Розалина Тимофеевна доставила куда более ценные сведения; находясь по своим делам у соседей-технологов, она заприметила Смышляева, шепчущегося с Галочкой, смазливой девицей, имеющей отношение к техпроцессам с использованием спирта (ее подозревали еще в преступной связи с Виктором).

«Та-а-эк, значит, решили полный банкет учредить!» — восхитился Дорофеев. А тут совсем маслом по сердцу: забежал на минуту в отдел к приятелю Пирожников с большой красной папкой, стрельнул якобы у того закурить, мимоходом кивнул на папку, дескать, вот халтура — адрес Петрищеву (начальник одной из лабораторий КБ), полсотни на той неделе стукнет... Дорофеев хорошо знал, чем Пирожников берет плату. Из коридора донесся обеденный звонок. Все вскочили с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило.

6. О вреде обедов всухомятку

Служивший в отделе народ издавна делился на две неравные группы по обеденным признакам: большая часть обедала в столовой, меньшая — прямо на месте, принося с собой из дома тормозки. Понятно, что в столовой люди обедают по необходимости, но хворые гастритом, гурманы, ленивые и просто не переваривающие картонных шницелей, обсыпанных сухарями каких-то подошв, мутных крупяных супчиков и прочих прелестей ведомственного общепита, предпочитают приносить из дома бутерброды с колбасой, ветчиной, сыром, куски вареных кур, яйца всмятку, заваривая на десерт чай или кофе — по средствам.

В социальной психологии есть понятие «группы по интересам». По этой теории

выходит, что каким бы случайным и внешне непрезентабельным был объединяющий людей в группу признак, но тем не менее из анализа его можно сделать серьезные выводы, порой ошеломляющие, быющие в набат, тревожащие, заставляющие задуматься, принять меры и пр. Дорофеев, собаку съевший на руководстве малыми коллективами, духом не ведал модных психоаналитических теорий, но хитроватым нутром крестьянского потомка чуял верность таких утверждений. Взять хотя бы такой ничтожный объединяющий признак, как отказ посещать учрежденческую столовку и обедать на месте? Любой, самый дотошный профессор еще недавно столь подозрительных социопсихологических наук, любой начальник высокого ранга, руководящий тысячными массами трудящихся, переучившийся на многочисленных курсах повышения квалификации руководящих работников, где один из главнейших предметов все та же социальная психология, микроклимат коллектива, до тонкостей разобранные взаимоотношения администрации и подчиненных, — все они только рассмеялись бы, услышав, что существует такой фактор групповой характеристики, как «обедающие на рабочем месте». Но это понятно даже зеленому выпускнику вуза. Те люди большого полета, с народом общаются через злющих секретарш, через начальников, через статистические таблицы, а Дорофеев никогда отдельных кабинетов не занимал и на курсах был только единожды, еще в начсекторах ходя, да и курсы оказались чисто техническими. Посылали после повышения еще раз на административно-руководящее, но он отказался, ссылаясь на смежников, затянувших с выдачей документации, что грозило срывом плана всего отделения. На самом же деле стоял май, дача требовала неусыпного внимания.

Казалось, совершенно разные по характеру, возрасту, полу и склонностям люди оставались на обед в отделе, но если проанализировать? Нет, то была группа, да еще с какими потенциальными возможностями социального обособления! Во-первых, налицо учрежденческий антипатриотизм — пренебрегая столовой, они выражают вызывающее недоверие собственно к руководству предприятия, якобы не знающему и, что совсем нехорошо, не умеющему организовать нормальную работу столовой без полчасовых очередей, без картонных котлет. Налицо недоверие к качеству пищи, то есть недоверие к коллективу работников столовой. А ведь те стараются, ссылаясь на единые общесоюзные нормы раскладки, государственное ценообразование, всеобщие дефициты, трудности с высококалорийными и сезонными продуктами, то есть... Дорофеев чуть побледнел, когда додумался до глобальных выводов: речь шла уже об организованном недоверии к государственной системе общественного питания и далее — о нежелании понимать постоянно-временные трудности в стране и т.п.!

Но это лишь одна сторона, хотя, если вдуматься, то самая серьезная в качестве объединяющей данную группу и характеризующая ее отнюдь не с самой положительной стороны. Существенным объединяющим моментом является лень. Да, именно лень! Всем им неохота поднимать сплюснутые зады от сидений стульев, переобуваться, пускаться вниз (лифт часто не работает), выстаивать длинную очередь, шататься с подносами в поисках свободных столов, относить подносы, наконец, возвращаться назад... Куда проще добрести до холодильника, вынуть свой сверток, залить кипятком из чайника стакан, не торопясь пожевать, а огрызки, газетные обрывки смять в комок и, даже не оборачиваясь, бросить в мусорную корзинку позади своего стула. Именно в личное, обеденное время проявляется успешно маскируемая во время работы лень. А ленивый работник, даже если он сверхуспешно справляется с заданиями, потенциально всегда может подвести. Лень — порок, хорошо скрываемый, но неизлечимый. К тому же лень имеет чуть поменьше миллиона градаций; среди них две наиболее часто встречающиеся и диаметрально противоположные: кипучий лентяй и лентяй флегматичный. Первый суть человек настроения; может целыми днями, в исключительных случаях даже месяцами, сидеть, явно лениться, но потом, когда лениться надоедает, либо обстоятельства

прижимают, он единым штурмом проделывает всю провороненную работу и даже сверх ее — про запас на период следующего приступа лени. Флегматичный лентяй — обратное явление. На вид он упорно, безостановочно работает, но когда надоест, то расслабляется и потихоньку ленится. Среди последних наибольший процент обедающих на месте. Большая ошибка спутать флегматика с человеком, просто отдыхающим, ибо внешне их действия во всем совпадают, но различие методологическое: неленивый человек отдыхает как бы нехотя, в силу физиологической необходимости, а лентяй — с наслаждением.

Нет большего вреда работе нашего учреждения, чем текучесть кадров. А кто чаще в процентном, относительном выражении, увольняется? — Обедающие на местах. Да, это так. Дорофеев с карандашом в руке проанализировал данные по своему отделу (ранее еще не своему) за несколько лет работы и доказал правоту такого вывода. Совсем не трудно было обосновать его, хотя причины здесь тоже не однозначные. Во-первых, оторванность, хотя бы на 45 минут — продолжительность обеденного перерыва в учреждениях с «черными субботаами» — от коллектива, способствующая обретению пагубной самостоятельности мышления. Без должной дружеской поддержки, без спайки и оптимизма общности дела они замыкаются в себе, мучительно, бесцельно предаются бесполезному самоанализу, из которого якобы спасительный выход им грезится в перемене места службы. Известно, что лучше всего там, где нас нет. Затем этому способствует несколько лучшее качество домашней пищи по сравнению со столовской, что автоматически, по природе человеческой, обостряет симптомы аристократизма, ведет к некоторому пренебрежению окружающими, следовательно, создает стену непонимания, откуда прямой путь к уходу из коллектива. Наконец, обедая на месте, служащие почти на час остаются предоставленными самим себе, без начальника, без коллектива опять же, лишь в своем узком кругу. А поскольку служащие, начиная с должности ведущего инженера, инстинктивно полагают для себя неудобным обедать на месте, то круг этот не только узок числом, но и ограничен своими невысокими должностными рамками. Совсем несложно представить, какие разговоры, вокруг чего ведутся за неторопливым пережевыванием и чаевничаньем: жалобы на низкую зарплату, на интриги Розалины Тимофеевны, на тупой принципиализм Кладунова, на его, Дорофеева, личные качества. Именно здесь зарождаются и закрепляются слухи о «хороших» конторах, где мед сам в уста течет, начальники на одной ноге с подчиненными, платят много, а делать ни черта не надо. Понятно, в какую сторону такие разговоры дезориентируют и развращают человека.

Дорофеев — гуманист, что, впрочем, не отрицает общенаучного гуманизма же. Начальник, по сути своего положения, должен быть чутким, внимательным, но в то же время не давать послаблений. Отсюда и рабочее понятие административного гуманизма; этот оттенок общепольного качества в чем-то сродни принципу разумного эгоизма Базарова, если вспомнить классика школьной программы. Формулировка административного человеколюбия, если попытаться переложить ее в официальных терминах, очень пространна, велеречива, содержит массу хороших слов, синтаксически построена на периодах, каждый второй из которых начинается с союза «но». А общий смысл таков, что начальнику показана гуманность в отношениях с подчиненными и тем более показана, чем дисциплинированное последнее, чем большую пользу приносит обществу в составе конкретной производящей ячейки. В свете такого подхода понятно и требуемое от начальника отношение к невыполняющим, тем более — злостно не выполняющим свои обязанности подчиненным. Но как быть с обиженными от природы, кто в силу физических или иных недугов, недоработок не может быть вперед идущим знаменосцем дисциплины и самоотдачи?

Принцип административной гуманности гласит, что таковые обязаны работать по способностям. А способности у недужных уменьшенные, значит, в силу основного принципа социалистического воспроизводства их доходы также пропорционально уменьшаются. Здесь-то умный начальник даже превышает уставный уровень гуманизма и держит подчиненных с уменьшенными возможностями на усредненном окладе. Как это ни жестиколярно великодушно, как ни гуманно, но все же начальник желает иметь сотрудников с олимпийским здоровьем, примерных семьянинов с легкой толикой душевной, общественно-политической, культурно-образовательной тупости, очень трудолюбивых. Такой под удар начальника не подставит, много не требует, благонамерен, на стройку легко соглашается, от колхоза не отвертится да и не захворает в горячее время окончания квартала. Масса достоинств!

Так вот... к чему речь? Все к тем же обедающим на местах. «Если человека не устраивает, прямо скажем,— думал Дорофеев,— малокалорийная, столь же малокачественная столовая пища, значит, желудок его требует лучшего, значит, он не натренирован, вот-вот готов впасть в болезнь, в гастрит, язву... А желудок, как врачи утверждают, штурман человеческого организма, в любой момент обладатель такого желудка может сдать, стать этаким болезненным балластом коллектива».

...Много, около двух десятков, пунктов такого рода домыслил Дорофеев, двадцать с лишком лет наблюдая за людьми, но самый последний довод особенно его беспокоил: все обедающие на местах отмечены печатью нестандартности мышления; короче, у всех них наблюдались сильные отклонения в сторону увлечений, побочных работ и нормальному быту. Конечно, сам факт наличия увлечения ни о чем дурном не говорит. Напротив, система интересов поощряется общественным мнением и прислушивающимся к нему мнением официальным, но в случае, если увлечение не слишком захватывает человека, а лучше всего помогает ему в основной работе. Будь Дорофеев — он и не знал кем, чтобы декретировать в очень широких масштабах, ну... например, этаким верховным муфтием всего мира в части откупа контроля над увлечениями — этим-то муфтием,— он привел бы в строгую систему соответствие хобби и основных профессий, сделав первые стимулирующими дополнения последних. Например, различные библиотекари, архивариусы занялись бы книголюбительским спортом, строительные инженеры и архитекторы — усовершенствованием своих дач, частных домов. Врачи интересовались бы ветеринарией домашних животных, обрезкой ушей пятнистым догам, хвостов — доберманам. Начальники... тут он задумался и ловко выскочил из затруднения — начальникам следует коллекционировать почтовые марки! Почему? Он так и не смог себе объяснить. Просто такое хобби имелось у его бывшего начальника Гриневицкого, у нынешнего руководителя КБ Трибелина, у его второго зама, а также у заместителя главного инженера Дунайцева. «Они лучше знают, почему так!», — отмахнулся от строгой логики Дорофеев. А вот эти самые на-месте-обедающие? Все поголовно с увлечениями, но с какими-то дикими, извращенными, не укладывающимися в разработанную им систему. Инженер-конструктор третьей категории Сергунчиков, вчерашний молодой специалист, способный, усидчивый парень с хорошо развитым пространственным воображением, ловко чертит самые сложные сборочные чертежи. Дважды за три с небольшим года работы в КБ получал по десятке прибавки, последний раз с повышением в должности. Тихий, спокойный, щупловатый, невысокого роста, домовит, живет в пригороде в собственном доме с женой и родителями. Занимался бы огородом, а зимой радиолюбительством, паял бы приемники рядом с тепло натопленной печкой и до старости лет собирал мечту жизни — цветной телевизор. Для работы польза какая! Ведь Сергунчиков как раз занимается в отделе проектированием блоков радиоаппаратуры. Так нет ведь, йогой увлекся! Что это за поветрие такое? Как ненормальный, сидит, сидит, вдруг на часы зыркнет, из стакана, рядом всегда стоящего, воды хлопыстнет пару

глотков, да не просто, а как курица — в рот залет, голову запрокинет и заглатывает... После чего минуты две руки по швам, нос вверх, сидит, как палку проглотил. Каждые полчаса. А три раза в день ка-ак уставится на цветной кружок с пятак размером, приклеенный к доске кульмана, лицом этак соскучится, замычит: «Ом-мм, ом-мм, о-о-ом!» Не по себе делается. Работе особого вреда нет, он тут же наверстывает, хорошо парень работает, но соседей отвлекает. Те рады похихикать, позлословить, а время-то рабочее золотое идет... Молчит полдня, только свое «ом-мм» пробурчит, но вдруг разойдется, народ, лишь бы ничего не делать, кругом обсядет его, слушает, а тот лекцию читает, только слышно: медитация, пратнаяма, хатха, карма, кундалини... В обед же развернет свой тормозок вегетарианский с какой-то дрянью, хотя родители в год двух кабанов забивают по семь пудов, перед собой отксеренную книжку Вивекананды или Рамчараки раскроет и замрет, только редиска с луком на зубах хруст-хруст! Надо поинтересоваться, кстати, кто ему размножает, надо себе переснять брошюру — есть у кума — по варке варенья, жена просила.

А чем увлекается Курбаченко? Ему по возрасту и воинскому прошлому в шахматы или в преферанс играть с однополчанами, он же знай в обед наворачивает копченую грудинку с целиковым батоном по двадцать пять копеек — в левой руке, а правой строчит. Писателем в отставке заделался. Так хотя бы свои военно-интендантские мемуары писал, нет, который год сочиняет биографический роман о любимом военном теоретике Карле фон Клаузевице! Во сне такое не привидится.

Давыдовой больше к лицу подошло бы рассматривание журнала мод или чтение какого романчика под свой диетический творог, можно гривенники в шампанскую бутылку складывать. Никто дурного слова не скажет, так она туда же: задумала диссертацию писать, полагает, что это, во-первых, мыслимо, не согласовав ни с кем из руководства да при всей ветви восходящих начальников без ученых степеней, и неужели думает, что именно таким способом следует мужа искать?

О Смышляеве говорить нечего. У него одно увлечение другое сменяет и все дичайшие: то принесет на работу груду палок, угольничков, нож сапожный, ворох бумажного хлама и, наскоро закусив бутербродами с вареной колбасой, начнет переплетать книги, клеим на весь отдел развоняет. А то ремонтирует электроподогреватель для жидкого детского питания или Библию вслух читает, но чаще всего прячется с Мишиным и Пирожниковым за кульманом, о чем-то тихо шепчутся, звенят посудой, всохатывают, видать, анекдоты про руководителей партии и правительства рассказывают, после же уходят в курилку. Ясно. Спирт технический пьют. То-то смазливая Галочка порой бочком-бочком, глазки равнодушному к ней Курбаченке строя, пробирается за смышляевский кульман, похихикивает со всей компанией... Один раз, не выдержав смешков из угла, как бы по делу (уходил Дорофеев на обед, как принято у начальников, на полчаса позже, а эти «сторожевые» полчаса играл в шахматы) зашел за линию кульмана, но троица сидела в рядок за столом, жевала булочки с запеченными сосисками, пила чай и рассматривала какой-то малопрстойный журнал на отличной мелованной бумаге, выписываемый на валюту техбиблиотекой для сектора дизайна. Спиртоноша Галочка, облокотись своим знаменитым на все КБ — даже Давыдова, ее врагиня, в счет не шла — бюстом на столешницу, также с интересом сравнительного характера смотрела в журналчик. Все четверо нагло уставились на Дорофеева, предложили чайку. Тот как-то вывернулся, ретировался почти что смущенный. Смутила его внеслужебная поза Галочки.

Но ведь пьют, пьют, собаки! И запашок спиртовой трудно с духами Галочки спутать, и Смышляев с графином за свежей водой летает, Пирожников свертки слишком объемные для простого тормозка приносит да держит всегда их аккуратно при ходьбе, вертикально, а по лицу благообразного Мишина видно: вождедеет!

Пора, пора кончать. Тем более есть инструкция от Кладунова.

7. Момент истины, или роль рекламы в торговле автомобилями

Из коридора донесся залихватый обеденный звонок. Все повскакали с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило! Как и предвидел Дорофеев, все у них шло по тщательно разработанному плану; бедняги подумать не могли, что их тайна раскрыта с точностью до жестов, рассчитана до секунды. Смышляев подошел к холодильнику, попутно — боковым зрением засек Дорофеев, взял на заметку — шаловливо полуобняв спешащую сегодня в столовую разругавшуюся Галочку, терпеливо, что не соответствовало его характеру, дождался, пока Сергунчиков, Курбаченко, Давыдова, еще кто-то из дружественного технологического отдела разберут свои свертки, солидно и нагло вытащил нагруженную банками, множеством небольших свертков сумку и проследовал за кульманом, опять-таки от избытка предвкушающей радости попутно огладив Давыдову по крутому плечу. Тотчас же прибыл Пирожников. В руках (в обеих!) он держал сверток, как всегда вертикально. Последним явился Мишин со своим вкладом в газетной бумажке. За кульманом загремела посуда, что-то со стуком стругал ножик, послышался громкий отвлекающий разговор о футболе.

Наступил момент действия. Дорофеев поднялся, для порядка собрал бумаги в кучу и чуть громче обычного, обращаясь к зажевавшему с урчанием грудинку Курбаченке, объявил:

— Пойду я, Петрович, пообедаю.

— А шахматшки что ж?

— С утра не позавтракал, прямо с дачи, не в форме...

И вышел, очень ловко на ходу прикрутив замок с наборным шифром. Следом вышла из коридорчика Розалина Тимофеевна, для гласности громко удивилась: дескать, Михал Иваныч ушел, что ли? А шахматы? Тоже мне игрок! И ушла, не забыв оставить дверь приоткрытой. Штатным игрокам за столом Дорофеева еще до обеда была дана Кладуновым неясная команда оставаться на своих местах. Через минуту состоялся полный сбор. В небольшом отдалении по коридору, вроде бы у отделенческой доски объявлений, маячили: Дорофеев с заместительницей, партгрупорг, начальник Пирожникова, и. о. начальника Мишина. Последним подошел очень серьезный Кладунов. Вся компания молча, организованно двинулась, но у двери в отдел притормозила, а Дорофеев неслышно — впрочем, очень громко хрустел репкой йог Сергунчиков и маскировал дверной скрип — вошел в комнату. Из-за углового кульмана яростно звенела посуда, лилась жидкость, неслись радостно-возбужденные голоса. Дорофеев дождался принятого у троицы гагаринского «поехали!» и тотчас широко распахнул дверь изнутри. Толпа набежала на кульман Смышляева.

— Ба, Михал Иваныч! Решили в столовую не ходить? — приветствовал хозяин. — Милости про... — и осекся, разглядев высившуюся над кульманом голову Кладунова, а под кульманом насчитав, вместе с кладуновскими, пять пар ног, — милости просим к нам на окрошку!

Дорофеева слегка шатнуло. Трое служащих с ложками в руках сидели вокруг большой суповой миски с окрошкой. Холодный пар валил от нее, возбуждая язвенный аппетит. Кусочки колбасы играли в догонялки с розовыми ломтиками ветчины, на глубоководных мелях затонувших картошек и огурцов, маскируясь в зеленой тине лука, подвсплыли округлые мины-маслины. Айсбергами плавала заснеженная сметана. В левых руках (левша Пирожников в правой) соучастники атаки держали по ломтю хлеба с горчицей. В стаканах пузырилась минералка с дольками лимона. За миской, прислоненный к подоконнику, лежал удобно обращенный к лицам обедающих

свежий номер полутехнического-полупорнографического дизайнерского журнала. На развороте его воспроизводилась реклама американского автомобиля для семейных путешествий: загорелая красотка стягивала левой рукой с выдающихся бедер мини-бикини, а в правой держала стилизованный под легионерский римский значок плакат, на котором по-английски было написано, а карандашом по-русски приписано: «Я отдаюсь только в автомобилях марки «Ленд-Ровер!» К углу тем временем подтягивался местный народ. Раскрыли рты Курбаченко, Давыдова. Последняя презрительно смотрела на красотку с плакатом, Сергунчиков поперхнулся репкой.

...Позавчера вечером жена Смышляева, наскучившись жалобами супруга на жару в конторе, подсказала рецепт противоядия: сделать в обед себе окрошку, а сегодня рано поутру сама сходил за квасом.

8. Этот май-баловник

Вот так с шутками-прибаутками, с холодной окрошкой пережил Смышляев жаркие месяцы. Август вообще пролетел незаметно, на весь месяц послали в строительный цех на бетономешалку: пять замесов — полчаса лежи на досках, загорай. В сентябре вышел отпуск, там и до зимы недалеко. Начиная с середины марта Смышляев ходил по утрам на работу веселый, даже афоризмы о начальниках приобрели либерально-философский оттенок. А на работе все спорилось, горело в руках. Куда девалась тоска и мрачность прошедших зимних месяцев, когда жена каждый вечер попрекала, что-де до пенсии на ста шестидесяти пяти рублях будешь сидеть...

— Что ты, хуже всех работаешь? — вопрошала она, закончив стирку или приведя из сада дочь в начерно испачканном за день пальто. Это было очень обидно слышать, поскольку Смышляев работал лучше всех в отделе. Жена в такие моменты казалась кривой ведьмой, появлялось желание погулять, сходить в кино с Галочкой. Да и Дорофеев, совсем заважавший его после срамной истории с окрошкой, всей душой был бы рад прибавить работающему подчиненному, но...

— Понимаешь, Виктор, в КБ вообще сейчас туго с прибавками,— доверительно пояснял он заугрюмившемуся Смышляеву,— сам понимаешь, предприятие молодое (КБ четыре года тому назад отделилось от завода), только организовалось как самостоятельное, расходы, стройки, неустойки — фондов нет!

Но на переломе марта месяца засияло освободившееся от зимних пут солнце, а с ним повеселевший Дорофеев позвал поутру Смышляева, усадил рядом, попросил завтра принести номер диплома, предложил ознакомиться с черновиком характеристики на него. Тот внутренне возгорелся от радости: прибавка к Маю! И должность конструктора первой категории! Вот почему ходил он на работу довольный, афоризмы сочинял необидные, работа стократ спорилась. Через какой-то месяц с небольшим двадцатка прибавки и высшая инженерная должность. Слава Богу, все обошлось, не нужно будет униженно просить более удачливых однокашников, устроившихся в теплые места, посодействовать... нудно, противно, со скандалом, с уговорами увольняться, обживаться вновь, «рекомендовать» себя, оставаясь после работы. Жена отойдет, да и утомлять начали бесплодные вечерние тайные прогулки с Галочкой: некуда приткнуться, уединиться, да ей замуж пора... с таким-то бюстом?! Смышляева то и дело поздравляли Курбаченко с Давыдовой, йог Сергунчиков рекомендовал проверенные самим Рамчараккой асаны — позы для подавления излишних радостных эмоций, а Галочка, милая душа, подарила ему для хранения деловых бумаг при новой должности роскошную папку «под кожу» с тиснением. Дорофеев, встречаясь глазами с ним, понимающе и ободряюще подмигивал, Розалина-обозлина обиженно поджимала губы, когда в отдел принесли на подпись Дорофееву отпечатанную характеристику, заготовки протокола.

Чем ближе к Майскому празднику, тем ярче, теплее светило солнце, согревая душу Смышляева. Но чем радужнее мечта, тем свирепее бьет по макушке разочарование, а оно чаще всего опережает свершение желаемого. Так случилось с невезучим в служебном усердии Смышляевым. За четыре дня до заседания аттестационной комиссии требовательно и гневно задрожал, зазвонил красный телефон внутренней прямой связи без диска-номеронабирателя. Дорофеев поспешно, но почтительно снял трубку, выслушал, на лице его проступило странное выражение: то ли радоваться, а скорее всего, ожидать взбучки.

— Виктор! Смышляев! Пошли к Начальнику, зачем-то меня с тобой вызывает.

Молча спустились, не дожидаясь лифта, на третий этаж, причем Дорофеев бросал короткие, испытующие взгляды на заолодевшего подчиненного. Робко вступили, повинаясь немому жесту Веры Григорьевны, через тамбур в просторный кабинет Трибелика — и оба ужаснулись вмиг виду разгневанного лица Владислава Сергеевича, первым его словам:

— Выбирайте сами, кого из вас увольнять: Смышляева или Дорофеева?

У менее закаленного Смышляева все оборвалось внутри. Некстати вспомнилось, что Галочка вчера намекнула на неприятные осложнения в своем стройном организме. Что творилось в душе более ответственного за поступки подчиненных Дорофеева, об этом можно только догадываться. Во всяком случае, после короткой беседы-монолога Начальника он пробыл две недели на больничном — жена Дорофеева работала врачом в поликлинике, а земля на даче подсохла к концу очень теплого апреля и требовала ухода.

Правда, никого не уволили

9. Тень покойного фюрера

Начальник и главный конструктор КБ Владислав Сергеевич Трибелин недавно отметил сорокапятилетие, жизнь его радовала. Действительно, почему не радоваться, если он — самый молодой глава предприятия не то что в главке, но во всем министерстве. К середине пятого десятка, практически молодым еще человеком, он имел директорскую должность, степень доктора наук (одна только диссертация, сделанная и принятая к защите в городе X., стоила КБ полмиллиона рублей хоздоговорных денег), массу ответственных знакомых в министерствах. Среди сотрудников КБ ходил уверенный слухок, что Начальник вхож и куда выше! Да еще два ордена за успехи в руководстве, двое детей-отличников, пятикомнатная квартира в центре, здоровье бывшего спортсмена-любителя, одна из лучших в городе коллекций почтовых марок, неиссякаемая воля к продвижению вперед, а также отменный жизненный оптимизм. Кто из читателей служил или посейчас работает в учреждениях подобного рода — а кто из инженерной братии там не работал? — тот задумается: чего-то не хватает? Но не хватает настолько обыденного, соответствующего должности Трибелина в 70-х годах, что мы даже пропустили это в перечислении: две Государственные и одна Ленинская премии, звание «Заслуженный изобретатель РСФСР» (автор свыше 400 изобретений), член редколлегии отраслевого научно-технического журнала и прочая, прочая.

И в это утро он неспешно прошелся, словно какой-нибудь Смышляев, от дома до учреждения, благо идти три квартала, поднялся пешком на третий этаж, сурово и презрительно окинув взглядом серо-стальных глаз большую очередь служащих к лифту, в кабинете просмотрел кой-какие срочные бумаги, телеграммы с вечера, а ровно в девять, приказав Вере Григорьевне отложить планерку на четверть часа, уже на лифте поднялся на восьмой этаж и, распугивая своим появлением курильщиков, направившихся было в курилку при мужском туалете, проследовал в кабинет Кладу-

нова. Все его радовало, вот только как всегда туалет-курилка огорчила; сколько он не боролся во всю силу данной ему власти с курильщиками — никакого результата. Слышно из-за двери: хохочут, опять с самого утра толкутся, окурки куда попало бросают. «Посади свинью за стол...» — в который бесчисленный раз подумалось ему. «И чего они без конца курят? Работой, что ли, не загружены?» Сам Начальник тоже курил, но он же не стоит целыми днями в предбаннике сортира, не мусорит, а курит свою «Яву» в кабинете, аккуратно пользуясь подаренной еще к 40-летию лично Дунайцевым хрустальной пепельницей. А окурки, когда их после совещаний много набирается, выносит Вера Григорьевна или ее помощница Марина, молодая супруга личного шофера Трибелина. «Как это отвратительно — курить в зловонном отхожем месте!» — с недоумением размышлял Начальник. Кстати припомнился недавний разговор с заместителем начальника главка по материально-техническому снабжению Цфасманом. Милейший Аркадий Исаакович увлекался историческими параллелями, а в тот раз, оставшись наедине с Трибелиным в своем кабинете — засиделись допоздна, согласовывая номенклатуру поставок в КБ на новый финансовый год — между делом рассказал Владиславу Сергеевичу о происхождении некоторых обычных норм поведения на промышленных предприятиях страны, равно и в других общественных местах. Оказывается, до начала 30-х годов курить в туалете считалось столь же непристойным, как, например, там же, усевшись на унитаз, кушать борщ или сборную солянку. Кстати, до тех же времен никто не садился на этот унитаз, если в кабине не было двери, либо дверь была наполовину отпилена сверху или снизу, как то принято у нас в общественных местах и на производстве. Переворот в курительном-унитазном деле совершил не кто иной, как Адольф Алоисович Гитлер, который, заботясь о своем здоровье и не вынося запаха табачного дыма, нещадно гнал курящих райхсминистров и фельдмаршалов из служебных помещений райхсканцелярии, которым только и остались для курения туалетные помещения. Надо полагать, у Гитлера имелся персональный сортир, как, например, у наших нынешних руководителей предприятий, у Трибелина тож. Понятно, что обиженные райхсминистры тотчас уравнили с собой в правах все семидесятимиллионное население Германии. Геббельс сочинил обоснование: борьба за здоровье нации требует удаления курильщиков из всех служебных и иных помещений. Кстати, роль личности в истории не ограничивается войнами, примирениями, разорениями народов. Можно продолжить пример с курением. Наш вот вождь Сталин всю жизнь курил, потому антитабачной пропаганды при нем не припомнят старшие поколения. При некурящем (кажется?) Никите Сергеевиче медики забеспокоились было о вреде табачного дыма, но было не до них. Пока Леонид Ильич курил свою «Новость» по 18 копеек пачка, пропаганда никотинового вреда глухо и невнятно бормотала, но когда Брежнев, заботясь об угасающем здоровье, бросил «Новость», появились в городах плакаты с позеленевшими легкими и ограничения в продаже сигарет подросткам. Пример можно распространить на алкоголь, продолжить во времени...

Вышибание же или обрезка дверей в кабинках туалетов была предпринята в Германии чуть попозже для предотвращения укрывания там отлынивающих от работы рядовых арийцев. Дальше все просто. Немецкая выдумка насчет курения и сортиров понравилась если не курящему Сталину, то уж кому-то из его окружения; здравый опыт пересадили на отечественную почву. А они у нас взяли на вооружение подвиг Павлика Морозова. И поныне забытая тень покойного фюрера витает в наших совмещенных туалетах-курилках, кстати, вредно воздействуя сверхконцентрированным дымом на справляющих естественные нужды некурящих.

«...Неряхи и бездельники», — сделал окончательный вывод Трибелин, входя в кабинет начальника 2-го отделения. За пару секунд до того он все же хотел зайти в туалет, распечь распоясавшихся курильщиков с восьмого этажа, но вспомнил, что сего-

дня приезжает главный инженер главка с рядом ведущих специалистов предприятий-смежников, и мысль о расправе тотчас была вытеснена соображениями о привычной расстановке сил перед ответственной визитацией: кого из начальников отделений и отделов позвать на совещание, какие материалы по изделиям выставить напоказ, а какие спрятать подальше, где заказать ужин и прочее. О курильщиках он забыл напроочь, тем более, что, прослышав о появлении на этаже Самого от попавшегося ему навстречу Юрки Васюкова, все побросали только что раскуренные сигареты и папирсы, Лохматых затушил трубку, привезенную им из последней поездки в колхоз, самолично выструганную, притворно беспокоясь насчет производства, разбежались, как вспугнутые включенным светом клопы. Через пару минут весь этаж знал: сегодня у Кладунова день рождения, и Владислав Сергеевич лично поднялся на этаж поздравить его. Все были потрясены демократизмом, чуткостью Начальника, а экзальтированная Людочка Целиковская, тайно и трусливо влюбленная в Трибелина, восторженно заявила:

— С таким начальником хоть на край света! Необыкновенный человек.

Ответственная встреча произошла пополудни и свершилась как нельзя лучше. Гости остались довольными неутомимой деятельностью начальника КБ, последний же еще на ступеньку поднялся в завоевании личной приязни очень ответственного министерского руководителя, пусть на маленькую, но ступеньку, а в его сложной, стремительной карьере всякая крупинка пополняла мешок конечной цели, название которой он не доверял даже собственной пыжиковой шапке. Шляпе летом тож. Но несмотря на общее хорошее итоговое впечатление, все же вышла мелкая неприятность, заставившая Начальника внутренне покраснеть, а на следующее утро очиститься в безудержном гневе: опять курильщики подвели!

На восьмой этаж гости поднялись к концу осмотра подразделений, выполняющих наиболее ответственные заказы. Заодно поздравили Кладунова. Так как процедура осмотра дело долгое, то, естественно, к концу его некоторые из состава делегации, в том числе главный инженер главка, начали проявлять некоторое, правда, заметное только наблюдательному взгляду Начальника, беспокойство. Мигом сообразив, Трибелин миновал последнюю на этаже, малозаметную в масштабах КБ лабораторию и повел гостей освежиться. Как и пристало пикантности момента, гости и Начальник перешли от деловой сосредоточенности к шутливой интонации. Встав в ряд перед шеренгой писсуаров, они затеяли такой вот разговор, не теряя, как деловые люди, ни одной, даже интимно-санитарной минутки:

Н а ч а л ь н и к: Прошу прощения за задымленность. Это у нас и туалет, и курилка. Маловато площадей под сангигиену.

Г л а в н ы й и н ж е н е р: Да-а? А я подумал, что это все продолжение того отдела, в котором столько коридоров и глухих комнаток.

Н.: Ха-ха! Маловато, Василий Афанасьевич, маловато у нас площади, пора нам, хе-хе, расширяться!

Г. и.: О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Н. (поблуднев и только сейчас заметив сигаретный охнарик в писсуаре Главного): ...Да-а, гм-мм (смешавшись, но лишь на секунду), а Путкарадзе, говорите вы, вторую неделю, как в Свердловске? Надо сегодня же позвонить по вертушке, поздравить. Не у каждого сын в тридцать два года папаху получает!

Затем Начальник скоро и умело перевел разговор на неслужебное, но, в общем-то, околослужебное. Внешне он оставался спокойным, благодушным, хлебосольным хозяином, но, пропустив вперед себя гостей, выходя последним, он с таким гневом посмотрел на двух топтавшихся, чувствовавших себя не в своей тарелке от присутст-

вия при интимном туалете начальников высочайших рангов курильщиков, застигнутых врасплох, что у тех сердца рухнули оземь.

Из-за проклятого окурка на самом высшем витке развития сорвалась и провалилась несколько лет тщательно разрабатываемая Трибелиным операция по расширению территории КБ за счет отторжения от материнского завода площадки, занятой старыми складскими помещениями. Что-то будет? В отделе Дорофеева вспомнили, как в позапрошлом году предшественник Юрки Васюкова по лаборантской должности, полный балбес Завьялов повадился бросать двушки и даже гривенники в писсуары (за десять лет предвосхитил идею нынешних кооперативных сортиров, подлец!), что заприметил Владислав Сергеевич и срезал на 25 процентов премию за квартал всему отделению Кладунову, дескать, зажировались, деньги вам некуда девать...

10. О преимуществах человеческого фактора

Начальник не был бы таковым, когда б не смог задержать выход гнева до окончания расследования; только в этом случае наказание достигнет наивысшего воспитательного эффекта. На другое утро Трибелин поодиночке вызвал а кабинет некоторых подчиненных Кладунова из числа руководителей низовых звеньев, людей понятливых, исполнительных, тупо-преданных, и выдал им ряд определенных инструкций. Список для вызова подготовила Вера Григорьевна, консультируясь по телефону с Кладуновым. Вызванных объединял один общий признак — все они были курильщиками.

Весь день и первую половину следующего наблюдательный человек мог отметить необычную активность отдельных курильщиков из числа мелких начальников, ранее избегавших задерживаться в курилке восьмого этажа рядом с простым народом более двух-трех минут. Они прямо-таки не могли усидеть на рабочих местах, а высасывали сигареты до самого фильтра, тут же от них прикуривали следующие, охотно вступали в спортивные, охотничьи, рыболовные, военно-пенсионные разговоры, хохотали над непристойными анекдотами армейца Курбаченки, не забывая при этом бдительно просматривать все углы, закоулки курительной и писсуарной частей комнаты.

Наступало утро второго дня следствия. На рассвете между пятой и шестой стражами Начальнику снился сон. В том сне правдоподобно воссоздавались события позавчерашнего дня: утреннее возбуждение, встреча гостей, экспедиция по учреждению — все совпадало вплоть до момента, когда, стоя в писсуарной шеренге, главный инженер главка весело и иронично протянул, грассируя по-столичному:

— О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Далее все замелькало кинематографически: чуть смазанные историей с окурком провода гостей, мимоходом команда одному из доверенных подчиненных извлечь и сохранить окурочек. Окурочек извлечен, помещен в специальный герметичный сосуд из химлаборатории, в котором отправлен на экспертизу в областную криминалистику. Оттуда быстрым курьером в чине сержанта приносят бумагу с гербовой печатью, на которой записаны химическими формулами компоненты слюны и мочи (пардон!). По спецзапросу из Министерства присылают анализ продукта выделения главного инженера главка, составляется ведомость рассогласования показаний двух анализов, на основе которой формируется анализ-робот слюны злоумышленника. Из той же криминалистической лаборатории под залог красотки из отдела Дорофеева (Начальник имел в виду, конечно, Давыдову, но, может, и Галочку?) привозят оборудование для съема отпечатков зубов, анализа мочи и слюны всех курильщиков восьмого этажа. Несколько дней кипит работа; администрация и отдел кадров расспрашивают, анализируют, думают заполнить. В итоге создается список курильщиков, стабильно по-

требляющих тот же сорт сигарет, что и нарушитель. В список зачисляются под индексом «Б» профессиональные «стрелки» чужого табака, а также курильщики со сходными признаками с других этажей, но по работе часто бывающие в отделении Кладунова. Итого до полусотни человек. У всех у них снимают оттиски зубов, берут анализы, сверяют, ищут, данные заносят на перфокарты, вводят в самую производительную ЭВМ ЕС-1060 учрежденческого вычислительного центра. Машина потеет, урчит и выдает через сутки результат, который под охраной стрелка ВОХР доставляют Начальнику. Все ясно, окурочил профессиональный «стрелок» старший инженер Фомичев с шестого этажа отделения Гриневецкого. Начальник багровеет, наливается кровью мщения, требует на правоеж Фомичева, но ему докладывают, что-де злоумышленник в панике успел уволиться без «отстоя», сославшись на переезд в другой город. Начальник скрежещет зубами от обиды, просыпается, зло проводит домашнее утро, кричит на ласковую свою супругу, сына обзывает обалдую, а заспанную с вечеринки дочь потаскухой, вызывает машину и через три квартала едет в КБ. После обеда в приемную тихой лисой проскальзывает Н., что-то шепчет на ушко расстроенной Вере Григорьевне, та незамедлительно пропускает его в кабинет, и Владислав Сергеевич слышит, что только что в курилке восьмого этажа инженер Смышляев бросил в тот же самый писсуар окурочил того же сорта. Начальник кричит в селектор Вере Григорьевне:

— Дорофеева со Смышляевым ко мне!

Смышляев остался без вождельной прибавки и повышения, а к Октябрьским праздникам малоизвестный, года три всего работающий в КБ ведущий инженер Н. из четвертого отделения, на удивление всем, получил медаль за трудовые достижения. Но народ особо личностью Н. не интересовался, поскольку другое, случившееся в конце лета событие, связанное с поездкой Владислава Сергеевича за границу, волновало и занимало умы. Однако об этом чуть позже...

11. Чайный гриб

После заграничных командировок в Бельгию Владислав Сергеевич, как крупный и самый молодой в отрасли руководитель, талантливый ученый, был зачислен во вновь открывшуюся Промышленно-техническую академию при Совмине. На время его учебы врио руководителя КБ (тогда еще никто не знал, что после окончания академии Трибелин пойдет на повышение) назначили не главного инженера Волчанова, как то следовало бы по логике вещей, а его заместителя Дунайцева. Первое время служащие, особенно женский персонал, частенько вспоминали добрым словом своего Начальника. Даже некогда обиженный им Смышляев сравнивал достоинства прежнего и нового шефов не в пользу второго. Как-то в хмурый осенний день, когда Дорофеев, сославшись на недомогание, уехал с утра на дачу подправить к зиме забор, окопать яблони, весь отдел дружно плюнул на доуку-работу и устроил «час воспоминаний». Сначала позлословили о Давыдовой, с утра ушедшей в женскую консультацию сдавать анализы (по слухам, она спуталась с Кладуновым и готовится стать матерью-одиночкой), затем перешли на Владислава Сергеевича. При упоминании его имени Курбаченко и Сергунчиков весело переглянулись, а Смышляев с Мирошниковым приглушенно рассмеялись, стрельнув глазами на угрюмо читавшего «Науку и жизнь» Вадима Афиногеновича Лохматых, самого пожилого из сотрудников отдела, предпенсионного ведущего инженера. Тот не обиделся, сам включился в воспоминания о казусе, случившемся с ним во время о н о .

В девять утра, всего лишь через полчаса от начала рабочего дня, с интервалом в десять — пятнадцать секунд волна телефонных звонков в порядке строгой очередно-

сти прокатилась по кабинетам начальников отделений, затем отделов, в последнюю очередь захватила наиболее важные полуавтономные сектора. Задействовал сигнал спешного сбора, поэтому Вера Григорьевна не стала передавать команды по субординационной цепи, то есть позвонить только начальникам отделений и передать распоряжение Владислава Сергеевича о срочном вызове всего командного состава. Прямой вызов, конечно, гарантировал максимальную скорость собирания, но, как всякое послабление в сторону демократии, приводил к неизбежной утечке информации. Действительно, уже через пять минут, сгрудясь в курилках и уголках оставшихся без начальственного досмотра отделов, лабораторий и секторов, народ в полном недоумении подыскивал возможные причины и вероятные последствия: что же такое случилось? День качества? Но сегодня не вторник. Заседание НТС*? Так это по понедельникам нечетных недель последнего месяца квартала. И так далее. Все оргдни оставались либо пройденными (среда — партийный день), либо еще не наступившими: пятница, например, когда Начальник с 14.30 дает вздрючку всему учреждению по итогам трудовой недели. Четверг — рыбный день в столовой, но так как лососину туда не завозят, а верхнее руководство обедает отдельно — сам Начальник, проживая рядом, обедает дома — то как действенная причина в догадках, не фигурировал. Тем не менее настенные часы в приемной показывали четверть десятого четверга четной недели — все на «че», тамбурная дверь кабинета затворилась за последним, виноватым в опоздании, а потому прошмыгнувшим серой мышкой, чтобы не быть покусанным серо-стальным взглядом Владислава Сергеевича, Пируэтовым — начальником отдела техдокументации.

Как же быть смятенным служащим? Строились самые экзотические догадки в роде попадания в вырезвитель зама главного инженера Дунайцева, песенника, в своей компании гитариста и бывшего кавээнщика, либо вообще слияния их КБ с соседним заводом, от которого они только-только отделились благодаря энергии и пятилетнему обиванию порогов в Москве Владислава Сергеевича. Кое-кто из женщин с солидными мужьями лисичками втиралась в приемную якобы презентовать Верочке «Мишку на полюсе», вложить в папку «На подпись» письмо, но та сама ничегошеньки не ведала; просто позвонили Владислав Сергеичу из Москвы по вертушке, а он тотчас велел ей собрать руководителей всех подразделений. Тамбурные же двери все глушили, на то они и тамбурные, так что женщины расслышали только тон на уровне ноты «ре» третьей октавы — свидетельство голоса Начальника. Слов не разобрали, вернулись ни с чем. А в 9-53 тамбур распахнулся и с гулом высыпал руководителей всех трех звеньев: начальников отделений, отделов и полуавтономных секторов. Народ попрятался по своим комнатам, в любопытстве замер.

Начальники же всех трех рангов бодро разошлись по своим местам и объявили всенародно: едет большой начальник из главка, сам Цфасман, будет задавать смотр учреждению, поэтому следует все привести в порядок, всем надеть белые халаты, дежурить при рабочих местах. Визиты маститых «генералов» в молодое, набирающее силу учреждение дело обычное, а все работы по подготовке встречи давно обыграны и распланированы. Еще два года назад Владислав Сергеевич провел несколько однодневных учебных тренировок с последующими разборами, поощрениями, нагонями. Служащие тщательно вытерли розданными завхозом тряпками столы, стулья, конструкторы — свои чертильные приборы, а в лабораториях установили в радующий душу порядок приборы, выключили чадающие паяльники, выветрили кадилый дух канифоли.

Гость, известный уже в КБ Аркадий Исаакович, прибыл только после обеденного перерыва, посоветовался с полчаса в кабинете Начальника, затем начался обход учре-

---

* Научно-технический совет.

ждения. Все шло гладко по выверенной программе, ничто не предвещало непредвиденного, однако же казус случился в отделе Дорофеева; что-то не везло ему в последнее время! Именно здесь следившая за своим бюстом Давыдова по наущению йога Сергунчкова второй год отращивала чайный гриб. Гриб разросся и забухтил половину трехлитровой банки. Вторую же, верхнюю половину раз в три дня Давыдова заливала подслащенным чаем. Вообще в этой комнате любили живую природу. В противоположном от закутка Смышляева углу стоял купленный вскладчину аквариум с китайской рыбной мелочью, который опекал Курбаченко, он даже пробовал кормить рыбок мелко наструганной мороженой копченой грудинкой.

Обычно при высоких визитах непривлекательную банку с грибом прятали за аквариум, но в этот день Давыдова пришла на работу сильно расстроенной; накануне наконец-то подвернувшийся ей приличный претендент, которому она успела отдать самое дорогое, признался, что женат и имеет двоих детей, и забыла упрятать гриб, стоявший на подоконнике. Хорошо хоть Мирошников в самый последний момент успел задернуть банку шторкой. Так вот, когда делегация вошла в отдел Дорофеева, всегда веселый, вечно моложавый замначальника главка наметанным глазом заприметил полузашторенный гриб, удивился при близком рассмотрении его громадности, погрустнев, вспомнил вслух, что такой же растила его любимая бабушка Эсфирь Соломоновна... Понятно, что после этих слов сам Владислав Сергеевич бросился к банке, несколько заметался с тяжелой посудиною в руках, но тут очутившийся рядом Кладунов схватил со стола ведущего инженера Лохматых его личный граненый стакан, проверил на чистоту и подставил к уже наклоненной Начальником банке. Дунайцев с партгоргом КБ одновременно переняли наполненный по этикету на 3/4 стакан, поднесли гостю. Аркадий Исаакович в три приема выпил настойку, похвалил и продолжил прерванные грибом рассуждения о сохранности казенной мебели и совершенствовании методов ее инвентаризации. При этом гость не глядя протянул вбок руку с порожним стаканом, никто не подоспел его подхватить — все были восхищены демократическим интересом высокого начальства к грибу, — и стакан, выпущенный начальствующей рукой, упал на пол. Случилось чудо: стакан, угодив не на линолеум пола, а на железную опору кульмана, разлетелся на мелкие, со спичечную головку, морозные осколки. Так обычно разбивается каленое автостекло, но никак не восьмикопеечные граненые стаканы. Начальник с Дунайцевым заизвинялись перед гостем, однако тот, подлинный демократ, не обиделся совсем, даже поинтересовался: что это, мол, у вас специальные стаканы такие, будто из автомобильного стекла? Все от души рассмеялись удачной шутке и прошли за гостем в следующий отдел. Вышедший последним Кладунов окинул Лохматых тяжелым свинцовым взглядом, а женщины, исключая онемевшую от личного горя Давыдову, зашипели на Вадима Афиногеновича, что-де даже стакан у него ненормальный, а тот загрустил о потере нежно любимого им стакана, что стоял на его столе еще задолго до отделения КБ от завода. Под гнетущим впечатлением взгляда Кладунова и напора женских обвинений он почувствовал свою вину, ушел курить, мечтая о скорой пенсии.

Слова же высокого гостя о необычном поведении рядового с виду стакана глубоко встревожили, взволновали Начальника: ну, черт Лохматых, я тебя ошипаю! Будешь министерским руководителем стаканы с фокусами подсовывать!

12. Первый приступ

На следующий день Дорофеев вернулся с утреннего разгона у шефа задумчивым, хотя положение дел в отделе было на редкость завидным: никто за неделю не опоздал на работу, плановые задания закрыли в срок, даже с опережением, замначальни-

ка главка пил в отделе чайный гриб и остался доволен... Тем не менее Михаил Иванович, усевшись за стол, бесцельно задвигал перекидным календарем с гербом города Ижевска, повертел грошовой шариковой ручкой, затем встал, заходил между рядами столов и кульманов, снова сел, задвигал беззвучно губами, завертел вдругорядь ручкой, сломал ее нечаянно. Все заинтересовались. Дорофеев во второй раз поднялся со стула, сделал восьмерку по комнате. После трех таких маневров даже новенькая чертежница, несовершеннолетняя Эльвира (глядя на нее, Смышляев как-то поддел расшалившегося Пирожникова: «Кончай Эльку лапать! Знаешь, что это пятнадцать лет строгого!») догадалась, что Дорофеева как магнитом тянет к столу Лохматых, а тот, почуяв недоброе, трусливо склонился над раскрытым наугад справочником по приборным муфтам, тотчас отложил его, с незаправдашним усердием приступил к разлиновыванию нового журнала регистрации отступлений от технологических норм для нужд отдела; целый месяц все сотрудники отфутболивали эту нудную работенку.

Наконец, выбрав момент, когда женщины гурьбой вышли в коридор и далее в комнатку Розалины Тимофеевны смотреть принесенные для продажи Людочкой сапожки, Дорофеев подозвал Лохматых, усадил рядом с собой.

— Э-э, Вадим Афиногенович, как у вас с планом, успеете к концу квартала закончить кинематику?

Но Лохматых, старый служащий, определив по голосу, что не в этом официальном вопросе суть, совсем сник, только кивнул головой, сглотнув горестный сухой комок в горле. Оглянувшись по сторонам, Дорофеев тихонечко поинтересовался: зачем это он такой интересный стакан из автомобильного стекла держал на рабочем месте? Афиногеныч стал поспешно уверять, что это, во-первых, самый обычный стакан, но тут же испугался: а вдруг вчера с утра какой шутник или злоумышленник подменил?! И забормотал, что-де стакан, может, вовсе не его, перепутали, переставили...

Дорофеев, сообразив, что истины не добьешься, и, видимо, имея инструкцию особо Лохматых не озадачивать, свел разговор к холодной канцелярской шутке, поспрашивал для проформы по работе и отпустил перепуганного старика. Тот даже задержался на всякий случай на полчаса после работы, а перед этим за день исчертил недельную норму чертежей. Однако больше его не тревожили. Но, сидя за своим кульманом, механически двигая карандашом и циркулем, он по интонации начальника отдела, дважды заходившего Кладунова, потом зачем-то и завхоза КБ нутром чуял: веревочка-то вьется и скоро-скоро захлестнет его шею. Стало тревожно, тоскливо. В тот же вечер Лохматых зашел в рюмочную, а потом вовсе напился вдрызг со встретившимися ему Мишиным и Пирожниковым. Вспоминая о нашумевшем в КБ случае со стаканом, все хохотали, Лохматых называл коллег сынками, лез целоваться, однако даже спьяну о своих подозрениях не говорил, боялся сглазить.

Тем временем в высоком кабинете металась охваченная крепкой черепной коробкой Трибелина неудержимая мысль: отчего так странно разбился стакан? Неужели эта старая калоша Лохматых стал таким дерзким, нарочно подстроил шутку? Нашел, мерзавец, с кем шутить! Да как подумать-то посмел?! Он позвонил в отдел кадров, затребовал личное дело Лохматых. Через несколько минут листал тоненькую папочку: серая анкета, первобытная жизнь вечного инженера-исполнителя без полета мысли отразилась на нескольких листочках дела. Настолько все серо, гладко, что глаз так и не смог ни за что зацепиться, ни одного крючка. Бумага десятилетней давности о попадании в вырезатель и на пять лет пораньше — штраф за квартирный скандал с тещей также не давали пищи для оргвыводов в данной ситуации. Отослав с помощницей секретарши Мариной дело назад, он поочередно и наедине беседовал с Дорофеевым, Кладуновым, партгрупоргом второго отделения. Расспрашивал тонко, наводяще, посреди служебных дел, с улыбкой вспоминал о вчерашней истории со стака-

ном, так взволновавшей учреждение. Но и наиболее проницательные люди с восьмого этажа не могли подсказать, за что зацепиться. Кстати выяснилось, что Кладунов и партгруппорг никогда не разговаривали с Лохматых, даже не знали, как того зовут.

13. Тайное становится явным

Понятно, что и Дорофеев, тем более Кладунов, с ними, и партгруппорг, стреляные воробьи — раскусили, что их вызывали не по планам отдела и отделения в целом, не по работе с молодыми специалистами-комсомольцами, хотя Трибелин очень искусно, вроде бы в шутливой форме касался истории с граненым стаканом. Ясно было, что ничтожное происшествие почему-то встревожило Владислава Сергеевича. И каждый из троицы сам по себе продолжил, развил одну и ту же мысль — а, может, не такой уж это ничтожный случай? Может, за него кой-кому поответственнее Лохматых головы не сносить? Ишь, тихоня седой, что натворил: стакан, да еще с фокусом, подсунул самому Цфасману!..

Итак, Дорофеев побеседовал с виновником, но к истине даже близко не подобрался. Партгруппоргу было сложнее вступить в контакт с Лохматых, не выискивалось общей темы, но он не растерялся. Вскоре случился общегородской субботник по очистке тротуаров ото льда. Получив накануне по телефону из парткома КБ задание подготовить из числа сотрудников отделения человек двадцать крепких мужчин, партгруппорг раскрыл блокнот, взял ручку и первым делом отправился в отдел Дорофеева. Для конспирации сначала записал Мирошникова, Сергунчикова, Курбаченко, только потом остановился перед кульманом Лохматых, имя-отчество которого заучил заранее:

— Как, Вадим Афиногенович, выйдем мы с тобой на субботник? — Тот по вьевшейся привычке полной безответственности, близкой пенсии и окончательной стабилизации оклада хотел отмахнуться, сославшись на радикулит, но, вспомнив про стакан, а к тому же у партгруппорга глаза ласково маслянились, что настораживало, — согласился, даже не поинтересовавшись, за отгул ли субботник? Очень встревожился Лохматых и в субботу, хотя работал аккуратно, старался со своим ломом поспеть на участки потруднее, потел, выдыхался, но не отставал от самых физкультурных людей отделения. Партгруппорг, отмерявший участки сколки льда и указывавший, какой толщины слоем песка посыпать не поддающиеся очистке участки, внимательно приглядывался к Лохматых, отметил, что тот нарочито старается. Это настораживало, значит, чувствует за собой вину, но как выяснить суть ее? Он крутился около провинившегося, заводил отдаленные разговоры, но только сам встал в тупик и бедолагу запутал окончательно.

Дело грозило обернуться тайной, то есть серьезным, а потому тщательно скрываемым проступком. В последовавшую за субботником неделю, во вторник, Лохматых повели на допрос к Самому. Вадим Афиногенович, узнав о вызове, побледнел и ушел на казнь, в последний раз окинув мутным, слезящимся взором родной отдел, мысленно распрощавшись с сослуживцами. Надо ли говорить, что он впервые в жизни шел в кабинет такого ранга да еще по персональному вызову. И хотя Владислав Сергеевич разговаривал мягко, лишь с веселыми намеками на шутку со стаканом, все более интересуясь китайскими обычаями (Лохматых в 50-е годы несколько лет пробыл в Китае в служебной командировке, участвуя в наладке поставляемого его заводом оборудования), но тем не менее Лохматых глубоко разволновался, пот прошиб его, озноб, он вдарился в панику, лепетал вздор, оправдывался, клялся, «что больше не повторится»... Начальник с брезгливой жалостью отпустил его восвояси, подумав: «Интересно, хоть и потемки чужая душа, но вправду он испугался чуть не до моче-

испускания или такой притворщик искусный?» А дело стояло, требовало незамедлительной разгадки, которой не было. Круг дознаний замкнулся, прямое и косвенное следствие результатов не принесло, пришлось прибегнуть к экспертизе.

Трибелин вызвал своего референта — ученого секретаря НТС, отдал распоряжение составить письмо в Институт стекломатериалов, с которым КБ было завязано по небольшой второстепенной теме. В письме руководитель КБ просил в порядке технической помощи проконсультировать своего представителя по вопросу, изложение сути которого поручается посылному. Затем он разъяснил референту техническую сторону дела, велел незамедлительно, взяв из гаража «Волгу» главного инженера, мчаться в Москву в стеклоинститут и дотошно расспросить главных специалистов.

Действительно, на другой день к вечеру референт возвратился и привез письменный официальный ответ, а также устные пояснения, но все оказалось чужью: следовало, что обычные стекла бытового назначения приобретают свойства, похожие в части дробления на морозные шарики на закаленное автомобильное стекло, чуть ли не исключительно при взрыве водородной бомбы или пролетания шаровой молнии на расстоянии 0,5 миллиметра. Круг замкнулся и на экспертизе.

Прошло полгода, случай со стаканом забылся, тем более что, по слухам, Начальник добивался через Цфасмана и Путкарадзе заграничной командировки, не до лохматовских стаканов. Сам же Вадим Афиногенович успокоился, и не удивительно: волновался-то он при полностью чистой совести, не его вина, что ширпотреб стекольный такой странный стакан изготовил. Но тем страшнее в своей полной неожиданности была расплата за содеянное. Жарким летним днем Лохматых вновь вызвали к Начальнику. Перепуганный до икоты нарушитель примчался в кабинет, был допущен строгой, с обиженно и гневно поджатой губой Верой Григорьевной в тамбурную дверь. За длинным совещательным столом с равномерно расставленными тяжелыми стеклянными «под хрусталь» пепельницами сидели председатель профкома, парторг, Кладунов с побледневшим Дорофеевым. За отдельным столом суровел Начальник. Поодаль на диванчике скучал пришедший по производственному делу Дунайцев, досадуя на задержку по пустякам. Он смотрел в окно, покачивая ногой на ноге, теребил тисненую папку. Лохматых не посадили, Трибелин с места в карьер громом вдарил:

— Товарищ Лохматъев, почему вы злобно нарушаете внутренний распорядок и дисциплину? Почему вы регулярно пьете на рабочем месте казенный спирт?

Удар получился ниже пояса, у Лохматых подогнулись колени, он едва удержался от падения плашмя на мягкий палас. Действительно, редкий проходил день, чтобы старый инженер не метнул в горло дозу разведенного технического спирта. Была у него такая слабость. «Но откуда? Как? Почему?» — смятенно хватался за обрывки мыслей престарелый служащий. Ведь пил он в начале обеда, не афишировал. У него была тщательно разработанная технология потребления незаконного напитка. Ежедневно в 10 часов он неприметно клал в карман халата вынутый из верхнего ящика стола маленький продолговатый сверток в газете и, захватив журнал отступлений от технорм, шел в опытное производство; дело обыденное, порученное ему еще в старозаветные времена. Проходя к цели инструментальным цехом, Лохматых заходил на минуту-другую в каморку родного брата, работавшего старшим мастером, запирали дверь на замок, разворачивал сверток и передавал брательнику плоскую самодельную фляжечку из тонкой нержавеющей стали. Брат же, сызмальства уважая старшинство, отпирали сейф, привычно, без мерки наливал в посуду 50 граммов. Перекурив наскооро, Вадим Афиногенович шел дальше в сборочный цех. Фляжку же заворачивал в прежнюю газетку. В самом начале обеденного перерыва, когда в отделе развивалась суета, Лохматых на одну треть выдвигал нижний высокий ящик конструкторского стола и виртуозно, на ощупь выливал спирт в заранее установленный там граненый

стакан с 50—60 миллилитрами воды (фляжечка также помещалась в стол заранее). К этому времени заканчивал шмыгать к холодильнику и обратно Смышляев с компанией, Сергунчиков отворачивался от кульмана, а заодно от Лохматых, садился за свой стол, закрыв глаза, начинал творить предобеденную молитву: «Ом-мм! Ом-мм!..» Остальных обедающих на месте и шахматистов закрывал от Лохматых его большой кульман «Райсс-Ординат». Тогда Вадим Афиногенович изогнутым движением руки извлекал стакан, неприметным жестом выливал его содержимое в рот, а порожнюю посуду заливал тотчас из заварного личного чайничка заранее приготовленным дегтярного цвета крепчайшим чаем. Закусив бутербродами с иваси и вареной колбасой, он выпивал два стакана своего чая, для надежности тщательно разжевывал мускатные орешки, запасенные еще с лучших времен в большом количестве, после чего шел курить. Никто никогда запаха за ним не наблюдал.

Все было продумано, держалось им и братаном в строжайшей тайне, и вот...

«Не сдаваться, отрицать все»,— решил Лохматых, отчаянно трусая, но...

— ...И пьете его уже десять лет. Это вопиющее нарушение!!

Такого Лохматых, и без того слабый духом, не вынес, точность исчисления времени добила его волю, Вадим Афиногенович потерянно и сбивчиво молил о прощении, полностью признав де-факто все свои преступления. Выдал и брательника.

14. Горячий сон преступника

После «раскола» Лохматых строгим голосом было велено идти на рабочее место, ждать решения, которое в этот день так и не последовало. Ночью ему снилось...

То ли слишком жирным иваси Вадим Афиногенович закусывал в этот горестный вечер тепловатое, вчерашней заливки пиво в «Трех сестрах» (пивная площадка в парке с тремя ларьками, в которых настоятельницами служили две родные и одна двоюродная сестры) или очень переволновался, но странные ассоциации вплелись в сон: снова всплыл злосчастный стакан и в сонной голове представилась совершенно нелепая картина.

Видел он себя ранним морозным утром пришедшим на службу. От прекрасной погоды за окном весело сиделось, спорилась нудная работа над извещениями об изменениях типоразмеров винтов и гаек. А ровно в 10.00, тоже как всегда, отправился к брату, захватив заветный продолговатый сверточек. Младшой открыл сейф и, к удивлению Лохматых, вместо плоской жестяной канистры вынул большую овальной формы консервную банку, в каких иногда продают каспийскую кильку пряного посола. Он с интересом наблюдал, как брат консервным ножом вскрывает посудину, думал: «Не иначе теперь Николка к спирту станет и закуску выдавать!» Но в открытой банке тяжело, плотно гатилась красно-кирпичного цвета вязкая паста. Брат же объяснил, что на этот месяц для промывки деталей выдали не обычный ректификат, а концентрированный спирт, смешанный с томатной пастой. С этими словами чайной ложечкой он наложил в подвернувшуюся майонезную банку сто грамм пасты. Изумленный Лохматых, закончив дела в сборочном, вернулся к себе, а перед самым обедом выяснилось, что воды во всем КБ нет, промерз и лопнул магистральный подводящий водопровод. Как же пасту развести? И время шло, уходили драгоценные обеденные минуты. Однако на помощь пришла увертливая мыслишка. Лохматых развернул сверток с тормозком, намазал кусок любимого рижского спиртового-томатной пастой и скушал сложный бутерброд. Приятное тепло растеклось по желудку. «Тот же эффект!» — подумал удовлетворенный Вадим Афиногенович, намазал на следующий кусок рижского остатка пасты, аккуратно съел. Но здесь в желудке защемило, продернуло резью, страшная жажда раскаленным песком ожгла рот, губы,

нёбо, язык. По инерции распорядка дня он побрел, скрючившись, в курилку. Не успел Лохматых сделать пару мучительных затяжек, как из раскрученных кранов захлестала вода. Вадим Афиногенович подхватил с полу трехлитровую банку, в которой уборщица держала соду для мытья раковин, высыпал в мусорницу слипшиеся серые комки, едва сполоснул и в единый вздох выпил три литра поды, отдающей хлоркой. Не останавливаясь, наполнил банку вдругорядь, вновь выпил. Жажда не утихла, Лохматых проснулся, пошел на кухню и заглотил две кружки холодной воды.

15. Ассоциативное мышление начальника

— Каков тихоня?! — официально возмутился самый младший по чину из оставшихся в кабинете Дорофеев и с трепетом выслушал устно-конфиденциальный выговор Начальника за слабую работу с подчиненными. С тем Михаил Иванович был отпущен, а когда в кабинете остались только заинтересовавшийся Дунайцев и Кладунов, лица доверенные, Владислав Сергеевич убрал с лица служебную строгость, заменив ее довольством удачно исполнившего опыт естествоиспытателя, а затем рассказал как он сам дошел до истины. Двое высокоподчиненных с восхищением и душевным восторгом внимали.

Как-то субботним днем, спустя полгода от той злополучной истории со стаканом, Владислав Сергеевич (Владейчиком в быту звала его добрая супруга) отдыхал, лежа на канapé в верхней комнатке-светелке своей ладно срубленной заводскими плотниками дачи в Никифоровских выселках. День перекатился через зенит, голова приятно покруживалась от сытного обеда с гостем и дачным соседом — директором станколитейного завода, легко дышалось в лесном воздухе, внизу супруга с дочерью перебирали клубнику на всякое варенье. «Приятный джем получается из клубники», — утверждал свою мысль расслабленный отдыхом и неслужебной обстановкой Владислав Сергеевич. Минутами он впадал в дрему, покоился в полусне-полуяви, думал ни о чем. Часам к шести сон совсем его покинул вместе с выветрившимися парами инвалютного армянского брэнди из столичной «Березки». Владислав Сергеевич разzeвался, взглянул на часы: до ужина полчаса, внизу только затарили клубнику, теперь гремели кастрюлями; понесся ввысь, пронизая светелку, острый запах поджариваемой приправы, приятно зашипели грибы, гибнущие в кипящей сметане, глухо зашмякали разбиваемые яйца. Яишенку Владислав Сергеевич уважал с вытопленным соленым салом, как по большим праздникам готовила мать в далеком деревенском детстве на Орловщине. Как все спорилось в руках у его мамы, двужильной крестьянки, хотя и дьячковой дочери. Она всегда вытопленные шкварки оставляла для младшего из шестерых, для Славика, еще раскаленными сыпав на ломоть ржаного хлеба. В либеральные 60-е годы Владислав Сергеевич любил по молодости в застолье, в своем кругу вспоминать своих пращуров: из разночинцев мы, колокольное племя! Но в автобиографии всегда писал: из крестьян.

Владислав Сергеевич мысленно представил бутылочку польской зубровки, что обливалась слезами в холодильнике внизу, осторожную первую рюмку и закуску — теперь уже наученной им женой приготовленный кусок ржаного со шкварками... тело сладко заныло от предвкушения. Будучи истовым семьянином, он отогнал мысль о том, что в половине девятого просигналит у ворот его служебная «Волга», на которой уедут в город жена с дочерью с тем, чтобы утром еще прикупить на базаре клубники — на даче ее растить некому и недосуг, — а через часок в незатворенную калитку скользнет из темноты привезенная обратным рейсом той же «Волги»... Но надо было чем-то занять оставшиеся до ужина полчаса. Под руку попал старый номер «Юного техника», что когда-то читал сын. Потом за ненадобностью собравшуюся

кучу аккуратная жена отправила на дачу. От нечего делать Владислав Сергеевич закурил, залистал со снисходительной полуулыбкой прожухлый, пыльный журнальчик и вдруг дернулся, ужаленный, поднялся с канапе резко, пересел на табурет у стола.

«КАК ОБЕЗОПАСИТЬ САМОДЕЛЬНЫЕ МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ОЧКИ»

Далее под заголовком описывалось, что обычно самодельные мотоциклетные очки, преимущественно в сельской местности, изготавливают из простого оконного стекла, что создает значительную опасность для глаз водителя при авариях. Однако, если их закалить, то стекло в таких очках приобретает все качества автомобильного, то есть при разбении рассыпается на мелкие, с тупыми гранями осколки. Закалить же стекло можно в домашних условиях, раз двадцать-тридцать последовательно окуная его в концентрированную азотную кислоту и в водный раствор соды. Возникающие локальные перегревы закалят стекла очков...

Здесь послышалось: «Владе-ейчи-и-к! Спускайся кушать!». Он отложил радостную мысль до понедельника, положил удобного формата журнальчик во внутренний карман пиджака и спустился к шипящим томным грибам, застывшей глазунье, плачущей от холода импортной зубровке. Был он весел и счастлив; в этот день сразу две женщины очень хвалили его аппетит. Хвалили ночью и на следующий день.

Дальнейшие действия Начальника привели к полному, неопровержимому разоблачению Лохматых. В понедельник референт срочно убыл в «Волге» с хмурым от недосыпания шофером Самого в тот же НИИ стекломатериалов, где заключил от имени КБ договор на проведение исследований вспомогательного, но экстренного характера. Через месяц Начальник получил и тщательно изучил отчет в фирменной тисненой папке. Вывод на последней сто тридцать восьмой странице был лично отчеркнут красным карандашом:

...Итак, на основании вышеизложенного можно утверждать, что обычное стекло с неравномерной, усредненной до 2,49 мм толщиной и с равномерной кривизной радиуса 36 мм приобретает свойства умеренно закаленного стекла (типа автомобильного) при эксплуатации последнего в условиях 3000 ± 25 циклов локальных перегревов, имеющих место под влиянием экзотермической реакции разведения спирта этилового промышленного (ректификата) водой хлорированной в соотношении: 55 % C_2H_5OH — 45 % H_2O .

*Зав. сектором термической
обработки стекла, д.т.н.,
лауреат Государственной премии
Ст. научный сотрудник,
к.х.н., лауреат премии
им. Менделеева, доцент*

В. К. Петров

А. С. Вайсбурд

Список использованной литературы при составлении отчета открывала магистерская диссертация Менделеева «О разведении спирта водой». За спешность выполнения договорной работы КБ перечислило на счет НИИ 120 000 рублей, понятно, что тема работы имела гриф секретности.

После изучения отчета Начальник позвонил в бухгалтерию, поинтересовался среднегодовым числом рабочих дней. Еще раньше он поручил Кладунову — кровь из носа, но узнать, с какого времени Лохматых пользовался тем самым стаканом. Задание взялась выполнить Розалия Тимофеевна. Она подучила свою подчиненную Людочку, которая очень нравилась непритязательному спортсмену Мирошникову. Короче говоря, Мирошников, опаленный страстью, заманил деда Афиногеньча в пивную и узнал тре-

буемое: стакан этот Лохматых обнаружил в кармане своего пальто наутро после бурного посещения сосисочной «Жемчужина» ровно десять лет тому назад, считая до разбиения посуды. Итак, исполнительная Людочка в порыве рвения по службе изменила своему жениху-курсанту, отбывшему на маневры, Мирошников побывал на седьмом небе счастья, но Начальник теперь смог расставить все точки над «i».

Полученные агентурным и аналитическим путем цифры сопоставили и нашли, что они прекрасно совпадают. При среднегодовом числе рабочих дней в 304,7 число циклов разведения спирта водой хлорированной составило 2 839, что почти идеально соответствовало юбилею стакана. Полагая, что в один прием разводилось по 50 миллилитров спирта, референт на осьмушке бумаги подсчитал: Лохматых украл у государства около 190 литров технического спирта.

Все последовавшее за этим открытием вы знаете. Лохматых объявили строгача, депремировали за квартал, поставили его стол и кульман рядом с Дорофеевым, лишив уютного местечка, а потом вовсе услали до белых мух в подшефный колхоз.

Дорофееву же официально порекомендовали играть в шахматы до или после работы, а в обед следить за подчиненными. Теперь он с крайним интересом присматривается — по рекомендации Кладунова — к йогу Сергунчикову.

Да-а-а... Были же веселые времена!

16. Досье 408

В конце июля 197... года в Бельгии, в Льеже, проводилась LXXVII традиционная международная выставка-ярмарка охотничьих ружей и промысловых снастей. Как всегда, льежское шоу-сафари собрало многочисленных пестрых посетителей. В шумной, разномастной толпе досужих американских и кувейтских туристов легко выделялись коммерческие лица в выдержанного тона, модного в сезоне делового покроя одежде: кирпичный с серыми прожилками пиджак, светло-синие брюки, желтая рубашка. Гиды — студентки из Англии и Испании на языковой практике раздавали проспекты, в многочисленных тирах демонстрировались стрельбы. За два дня до официального закрытия в специальном выпуске бюллетеня выставки был опубликован список экспонатов-призеров, отдельно на охотничьи ружья и на промысловые снасти. Экспонаты из СССР были отмечены в обоих списках — малая золотая медаль традиционно тульскому семизарядному охотничьему карабину с оптическим прицелом «Изюбр-2» и поощрительный приз за оригинальность традиционных решений промысловому капкану «Улыбка акулы». На табличке, прикрепленной к секции стенда с капканами, значились имена конструкторов: «Владислав С. Трибелии и Николай А. Серебренников. Дизайнер Артур Н. Пирожников. В/О «Машприборэкспорт».

За неделю до открытия выставки Саймон Костах, старший технический эксперт 31-го отдела разведуправления при комитете начальников штабов, раскрыл только что принесенное от оперативников досье под номером 408 «бис». Индекс «бис» означал, что исходные данные находятся в стадии сбора и подготовки, но сейчас по срокам, но полноте представленных документов пришло время присвоить досье индекс «прим», то есть составить справку-заключение по материалам и передать в агентурный отдел. В держателе досье и в его кармашках находились: проспект с открывающейся через неделю ежегодной Льежской выставки-ярмарки с отмеченным окантовкой красным маркером описанием капкана «Улыбка акулы», несколько проспектов с более ранних выставок охотничьего снаряжения без отметок, справка о марках и предприятиях-изготовителях капканов в СССР, фотокопии, подколотые к ним переводы из иностранных, преимущественно советских газет, в том числе местных, кой-какие протоколы, заполненные вопросники на засекреченных бланках, ксероко-

пия описания к секретному же советскому изобретению, микрофиши и комплект отпечатанных с них фотографий Владислава С. Трибелина в различных ситуациях и позах: в Москве, в своем городе, даже переснятая с местной газеты «К сияющим вершинам» из рубрики «Избранники народа» — к выборам в областной Совет народных депутатов.

Костах внимательно и поочередно изучил документы, некоторые перечитал дважды, делая выписки, заносил отдельные сведения и цифровой материал в память компьютера; терминал с пультом ввода-вывода данных и дисплеем помещался справа от рабочего стола. Несколько раз он звонил в оперативный, агентурный отделы за справками и уточнениями. Через три часа работы Костах взял из ящика стола бланк заключения, вставил в пишущую машинку, подключенную к терминалу, заполнил графы, поминутно заглядывая в разложенные на столе документы, блокнот ведения дела, выводил на экран дисплея нужные цифры, имена, отдельные фразы. К часу дня он закончил работу, уложил документы и отпечатанное заключение в футляр досье, вытащил из наружного кармашка обложки флажок с надписью «бис», вставил новый — «прим», закрыл крышку, щелкнув боковым замком, и отдал вызванному курьеру для передачи в агентурный отдел.

На следующий день в агентурном отделе обсуждался материал по досье 408 «прим». Докладывал заместитель руководителя «русского сектора» подполковник Дэвид Мэтолак:

— ...Итак, полагаю, нам предоставляется самой судьбой ниспосланный уникальный случай вступить в непосредственный контакт с человеком, досье на которого покрылось пылью долгого ожидания; этот мистер Трибелин уже снится мне по ночам, еще немного — миссис Мэтолак начнет меня ревновать к нему. Этот крупный специалист из России попал в поле нашего зрения еще шесть лет назад, когда по агентурным каналам поступило сообщение, что на базе одного из структурных подразделений крупного ...ого завода готовится к созданию мощная научно-исследовательская организация. Действительно, через два года было создано Конструкторское бюро, руководителем которого был назначен Владислав С. Трибелин, тогда лауреат Государственной премии, кандидат технических наук. Проведенная нашими коллегами из оперативного отдела экспертиза по русским источникам научной и патентной информации выявила к настоящему времени огромное число теоретических работ — прикладные результаты русские не публикуют в доступной нам печати, — около двухсот (!) только открыто опубликованных изобретений, и все это в различных отраслях техники, но первым автором везде стоит Трибелин! Я не оговорился, Трибелиным опубликованы работы и созданы изобретения именно в совершенно различных отраслях техники, включая электронику, компьютерные информационные сети, технологию обработки металлов и пластмасс, баллистику летательных аппаратов и т.п., но это только кажется абсурдным; наши коллеги обработали весь массив данных на последнем суперкомпьютере фирмы «Ай-би-эм» по специализированной программе, подготовленной в Массачусетском технологическом институте на кафедре знаменитого Майка Флоренса, и получили потрясающий результат: комплекс известных нам (а еще большее число нам неизвестно!) работ, выполненных Трибелиным с коллегами, направлен на создание автономной автоматизированной системы с элементами искусственного интеллекта, возможности использования которой в военных объектах колоссальны. Судя по агентурным данным последнего времени, фирма Трибелина уже создала опытный образец этой системы, в то время как аналогичные работы, проводимые «Роквелл корпорейшн» по программе военного ведомства, находятся лишь в стадии технического проекта. Налицо стратегически важное отставание!

— Мистер Мэтолак! — перебил капитан Веласкез. — Прошу назвать источник информации о создании опытного образца и степень ее достоверности.

— Хорошо, Роберт, я отвечу на твой вопрос. Абсолютно достаточно верной информации у нас попросту нет, ибо нет второго Пеньковского в военном министерстве русских. В КБ Трибелина, как вы понимаете, у нас тоже гостевого пропуска не имеется. Именно потому я считаю выезд Трибелина в заграничную командировку единственным шансом для стирания пыли с его досье, что наши возможности получения какой-либо конкретной технической информации о его детище из России равны нулю. Город, в котором расположена фирма Трибелина, для иностранцев закрыт или почти закрыт, так что рисковать дипломатом или хорошо внедренным агентом неразумно. В Москве же он проводит все время в министерстве, приезжает из своего города и убывает назад в персональной машине. А ведь только он один способен четко представить принцип работы и устройство системы, а каждый из сотрудников знает только «свой шесток», как говорят русские. Теперь об источнике информации. Вот вам список наградений, званий, отличий, полученных Трибелиным за последние два-три года, — Мэтолак зачитал треть страницы. — Роберт, вы, надеюсь, удовлетворены без пояснений?

Благодарю вас, сэр. Я удовлетворен полностью вашим ответом.

— Да-а? Уже удовлетворены? Но я ведь еще не открыл главный козырь: в досье имеется копия описания к закрытому изобретению Трибелина с коллегами, которая обошлась нашим налогоплательщикам в кругленькую сумму 15000 долларов, но которая, право, того стоит. Это изобретение, где соавторами патрона выступают, как обычно, его ближайшие технические исполнители Волчанов, Дунайцев, Гриневицкий, Кладунов и некто Сергунчиков — надо полагать, случайный в их группе доктор или кандидат наук, выполнявший вспомогательные исследования, — прямо указывает на профиль работы фирмы Трибелина, ибо речь здесь идет о реализации искусственного интеллекта с условным названием «Идеальный йог». Право, русские в последние годы стали чуть раскованнее, приобрели чувство юмора, хотя бы в кодовых наименованиях! Вот так, Роберт! Кстати, именно названные выше четверо — постоянные соавторы изобретению Трибелина. Иногда, но достаточно часто фигурируют фамилии Цфасмана и Путкарадзе, но обратите особое внимание: последние фамилии почти или вовсе не повторяются: Сергунчиков, Алдошин, Смышляев, мисс Давыдова, Дубовой, Мишин, Афремов, Ассатурьян, Петрищев, Серебренников — соавтор капкана. Дорофеев, правда, встречается раз десять. И так далее; картотека таких «замыкающих» насчитывает около ста фамилий на 211 известных нам изобретений. Отсюда следует, что в лице мистера Трибелина мы имеем уникам энциклопедической научной и технической мысли; впрочем, в более скромных масштабах эта ситуация в современной технике не так уж редка, когда один выдающийся изобретатель, большой аналитический ум, непрерывно выдвигает гипотезы, ищет, обосновывает принципы, группа же талантливых сотрудников — в данном случае их четверо, но можно предположить таковыми Цфасмана с Путкарадзе — переводит научную мысль на язык техники, разрабатывает программы исследований, а все остальное окружение, эти самые Сергунчиковы, Смышляевы... выполняют черновую вспомогательную работу, например, разработку узлов по заданным параметрам. Но весь принцип комплекса, системы формируется и держится в этом самом «большоголовом» центре исследовательской фирмы. Роберт? Я уже догадываюсь, видя ваше нетерпение, о следующем каверзном вопросе: чего это автор глобальной идеи к охотничьим капканам любовью воспылал, да?

— Ну-у, мистер Мэтолак, я поражен...

— Роберт, вы не совсем верно представляете структуру больших современных предприятий либо неправильно поняли Маркса в университете. На классическом примере булавочного производства тот обосновал принцип разделения труда и сущность специализации, но для современной промышленности характерна встречающаяся

тенденция — интеграция. Одна и та же фирма производит аэрокосмические самолеты и детские велосипеды. Второе — побочный продукт, ибо сейчас чисто велосипедная фирма разорится без поддержки и заказов Пентагона. Проанализируйте на досуге состав продукции наших гигантов «Дуглас аэроспейс», «Крайслер», «Вестингхаус»? Точно так же капкан — побочная продукция мозгового треста Трибелина, а точнее — удачный вариант модификации узла, по всей видимости, первоначально предназначавшегося для использования в специальной технике.

Итак, согласно досье Владислав С. Трибелин занимает должность главного конструктора КБ — исследовательской фирмы, но что любопытно, он одновременно является и незаурядным администратором, руководителем этого исследовательского центра. Вот полное наименование его должности,— и Мэтолак зачитал сначала в транскрипции: «*Natshalnyk y Glawnyi Constrooktor*», а затем в переводе с русского.— Роберт? Ваш вопрос?

— Видите ли, я всегда недоверчиво относился к совмещению двух и без того хлопотных по отдельности ответственных постов; ведь никто из вас не знает бригадного генерала, являющегося одновременно командиром и начальником штаба? А у штатских? Гм-мм...

— Но ведь у Эдиссона за спиной не сидел отдельно взятый «Начальник Эдиссона»? Вы на это намекаете, Роберт?

— Эдиссон, к счастью, работал в одиночку, во всяком случае в молодую, самую творческую свою пору. Современная же исследовательская фирма — это тысячи специалистов, сотни параллельных разработок. Я, конечно, понимаю, что колоссальные умы науки могут назначаться административными руководителями в порядке *honoris causa*...

— Роберт! Все же пора вам переходить от университетских представлений к логике реалий. Это только в Детройте автомобильный король, спасший от налогового ведомства для детишек и внуков свой капитал основанием очередного фонда, может в благодарность получить от местного университета мантию почетного доктора, а в России-то заслуги принято отмечать орденами, их у них много, но не должностями!

И Мэтолак в пять минут закончил свое выступление. Скоро завершилось и обсуждение. Суть выводов состояла в том, что русские совершенно неожиданно вырвались вперед в той отрасли техники, которая по преимуществу обслуживает военные заказы и где они до сих пор занимали более чем скромные позиции: где-то на уровне Испании и Бразилии. Именно поэтому следует принять самые решительные меры для выравнивания сложившегося дисбаланса. Учитывая практическую невозможность сбора конкретной технической информации на территории СССР и редкий случай выезда академика Трибелина в Западную Европу, невозможно упустить вариант активной агентурной разведки.

— Пребывание советской делегации в Бельгии ограничено тремя днями,— сообщил Мэтолак,— это время следует использовать для продуктивной работы. От руководства разведуправлением и от нашего куратора из Пентагона получены широкие полномочия. В крайнем случае разрешена ситуация инцидента. С Госдепартаментом согласовано, кроме того, мы можем рассчитывать на самую активную помощь коллег из Лэнгли.

— Надо полагать, в Госдепартаменте много любителей охоты с капканами, иначе откуда такая опека мистера Трибелина, как будто он спроектировал тысячемегафонный боеприпас в пачке сигарет,— шепнул-таки Веласкез соседу майору Вильфриду Уиннери.

На следующий день диспозиция, разработанная накануне в оперативном отделе,

---

* Почетного отличия (лат.).

была утверждена шефом разведуправления, окончательно согласована с заинтересованными ведомствами. Вечеру того же дня резидент парижского отделения получил подробные инструкции. Наутро он сам с двумя помощниками отбыл в Льеж, где их встретили подполковник Мэтолак и скептик Роберт Веласкез, вылетевшие из Нью-Йорка накануне вечером.

17. Приятные знакомства и подготовка к балу

Официальное открытие выставки-ярмарки состоялось в десять утра в конференц-зале построенного еще в середине прошлого века дворца — административного здания фирмы-устроительницы традиционной выставки. О ружьях этой фирмы почти полторы сотни лет мечтают все охотники мира, а автоматами, карабинами и пистолетами, которыми так любят вооружаться — армии стран «третьего мира». После вступительных слов президента фирмы, зачитавшего приветствие короля бельгийцев, речей виднейших из гостей, включая принца Уэльского и императора островов Тонга — известных охотников, делегации и корреспонденты проследовали в соседний двухсветный зал, на стенах и стендах которого представлялась полторавековая история ружейного концерна. Мэтолак, Веласкез и парижский резидент, представлявшие не очень известные в Европе газеты западных штатов, с восхищением обменивались впечатлениями, продвигаясь вдоль стендов. В какой-то момент они поравнялись с делегацией из четырех человек, вполголоса разговаривавших по-русски. Мэтолак сверил запечатленные в тренированной памяти фотографии из 408-го досье с лицами делегатов, их именами на подколотых к лацканам пиджаков карточками. Все подтверждалось: Владислав С. Трибелин — руководитель делегации; Николай А. Серебренников в проспекте выставки значился соавтором мэтра в создании конструкции любопытного капкана «Улыбка акулы». Третьим был бодрый лысоватый толстяк, по наведенным справкам — представитель В/О «Машприборэкспорт», а о профессии и жизненном кредо последнего члена делегации, атлетического сложения, по виду преуспевающего в мировых рекордах яхтсмена, было задумываться неприлично даже зараженному университетской рефлексией, плохо знающему реальную жизнь Веласкезу. То был их коллега-журналист, но только с другой стороны. Сделав последнее открытие, Мэтолак, Веласкез и резидент с уважением оглядели невысокую спортивно-худощавую фигуру с пронизательными серо-стальными глазами, с чуть заметной ученой проседью волнистых волос. Такой человек стоил личной охраны!

К концу третьего дня пребывания в Льеже Мэтолак имел вид досадливой лисицы, так и не сорвавшей лозу; его усиленной группе никак не удалось войти в контакт с членами русской делегации. Более того, им даже приблизиться к ним не пришлось: Трибелин и Серебренников держались друг друга, а яхтсмен не выпускал их ни на миг из поля зрения. Толстый весельчак собственной ценности не представлял, он с Трибелиным познакомился по пути из Москвы. Последний представился экспортеру доцентом-охотоведом. Ни одно из апробированных средств не пробивало зону отчуждения. Мэтолак сумел взять у главы делегации интервью для представляемой им газеты «Медфорд кроникл» (шт. Орегон), но вытянул лишь несколько общедружелюбных фраз, а на итоговой пресс-конференции, состоявшейся в заключение второго дня работы выставки, от делегации присутствовал толстяк — экспортный представитель, так что подготовленному парижскому агенту Мэтолак дал отбой на грубопровокационный вопрос. Большие надежды возлагались на вечерний прием третьего дня, — банкет, традиционно даваемый фирмой-устроительницей. Команда Мэтолака минуты спокойной не провела за эти три часа. Начать с того, что яхтсмен утроил во время приема бдительность, уже ни на шаг не отходил от своих подопечных, только

вольный стрелок экспортер — на всякий случай — был уловлен Веласкезом и слегка им подпоен. Толстяк расчувствовался, раскрыл душу, доверительно сообщил простому американскому парню, репортеру провинциальной газетки из Форт-Брагга (шт. Калифорния), что лучше бы выставка обосновалась в более веселом городке — Париже или Вене.

Поскольку прием значился в программе выставки как «вечер с дамами», то специально выписанную из амстердамской резидентуры разведуправления красавицу агентессу представили отбившемуся на пару минут угрюмому, неловко себя чувствующему доктору Серебренникову. Ошарашенный, приятно взволнованный вниманием ослепительно-роскошной женщины, простак Серебренников безропотно, полагая, что так надо, принял приглашение новой своей знакомой, прелестной молодой вдовы, носящей по мужу титул графини Бельгии, пройтись к бару выпить по коктейлю, тем более что не знающему европейских (а равно и азиатских, африканских...) языков мистеру Серебренникову будет легче общаться с ее помощью; графиня говорила на прекрасном русском языке будучи, как она сообщила «милому рассеянному доктору», внучкой русского аристократа, уехавшего из России еще до «вашей грандиозной революции». Но здесь интересную парочку атаковали подоспевшие яхтсмен, служивший делегации, кроме всего прочего, переводчиком, и шеф делегации. Парижский резидент, собственно и познакомивший Серебренникова с очаровательной графиней, оказался тут как тут, предложил продолжить путь к бару большой компанией.

Сдружившаяся пятерка потягивала коктейли, обменивалась кисло-сладкими взглядами, графиня щебетала об охотничьих угожьях своего поместья на полпути между Ипром и Брюгге. Трибелин, замаскировав свой серо-стальной взгляд волевым наклоном головы, мысленно, со страстью раздевал богинеподобную... яхтсмен и парижский резидент поддерживали общую беседу. Серебренников, избегая взглядов патрона, грустил о прошедшей молодости. Кстати, из беседы выяснилось, что графиня-охотница и русская делегация соседствуют в отеле «Гентский путник». После такого приятного открытия в порядке долга вежливости прелестной даме было сделано распаленным академиком Трибелиным предложение собраться вечером, по возвращении с банкета, в баре отельского ресторана и продолжить начатое.

— По нижегородскому обычаю, как говорят у вас в России,— улыбнулся парижский резидент, отлично знавший все обычаи в мире. Графиня благодарила наклоном головы.

18. Крепкий орешек

За полчаса до полуночи по средневропейскому времени в баре отеля команда Мэтолака предприняла последний дипломатический бой. Места заняли по диспозиции. За столиком бара, расположенного в имитирующей пещеру — по отношению к залу ресторана — кубической формы помещении, откуда хорошо просматривалась сцена варьете, расположились графиня, Трибелин с Серебренниковым, Мэтолак. По отношению к разноязычным русским и американскому журналисту (последний скрывал до поры знание языка собеседников) графиня любезно взяла на себя обязанность переводчицы. В полутора метрах, так, чтобы можно расслышать и порой вставлять фразы в разговор, на фортепьянных вертящихся табуретах у стойки бара уселись яхтсмен и парижский резидент. Побратавшиеся Веласкез и толстяк из В/О «Машприборэкспорт» с двумя девушками-гидами, студентками-старшекурсницами из Глазго, сидели за столиком поодаль. Наконец, в дальнем, темном конце стойки бара и за столиком у входа — по диагонали комнаты — виднелись безликие помощники резидента. Веселье началось с легких коктейлей, только экспортер налег на

виски, а испанский Веласкез чинно тянул херес. На эстраде варьете восемь танцовщиц исполняли полный чувственного трепета «Торжество Камы»^{*}; их эластично выгибающиеся животы блестели завлекательно и страшно в своей бесстыдной зовущей обнаженности. Экспортер вытер слюну в правом уголке губ.

За главным столиком непринужденно лился общий разговор, умело поддерживаемый двуязычной графиней. За другим экспортер и Веласкез накачивались виски с хересом, рассказывали девушкам скабрезные международные анекдоты. Веласкез осторожно интересовался насчет женолюбия технических боссов русской делегации. Коллеги за стойкой и входным столиком пили легкие взбадривающие коктейли, опекающими взглядами окидывая главный столик, весь искусственный грот бара. На эстраде индийская мелодия сменилась африканским тембром. Не привыкшие к ночной жизни Трибелин с Серебренниковым подавляли подступающую вялость замороженным мартини и любованием формами бельгийской помещицы. Так тянулось до двух ночи, после чего графиня изобразила усталость: жаль, дескать, но ей придется скоро покинуть столь приятное общество до утра, так как она не привыкла в здоровой сельской жизни засиживаться допоздна. Проводить она попросила «мэтра Владислава Сергеевича», как «самого мужественного из собеседников, в присутствии которого безопасность слабой женщины гарантирована, как и железная хватка конструируемых им капканов». Польщенный Трибелин, уже с час как ощущавший несколько пугавшую его безудержную страсть, на миг загорелся, потом несколько сник, побледнел, растерянно взглянул на яхтсмена, но графиня решительно и утомленно повисла на его руке, направляя неверные шаги спутника к боковому входу в холл отеля. Не успела закрыться портьера за ними, как остальная компания мигом распалась; резидент и яхтсмен слетели со стульев, как птицы, тотчас же куда-то нырнули. Веласкез и экспортер разобрали студенток, разошлись по своим номерам, причем первый, понятно, занимал апартаменты рядом с графиней, а девушку он тотчас отправил баиньки. Помощники резидента заняли позиции на этажах. Осиротевшие Мэтолак с Серебренниковым вслед за остальными ушли в отель. Подполковник почти что уговорил слабо понимавшего английскую речь спутника подняться к нему в номер и выпить на посошок настоящего шотландского, но вынырнувший яхтсмен, извинившись, увлек соотечественника для телефонной беседы с ТАССом; отзывы о выставке завтра должны пойти в печать и в вечерний телевыпуск новостей. Мэтолак, слабо скорбя о потере собутыльника, вошел в соседний (с другой стороны по отношению к Веласкезу) с графиней номер, расстегнул спортивную сумку, вытащил аппаратуру, установил на стенку направленные микрофоны, в заранее подготовленное отверстие вставил глазок видеокамеры, надел наушники, включил встроенные магнитофоны: простой и видео.

Хотя длительная специфическая служба Мэтолака в разведке отучила его чему-либо удивляться, смущаться, краснеть, волноваться, словом, освободила от всяких эмоциональных перегрузок, тем не менее то, что вытворяла в соседней комнате» графиня с мэтром, осатаневшим от лошадиной дозы подсыпанного в баре возбуждителя, видения раскрепощенной жизни Запада (в номере накануне по телевизору) и непревзойденного по чувственности роскошного тела, совершеннейшего секс-искусства, заставило подполковника не раз прикладываться к стакану с сильно разведенной содовой виски, закуривать. Во всяком случае его не тянуло в сон, он не зевал. Порой — о чуждая природа человека! — ему становилось по-мужски жаль ответственного чиновника и технического гения Трибелина, которого он заставил химико-сексуальными методами грубо нарушить все те инструкции, за что по возвращении за Железным занавес его ждало полное разжалование, а может, пожизненная сибирская каторга.

---

^{*} Бог любви в индуистской мифологии.

Однако скоро чувство жалости сгнуло; чем глубже дело шло в ночь, а потом в рассвет, тем досадливее становилось выражение лица подполковника; отбросив побочные всхрипы изошренной животной любви, он с чуткостью матерого кота вслушивался в звуки осмысленной речи. Но, увы, как ни крутила хитро поставленными вопросами графиня, ничего конкретного ни она, ни технически более грамотный Мэтолак не услышали, хотя создалось впечатление, что Трибелин, несмотря на ограниченную, но все же ощутимую порцию наркотика, говорит вполне искренне — с отключением активного сознания, но с полностью освобожденным подсознанием. Под влиянием этого наркотика, созданного для лечения глубоких психопатий двумя нобелевскими лауреатами в области медицины, любой, самый закомплексованный, молчаливый человек откровенничает по-ребячьи. Само собой понятно, что в искренность взрослого человека подполковник разучился верить еще до поступления в начальную школу, ибо его родитель также был потомственным разведчиком. Мэтолаку на инструктаже в Лэнгли сообщили, что на испытаниях препарата в секретной лаборатории ЦРУ только один специально тренированный супермен не поддался его действию. Еще с четверть часа прислушавшись к словам Трибелина о его русских любовницах, исторических воззрениях Цфасмана, непосильных планах по колхозам и стройкам хозспособом, Мэтолак почувствовал одновременно восторженный озноб и огромное уважение к противнику. Он всего ожидал от человека с такими волевыми, умными серо-стальными глазами, но чтобы судьба послала ему в работу русского Муция Сцевола, овеществленного Джеймса Бонда?

Под утро, сняв и отбросив в раздражении наушники, выключив бесполезную в таком деле аппаратуру, Мэтолак окончательно понял, что полковником ему до пенсии не стать: при его-то стаже работы принять шефа делегации за средней хитроумности человека? Острое чувство зависти, сложно заплетенное со все возрастающим уважением к мэтру, в очередной раз пронизало его. Так истинный профессионал уважает знающих дело противников, но завидует виртуозам и монстрам. Однако пора подвести черту, словесно-дипломатические и секс-наркотические атаки захлебнулись. (Последний раз острое чувство зависти посетило Мэтолака месяц спустя, когда он случайно узнал, что амстердамская агентесса, к величайшему своему изумлению, в первый и последний раз в жизни... забеременела!). К тому же Серебренникова сторожил поседевший за ночь яхтсмен. Экспортер, напившись в стельку, спал с восхищенной такой оригинальностью девушкой, но он информацией не обладал. Ничего не оставалось, кроме использования крайних мер инцидента. Мэтолак собрал в номере по телефону всю свою команду.

Помятый лицом Мэтолак вкратце разъяснил ситуацию, объявил содержание секретной инструкции, наметил диспозицию. Соскучившиеся по делу конфиденты разбежались по постам, весело разыграли детективное действие. Пока Веласкез провокационно торчал в номере Серебренникова, дурачась пьяным и отвлекая яхтсмена, все порывавшегося идти за Трибелиным звонить в ТАСС, графиня выслушала по телефону команду, сбрызнула лицо впавшего в забытие на креслах мэтра аэрозольным снотворным. Перед дремой усталого партнера практичная дама порекомендовала ему одеться, имея в виду строгий нрав отельных горничных. Вызвав коллег, она скоренько переделалась, побросала в дорожный сак порнушные принадлежности ночного туалета и, пока резидент с помощниками упаковывали Трибелина в ящик-чемодан с выставочной ружейной эмблемой, застегнула молнии своего сафари. С помощью двух вызванных носильщиков из отельной прислуги сундук с коллекционными ружьями снесли вниз и погрузили в микроавтобус, где шоферил один из помощников резидента. В стоящий рядом «шевроле» сели Мэтолак, Веласкез, хмурая от сопереживания общей неудачи амстердамская агентесса.

19. Утро на люксембургской границе

...Трибелин проснулся неведомо где; ему с трудом удалось втолковать, что находится он за сотню с лишком километров от Льежа. В это самое время почерневший лицом от сознания того, с какой детской простотой его провели, яхтсмен вышел на связь с Центром и имел неприятнейший, однако частично (странно, почему?) подбодривший его разговор. Он ожидал намного худшего. Первым делом спросили с тревогой, не разобрав поначалу, не похищен ли Серебренников? А узнав, что украден один лишь глава делегации, заметно повеселели, спокойный голосок дали необходимые указания. Через посольство в Амстердаме тотчас сделали официальные запросы. Бельгийские власти провели тщательные розыски в Льеже и его окрестностях, не нашли, в местной печати появились обычные сенсационные предположения, что-де виднейший русский ученый-ядерщик, глава промышленного концерна профессор Владислав С. Трибелин решил просить политического убежища, а пока что с помощью очаровательной американки-миллионерши скрылся в укромном уголке Испании, чтобы замести следы и не быть похищенным агентами КГБ. В правой прессе задавался риторический вопрос: не слишком ли действенна и всемогуща сеть советской разведки в странах НАТО, в частности, в беззащитных странах Бенилюкса? Правые газеты писали это, восприняв предположение местных газет за свершившийся факт похищения отказника академика мсье Трибелина. Два дня первые полосы венчались аршинными шапками; кто печатал о похищении израильской разведкой, а кто о самоубийстве русского академика, вдохнувшего перед смертью воздуха свободы. В посольстве получили из Москвы текст официальной ноты. Наутро третьего дня, когда Серебренников, радуясь как дитя, что его успели вывезти из этой проклятой границы, давал последние уточняющие показания, а посол в Бельгийском королевстве получил указание в 12-00 дня по средневропейскому времени вручить ноту по назначению, раздался звонок, секретарь посольства взял трубку. Голос на очень правильном, видно, тщательно изученном русском языке сообщил, что мсье Трибелин находится в полицейском участке города Арлон, что на люксембургской границе в ста пятидесяти километрах по дороге через Намюр. Тотчас секретарь связался с полицией Арлона, где подтвердили: час тому назад на окраине города дежурный полицейский обнаружил человека в состоянии, очень сильно напоминающем последствие серьезного опьянения, и доставил его в комиссариат. Человек этот ни на одном европейском языке не говорит, однако перед самым звонком г-на секретаря комиссар Пашер сумел разобрать несколько слов, похожих на немецкие, из которых следовало, что перед ними русский подданный.

Через два с четвертью часа Трибелин был доставлен в посольство. Посол сдал в архив неиспользованный текст ноты, а еще через пару часов руководитель делегации улетел через Франкфурт-на-Майне в Москву.

События, последовавшие вслед: во всех бельгийских, в большинстве крупнейших западных газет напечатали сенсационное сообщение о том, как крупнейший русский ученый, близкий к военно-промышленному комплексу, Владислав С. Трибелин, увлекшись французской актрисой, забыл предупредить своих коллег и посольство, очевидно, совсем потеряв голову, провел с очаровательной соблазнительницей пару дней в отеле маленького городка Арлон на люксембургской границе, после чего, расставшись с ней и не успев протрезветь, был доставлен в полицейский комиссариат, откуда убыл в советское посольство на высланной за ним машине. Через неделю «Литературная газета» дала опровержение, рассказав о грубой провокации, предпринятой американской разведкой, но «товарищ Т. не поддавался ни на какие уговоры и угрозы, решительно отверг все гнусные предположения о якобы компрометирую-

щей его связи с так называемой бельгийской графиней, сумел настоять на своем освобождении от вопиюще противозаконной узурпации». В заключение, по просьбе трудящихся, высказывалось предположение — не слишком ли вольготно чувствуют себя американские спецслужбы на вольнолюбивой земле Тиля Уленшпигеля и Ламмэ Гудзака? Сам же Трибелин был вскоре направлен на двухгодичную учебу в только что организованную Высшую промышленно-техническую академию, после окончания которой получил назначение начальником главка в родственное прежнему своему министерство. Серебренников — начальник 23-го отдела, давший подписку о неразглашении, ни слова никому в КБ не сказал, отсылая любознательных к «Литературке», всю жизнь потом проклинал свое давнее увлечение охотой (родом был из Коми АССР) и то, что, поддавшись уговорам Кладунова, отделению которого навязали пункт сообразительств по товарам ширпотреба, разработал документацию на капкан и даже защитил его авторским свидетельством. Трибелин же давно мечтал побывать за границей — присмотреться к тамошним методам руководства, поэтому через Цфасмана и Путкарадзе добился включения капкана, кстати, действительно оригинального, в состав экспозиции на выставку-ярмарку в Бельгии.

20. Наших не возьмешь!

Выписка из стенограммы, представленной подполковником Мэтолаком в оперативный отдел:

Мэтолак: Мистер Трибелин, я полагаю, здесь не место рассуждениям о степени нашей ответственности за ваше похищение, мерах законности и пр. Это все делается сейчас на высоких государственных уровнях. Мы же люди подчиненные, поставлены перед свершившимся фактом. Итак, вы являетесь руководителем и главным техническим организатором разработки системы, пригодной для использования в военных целях. Я уже доказал, по всей видимости, степень нашей осведомленности. Вы все отрицаете; вот основной и неоспоримый аргумент: фотокопия описания к вашему изобретению «Идеальный йог», прямо подтверждающему тематику проводимых вами работ.

Трибелин: Это фальшивка!

М.: Неделовой разговор, мистер Трибелин. Поверьте, мы слишком тщательно собирали досье на вас, чтобы решиться на вынужденный шаг похищения, грозящий внешнеполитическими осложнениями. Итак, я сейчас назову несколько десятков разработок, проводимых в вашем Центре, где вы являетесь Главным конструктором...

Через полтора часа:

Т.: Вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что подпись под заявкой на изобретение может принадлежать исключительно членам творческого коллектива. Подписи зачастую ставят руководящие работники.

М.: За что же им... подписи?

Т.: За обеспечение условий, содействие во внедрении, например.

М.: Я понимаю, мистер Трибелин, вы начали очередной маневр. В и з о б р е т а т е л ь н о с т и вам, конечно, не откажешь. Решили выдавать себя за чистого администратора и убедить нас, что вы заставляли своих подчиненных незаконно вписывать ваше имя под изобретениями, статьями, монографиями и техническими разработками?

Т.: (Невольно забыв об обстановке, возмущившись): Почему незаконно!!

М.: Но ведь у вас в России такие вещи строго караются законом! Слушайте, я зачитаю вам соответствующий текст, содержащийся в ваших бланках справок-заявлений на изобретение: «...При этом нам известно, что соавторами изобретения могут быть только лица, внесшие творческий вклад в создание изобретения, и что включение в соавторы лиц, не принимавших участия в творческой работе по созда-

нию изобретения, влечет за собой ответственность а порядке, определяемом законодательством союзных республик». Бланк формы № 1, вторая страница, отпечатано в ППП «Патент», город Ужгород. Вам, конечно, это хорошо знакомо?..

Через десять следующих часов непрерывного допроса, после исследования на детекторе лжи обессиленный графией и суточным допросом Трибелин лежал в небольшой комнатке на жесткой кушетке. В соседнем помещении — аппаратной детектора лжи — Мэтолак и два оператора, прослушав и проанализировав выданные машиной результаты, окончательно пришли к выводу: либо детектор лжи есть порождение лженаук, либо Трибелин, впридачу к талантам выдающегося изобретателя и администратора высшей квалификации, по совместительству служит в разведке и работает искуснее всех ранее встреченных Мэтолаком супершпионов.

В последовавшую затем ночь была произведена терапия допроса в сне-анабиозе, вызванном специальным впрыскиванием и подачей чистого кислорода для стимуляции процесса выхода информации из самых тайников подсознания спящего в активную зону мозга. Увы, выскочившие ассоциации содержали мнения о бюсте некоей мисс Давыдофф, другой молодой женщины, живущей в отдельной квартире, мечты о Золотой звезде и звании академика — все это густо подперчивалось общеполитической тематикой, терминологией администрирования.

...Вторые сутки чередовались изощренные методы научного допроса. Результат на 99,98 процента гарантировал: Трибелин абсолютно некомпетентен в научно-технических вопросах, из математики хорошо помнит четыре действия арифметики и таблицу умножения, слабо представляет основные направления работы руководимой им фирмы, конструкторским пространственным воображением не обладает, очень интересуется сельским хозяйством. После звонка в Нью-Йорк Трибелина для маскировки насытили по-шоферски — через анальное отверстие — алкоголем, отвезли сонного в маленький городок на люксембургской границе, усадили на парковую скамейку и умчались... получать выговор по службе.

21. Эпилог с анонсом

Минули семидесятые — с песнями, плясками, долгими и нескончаемыми аплодисментами, переходящими в бурные овации, прерываемыми здравницами в честь и лично! В недоумении, смутном ожидании прошла первая половина восьмидесятых годов. Запомнились они подернутым туманом безвременьем, а в ассоциативной, столь уважаемой начальниками памяти остались эти годы единой, долгой, с морозящими бесконечными дождями осенью, перемежаемой оттепельными зимами с неделями, звучащими траурными мелодиями, вслед за которыми радио сообщало об очередной серии переименований городов, улиц, пароходов. Дождались шестидесятники времен переустроенных. Как раз на третий-четвертый года от знаменитого майского постановления 85-го года большинству из них стукнуло по сорок. Юбилей с его хлопотами, поздравлениями, а тут километровые очереди за едой и питьем. Все же выкрутились юбиляры, кто как мог, отпраздновали как следует. Изменения в служебном быте шестидесятников произошли. Посмелее они в курилках, при малом и даже среднем начальстве критические разговоры вели. Ксероксы из университетских городов и столиц читать перестали, а набросились на толстые отечественные журналы, «Огонек» и «Аргументы и факты», там намного более интересные статьи и романы тискать начали. Много, но все более теоретически рассуждали со знанием дела об оптимальных процессах самогонварения. А так все осталось по-прежнему в стенах КБ: тот же колхоз, овощная база № 7, кирпичный завод, где, по разнарядке, трудились ИТР совместно с сидельцами ЛТП, стройки разные. На основной работе — та

же бумажная волокита, то же вычерчивание гаек, болтов. Впрочем, здесь изменения наметились: на КБ выделили два персональных импортных компьютера. Теперь девочки-программистки машинные языки Бейсик и Автокад на них изучают, а в обеденный перерыв молодой кандидат наук Афремов с машиной в шахматы играет. Все чаще машины эти начинают использоваться по прямому назначению: с помощью приданных им печатающих устройств-принтеров набираются и размножаются в семи цветах служебные записки, бланки на оформление отгулов, правила пользования лифтом, сообразительности на отдельные стенды информации и объявлений.

Смышляев придумал по дороге на работу 467-й афоризм о начальниках, теперь носится с идеей издать их отдельной книгой. Разговаривал он со мной на эту тему. Будучи профаном, истинным шестидесятником, беспомощным во всех внеслужебных делах, я порекомендовал Виктору созвониться с Валеркой Овцовским. Валерка в начале 70-х годов по распределению работал в нашем КБ, тогда еще в составе завода. Служил он в секторе дизайна с Пирожниковым, хотя закончил институт по гидравлике, потом женился на москвичке, сделался сценаристом, теперь стал почти известным драматургом, ездит в соцстраны опытом обмениваться. Смышляев созвонился с хорошо ему знакомым Опцовским, взял отгулы, съездил в столицу. Однако возвратился пасмурный. Оказывается, сейчас другая конъюнктура в литературе и искусстве: рекомендуется писать о мафии, возрождается после недолгого забвения милицмейская героическая тематика, антиалкогольная тоже в большом фаворе, да вот никто серьезно писать об этом не хочет. Хотя несвоевременно, рановато пока, но можно попробовать сочинять о героях грядущего: совкупцах, независимых брокерах, дилерах и прочих шулерах-гешефтмахерах. В сталинизм молодым и близко не следует бумагу переводить, здесь еще на пятилетку хватит рукописей, что не успели напечатать в предыдущее потепление, а на подхвате железобетонно стоят более зрелые поколения пятидесятников. О брежневской эпохе — желателен косвенно, не обидно для ныне здравствующих. Не напечатать о художествах недавно снятых всем кагалом, точнее — куренем, первых и вторых секретарей обкомов, о евреях, крупных партийных работниках «по состоянию здоровья». Следует выражать оптимизм в международных делах, милицию задевать играючи, по мелочам, необходимо. Поскольку в ходе переустройства исчезновения начальников не предвидится, то язвительные афоризмы о их природе, функциях, происхождении и психологии специфического мышления не нужны широким массам. Очень Смышляев огорчился. Теперь он выдумывает максимы и эссе о любви, ее природе, женщинах вообще. Я читал. Все похабное у Витьки выходит из-под пера. Да-а, порнография, крайний натурализм, смакование, эротика, по словам Овцовского, тоже в ближайшее время печататься не будут. О проститутках — можно, но не всем и только в плане социально-моральном, воспитательном. О самих проститутках желателен отзываться с уважением, что гарантирует успех у молодежной и женской читательской массы. Вспомнив о рекомендациях Овцовского в части сексо-полового вопроса, Смышляев разозлился и прервал второй том своих эссе. Как Николай Васильевич Гоголь. Теперь он, неумная натура со слепым расходом энергии, жертва инфантильной эпохи, заканчивает диссертацию на степень к.т.н. под названием «Влияние слабых доз направленных излучений из коротковолновой части СВЧ-диапазона на ускорение яйценоскости пчеломаток; подвид пчелы *Apis mellifica*». Он воспользовался текущей конъюнктурой — на КБ «свалили» в плане ширпотреба побочную тематику по разработке аппаратуры для медико-биологических исследований.

Милые мои шестидесятники! При всех грядущих переустройствах останетесь вы малыми детьми, честными, в основе своей скромными, работающими, увлекающимися, немного скептиками и напускными циниками, не умеющими жить «не по средствам».

Такое вот — потерянное для лозунгов и целенаправленной деятельности — поколение народилось. Ведь если кто из вас (единицы из единиц!) и ушел сейчас в новомодные кооперативы из КБ, НИИ, то не в торгово-грабительские, не спекулятивно-перекупщицкие, а в самые что ни на есть дуболомные, коловоротные: дома и дачи строить нуворишам от шашлыков, на горбу своем круглое таскать, плоское катать.

Мир вам!

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ПРОЩАНИЕ С ГЕНИЕМ
(глава из книги)

Тамара Анатольевна Булевич — известный сибирский писатель, член Союза писателей России, Академии российской литературы, многократный лауреат международных литературных конкурсов с вручением Золотых медалей им. К. Симонова за повести «Фрося-Ефросинья»/2007, «Тропой Любви»/2012/; медали «Золотой Пегас» /Хорватия, 2013/ и именного Знака лауреата конкурса «Ее величество книга!» /Германия, 2013/ за повесть «Плач рябины» и др. Автор семи повестей, романа «Горячие тени» и поэтического сборника «Моя планета».

Вторая декада июня выдалась душной, по-летнему жаркой, с предрассветными голубыми туманами и обильными росами.

Секретарь райкома, распахнув окно, засмотрелась на хвойный бор, оставленный когда-то строителями на радость детворе и селянам. Теперь он бойко и широко разросся, вплотную подступил к ветхому зданию райкома, охраняя его стены в непогоду от северных студеных ветров.

За окном на разлапистых вековых деревьях всюю гомонили птицы. Кто только там не гнездился! Но Екатерина Алексеевна ждала вылета своего давнего любимца.

И вот он! Игохвостый стриж. Селезнева не могла на него насмотреться: крупный, черно-бурый, с белой отметиной на лбу, изящными, мощными крыльями, словно отлитыми из металла и свистящими при полете. Редкая, самая быстрая птица. Небожитель!

Стриж со стрижихой много лет назад заняли в дупле старого кедра «суперлюкс» и теперь ежегодно сюда возвращаются, чтобы вырастить за весну-лето двух прехорошеньких стрижат.

Глава семейства держится солидно, чинно, даже слегка горделиво. Он часто показывает подружке и всему крылатому сообществу, кто на самом деле здесь первый летун, виртуозно носясь то высоко над землей, то между пушистых лап густо растущих хвойных старцев и молоденьких пихтушек.

В общении с соседями стриж сдержан, молчалив. Лишь изредка, по крайней необходимости, кого-то строго приструнит: «Сии-ирр!». И не понять: так вежливо обращается к провинившемуся собрату или своим покриком намекает тому, с кем имеет дело.

Вдруг из-под стрехи туда-сюда засновали быстрокрылые ласточки, нося в сильных, аккуратных клювах разных букашек да червячков для вечно голодных и большеротых птенцов. У ласточек нет ни минуты свободной, чтобы присоединиться к лесным птичьим посиделкам.

«Пора и мне за рабочий стол», — подумала Екатерина Алексеевна.

...Сегодня у Селезневой соберутся руководители шахты и поселковых предприятий.

«Надо, поддерживая друг друга, успешно провести предстоящую навигацию. Расскажу, как работает шахта. Начальником штаба предложу избрать Ильина. Орешек ничего себе! Неспроста министр давно уж приглашает его в Москву. Но Игорь Васильевич с ответом не торопится. Хотя замену себе подготовил. И какую! Кудрявцева. Тот потянет шахту, будь здоров. Посчастливилось же мне с эпохой. Застала людей — гигантов ума, дела, большой человеческой души сибиряков, покорителей Заполярья и космоса, разработчиков богатых северных недр. Все сполна хлебнули горестей, утрат, беспризорного детства, одолели голод, разруху первых лет молодой страны, пережили 37-й, победили фашизм. И по сей день их не обозленные, не обугленные суровыми испытаниями сердца молоды, дерзновенны и горячи. Они по-прежнему остаются нужным, востребованным страной авангардом».

Постучавшись, из приемной заглянула секретарь-референт Виолетта Иванова.

— Екатерина Алексеевна, звонит секретарь крайкома Прокопьева. Переключить на кабинет?

— Да, пожалуйста.

Еще ничего не зная о предстоящем разговоре, обрадовалась уже тому, что вновь пообщается с уважаемым ею партийным лидером.

— Здравствуйте, Нина Силовна! Внимательно слушаю вас.

— Доброе утро, Екатерина... Алексеевна! Не отрываю от срочных дел?

— Оперативный штаб по навигации и зимовке провожу в девять. Через полчаса.

— Хорошо. Буду предельно краткой. Нам с вами предстоит командировка. В Риме по линии ЦК и министерства культуры проводится кинофестиваль советских фильмов с участием многих наших знаменитостей. Там будет и Андрей Тарковский. Вам известен этот кинорежиссер?

— Еще бы! Со студенчества ценю и обожаю.

— Даже так? Порадовали. Значит, единомышленники. А после фестиваля за свой счет предлагаю слетать в Милан. Эти три дня вычтут из отпуска. Как? Согласны?

— Согласна! Вот повезло-то.

— И загранпаспорт есть?

— За границей ни разу не была...

— Срочно фотографируйтесь и передавайте пакет с командиром рейсового борта. Мой водитель заберет его в аэропорту Черемшанка. Остальные формальности за мной. В понедельник надо быть в Москве, а сегодня у нас пятница. Да! Как с итальянским? Владеете или со справочником?

— Владею. Сейчас в оригинале читаю «Римские рассказы» Альберто Моравиа. Жаль, поговорить на итальянском не с кем. Нина Силовна, извините за нескромный вопрос: что из одежды брать?

— Нашего — ничего. Оденемся в московских магазинах. Только не забудьте сообщить мне, каким бортом передадите пакет. Успехов и до встречи!

Екатерина Алексеевна едва успела положить трубку и унять откровенно и неудержимо бьющуюся в груди радость, как ее пригласил Задушный.

Валерьян Модестович явно пребывал не в лучшем настроении. На приветствие Селезневой никак не отреагировал, даже головы не поднял, и с красным недовольным лицом перелистывал какие-то бумаги.

— Пашешь-пашешь, и хоть бы куда! А тут без году... Ладно, чего уж... Звонили из отдела пропаганды крайкома. Вы включены в список участников какого-то фестиваля. За рубеж, насколько знаю, не выезжала? Собирайся... ся... тесь... Тьфу ты, черт! Велят, чтобы послезавтра была у Прокопьевой. Дел, понимаешь, выше крыши, а им только поразвлекаться. Лети уж, коль высокому начальству потребовалась.

Злясь, он переходил от «вы» на привычное для него обращение к людям — «ты».

Клокочущая внутри Селезневой радость сразу поостыла, затвердела давящим комом, и она, молча выслушав Задушного, пригласила его принять участие в первом заседании оперативного штаба.

— Сама разбирайся. Своих заморочек — во! — и зачем-то на два дня уехал в Косачи.

Члены штаба собрались дружно и бурно, напористо стали вносить одно за другим дельные предложения. Ясно было, что конструктивное обсуждение проблем предстоящей навигации и зимовки коснулось интересов каждого руководителя.

Стали выработать проект соглашения. Председатель правления банка «Тайга» Карл Петрович Шредер предложил сконцентрировать денежные средства участников соглашения на едином счете:

— Так оперативнее производить взаиморасчеты с предприятиями, речными портами, автотранспортниками, — мотивировал Шредер.

Дельное предложение обсудили, одобрили и поддержали.

Начальником штаба единогласно избрали, как и намечалось, Ильина. Только директор комбината питания Свербицкий не то в шутку, не то завистливо качал головой:

— Ну, Ильин, ну, везунчик! И тут сладкого пирога власти ухватил самый большой кусок.

— А хочешь, Людомир Каримович, я до крошки его тебе отдам? — почему-то вдруг обиделся на него Ильин. — Еще один хомут на шею вешаю, а он!..

— Что вы, что вы, Игорь Васильевич! Бога ради, не сердитесь. Неудачно позавидовал...

Руководители от идей и практической позиции второго секретаря райкома воспряли духом: «Вот это да! Это помощь!» — расходясь, пожимали Селезневой руку:

— Спасибо. Своевременно и толково посоветовались. А главное — на злобу дня. Одолеем навигацию — и зима покажется теплее, короче.

В Шереметьеве борт рейса «Москва — Рим» с визгом снялся со стояночных тормозов и, шурша новенькими шасси, начал выруливать в направлении взлетной полосы, окаймленной светящимися неоновыми столбиками.

— Хорошо переносите полеты? — участливо спросила Прокопьева.

— Прекрасно. А вы, Нина Силовна?

— Не очень... Давление частенько подводит. Но, надеюсь, на сей раз обойдется. До Рима — не рукой подать, а потому диалог между нами будет долгим. С приятной собеседницей и время пролетит незаметно.

Селезнева с интересом рассматривала над аэровокзалом ярко горящее рубиновым светом панно «МОСКВА», хорошо видимое из салонов лайнеров улетающим и прилетающим пассажирам. Ее внимание привлекли огромные часы, стрелки и циферблат которых высвечивались единым цветом с панно.

— Мы прилетаем в полночь? Придется ночь провести сидя в кресле?

— Что вы! Обязательно встретят и разместят в уютном номере. Я заказала двухместный, не возражаете?

— Отлично.

— Сейчас посмотрю гостевой проспект. Приземлимся в аэропорту Леонардо да Винчи, или его еще называют Фьюмичино, в двадцать один час. Он в полчаса езды до нашего отеля «Де ля Минерв». Я в нем дважды останавливалась. Изумительный сервис, каждый номер уникален. Смешанные стили: модерн и классика. Самая красивая терраса в городе! Это без преувеличения. Причем чуть ли не единственная с

видом на купол Пантеона. Кажется, протяни руку — и перелетишь в далекое прошлое, коснешься его древних, стальных стен. А вокруг сказочно красивый город. С террасы видны... — и вдруг, опомнившись, стыдливо продолжила: — Да что это я! Обо всем сами услышите, увидите ...

— А мне интересно, ведь я никогда не путешествовала. Даже о достопримечательностях Москвы и Ленинграда знаю из книг да проспектов. Заучила наизусть экспозиции залов Третьяковской галереи, Эрмитажа и многое другое, чтобы себя невеждой не чувствовать.

— Какую же память-то надо иметь, ангел вы мой?!

— А Рим больше Москвы?

— Думаю, гораздо... Обязательно поедим по вечному и бесконечному, солнечному и ночному.

— А чем Рим помнится вам?

— В двух словах трудно ответить. Наверное, всем увиденным в этом захватывающем дух городе... Надменной роскошью, безумной скоростью автомобилей, огромным количеством бродячих кошек в Колизее, пытающихся перейти через перекресток. Магия Рима, на мой взгляд, заключается в неповторимом сочетании глубокой древности и яркой современности. Империи возвышались, переживали упадок, а он оставался по-прежнему неизменно великим. Визиткой планеты...

— Как здорово звучит — «визиткой планеты»!

— Екатерина Алексеевна, а если я вас попрошу рассказать об Андрее Тарковском? О Тарковском-человеке. Из его работ, кроме «Ностальгии», вроде бы все смотрела. Скажу честно, не раз прослезилась. Глубоко копает прошлое и настоящее человечества. Землянам в душу лезет. Иногда до слез больно... Мы с Андреем ровесники. Может, и это сказывается. Но заставить Прокопьеву плакать?! Тут надо крепко постараться! Встряхнуть мозги и одновременно сыграть на чувствах. Такое не каждому режиссеру удается. Надеюсь, покажут нам «Ностальгию». Не станете надо мной смеяться, если опять ресницы мои оросятся?

— Что вы! Я тоже не могла сдерживать слезы и в «Ивановом детстве», и в «Зеркале»... Об Андрее Арсеньевиче хотелось бы знать гораздо больше: до мелочей, до пылинки. В наших СМИ прочтешь о нем только что-нибудь отрывочное, тенденциозное, нередко это откровенное злопыхательство его коллег-бездарей. Выручает знание языков. Что касается Андрея Арсеньевича — пользуюсь в основном зарубежными новостями, иногда материалами студенческого самиздата. До сих пор однокурсники присылают два-три раза в год зачитанные до дыр ксерокопии. Итак, с чего начнем, Нина Силовна?

— Давайте с Андреевых истоков.

— Хорошо. Мать Андрея Арсеньевича — Мария Ивановна Вишнякова, в свое время окончила Литературный институт. Говорят, недурно писала. Отец — известный поэт Арсений Александрович Тарковский.

— Они вроде в разводе?

— Да, но стараниями Марии Ивановны дети постоянно общаются с отцом. Любят его. И Андрей Арсеньевич, и его младшая сестра Марина.

— А как вы относитесь к мистике, «снам» Тарковского?

— Синхронно понимаю, без напряжения считываю с экрана все его аллегории. В основном-то на этих кадрах и мечется, стонет душа моя. Казнится, сопереживает. Такова форма, стиль безмолвного разговора Андрея Арсеньевича со зрителем. Где-то на уровне философии подсознания. Это, думаю, и есть его истинное восприятие всего бытия и диалог с окружающим миром, человечеством, конкретной личностью.

— Да... Талантливый составитель и собиратель «снов».

— Я считаю, Тарковский — гений. Жаль, что до обидного мало снимает. Давно не видела новых работ. Может, что пропустила? После уже мною названных фильмов смотрела «Андрея Рублева», «Солярис», «Сталкер»...

— Я ничего другого тоже не припоминаю,— задумчиво поддержала Прокопьева.— Неужели опять тормозит его творчество наша партийно-государственная система?! Или, может, неконтакты с Госкино? Да-а... Не учат нас добру уроки прошлых лет... Где-то читала, очень уж Андрей любит себя: мнительный, капризный.

— И вовсе нет! — твердо встала на защиту Тарковского молодой секретарь.— Нам пора понять: гении рождаются и нужны миру для перетаскивания общественно-го самосознания на целые десятилетия — какой там! — эпохи вперед. Они — провидцы, первопроходцы, оракулы. Причем здесь нюансы их характеров, неустойчивость настроений, обществом же и отдельными людьми спровоцированные?! Надо уметь прощать им мелочное, бытовое. Заботиться лишь, чтоб только уютнее жилось, думалось, творилось. Обеспечивать условия для создания как можно большего количества гениальных произведений. Они — указательный перст, вехи для нас, для потомков. Пусть гении, ниспосланные нам откуда-то свыше, излечивают большое человечество своей высокой духовностью, чутьем истины жизни учат быть людьми... Вот это бесценно.

— Согласна-согласна,— закивала Нина Силовна.— Мы привыкли нянькаться с тысячами серых мышек. Суем соски в рот. Вскармливаем. А те, конечно же, рожают себе подобных — опять же сереньких и пакостливых... Мало знаю и о детстве Андрея. Пожалуйста, поподробнее, что помните,— уже полностью погрузилась в океан — Тарковского — Прокопьева.

— С удовольствием. Рос большим умницей. Начитанным и в то же время живым, озорным мальчишкой. Часто в раздумьях отрешался от действительности, абстрагировал. Умел органично сливаться с природой. Обладал абсолютным музыкальным слухом. Отлично рисовал. Окончил художественную школу. Они с красавицей-сестренкой Мариной могли часами наблюдать за озерными или речными водорослями. Потом в кинофильмах мы видели эти кадры — диалоги через них со зрителями, этот его доступный чутким умам и душам водный мир.

Российская природа у Андрея Арсеньевича — полноправное, размышляющее, кричащее, говорящее на понятном для всех языке действующее лицо его картин. Для меня особенно дороги и памяты трогательные, живописные русские луга, речки, озера в «Андрее Рублеве».

— Да. Сильнейшие психологические и эмоциональные кадры,— согласилась Нина Силовна.— Где-то читала, после войны пятнадцатилетний Андрей болел туберкулезом, но вроде излечился. Злодейка-война... По сей день гонится за нами с косой... Продолжайте, продолжайте, Екатерина Алексеевна.

— В юношеские годы серьезно увлекался, прекрасно знал классическую музыку. Любил симфонии Чайковского, Бетховена, Моцарта. Часто ходил в консерваторию и... продолжал хулиганить. Да еще как! На Серпуховке связался с дурной компанией, бросил институт востоковедения, но Мария Ивановна, к счастью, и на сей раз на самом краю пропасти успела схватить сына за рубаху — отправила его с геологической экспедицией в наш край.

— Впервые слышу!

— Да-да. Целое лето провел тогда Андрей Арсеньевич на Курейке, в Туруханском районе. После сибирской «ссылки» работал в каком-то московском НИИ. Пережив такие встряски, взялся за ум. Двадцатидвухлетним поступил на режиссерское во ВГИК, в мастерскую Ромма. Наконец-то ступил на судьбоносную, ему предназначенную стезю.

— Век живи и век... Поройтесь-ка еще потщательнее в памяти. Хотя... У нас почти не остается времени. Надо же! Мигом пролетело. И давление... тьфу-тьфу. С вами, мой ангел, одно наслаждение уму и сердцу.

— Во! Вспомнила. Андрей Арсеньевич нравится женщинам, но взаимностью их не балует. Держит даже талантливых, с мировым именем красавиц от себя подальше.

— Ну, хоть одно отрицательное качество в нашем кумире обнаружилось! — поженски съязвила Нина Силовна.— Перед вами бы, белокурая северянка, не устоял.

— Смущаете... Антон мой тоже подначивал. Особенно донимал итальянцами. Они, говорит,— мужская соль земли. На все сто блудливы, сладострастны, коварны. Да и наши братья-славяне тоже вне ока семьи — не мазилы.

— Не знаю, не знаю... А пока, прелестница, нам предстоит посадка. Парим над Фьюмичино. Кстати, симпатичнейший мини-сити.

— Так быстро?! — с сожалением удивилась Селезнева.

— Рада вашему восклицанию. Значит, не до конца замучила расспросами. Их еще на десять полетов хватит. Не стесняйтесь меня вовремя останавливать. В то же время прошу снисхождения: я ждала нашей встречи не один год. Вы стали близки мне. Со студенческой поры живет в памяти Катя-Катенька, которая в свои юные годы поразила многих завидной целеустремленностью.

— А я счастлива жить, когда рядом такие столпы времени, как Черныш, Кудрявцев, Ильин, Золотарев, Прокопьева... Вы же, словно мощные атомные электростанции, подпитываете нас энергией. И, конечно, интеллектом. Вас, Нина Силовна, в крае все уважают. Нет, не по должности. За человеческую значимость... Не то, что иные, при куда более скромных личностных качествах,— искренне призналась Селезнева.— О себе и о семье без утайки расскажу. Хотя биографию-то вмещаю пока в полстраницы: родилась, училась, начала работать. Расскажу и о родословной. Когда-то в сибирских селах Селезневых было не сосчитать. А после войны из мужской половины нашего рода остались в живых — моих пальцев рук хватит. Из близких — только мой родной дед Павел.

— Замужем?

— За Антоном Ермаковым. Тоже горный инженер. На шахте вместе трудились.

— Не обижает?

— Что вы? Конечно, нет. Весь поселок знает — Антон с жены пылинки сдувает.

— Еще бы. И давно знакомы?

— С пяти лет.

— Так у вас, однако, скоро серебряная свадьба! — и обе рассмеялись.— Будем считать эту информацию лишь предисловием, а страницам вашего детства, юности, взросления — наш отдельный недосып. И не один.

Самолет мягко коснулся земли великого Леонардо да Винчи.

Через полчаса черный шестисотый «Мерседес» летел к Риму, паря над автострадой. Россиянки от непривычной для них скорости под двести притихли, с замиранием сердца ухватившись за подлокотники сидений.

Бывая в Италии, Прокопьева знала, что автомобиль для итальянца — особый ареал мужской жизни, где он чувствует себя полностью в своей стихии. А правила дорожного движения? — они в полном несоответствии с национальным характером и привычками водителей-итальянцев.

Не успели женщины прийти в себя от «шоковой терапии», как милый и услужливый таксист Сильвио с шиком подвез их к парадному подъезду отеля «Де ля Минерв».

И... понеслись сибирячки по расписанному «от» и «до» круговороту событий ки-

нофестиваля. Два партийных секретаря, привыкших самостоятельно распоряжаться временем, кроить и выкраивать, расставлять по своему усмотрению точки над «і», уже на третий день устали от бешеной круговерти просмотров кинофильмов, обсуждений, дискуссий и встреч с киногруппами.

Посоветовавшись, решили отпроситься на денек-другой у руководителя советской делегации Борисова. Сославшись на неотложные личные дела и встречи с итальянскими коллегами, сумели-таки убедить Петра Алексеевича. Тот доброжелательно и сочувственно пожурил для проформы за отрыв от «коллектива» и, конечно же, понимая их истинные намерения, тонко намекнул:

— За каждым членом советской делегации гостеприимные хозяева закрепили видных итальянских деятелей культуры. Вашим гидом вызвался быть сам Тонино Гуэрра! Позволю напомнить, на его счету более 150 киноработ, три «Оскара», семь «Пальмовых ветвей». Это тот самый Гуэрра, который работает с гениальными режиссерами мира. Именно он стал соавтором знаменитых фильмов Федерико Феллини, Микеланджело Антониони. Вдвоем с нашим Андреем Тарковским писали сценарий «Ностальгии». В Италии говорят, что именно Гуэрра создал национальный кинематограф.

— Петр Алексеевич! Удобно ли отнимать золотое время у маэстро с мировым именем?

— Не переживайте. В жизни Тонино — милейший человек. Великодушный, щедрый. Его супруга — Элеонора Яблочкина, русская. Вдова директора многих картин Александра Яблочкина. Когда-то работала редактором на «Мосфильме». После смерти Саши встретила с Тонино в Москве. От любви к ней Гуэрра лишился покоя, буквально таял на глазах. Скупил все розы в ближайших от «Мосфильма» киосках. И по сей день они влюблены друг в друга. Понятно, русские были и есть для Элеоноры самые желанные гости. У Тонино тоже особое, теплое к нам отношение. Лора никогда не допустит, чтобы оно остыло. Не без ее доброго участия тот не только стал соавтором «Ностальгии», но и всячески помогал Тарковскому во время съемок в Италии. Вот уж воистину, кому свыше дано всего в избытке: таланта, души, дара провидения. Он же — архитектор, художник, философ, поэт, драматург, агроном и садовник. Друг Георгия Данелия. Давний мой друг.

Полистав свой дорожный «колдунчик», Петр Алексеевич дал несколько телефонов Гуэрры, в том числе домашний.

— Тонино предупредил, что будет рад встрече с вами в любое время. Теперь о деле. Послезавтра состоится показ «Ностальгии» с последующим обсуждением. Хотите выступить, Нина Силовна?

— А можно определиться потом... после просмотра?

— Конечно. Разыщите меня или передайте в президиум записку. А пока задержитесь на минутку. Сам позвоню Тонино.

Он включил громкую связь, и женщины услышали приятный мужской бас.

— Гуэрра ...

— ...Так вот, дружище, сибирячки жаждают с тобой повидаться. И смотри в оба,— закончил разговор Борисов.— Доверяю двух удивительных женщин, золотой фонд Сибири, красавиц. Чтоб и волоска ветром не сдуло. Найдешь для них русскоговорящего итальянца? Думаю, им не терпится окунуться в манящий тайнами Рим, а без «языка»... как?

— Поищу. Не забывай, Петя, я сам русский по жене. Не волнуйся, начальник, твое задание будет выполнено.

Борисов рассмеялся и пояснил, что Гуэрра незамедлительно найдет их, как только справится с одним, в данный момент непростым, вопросом.

— В связи с фестивалем переводчики нарасхват.

— Петр Алексеевич! Перезвоните ему. У нас Екатерина Алексеевна в совершенстве владеет итальянским. Справится.

— Да ну?! И такие кадры держим в таежной глухомани?

— Пыталась забрать в крайком. Да орешек оказался не по зубам. Корнями держится за родной север. Упирается. Хочет прожить в Эвенкии всю жизнь.

— Это хорошо. Уважаю стойкий характер. И возьму ее в номенклатурный резерв.— Мельком глянув на часы, покачал головой.— Ух, ты! Я же в цейтноте. Опаздываю, милые дамы, в технический университет к студентам. Увидимся на «Ностальгии». Знакомьтесь с Римом. Приятного вам отдыха.

Не успел таксист Сильвио довести их до отеля, как позвонил Гуэрра.

— Нина... Забыл, простите, отчество.

— Не утруждайтесь, синьор Гуэрра! Обращайтесь просто — Нина.

— Очень приятно! Пожалуйста, Нина,— на хорошем русском попросил он,— передайте трубку водителю. Спасибо. С нетерпением жду, точнее, ждем вас с Лорой дома.— И по-итальянски выдал распоряжение:

— Слушай, Сильвио, внимательно... А теперь разворачивайся и вези синьор ко мне по адресу...

При знакомстве Гуэрра представился, не забыв понравившееся ему выражение — «просто Нина»:

— А я... просто сценарист, которого до сих пор не прогнал от себя гениальный Феллини,— он артистично поправил мастерски уложенные волосы, сыграв мизансцену.— Да что я опять высываюсь? Начну по порядку. Вот моя Лора. Еще горячо любимая женщина...

И пригласил гостей в небольшую, уютно обставленную гостиную, где, уделив приличествующее время знакомству, поговорили о последних новостях в Италии и России.

— Наслышан, в Союзе скоро произойдут большие перемены? — Тонино испытывающее смотрел то на Прокопьеву, то на Селезневу.

— Да. Готовятся грандиозные проекты, если только применимы эти слова к предстоящей реконструкции политической, экономической и социальной жизни общества. Они заставят во многом измениться и нас самих,— спокойно ответила ему Нина Силовна.

«О чем это они?» — насторожилась Екатерина Алексеевна, вопрошающе глянув на секретаря крайкома. Та перевела взгляд на картины Гуэрры, потом поднялась с кресла и стала внимательно изучать их. «Мир автора удивительно чувственный, нежный и радостный».

Тонино заторопился к рабочему столу. Так элегантно собеседники закрыли не интересную им сейчас тему... Через минуту он уже бережно нес им кипу чертежей, показывая на них горящими глазами и широко улыбаясь:

— А вот в моих руках и вторая жар-птица. Конечно же, после Лоры. Она не видна воочию, выглядит, как гадкий утенок, но это пока... Здесь уже подписанная мною документация на строительство дома, фонтанов, садов, которые собираюсь возводить и вращивать в родном городке Пеннабилли.

Хозяин надолго овладел вниманием сибирячек, увлеченно посвящая их в архитектурные и эстетические нюансы предстоящего домашнего строительства. Прокопьевой особенно понравились фонтаны, работающие на энергии дождевых струй и вносящие в дом звуки где-то отшумевших водных бурь.

Улучив момент, Екатерина Алексеевна попросила Тонино подробнее рассказать о дружбе, совместном творчестве с Тарковским.

— Петр подробно рассказал мне о ваших, синьоры, высоких должностях, незаурядном интеллекте, большой осведомленности в мировой культурной жизни. Не думаю, чтобы такие начитанные дамы не знали о хронологических событиях из жизни Андрея. А вот о чем хочу побеседовать, с чем познакомить — факты, малоизвестные общественности. Надеюсь, и вам тоже. Итак, постараюсь удовлетворить ваш интерес.

...Один русский журналист, автор многих киносценариев, как-то обронил фразу, что, мол, «у нас талантливые фильмы добирались до экрана благодаря недосмотру бюрократов. Но, если уж они появлялись, получали признание, то те же бюрократы умели развить, возможно, не столь желательный им первоначально, успех». Не скрою, синьоры, за советским кино на Западе следили и следят внимательно, если не сказать, скрупулезно и ревниво.

— Ревниво?! — не выдержав, вклинилась Нина Силовна.

— Понимаю. Буду более точен — не-доб-ро-же-ла-тель-но, видя в них опасную конкуренцию. Не только идеологическую, но прежде коммерческую. Мой знакомый французский критик как-то пояснял: «А зачем нам славянские гении, когда своих пристроить некуда?». Поэтому каждый показ ваших лучших фильмов за рубежом разгорался в невидимые для постороннего глаза битвы.

— И этот... «Ностальгия»?! — непроизвольно вырвалось у Селезневой.

— Да, Екатерина...

— Называйте Катей.

— Да-да, Катя. Он — тоже. Во время кинофестивалей накаляются страсти между американским кино и европейскими киномагнатами. Вот послушайте, — и взял в руки газету, — что пишут об этом итальянцы: «В мире коммерции, окружающем кино, всегда нежелательно, чтобы у конкурента появилась яркая фигура. С ее авторитетом укрепляются и позиции страны на международном рынке кинематографии. Большой режиссер создает фильм, который забирает у рынка десятки миллионов долларов. Тарковский, безусловно, личность, способная создавать такие шедевры». Здесь это отлично понимают. И уже вовсю действуют.

— Но наши, как вы, Тонино, выразились, «большие режиссеры» все пользуются бюджетом страны. — Прокопьева полезла в сумочку, достала бумаги, чтобы уточнить суммы, выделяемые Госкино на создание новых фильмов.

— Верю-верю, Нина. Ваше государственное кинохозяйство снимало немало преппон на пути создателей фильмов. Хотя, синьоры, согласитесь, в подтверждение тому есть конкретные примеры, касающиеся творческой судьбы Андрея Тарковского, — оно создавало и создает труднопреодолимые идеологические и стилистические фильтры.

— А вы не преувеличиваете, Тонино? — покачала головой в знак несогласия секретарь крайкома.

— Нисколько! — парировал ей маэстро и, чуть помолчав, продолжил: — Однако, справедливости ради, советские режиссеры, чьи картины принимались к производству, могли рассчитывать на финансовую поддержку. В Италии, да и в других странах, даже крупнейшие мастера мирового кино, такие, как Феллини, Куросава, порой отчаянно ищут продюсеров. Я лично не раз читал и слышал: «Феллини прощается со зрителем», «Наш гений Феллини нуждается в помощи, он в кризисе».

— В социалистическом плановом хозяйстве кризисов не бывает, — мягко похвалилась Селезнева. Тонино кивнул ей.

— То, что мастеров постигают свои кризисы, Феллини блестяще показал в фильме «Восемь с половиной». Знаю, и у Тарковского они случались. Не раз Андрей показывал миру, как большой мастер преодолевает творческий застой... Но какого упорства, какого самосожжения это ему стоило?..

— Тонино, вы знакомы с Андреем Арсеньевичем много лет... Какой он? На съемочной площадке, за вашим гостеприимным столом, с коллегами, женщинами? — Селезневой не терпелось напитаться информацией из бесхитростных уст Гуэрры.

— Всегда разный. Спокойный и взрывной. Беспредельно добрый и нервный. Все-прощающий и бескомпромиссный. С открытой нараспашку душой и скрытный, как улитка, уходящий в себя. С легким, веселым настроением и философствующим, перегруженным тяжелыми раздумьями. Но во всех ипостасях необыкновенно искренний и тонкий психолог. Совершает, конечно, как и мы, немало ошибок. В основном в личной жизни. А с женщинами-поклонницами, Катя, интеллигентен, держится на расстоянии, скажем, дружеских отношений. Хочу уточнить: насколько мне известно.

— А кого все-таки любит?

— Очень любит Россию, сына Андрея. Может часами рассказывать, как по-особенному пахнет русская земля, свежескошенные травы. И про раздирающие душу крики летящих осенью журавлей...

— В Италии его ценят? Кто и как?

— Конечно, ценят. Многие. Хотя есть и оппоненты. Вспомнил рассказ Андрея, как западные интриганы-толстосумы уничтожили его «Сталкера», устроив преждевременный показ в зале Каннского кинофорума. А картина-то была заявлена и сто-процентно претендовала на высшую награду в Венеции! Кстати, синьоры, вам, думаю, известно, что там было премировано его «Иваново детство».

— Да, вся страна радовалась,— подтвердила Прокопьева.

— Так вот, показ-сюрприз в Каннах стал первым подлейшим ударом по Тарковскому, его творчеству за границей. По сути, у Андрея и советского кино украли тогда первую премию. Он показывал мне телеграмму от директора Венецианского кинофестиваля Кьярини. Тот гневно оповещал, что после преждевременного показа в Каннах не может принять «Сталкера» и вынужден снять этот фильм с конкурса: таковы его условия — только премьера. Что пережил тогда Андрей! Крушение планов, судьбы... Слишком доверчивый он, слишком... Может, впервые задумался: и за рубежом порой мягко стелют, да жестко спят. Не все золото, что блестит...

Лора окликнула Тонино, и супруг помчался в столовую, откуда раздался его громогласный приказ:

— Милые синьоры, мойте руки, и прошу к праздничному столу на Лорины спагетти. Пальчики оближете! Готовит не хуже итальянок. Боже, как милостива ко мне судьба. Почти не лукавлю: Лора подарена небесами,— продолжал балагурить Гуэрра.

Стол Элеонора накрыла со вкусом, роскошно, изобильно. Чего только здесь не было. Но главное блюдо — спагетти в известных итальянских соусах — возвышалось в центре на фарфоровом постаменте. Вокруг красовались таралетки с огромными королевскими креветками. В бело-синих розетках стояли черная икра, рыбное ассорти. И... не перечесть всяких других яств.

— Синьоры, что пьем? — громко осведомился хозяин.

— Спасибо, я — ничего! — первой отказалась молодая сибирячка.

— Вот уж не по-нашенски,— подала голос Лора.— Тонино! Возьми-ка холодненькой из холодильника. А я чуть освежусь и подсушу волосы. Жарко у плиты, но потчевать дорогих гостей дежурными кафэшными закусками не захотела. Я сейчас, быстро...

Когда она вошла в гостиную, та залилась солнцем от ее ослепительно золотистых, роскошных волос, яркостью молодого, играющего живыми красками лица с искорками изумрудных глаз. Тонино, увидев жену, аппетитно крякнул.

— Так и живу в постоянном стрессе! Глядя на нее, у мертвого все зашевелится...

— Ну-ну... Ишь ты! — охладила его пылкость Лора.

— Я имею в виду... заулыбалось, заиграло бы сердце в могучей груди любого нормального мужчины.

— Ох, хитер итальянец, ох и хитер! Наливай-ка нам всем по рюмке водки. Первый тост мой. Сегодня праздник: слышу русскую речь. Рада моим сестрицам-славянкам. Только наша земля дарит миру такую божественную женскую красоту. Спасибо вам, родные, за визит в наш дом. Это всегда для меня щедрый подарок. Я пью за вас, мои соотечественницы!

В конце застолья Тонино твердо заявил:

— Сейчас, Нина, вчетвером съездим в отель. Там возьмете, что пригодится для ночевки в нашем балконном саду под лимонным деревом и для поездки в Венецию.

— А как же «Ностальгия»?! — сразу расстроилась Екатерина.

— Просмотр послезавтра. Вечером. За два дня успеем попутешествовать. Сам покажу прелести неповторимой Венеции. А если останется чуть-чуть времени, заедем в Ватикан. Там меня тоже знают...

...Под лимонным деревом беседам не было конца. Тонино — прекрасный рассказчик, тонкий юморист. Он знал столько смешных, драматических, курьезных и трагических случаев из истории мирового кино, что гости заслушались и не переставали удивляться.

Перед сном решили прогуляться по ночному Риму, но позвонил Борисов, и Тонино умчался в оргкомитет, а три россиянки до рассвета проговорили о Тарковском.

— У нас с Андреем, — рассказывала Лора, — сразу сложились дружеские, доверительные отношения. Особенно за время съемок «Ностальгии». Хотя мы знакомы давно. Он был на нашем с Тонино бракосочетании в Москве. Андрей — обаятельный и умный, хотя его нельзя назвать человеком с легким характером. С оппонентами порой бывает даже жестким, не склонным к компромиссам. Но все окупается, опять же, Андриюшиной добротой, способностью критически осознать личные просчеты. Искренне и вовремя принести извинения. Согласитесь, такие его качества характера да плюс талант дорогого стоят!

— Да-а-а... Критика себя любимого — по плечу лишь сильным, властвующим и над собой людям, — поддержала ее Прокопьева. — О непростом характере Андрея много сплетничают борзописцы. За последний год приучили малодумающих читателей к мысли, что Тарковский никогда уже не вернется на родину.

— Вот уж совсем чушь собачья! — Лора стала приводить один за другим свои доводы. — Помня мое редакторство на «Мосфильме», Андрей частенько приносит мне посмотреть — на предмет оценки и правки — свои тексты. Однажды попросил распечатать письмо к отцу. «Тебе, Лора, содержание его, сто один раз проговоренное за вашим столом, известно. Мне достаточно трех экземпляров, но файл оставь у себя, не удаляй». Слушай, переспросила я, удобно ли, все-таки личное? На что он ответил: «В нем нет никаких семейных или личных тайн. Просто для отца я четко сформулировал позиции по своему пребыванию за границей. Закончу съемку фильмов, обязательно вернусь в Россию. И будучи здесь, я — с ней. Душой, мыслями русский... Для отца это важно. А что касается моих неурядиц с Госкино, об этом много лет пишут российские и западные СМИ. Да и сам я открыто говорю...».

— Спасибо вам, Элеонора. Груз с души сняли, хотя я и не верила прессе. Андрей не может покинуть Россию. Об истинной любви к ней свидетельствует каждый кадр его фильмов. — У Нины Силовны затуманились глаза. — И как отца любит! Заботится, чтобы не переживал, не рвал сердце.

За время их долгой беседы о гении и человеке Тарковском хозяйка изредка успевала вклинить что-то и о своем Гуэрре:

— ...награжден орденом Дружбы, Почетный доктор ВГИК, автор идеи создания в Суздале музея кино... на его юбилей в Рим прилетали из всех советских республик скульпторы, художники, поэты... А еще в наш старый дом в Пеннабилли приходят кошки и собаки со всей округи... Просто поесть, пообщаться и шумно прошвырнуться по саду...

Элеонора прочитала несколько его стихов. Россиянки восторженно аплодировали ей.

— Спасибо за перевод Белле-Беллочке Ахмадуллиной. Они с моим Гуэррой большие друзья.

Тонино появился с огромными букетами роз, шампанским и коробками конфет.

— Девушки! Быстро за стол! А потом... спать, спать...

— Тонино! Уже зорет...

— Ничего! Пара часов у нас есть. Выспимся.

Благодаря его организованности и неиссякаемой энергии, запланированная двухдневная программа по Риму и Венеции была успешно выполнена. На обратном пути Элеоноре показалось, что муж сильно подустал, переутомился.

— Дорогой! Давай подменю за рулем?

— Нет уж, Лора. Две подаренные мною машины ты разбила в лепешку. Бог милостив! Сама жива и никого не покалечила. А сейчас нас четверо. Жалко! Мы люди-то хорошие...

Побывали и в Ватикане. Гуэрра жалел лишь об одном: Иоанн Павел II — первый Римский Папа, славянин — был в отъезде.

Наконец настал долгожданный час просмотра «Ностальгии». Тонино приглушенным голосом рассказывал гостям, как не просто рождался сценарий, как он старался влюбить Андрея в Италию. Казалось, что затея удалась, но фильм получился чисто русским, с глубокой и грустной русской философией, хотя с первого до последнего кадра снимался здесь.

— Андрей с оператором сумели заснять «Ностальгию» так, будто возил я их не по итальянским ландшафтам, а по Ивановской области или где-нибудь неподалеку от Андриюшиной старенькой деревеньки, где в росистой траве-мураве стрекочут зеленые, воинственные кузнечики... Надо же так гениально «разытальянить» мою Италию!

— Тонино! Не дави,— шикнула на него Элеонора.

— Все-все, больше — ни слова. Посмотрите и убедитесь сами: я прав.

На последующие полтора часа, забыв про все на свете, Прокопьева и Селезнева растворились в перипетиях фильма, слились с его действиями и героями.

— Бесцельная, тревожная прогулка Горчакова... Один за другим городские пейзажи с мусорными свалками под струящейся, вечной водой... Стихи Арсения Тарковского... Знакомая бутылка «Московской»... Дремлющий на чуть колышущемся воздухе, почти угасший костерок человеческой жизни — все это странствие обремененной современным бытием души,— шептала Екатерина Элеоноре, считывая с экрана диалоги Тарковского с природой и героем.— Таково состояние современного человека, человечества, объяснение автора с потребительской цивилизацией Запада. И не только. Но все до боли русское... и мировая скорбь по давно утраченному и лучшему уходящему ...

Словно услышав нашептывания ее губ, Тонино, перегнувшись через Элеонору, дотронулся до Катиной руки:

— ...И еще один из его приемов... Сейчас услышите, Катя. Тексты в лентах Тарковского имеют большое значение. Здесь истории, притчи, существующие только на

словесном уровне. Вот одна из них, которую рассказывает Горчаков девочке Анджеле,— о спасенном человеке, тонувшем в луже.

И Екатерина слышит: «...вот они лежат у края этой глубокой лужи. Тяжело дышат, устали. Наконец спасенный спрашивает: «Ты что?».— «Как — что? Я тебя спас».— «Дурак, я там живу!»...

А Нина Силовна настолько «вошла в сюжет», что никого вокруг не видела. ...«Я свеча, я сгорел на пиру, соберите мой воск поутру»... Она то внутренне сжималась комком нервов, то расслаблялась и в полном отчаянии думала: «Сейчас я тоже в этой жиже грязи с поэтом, помогаю прикрыть от ветра затухающую свечу. Андрей Горчаков в покаянии несет ее не по воде — по грязи. И я рядом, грешная-прегрешная. Где-то далеко слышен собачий вой. Те всегда воют перед чьей-то смертью или своей. Поэт вконец обессилел, но по-прежнему заслоняет ладонями святой огонь... Вот уже свеча вдавлена им в край бассейна. Затухла свеча, свеча его жизни. Миг падения — конец хождению по мукам. Горчаков приехал в Италию на время, а здесь умирает, не возвращается в Россию. На самом деле не хотел, или такой роковой приговор вынесла ему судьба?!»

Россиянки очнулись на последнем кадре. Посмотрев друг на друга, увидели: обе с мокрыми ресницами...

Стремительно улетали ввысь заключительные титры, а мысли и чувства сибирячек с трудом, болезненно всплывали из глубин «Ностальгии», навсегда прощаясь с героями...

— Тонино прав. Никаких итальянских красот в фильме нет. Зато так много России, русского! — решительно утверждала Прокопьева.

— Bravo, Тарковский, bravo! — взволнованно вскричал искрометный Гуэрра, смотря то в зал, то на россиянок.— А я что говорил — талант! Знаете, Нина, наши киношники утверждают: «Если фильм имеет успех — это бизнес, если нет — это искусство». По-моему, Андрей завладел и тем, и другим.

Тонино почему-то крепко пожал руку до предела взволнованной Прокопьевой.

— Bravo, Россия, bravo! — кричал он теперь уже во весь голос. Потом, словно придя в себя, полез во внутренний карман пиджака.— Да, чуть не забыл. Лора убила бы меня непременно. Вот фотографии Андрея. Я говорил с ним. Он обязательно даст вам автограф,— достав два красивых конверта, подал их гостям.

Раскрасневшийся и торжественный, Борисов объявлял «виновников» творческой победы.

— Фильм «Ностальгия» снят в Италии в 1983 году выдающимся советским режиссером Андреем Тарковским. По его же сценарию в соавторстве с известным в Европе и во всем мире сценаристом Тонино Гуэррой. Исполнители главных ролей — талантливые актеры: Олег Янковский — СССР, Эрланд Йозефсон — Швеция, Доминиана Джордано — Италия... В фильме звучала музыка композиторов: Дебюсси, Верди, Вагнера, Бетховена. Прошу съемочную группу в полном составе подняться на сцену.

...И зал взорвался овациями! На фоне бушевавших страстей слышались восторженные возгласы на многих европейских языках.

— Уважаемые дамы и господа! — громкий и уже спокойный голос Петра Алексеевича быстро успокоил публику.— Сейчас нам предстоит перейти к обсуждению. Для выступлений записалось сто три человека.

Зрители единодушно ахнули.

— У меня есть предложение предоставить им слово, ограничив регламентом... в одну минуту. Нет возражений? В знак согласия последовали одобрительные аплодисменты.

— Тогда начнем. Слово предоставляется секретарю крайкома из далекого сибирского края Нине Силовне Прокопьевой. Прошу к микрофону.

«Ну, погоди, Борисов! Я же не записывалась!» — Она мгновенно поднялась. Идя на сцену, сосредоточенно искала точные первые слова.

— Дамы и господа! Как и многие из вас, я пребываю в глубоком волнении от просмотра «Ностальгии». Невозможно словами передать пережитые минуты с необыкновенно талантливой и, на мой взгляд, гениальной кинолентой о большом человечестве, об утраченных ценностях, об эгоизме цивилизации и русской ностальгии — состоянии души каждого из нас, находящегося вдали от родины. Нет! Я не была зрителем, сидящим в кресле. Я с первых кадров, по зову режиссера, вошла в фильм и прожила в нем все 127 минут. На одном дыхании с героями. Спасибо Андрею Тарковскому! Он за непродолжительное время сумел открыть во мне великую актрису, которая впервые в истории мирового кино сыграла одновременно все главные роли: поэта Горчакова, святого Доменико, необыкновенно красивую златовласку Эуджелию... И другие тоже. Даже уличного пса и многоликую природу...

Публика на мгновение замерла, затаилась, но быстро поняла так оригинально высказанный заглавный смысл всей «Ностальгии». И вот уже кинозал взорвался шквалом аплодисментов.

— Хочу преклонить колени перед создателями шедевра мирового кинематографа!

Нина Силовна повернулась лицом к президиуму и низко поклонилась съемочной группе Тарковского. Слово по мановению волшебной палочки, искушенная публика поднялась и долго аплодировала, поддерживая ее выступление и поклон «Ностальгии».

Часы неумолимо оповестили начало нового дня, когда подошла очередь россиян взять автограф у главного триумфатора. Подняв глаза на Прокопьеву, Тарковский поцеловал ей руку и с благодарностью сказал:

— Прослушал немало речей на разных языках мира. Но чтобы вот так ...за минуту сорвать аплодисменты и поднять в свою поддержку избалованного зрителя — такое случилось впервые. Спасибо вам, Нина Силовна. Вы тоже в своем деле — талант!

— Вас обижают наши чиновники? — вдруг неожиданно, приглушив голос, задала ему вопрос секретарь крайкома.

— Да нет. Больше свои киношники до крови кусают.

И написал ей на обороте фото: «Ваши «одновременно сыгранные главные роли «Ностальгии» буду помнить вечно. С глубочайшим уважением, А. Тарковский. Италия, 1984 г.».

Затем внимательно стал разглядывать Селезеву.

— Если верно запомнил со слов Тонино, вы — Катя.

— Да, Андрей Арсеньевич.

Тарковский быстро-быстро написал: «Вам бы, Катя, сниматься и сниматься в глубоко русских фильмах. Да вы и есть, как вижу, сама Россия — прекрасная, задумчиво дремлющая, Богом забытая... Всегда ваш Андрей Тарковский, Рим, 1984 г.».

Едва разыскав Гуэрру с Элеонорой, сибирячки тепло и благодарно распрощались с ними. Сильвио отвез возбужденных, счастливых русских синьор в отель.

Через неделю фестиваль завершился. Члены оргкомитета и Борисов уехали во Францию с такой же, как в Риме, миссией пропаганды современного советского кино, а Прокопьева с Селезевой продолжили турне.

После римской жары и пережитой вместе с Тарковским эйфории Милан встретил их прохладным, освежающим до озноба ливнем. Несмотря на ненастную погоду,

женщины не стали ждать милости у природы. Завершив формальности в отеле, раскрыли над собой зонты и отправились в пешую прогулку по городу — законодателью моды и финансовому центру Италии.

— Не устали ножки? На таких-то каблуках. Я давно забыла о них. А тоже долго модничала.

— Привыкла. Кажется, родилась в туфельках на шпильке. Давайте-ка, Нина Силовна, съездим на площадь Пьяцца-Дуомо. Посмотрим Музей современного искусства, а там неподалеку и Театр Ла Скала.

— Эти-то познания откуда?!

— В Риме купила проспекты. Правда, продавались только на итальянском. Не беда. Вечером переведу вам. А завтра побываем в Национальном музее науки и техники, где выставлены научные проекты Леонардо да Винчи.

— Отлично. Много читала о нем, гениальном и таинственно-загадочном Леонардо. Немыслимо, какой-то полубог! Все на свете знал, умел, предвидел.

...Возвратились в отель, когда от вечернего яркого небосклона нельзя было оторвать глаз, заказали ужин на открытой, увитой лианами террасе.

— Надо хоть раз в день насладиться пищей. За последнюю неделю совсем есть отвыкли.

Нина Силовна продолжала расспрашивать Селезневу об Антоне Ермакове.

— Муж-то старше namного?

— На семь лет. Окончил институт, на распределении попросился в Ессейскую шахту, а я продолжала учиться.

— Не страшно было за него, как говорите, «умного и красивого»? Могли бы навсегда потерять. Случается в жизни и такое. Никуда не денешься. Не раз бывала на вашем «Эквиваленте». Почти все шахтоуправление состоит из одиноких, не устроенных в личном плане женщин.

— Да однолюб он! Чистый лебедь. По два-три раза в месяц ко мне в общежитие прилетал. А в остальные выходные дни помогал отцу по хозяйству. Его единственной родственницы, бабушки Поли, как и мамы Зои, в живых уже не было. Мой отец — на нас двоих да Ксения, тетя. Вот и вся родня. В первый год работы шахта сыграла нам с Антоном комсомольскую свадьбу. Отец тоже любит и ценит его. Есть за что.

Стрелки часов приближались к полуночи, но уходить с террасы не хотелось. Небо заворачивало, притягивало, не отпускало. Неожиданно их беседу прервал звонок.

— Дорогая Нина! Завтра в Милане Владимир Максимов... Знакомы?

— Знакома.

— Так вот он и его команда готовят неприятное для нас с вами событие. Можно сказать, сенсацию. Вы не можете громко говорить?

— Да, я не одна.

— Тогда слушайте.

— Нет-нет! Я сейчас уйду в номер, чуть позже перезвоню.

— Кто это? — видя серьезное лицо Нины Силовны, встревожилась Селезнева.

— Не волнуйтесь. Звонят коллеги по нашей миланской программе. Вы пока посидите, помечтайте, а я полистаю кое-какие бумаги. Не скучайте. Скоро вернусь.

Сама же она быстро спустилась к себе и набрала Гуэрру.

— Теперь можно говорить откровенно. О чем вы? Как тревожно мне! Неужели... Андрей Арсеньевич... Нет-нет... Быть не может! Любит Россию, отца заверил...

Помолчав, Тонино подтвердил ее худшие опасения.

— Максимов тоже пытался отговорить, убеждал Андрея. Но тот слушать не захотел. Тогда Владимир сам начал подготовку пресс-конференции. Обязательно сходите, чтобы обо всем... из первых уст...

— А вам кто сказал?

— Меня предупредили анонимной запиской на просмотре «Ностальгии». Тогда вы так спешно распрощались. Да и я сомневался. Надеялся. Не стал понапрасну расстраивать. Сам до сих пор не могу освободиться от внутренней дрожи. Люблю Андрея. Себя казню... Не смог предостеречь от этого шага. У нас, Нина, говорят: эмиграция — репетиция смерти. Ошибки позволительны в молодости, да и то в личной жизни. Но когда цена вопроса — родина, то стрелка весов должна склоняться всегда в ее пользу.

— Вы говорили с ним?!

— Не раз. По телефону. Встретаться со мной не отважился. Я искал, настаивал увидиться, но он, ссылаясь на занятость, какие-то непредвиденные деловые встречи... в общем, на всякие отговорки, и продолжал обещать. Так и не пришел... А вскоре улетел в Швецию. Думаю, именно в фестивальные дни между нами встали какие-то сильные, заинтересованные советчики. А как же! Заманчивая Ахиллесова пята в фокусе внимания мировой общественности. Можно убить сразу двух зайцев. Вот вам и политика, и бизнес... Хотя Лариса, жена Андрея, тоже давно склоняла его к этой мысли.

— Ваше присутствие здесь было бы очень кстати.

— Не успеваю, Нина. Срочная работа с Феллини. Говорю без игры, честно. Вы с Катей симпатичны мне. Я не мог отмолчаться.

— Кто сейчас с ним? Ваши предположения, уважаемый Тонино?

— Не предполагаю. Знаю. И вам они хорошо известны. И всему миру тоже... Сами завтра увидите. По-видимому, мой авторитет подавлен ими или другими, более значимыми сейчас для Андрея людьми. Я даже по телефону чувствовал чье-то мощное давление на него. Не мог он сам так вот... вдруг...

— Тонино, спасибо за доброе отношение к нам с Екатериной Алексеевной. За доверие. Непременно пойдем на пресс-конференцию. Я вам завтра вечером перезвоню.

— Крепитесь, Нина. Мы с Лорой тоже в трауре. Она ревет. Ничего... Переживем. Жизнь продолжается.

Секретарь крайкома никак не могла прийти в себя. Сразу заныло под левым подреберьем, запульсировал, заболел затылок. Но уже собралась подняться на террасу, когда Селезнева, о чем-то беззаботно напевая, вошла в номер.

— Не помешаю?

— Что вы, мой ангел!..

— Тогда, пока вы заняты, приму душ. А потом, если захотите, посидим еще с часок под звездами.

— Завтра нас приглашают на очередное мероприятие. Пресс-конференцию. О программе точно никто не знает, однако, зреет какая-то сенсация... Там будет и наш Андрей Арсеньевич.

— Миленькая, Нина Силовна, прошу, пойдете! Обязательно! — не услышав ответа и видя ее глубокую, растерянную задумчивость, тихо закрылась в ванной.

Стараясь справиться с волнением, усиливающейся сердечной болью, Прокопьева выпила сразу несколько лекарств. Присев на краешек кровати, сжимая до онемения пальцы и нервно покусывая губы, напряженно думала: «Сказать Селезневой правду или повременить? Авось обойдется. Андрей ли образумится, отец ли вовремя пригрозит, остановит. А может, сестра Марина на шатком пути стеной встанет».

Прошло полчаса, но облегчение не последовало. Ей пришлось повторить дозу сердечных. «Не хватало тут свалиться... Фу, наконец-то... кажется, отпускает, стало легче дышать. Может, действительно, уехать в город, отвлечься. Здесь оставаться нет никаких сил, а как пережить завтрашний день?..».

Посвежевшая после купания, восторженная и улыбающаяся, Екатерина Алексеевна присела рядом с Ниной Силовной и повторила свой вопрос:

— Так мы идем завтра на пресс-конференцию с Тарковским?

— Непременно! В кои-то лета теперь увидимся с ним...

— Ура! — воскликнула, радуясь еще одной встрече с кумиром, Селезнева.

— Хочу сказать... нет-нет... Итак, настал час знакомства с ночным Миланом. Что под крышей-то сидеть? Возьмем-ка на десерт обзорную экскурсию. Нафотографируемся в звездопадах, — пыталась справиться с собой Прокопьева, но мысли опять возвращали ее к предстоящей Голгофе Тарковского.

«Что взвалил на себя? Зачем? Где ты, Андрей, настоящий?! В письме ли к отцу, в заключительных ли твоих словах на просмотре: «Как говорят на Западе, русские — плохие эмигранты»... Или ты и есть — завтрашний?! Тогда хочется истошным голосом упреждающе прокричать тебе из Милана в Швецию или куда-то еще, где сейчас пребываешь, чтоб донесся мой вопль чуть перефразированными словами сынишки Доменико, тобою же написанными: «Андрей! Не смей! Это же край света! Пропасть!».

Нина Силовна вдруг побледнела, присела в кресло, сунув под язык нитроглицерин.

— Что с вами?! Дать воды? — испуганно спрашивала Селезнева.

— Пройдет. Такое со мной случается. Чего испугалась-то? Вот... можно опять свободно вздохнуть. А то заклинило... Через пяток минут, мой ангел, трубите «В поход!».

Но боль упорно билась в седые виски серебряными молоточками, и где-то далеко-далеко слышался успокаивающий басок Тонино: «Ничего... Переживем. Жизнь продолжается».

Екатерина Алексеевна стояла перед ней на коленях, нежно глядя ее слегка подергивающиеся, влажные руки. Вскоре лицо Прокопьевой порозовело.

— Сожалею, ночным Миланом придется насладиться завтра. Вы не расстроились?

— Нисколько. Лишь бы вам полегчало. А может, врача?

— Справимся. Чуть передохну — пройдет. Только разговаривайте со мной, пожалуйста. Мне нельзя в таком состоянии засыпать, хотя веки предательски слипаются. Видимо, от слабости.

— Не беспокойтесь, я буду рядом. Присмотрю.

Темная южная ночь заботливо укутывала город, но дворики ближайшего квартала были хорошо освещены и многолюдны. Несмотря на поздний час, бегали с мячиками неугомонные ребятишки, а их родители, сидя в беседках, чинно переговаривались. Екатерине Алексеевне вовсе не хотелось спать. Поставив плетеное кресло так, чтобы видеть лицо Нины Силовны, она с интересом наблюдала за миланцами.

«Кто они, и как живет им? О чем мечтают? Что тревожит их сердца? Счастливы ли, любимы?»

Видя грустные глаза Прокопьевой, поделилась с ней своими пожеланиями:

— Вот бы наши миланские коллеги догадались показать нам, как живут семьи в рабочих кварталах, где учатся дети, в какие игры и какими игрушками играют...

— Думаю, это осуществимо. Попросим их. Вам не скучно там?

— Нет. Так и сидела бы до утра, глядя на это чужое, висящее прямо над головой небо. У нас оно другое: безбрежное, высокое, настоящее. А здесь — словно отгороженное от холодного космоса ярким шатром мерцающих, часто падающих звезд. Удивительный мир вселенной! Жаль, в астрономии я — полный ноль. В школе не было учителя, в аттестате — прочерк. Надо самой как-то взяться за учебники. Здесь, наверное, каждый школьник — звездный профессор. Вон их сколько! Созвездий-то. И все рядом.

— Мне, Екатерина Алексеевна, стало значительно лучше.

— Правда?

— Да. Теперь спать, спать! Надо набраться сил, чтобы выглядет на все сто! А

завтрашней ночью вынесем кресла на балкон и не пропустим ни одного звездопада. Может, посчастливится увидеть, кто сбрасывает их, небожителей, на грешную землю людям и судьбам под ноги?.. Укладывайтесь, мой добрый ангел, и вы. Нас ждет непростой день.

Селезнева зашторила окна и пожелала коллеге доброй ночи.

Запоздав с заказом такси, россиянки приехали в Палаццо Себелионе за минуту до начала пресс-конференции. За столом сидел Тарковский. Сильно похудевший, тревожный, бледный. Рядом — Ростропович, Любимов, Максимов, Ирина Альберти...

Андрей Арсеньевич заметно нервничал. Потом встал ...

— ...Я принял решение о невозвращении в СССР...

И начал рассказывать о своих неоднократных попытках достичь приемлемого соглашения с советскими кинодеятелями. Но с ним обошлись бесцеремонно, письма оставались без ответа. Холодное молчание — такова была реакция на его письмо высшему партийному руководству страны с просьбой разрешить выезд в Италию тринадцатилетнему сыну Андрею и восьмидесятидвухлетней теще.

— Из этого я понял, что меня ненавидят. Если бы хоть раз ответили мне по-человечески, я бы не покинул родину. Для меня это трагедия... Это самый отвратительный момент в моей жизни... Они оттолкнули меня...

Екатерина Алексеевна резко дернулась и застыла в оцепенении. Прокопьева осторожно придержала ее за локоть:

— Успокойтесь. Я всю ночь не спала. Даже плакала, навсегда с ним прощаясь. За дни кинофестиваля прикипела, привязалась... Хотя и раньше относилась к его работам с пониманием, сопереживанием. Считала чуть ли не единственным режиссером, по-настоящему преданным, влюбленным в Россию. А после «Ностальгии» вообще влюбилась. И вот такой... поступок... «Не мальчика, но мужа».

— ??! — синие глаза Селезневой мигом наполнились неожиданной, уже неотвратимой бедой. Ее грудь содрогалась в немых рыданиях. Лицо заливали горестные слезы отчаяния.

— Случилось непоправимое...

— Простите,— наклонившись, тихо прошептала Прокопьева.— Не решилась вечером сказать. Еще надеялась на чудо... Андрей достоин другого к себе отношения. Думаю, на невозвращение его толкнула бесконечная череда унижительных обстоятельств: не сложившиеся отношения с Госкино и, как следствие, отсутствие работы, творческие кризисы. Не последнюю роль сыграли высокомерность, духовная немота наших партийных чинуш, многолетняя разлука с любимым сыном. Тарковский ранним, впечатлителен. Не сомневаюсь, всем этим сполна воспользовались умелые, настырные советчики-кликуши... Тут таких хватает.

Тарковский договорил краткую речь, и к нему ринулась толпа фоторепортеров. Как оказалось, в зале их было подавляющее большинство. Из Европы и Америки. «Кем-то хорошо подготовленное пропагандистское действо»,— заключила секретарь крайкома. На вопрос одного из репортеров, в какую страну Тарковский направится для жительства, тот ответил, что не знает.

— Для нас самое главное — принять это решение. Все остальное уже не имеет никакого значения... Больше никаких вопросов, интервью! И говорить о моей России плохо тоже не буду...

Быстро сойдя с подиума, он направился к выходу. Его взгляд натолкнулся на плачущую девушку. На ходу что-то припоминая, остановился у кресел сибирячек.

— Ах, да... Катя... и Нина Силовна... Чистые, прекрасные люди... Не плачьте, милые...

Теперь и Прокопьева утирала лицо большим платком.

— Пожалуйста, не плачьте... Что вы со мной делаете?! Коль так распорядилась судьба... Прощайте!

Екатерина Алексеевна после пресс-конференции отказалась от еды и увеселений. Обе, тяжело переживая случившееся, посетили несколько семей в рабочих кварталах, которые тоже произвели на них не лучшее впечатление.

Видя их осунувшиеся, погрузневшие лица, миланские коллеги тактично ни о чем не расспрашивали, хотя повсюду разносчики экстренных выпусков газет только и выкрикивали: «Тарковский! Синьор Тарковский!».

От других мероприятий россиянки вежливо уклонились.

Днем позже они улетали в Москву. В салоне царила атмосфера веселого возбуждения. Русские люди шутили, смеялись. Они возвращались домой. На родину. Только две женщины выпадали из всеобщего радостного бодрствования.

— Очень горько и обидно, что человечество расколото на два мира, два непримиримых лагеря...— грустно констатировала Прокопьева и теснее прижалась к своему «доброму ангелу».

Та сидела, о чем-то глубоко задумавшись. Казалось, ее мысли были далеко-далеко. С ним. Рядом...

— Жалеее Тарковского? Считаете изгнанником?

— Нет, не жалею,— тихо ответила ей Селезнева.— Он сделал свой выбор. И надо это уважать. У него есть родина, которая будет всегда с ним. Ее он сбережет в своем сердце. Но рожденный гением под звездным небом, он приобрел сразу весь мир. Его дом там, где сам того пожелает. Гении должны принадлежать всему миру...

Она обернулась к иллюминатору и застыла, глядя в синюю бесконечность неба. Катя прощалась с Андреем Арсеньевичем Тарковским. Прощалась с гением.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член союза журналистов Москвы. Пишет прозу. С 2007 года публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова

ЕВСТОЛИЯ

— Знаешь, почему я не стал патологоанатомом? — спросил меня мой старый одноклассник Роберт Трушечкин.

Мы сидели на открытой площадке Макдональдса в Тушино и лениво жевали гамбургеры после принятого по баночке ginandtonic.

Прошло почти тридцать лет после окончания мединститута. Мы стали солидными докторами. Был теплый сентябрьский вечер, и все располагало к воспоминаниям.

— Да, помню, ты хотел стать патологоанатомом. Чего мало кто из нас тогда хотел. Все больше в хирурги намеревались. Молодо-зелено. Так что же?

— Помнишь, старик, после четвертого курса мы поехали на производственную практику. Наша группа распределилась в Озеры. Ты с нами не поехал из-за Татьяны. Ты поехал с ее группой. Куда вы поехали?

— В Касимов, — ответил я.

— Вот-вот. А мы — в Озеры. Городок ничего. Вроде Иванова — города невест. Текстильная мануфактура, одним словом. Местные врачи предупредили, чтобы мы, ребята, с тамошними девицами — ни-ни. А то побьют.

Нас, мужиков, поселили в поликлинике. По утрам мимо комнаты, где мы жили, несли анализы в лабораторию. Коридор к восьми утра забивала очередь, стоял гудеж и выспаться после дежурства было невозможно. Девчонок поселили в женской консультации, через два квартала от нас. Они говорили, что тоже — «не сахар».

Развлечений особых не было. Не то, что сейчас: дискотеки, клубы всякие — кино только. Как раз в то время на экраны вышла американская картина «Война и мир». Наташу играла Одри Хепберн.

— Да, помню. В Касимове этот фильм тоже тогда шел.

— Мишка Усатов, помнишь его, хирургом в Рязани сейчас, сказал тогда, мол, какой смысл жениться, если такой, как Хепберн, больше не может быть.

Девчонки обиделись на него.

Самым приятным развлечением в Озерах была Ока. Рядом, недалеко, в общем. Купание мировое. Если дежурство было не тяжелым, сразу после шли купаться. Предварительно подкрепившись. Кормили, как и вас, наверное, прямо в больнице, из больничной кухни. Так себе, но сытно. Гарнира можно было есть от пуза.

Но практика в Озерах, доложу, была отменная. Не чета теперешней. Сейчас они, говорят, практику проходят в клинических больницах города, у себя на кафедрах. Ведь им ничего не достается. А мы, ну ты сам знаешь, все делали сами.

— Ну не все, положим,— возразил я лениво, жуя гамбургер и пальцами подбирая из бумажного пакетика картофель фри.

— Почему? Я роды принимал. Вел прием за участкового терапевта, бегал по вызовам. Ассистировал на операциях. Первым ассистентом! Ведущим хирургом был там сам главный врач. Хороший мужик со смешной фамилией — не то Маломуж, не Маложен. Оперировал классно. И не жадничал. Много давал делать нам.

— Так почему ты не стал патологоанатомом? — спросил я.

— С операции все и началось. На моем дежурстве поступила девушка с аппендицитом. Лет семнадцать. Имя у нее было необычное. Ты когда-нибудь слышал такое имя — Евстолия? Она была Евстолия. Приехала, кажется, из Вологды учиться не то на ткачиху, не то на мотальщицу. Я собрал у нее анамнез... Красивая девушка была.

Почему была?

— Слушай, слушай. Настоящая северная русская красавица. Глаза большие, как блюдца, синие. Нос прямой, тонкий. Хоть икону с нее пиши, одним словом. Сам анамнез собираю, а налюбоваться не могу. Боль делала ее лицо еще красивее.

Доложил Маломужу. Говорю — «аппендицит». Он посмотрел, говорит — «правильно, молодец». «Ну,— говорит,— оперируй». А что? Помылся, встал к столу. Знаешь, в молодости все нипочем. Хотя, конечно, трусил. Но уж очень хотелось перед Евстолией выглядеть таким заправским хирургом.

Соперировал. Маложен мне ассистировал, конечно. Я изо всех сил старался, чтобы ей больно не было... Кожа белая, бархатистая. Подкожно-жировой клетчатки чуть-чуть, не больше сантиметра. Ну, прямо, модель, как сейчас бы сказали.

На другой день пришел на обход. Подхожу к ней. Глаза-блюдца сияют синим пламенем. «Спасибо,— говорит,— доктор».

— Влюбился, что ли? — сыронизировал я.

— Не смейся. Тогда, в двадцать два, это легко было. Знаешь, в нашей профессии есть место и романтике. Ты и сам это должен был почувствовать за тридцать лет практики. Ты, педиатр, разве не влюбляешься, пусть мимолетно, пусть чуть-чуть в мамочек своих маленьких пациентов. Эдакая юная мадонна. Особенно когда она кормит грудью дитя. Да и я, кардиолог, грешен, вдохновляюсь, когда приходится осматривать некую даму, прекрасную во всех отношениях. Слух обостряется. Любые сердечные шумы выслушаю.

— Ты был и остался романтиком.

— Нет. Здесь нет ничего предосудительного. Эстетическое чувство, это как врожденный дефект. Как родимое пятно. Если на видном месте, не спрячешь.

Но ты напрасно подтруниваешь надо мной. Она, конечно, мне нравилась. Евстолия... Имя-то какое. Создание неведомого нам мира. Мира Вологды и текстильной мануфактуры. О дальнейшем целомудренно умолчу. Перехожу к предмету воспоминаний.

Так вот. Недели через три после той достопамятной операции в Озерах случилась страшная гроза. Какое-то светопреставление. Гроза была днем, в воскресенье, как сейчас помню. На реке молнией убило троих молодых людей из Озер. Полагалось вскрытие. А больничка небольшая, на полтораста коек. По штату прозектор не положен. Врачи там сами вскрывали своих умерших больных. А тут сразу три трупа и — воскресенье. Случай судебно-медицинский. Кому вскрывать? Дежурил я. Работы особо не было. По известной тебе причине — хотел быть патологоанатомом — попросили меня... Да...

Обстановка была неприятная. Из окна морга мне было видно, как на улице, за больничным забором, собралась толпа, что-то выкрикивали, мне не слышно, но видно, что лица злые. Было не по себе. Но отступить некуда.

Вскрыл одного. Другого. Оба — парни лет по двадцать. Никаких следов насильственной смерти. Только признаки поражения электрическим разрядом.

Принесли третий труп. Подхожу к столу. Смотрю. Евстолия... Как живая. До сих пор очухаться не могу.

Мой однокашник пошарил рукой, не глядя, по столу, нашел банку из-под ginandtonic. Последовала долгая пауза.

— Ну, в общем, я отказался ее вскрывать. Был скандал. Говорят, Маломужу вклепили выговор. Он до самого нашего отъезда со мной не разговаривал.

Мы молча встали. Взяли еще по баночке заморского напитка в ближайшем ларьке. Других напитков не было. Молча сели за столик.

— Ну, не мог я ее вскрывать! Понимаешь?

Я все понял.

СОСЕДИ

— Посмотрите, в огороде у соседней какая-то бабенка вместе с Петровной собирает черную смородину!

Дачные участки в шесть соток друг от друга отделяет обычно загородка из сетки-рабицы. Выйдя в огород на своем участке, добрые соседи видятся каждый день, и разговоры через сетку — о рассаде, поливке, удобрениях, порой и о московских слухах — обычное явление.

— В самом деле, чужая, не наша.

— Валентин бабу себе завел.

— Пора. Сколько прошло, как его Ольга умерла? Лет десять будет.

Такой разговор случился за утренним кофе на веранде, за стеклами которой хорошо в то солнечное утро был виден участок соседней. За столом сидели хозяин дачи, мужчина лет семидесяти, Михаил, его жена Настасья и зять с их дочерью Аней.

— Симпатичная такая, ладненькая,— сказала Аня.

— Пожалуй, симпатичней будет, чем покойная Ольга.

— Много ты понимаешь в женщинах,— сказала Настасья Ивановна мужу.— Ольга была мать хорошая. И одевалась скромнее, чем эта женщина. Вырядилась на дачу. Уже не девочка, а в коротеньких штанишках...

— Шортах,— поправил зять

— ...вышла по кустам лазить.

Дачам было уже лет двадцать. За это время дети-подростки стали мужьями и женами. Кто-то из соседней, с которыми начинали осваивать полученные от производства дачные шесть соток, умер. А кто и продал свои дачи. Появились совсем незнакомые владельцы, имена-отчества которых не знали.

Старожилы знали друг про друга почти все.

Ольга, жена Валентина, умерла от тяжелой болезни почек. Весной, когда настало время приехать хлопотать по огороду и саду, Ольга с детьми, двумя девочками — пяти и одиннадцати лет, на участке не появилась.

— Умерла Ольга,— ответила Зинаида Петровна на вопрос соседей.

— Как умерла? — удивились Михаил и Настасья Ивановна.— Вроде не болела. Выглядела хорошо.

— Плохо ей стало. Вызвали «скорую», было уже поздно. Потом врачи сказали, что почки отказали.

Так муж Ольги Валентин стал вдовцом.

«Как он поведет себя — женится, откажет Зинаиде Петровне от дачи»,— гадали Михаил с Настасьей Ивановной.

Может, и сама Зинаида Петровна так думала. Но шли годы, и все оставалось по-прежнему. Теща Валентина, как и прежде, была хозяйкой по дому и по саду-огороду. Девочки росли. Отец их каждые выходные приезжал на дачу, привозил продукты. Парился в «баньке». Отдыхал с семьей.

Были ли у Валентина женщины после смерти жены, сказать трудно. В отпуск он брал младшую дочь с собой на юг, к морю. Женщин на дачу не привозил.

Валентин занимался частным извозом, и по совместительству был тренером в какой-то спортивной школе. Фигура у него была как у спортсмена. Широкоплечий, крупную голову стриг наголо. Держал спортивную форму — утро начинал с пробежки к лесу и обратно, что было километров пять. Купался в нашей небольшой речке, рядом с дачами до самого сентября, когда мы уже съезжали в город.

Для мужчины он был очень многословен. О его приезде на дачу соседи узнавали по его громким монологам, в которых он рассказывал, что случилось в городе за прошедшую неделю — как гаишники «сшибают деньгу». Подробно обсуждал с тещей огородные дела. Всегда затевал шашлык. В каждый приезд он разжигал мангал, и, если приезжал с друзьями, то его громкие монологи были слышны до поздней ночи.

Вел он себя спокойно. Только однажды разбушевался, повздорил с тещей.

— Не встал, наверное, вот и злится,— сердито объяснила соседям Зинаида Петровна. Из чего они заключили, что женщины у зятя все-таки были.

Дочери подросли. Младшая поступила в техникум. Старшая, названная Ольгой в честь матери, вышла замуж и родила сына.

Теперь летом весь день было слышно маленького. И заботливые восклицания бабушки Зинаиды и мамы Ольги. В выходные приезжал дед Валентин и отец мальчика Максим, крупный молчаливый парень.

И вот в одни из выходных появилась женщина на соседнем участке. Моложавая, стройная, модно одетая — в шортиках, маячке. Голос ее, слышный с соседнего участка, был мягок и привлекателен. За сбором ягод они с Зинаидой Петровной постоянно о чем-то говорили.

— Вот вам и Валентин,— сказал Михаил.— «Недалекий, не интересный». А вон себе какую кралю отхватил. Молодец.

— Его послушать, скукота. Прimitивный мужик,— сказал зять.

— Может, она тоже одинокая. Или разведенка,— предположила Настасья Ивановна.— Сейчас женщине трудной найти хорошего мужчину. А чем Валентин плох. Видно, зарабатывает хорошо. Зинаиду Петровну уважает. Детей на ноги поставил.

— Ох, женщины,— вздохнул глава семьи.— Вам не угодишь.

Их Аня не первым браком была за теперешним мужем. Выскочила замуж рано, да быстро развелась. Потом долго не выходила. Все искала. А когда привела Игоря, тот не сразу понравился тестю и теще. Разведен, оставил двух детей. Потом к нему привыкли, но чтобы полюбили, сказать было трудно. Детей так и не родили.

После завтрака разошлись по своим делам.

К обеду собрались за столом на веранде. Женщина, вызвавшая утром интерес у соседей, сидела в шезлонге, в руках у нее была книга.

— Я, было, поздравила Зинаиду Петровну с невесткой. Оказалось, женщина эта — сватья, мать Максима, Ольгина мужа. Хорошая женщина, понравилась Зинаиде Петровне.

— А вы — «баб-е-е-нка»! Валентин — хороший мужик. «Интересный, не интересный», а своих не бросает,— сказал Михаил.

Молодые промолчали.

Николай Макаров
(г. Тула)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОЗАХ

*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

*Три козы — одна корова.
(Народная мудрость).
Коза — корова для бедных.
(Другая народная мудрость).*

Пятнадцать лет назад я с женой переехал жить в деревню. На свежий воздух, на свежую клубнику, на свежее молоко. На все свежее. На все свое.

С воздухом проблем не было. С клубникой, через пару-тройку лет, тоже проблем не стало. С молоком вышла закавыка.

Покупать у местных? Кто держит молокодающих животных: коров, кобылиц, коз, верблюдов, наконец? Или завести свою живность? Корову? Кобылу? Козу?

Покупать молоко хорошо. Не надо ухаживать за животными. Не надо вставать рано, чтобы их доить и выгонять на пастбище. Не надо готовить животным корма на зиму. Не надо, в конце концов, подыскивать им подходящую пару: быка, жеребца, козла.

Покупать молоко хорошо. Если есть на что покупать. И если у продавцов есть хорошее молоко. Не разбавленное. Не инфицированное. Без примесей навоза.

Значит?

Да, ничего не значит: еще до переезда в деревню было решено, что мы заведем свое хозяйство. Переедем. Присмотримся. И решим, кого заводить. Из молокодающих. Корову? Кобылицу? Козу?

Слониху, верблюдицу, ослиху отмели сразу по причине отсутствия в ближайших и отдаленных окрестностях наличия для них соответствующей пары: слона, верблюда, осла.

Итак.

Приехали. Пригляделись. Прикинули.

Корова?

Молока много. Вдвоем не съесть. Плюс дети, плюс внуки. Все равно не съесть. К тому же — молоко для маленьких внуков очень аллергичное, вызывает диатез. Много кормов надо. Ухода много. Сама, в конце концов, корова — большое животное. Ни в машину легковую, ни на балконе в многоэтажке не поместится. И куда навоз девать?

Кобыла?

Молока меньше. Но остальные проблемы, как и с коровой.

Коза?

Да, коза! Две козы!

Мы и купили... Вначале купили книгу по выращиванию и разведению коз. Зимой купили, до переезда в деревню. Прочитали, проштудировали, нет, не конспектировали. И все сделали по «букварю».

Только потом мы купили у дальних соседей двух месячных козочек. Двух близняшек. Нет, не близняшек — двойняшек: одна козочка была с рогами, другая козочка была без рогов. Одна — в папу, другая — в маму. Разные гены, в общем. Хотя Гена у них был один (Гена — так звали папу-козла — редкое мужское имя). У обеих сестер-козочек имя было одно на двоих. И, главное, тоже очень редкое, женское, имя — Катя (Катерина, Катрин, Катюша, Катька, Кэт и далее везде).

Вначале кормили их из бутылки с соской жидкой манной кашей. Козочки, наши Катерины, росли, бегали за нами повсюду, как собачки. Пробовали есть — и ели! — травинки, сухие веточки. Встав на задние ноги, бились лбами, как заправские турнирные бойцы. Топтали грядки, носясь кругами по огороду. Запрыгивали со всего разгона на колени. Терроризировали нашего кота Мурзика, стараясь ухватить его за уши или за хвост своими мягкими детскими губами. Стороной обходили дворнягу Тузика, инстинктивно чувствуя в нем хищника, хотя пес добродушно с житейской мудростью смотрел на проказы малышни и своим поведением не давал ни малейшего намека усомниться в своем дружелюбии.

Росли козочки. Сделали им вольер на лугу, недалеко от дома. Косили им траву. Подвешивали веники из веточек различных деревьев. В старую кастрюлю положили соль-лизунец. Приучили пить воду из ведра, отучив в одночасье от соски.

К зиме, шести месяцев от рода, наши Катерины превратились в больших умных, очень и очень хитрых, невероятно чистоплотных, все понимающих животных. Отзывались на свое имя, стремглав подбегая за сухарем ржаного хлеба или другим каким лакомством. Ели все: яблоки, кабачки, тыкву, баклажаны, репу, редьку, морковь, свеклу, капусту. Ели огурцы и помидоры: свежие и соленые (не маринованные!). Ели сливы, абрикосы, вишню, но... но косточки выплевывали. Ели арбузы и арбузные корки, дыни и дынные корки, виноград и семечки. Ели бананы и ананасы. Ели лук и чеснок. Ели хрен и ревень. Ели подсолнечные шляпки и кукурузные початки. Ели апельсины и мандарины, кожуру от цитрусовых не ели. Ели не только ботву от всех культурных растений, но с удовольствием поедали все сорняки с огорода после прополки, вплоть до крапивы и чистотела. Что поразительно, свежесорванную хвою от елей и сосен с аппетитом хрумкали. Картошку? И картошку, и кожуру от нее давали козам только вареную. Постоянно норовили, чуть ослабишь внимание, чуть отвлекусь, слямзить что-нибудь из сада-огорода. Безрогая Катька вообще ходила на задних ногах без поддержки и опоры, подпрыгивая за высокорастущими ягодами рябины и калины, яблоками и грушами. Рогатая Катька, при случае, становилась передними ногами на спину своей сестре, чуть та зазеваается, и тоже норовила полакомиться высокими ягодами и плодами.

С питьем также проблем не было: пили подсолненную воду (особенно любили, согретую на солнце, родниковую), пили отвары после картошки, сваренной без мундира, пили отвары от красной свеклы, от риса и макарон. Но, как бы ни мучила жажда коз, они никогда не пили из луж и подозрительных водоемов.

И вдруг, с интервалом в три дня, они стали орать не человеческим, вернее — не козьим голосом. Орала и крутила хвостами, как пропеллером. Орала, прерываясь только польстившись на вкуснятину. Орала, требуя самца. Требуя козла. Орала два дня с раннего-раннего утра до позднего-позднего вечера, останавливаясь лишь на непродолжительный тревожный сон.

Можно, конечно, можно и в таком возрасте, выражаясь языком собачников, произвести вязку коз. Можно, но мы решили отложить (и «букварь» так советует) это мероприятие до следующего года.

На зиму козам накопили травы — две копенки душистого сухого сена; нарезали и засушили всевозможных веников — из березы, липы, ивы, орешника; в три десятка больших мешков набили опавших сухих осенних листьев клена, березы, рябины, липы, яблони и груши; после обрезания плодовых деревьев отдельно сложили сучья и ветки; в бане сушили принесенные из леса дикие яблоки и груши и, не пошедшие в переработку, плоды из сада; нарвали пять больших картонных коробок ягод рябины; засушили пару десятков больших пучков крапивы; в погреб сложили, выращенную на огороде, кормовую свеклу и морковь; купили три мешка овса; от расстройства желудка засушили пяток пучков кочетков конского щавеля.

За год козы выросли еще больше, стали еще хитрее, еще умнее, к посторонним относились подозрительно-враждебно. Рогатая Катька норовила всех гостей поддеть на рога (даже жена ее побаивалась, и Катька это чувствовала), Тузик от нее прятался в конуру, со своей сестрой, чуть за ними не доглядишь, устраивала корриду. Бились сестры, поднявшись на задние ноги, и с высоты больше человеческого роста обрушивались головами друг на друга. Безрогая Катька ничуть в ярости не уступала своей сестре, на соседских собак нападала первой, и те бежали от нее и подоспевшей сестры, поджав хвосты и жалобно скуля. Но Тузика безрогая Катька не обижала. В октябре, полутора лет от роду, сестры опять, с интервалом друг от друга в три дня, запросили жениха. Отвели их по очереди к соседскому козлу, который мастерски выполнил свои супружеские — получасовые — обязанности. Не бесплатно, конечно.

В марте у наших сестер родились (вернее сказать: козы окотились) дети. Рогатая Катя принесла двух: козочку и козлика. Безрогая Катя — тоже двух, но двух козляков. Обе козы окотились ровно через пять месяцев день в день (хотя бывает временной разброс в обе стороны в пару-тройку дней). У рогатой Кати мы прозевали скот — вышли рано утром, а у нее в стойле один козленок приспособляется к соску, а второго она продолжает облизывать. У безрогой Кати мы сами принимали козлят. Вернее, присутствовали при окоте, впервые наблюдая таинство появления новорожденных на Божий свет.

После старательного вылизывания, козлята норовили завладеть сосками матери, но мы быстро забрали их домой (чтобы козы сразу привыкли к доению, а не к сосанию их козлятами). Козлят посадили в старый детский сетчатый вольер и стали кормить молозивом (молозиво у коз выделяется в первые 7—10 дней после окота) из бутылки с соской. К вечеру козлята уже пытались выпрыгнуть из вольера, что на второй день проделывали беспрепятственно. Через неделю козлят перенесли в отдельный теплый хлев. Целый месяц мы кормили их молоком, с каждым днем чуть увеличивая их порцию. Со второго месяца молоко стали уменьшать и добавлять жидкую манную кашу.

Практически, после окончания кормления козлят молозивом, молоко стало оставаться и нам. Кати давали каждая по два-три литра отличного молока. Без запаха, кстати. По большому счету неприятный запах от козьего молока бывает в двух случаях: а) когда козы в одном помещении содержатся с козлом; б) когда козы (да, и коровы, и кобылицы тоже) содержатся в антисанитарных, отвратительных условиях.

С весны, когда пошли зеленые, сочные корма, козы стали давать (и это — в первый год!) до пяти — пяти с половиной литров в день. В разгар травостоя удой от каждой козы иногда превышал и шесть литров.

Куда девали молоко?

Во-первых, нет, сами мы молоко не пили — делали из молока простоквашу, делали кефир, делали творог (сыворотку после творога хорошо утоляла жажду в летний зной и хороша была вместо кваса в окрошке), делали сыр. Кстати: наш Мурзик стал лакать козье молоко — к магазинному он даже близко не подходил, изредка отведывал коровье молоко у соседей.

Во-вторых, дети и внуки не знали перебоя в свежем (иногда, парном) молоке; двухлетняя внучка через неделю напрочь забыла о диатезе. Кроме того, наши маленькие внуки и внучки души не чаяли в козлятах, постоянно играя с ними.

В-третьих, мы стали продавать соседям и дачникам излишки молока, чем в первый же год окупили все затраты: и покупку козлят (маленьких сестер Катек два года назад), и покупку овса, и покупку манки, и покупку сосок, и расчет с хозяином козла, и оплату ветеринара и... и остались еще деньжата-то.

Да, в четвертых-то, нашу месячную козочку Маняшу у нас купили: еще прибавка к пенсии.

В-пятых? В пятых, осенью у нас была полная морозилка забита молодым великолепным мясом (для чего в месячном возрасте мы кастрировали наших трех козликов). Из шкур старший сын сделал великолепные покрывала на сидения в машину.

И в-шестых имеется: козий навоз (раньше мы покупали у соседей, кто держал коров) — великолепное удобрение для нашего сада и огорода.

...На следующий год весь цикл содержания коз повторился. Правда, с незначительными изменениями:

— каждая Катя принесла по четыре козленка — поэтому излишки молока появились чуть позже;

— в летнее время удои доходили до семи литров от каждой козы;

— за молоком, творогом и сыром очередь соседей и дачников установилась за месяц (!!!) до окота;

— в очередную зиму мы оставили четыре козы (две Кати и две молодые ярки Мани), в перспективе (на следующий год) запланирована покупка элитного козла;

— урожай с огорода (который мы увеличили) и сада стал намного больше.

И главное: мы с женой перестали болеть (вернее, не болеть — мы и так болели мало), стали здоровее, более жизнеутверждающими, показывая нашим бывшим городским соседям всю прелесть здорового деревенского житья-бытья рядом с природой, рядом с Козами.

И последнее — вернее, крайнее: коза — не только корова для бедных.

Честь имею!

ПОСТСКРИПТУМ:

Пасу трех коз на лугу. Подходим к одиноко стоящей рябине. На задние ноги поднимается годовалая коза Маня и щиплет вкусные недавно распустившиеся листочки. Пытается проделать подобное и трехгодичная, через месяц ждущая козлят, коза, тоже Маня. Кое-как, вспомнив, наверняка, прошлогоднее лето, получается и у нее. Третьей к рябине подходит их мать, своенравная, с крутым характером коза Катя, семи лет от роду, также через месяц с небольшим ожидающая козлят. И если у беременной Мани максимум (по животу видно) будет два козленка, то Катин живот (как и во все предыдущие годы) явно показывает на приплод из четверых маленьких бляющих существ. Она пытается оторвать передние ноги от земли, поднимает голову и на этом ее безрезультатная попытка полакомиться вкуснятиной плачевно заканчивается.

— Ты-то куда,— комментирую ее телодвижения, с ехидцей спрашиваю у нее,— старая кляча лезешь?

Как она фыркнет, как рыкнет, как взбрыкнет задними ногами, как посмотрит на меня с укоризной.

— Ладно, не сердись, — срываю ей веточку рябины.

Мир восстановлен.

Сергей Редков
(г. Тула)

КОНЦЕРТ

Редков Сергей Александрович родился в Туле в 1978 году. В 2005 окончил Московский государственный университет культуры и искусств (МГУКИ). Литературным творчеством увлекся в 2009 году. С 2010 года — участник музейно-литературного объединения «Муза». Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), в альманахах «Иван-озеро», «Порог-АК» (Украина), «Литературная Тула», «День Тульской поэзии». В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников («Желание думать» — 2011, «Будни ироничного человека» — 2011, «Отзвуки слов» — 2012, «Клуб путешественников» — 2013, «Родное солнце» — 2014).

Оркестр, в котором я работаю, выступает сегодня в Центре социальной защиты пожилых людей. Если говорить менее официальным языком, — в доме престарелых.

Автобус с артистами, инструментами и костюмами осторожно, дабы не поломать недавно покрашенные лавочки и не раздавить ухоженные клумбы, въезжает в маленький дворик небольшого двухэтажного здания, построенного пленными немцами еще в середине прошлого века. Благодаря социальным программам и вмешательству общественных организаций, здание постоянно ремонтируется и выглядит вполне прилично. Тем не менее, у каждого, кто входит в его двери, возникает какое-то странное, тревожное чувство — осязаемое ощущение старости и одиночества, о которых люди стараются не думать в своей повседневной жизни: так спокойнее. А для тех, к кому старость и одиночество все же пришли, этот вечно ремонтируемый дом, является последним убежищем от жестокой реальности наших дней.

Для того, чтобы хоть как-то развеять гнетущую атмосферу этих стен, администрация центра постоянно приглашает артистов, поэтов и музыкантов. Наше ремесло призвано творить иллюзию радости и счастья в людских беспокойных душах. И мы готовы выполнить свой долг!

Репертуар концерта подобран грамотно и профессионально — кто-то услышит любимые мелодии своей юности, кто-то споет с оркестром почти забытые, но такие родные песни, а кто-то вспомнит молодость и пустится в пляс под озорные наигрыши балалайки и переливы баянов. Но это будет чуть позже. А сейчас музыкантам нужно подготовиться: переодеться, причесаться, расчехлить и настроить инструменты.

Мы входим в приемную, и в нос ударяет цепкий запах хлорки и вчерашнего ужина. Навстречу важно выступает сотрудник службы безопасности — ветхий старичок с добрыми глазами, но суровым выражением лица и грозно сдвинутыми к переносице бровями.

Видимо, ему часто приходится скучать на посту, так как посетителей практиче-

ски нет. Но сейчас у бабушки в камуфляжном костюме есть отличная возможность обратить на себя внимание, которого ему так не хватает в жизни, снова почувствовать свою «значимость». Он подходит к нам, и, пытаясь изобразить строгость, спрашивает нас о цели визита. Мы показываем ему инструменты, ноты, костюмы и благополучно минуем грозного стража. А затем переходим ту границу, которая отделяет нашу суетливую повседневность от особенного, хрупкого и капризного мира пожилых людей.

Мы внутри. Нас ведут на второй этаж мимо комнаты отдыха, где в углу, рядом с телевизором и огромным шахматным столом с фигурами-великанами, стоят просторные клетки с хомьями, морскими свинками и домашними кроликами. Клетки вычищены, а зверушки ухожены и сыты, потому что у многих обитателей центра еще жива потребность к заботе и состраданию, хотя бы к этим маленьким пушистым созданиям. Когда человек заботится о ком-то, он часто забывает о том, что сам нуждается в заботе.

Свернув из длинного узкого коридора, пытающегося удивить редкого гостя репродукциями известных картин, мы входим в одну из спален, где нам разрешено переодеться в концертные костюмы и привести себя в порядок. Здесь довольно тесно: шесть или семь кроватей — не успеваю рассмотреть точно, — вплотную сдвинуты друг к другу. Но жильцы не жалуются — лучше потесниться, чем быть бездомным.

Зато, какая роскошная картина открывается из окна! Вдаль, сбрасывая с себя уродливые коробки серых домов, навстречу весне убегают зеленеющие поля. Бескрайнее небо парит над чистыми крыльями белоснежных облаков. Душа наполняется знакомой, но до конца не осознанной радостью. И я понимаю, что действительно счастлив, потому что молод и могу хоть сейчас окунуться с головой в эти пьянящие просторы, убежать отсюда туда, где можно спрятаться от тех невеселых мыслей, которые рождаются только здесь. Интересно, когда смотришь на этот красивый пейзаж ежедневно в течение многих лет подряд, кажется ли он таким же прекрасным? Не хотел бы этого узнать...

Но пора спуститься вниз, к публике. В маленькой узкой столовой с белыми стенами из керамической плитки для нас сооружена импровизированная сцена. Стулья расставлены, инструменты настроены, слушатели — на своих местах. Все готово к выступлению. Дирижер делает взмах палочкой, и долгожданный концерт начинается. Здесь я вынужден прервать свой рассказ, так как именно в этом месте должен сделать три удара по большому барабану...

В одной из пьес в моих нотах стоит знак паузы, и я имею возможность лучше рассмотреть сидящих перед оркестром людей. Артист и зрители меняются местами: старики смотрят на меня, но видят лишь свои воспоминания, слышат лишь музыку своей молодости. Я же внимательно заглядываю каждому в лицо и вижу причудливое сплетение судеб. Кто эти люди? Чем они жили? Кого любили? Как попали сюда? Для них сегодняшний концерт — большое событие. Все нарядно одеты, причесаны, глаза светятся радостью и даже счастьем. Кто-то с удовольствием подпевает, а кто-то собирается в пары и танцует. И если для них сегодняшний концерт — праздник, то для нас — всего лишь обычная работа: мы просто нажимаем кнопки и дергаем струны в определенно заученном порядке. Неужели в этом и заключается то, едва уловимое чудо, которое рождает в сердцах пожилых людей такой отклик?

А кто-то из музыкантов во время сего таинства успевает еще мельком прочитать пару строк из газеты или поговорить. Вот и сейчас, литаврист, у которого тоже появилась пауза, наклоняется ко мне и шепчет:

— Видишь того типа в серых брюках и клетчатой рубашке? Да-да, этот седой, у него еще глаз дергается. Знаешь, как он сюда попал? А-а-а... Все брат, жадность...

Этот человек — бывший руководитель детского хореографического коллектива. Много лет подряд он гастролировал с ним за границей, а перед каждой поездкой собирал деньги с родителей на визы, страховки, бензин и подарки, хотя все расходы оплачивал город из своего бюджета. Так и жил обманом, пока не свершилась его давняя заветная мечта — он приобрел очень дорогой и престижный автомобиль. Но радоваться пришлось недолго — спустя месяц он попал в аварию, в которой погибла вся его семья. Его спасло лишь чудо. Но восстановиться от потрясения бедолага не смог: сначала потерял интерес к жизни, затем работу, а там и — дом родной. Так он оказался здесь. А вон тот...

Пауза у литавриста заканчивается, и он продолжает вдохновенно лупить в свои медные котлы палочками с пушистыми круглыми головками. Трам-бара-бам! Трам-бам-бам!!

А мне и не надо рассказывать о том человеке — я его знаю. Это друг моего деда; в детстве я часто бывал у него дома и слушал интересные истории из его насыщенной событиями жизни. Он всегда выглядел как человек, знающий себе цену, и эта черта сохранилась в нем и по сей день. На груди гордо красуется орденская колонка, а строгая осанка выдает в нем бывшего военного. Безупречная опрятность в одежде, взвешенность суждений и вежливость всегда являлись одним из его лучших качеств. О таких людях говорят: «Человек, достойный уважения». Но мало кто догадывается, что в детстве он был двоечником и хулиганом. Пока есть несколько тактов до моего вступления, поделюсь с вами одной историей.

Будучи школьником, чтобы избежать наказания за неуспеваемость, он научился мастерски исправлять плохие оценки и подделывать подписи школьных учителей. Гораздо позже ему пришлось еще раз применить свой «преступный» навык: он подделал почерк своего друга, и тем самым обманул женщину. Но не спешите осуждать его — своим обманом он спас ей жизнь.

Шла война. Во время боя друг получил тяжелое ранение и перед смертью попросил товарища рассказать о случившемся его невесте, медсестре из соседнего полка. Но девушка тоже была ранена, и врачи, опасаясь за ее жизнь, запретили юноше говорить ей о смерти возлюбленного.

— Ваш жених жив и здоров, — услышала она, — бьет врага и мечтает о свадьбе.

И в подтверждение своих слов юноша вручил девушке письмо со словами любви и пожеланиями скорейшего выздоровления. Подделать почерк друга не составляло особого труда, и девушка получала теплые и нежные послания до тех пор, пока раны не зажили. Я уверен, эти письма сильно помогли ей, поддержав в самые тяжелые минуты.

Да, мужчина обманул, но ни разу не пожалел об этом. После войны медсестра стала врачом и, уже, в свою очередь, спасла жизнь многим людям. Сейчас она живет в точно таком же заведении для стариков, только в другом городе. Она серьезно больна и, как опытный врач, знает, что жить осталось совсем не долго. Этой мужественной женщине, прошедшей войну и тяжелый, но полный смысла жизненный путь, не страшно умирать, потому что под подушкой у нее есть письма с подделанным почерком, которые каждый вечер признаются ей в любви близким голосом из прошлого...

Я сказал, что умирать ей не страшно, потому что очень хочу в это верить. Хотя, к чему иллюзии?

Время пролетело незаметно, и концерт подошел к концу. Хочется скорее покинуть душное помещение и сказать этому дому: «До свидания». А еще лучше: «Прощай!». Но так не бывает. Осень приходит к каждому, и неизвестно, где опадут твои листья. Кто знает, может, и меня уже ждет одинокая кровать в каморке на втором этаже.

Тогда пусть еще подождет. Складываю инструменты, переодеваюсь, и бегом на улицу. Туда, где небо, солнце, жизнь...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-наДону)

САМОХОД, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ САМОВОЛЬНОЙ ОТЛУЧКИ

Наш постоянный автор.

Федор Михайлович Ошевнев — прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар профессора В. И. Гусева, 1990-й). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России.

Автор пяти прозаических (сборники повестей и рассказов) и двух публицистических книг (все изданы в Ростове-на-Дону).

Публиковался в следующих периодических изданиях.

За рубежом: русскоязычные журналы «Edita» (Германия), «Процесс» (Чехия), «Лексикон» (США).

В центральных изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Смена», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и К⁰», «Мы».

В периферийных изданиях: «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород), «Приокские зори» (Тула), «Южнороссийский адвокат» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Веси» (Екатеринбург), «Литературный меридиан» (Приморский край), а также во многих интернет-ресурсах.

Причислен к направлению «жесточкого реализма».

Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Живет в Ростове-на-Дону, ныне полностью сосредоточен на литературной деятельности.

Самовольное оставление части или места службы на короткий срок (для проходящих военную службу по призыву — менее двух суток) на языке юриспруденции именуется самовольной отлучкой. В Вооруженных Силах РФ этот термин является единственным официальным, зато в армейском обиходе бытует немало его жаргонных синонимов — самоволка, самосвал, самоход, сочи (аббревиатура с двойным дном: как в «курортной столице» России, так и в самоволке отдыхают лишь временно), опасные гастроли, по тонкому льду, ставка больше, чем жизнь, это сладкое слово «свобода»... Список далеко не полный. Боец же, незаконно покинувший подразделение, именуется «сочинец» или «сочень».

Суровее всего за самовольную отлучку наказывали в третьем рейхе: нередко

приравняли ее к дезертирству и карали смертной казнью. В Российской Армии эти понятия разграничены, и давно. Причем самоход до двух суток хотя и считается грубым дисциплинарным проступком, влечет за собой лишь дисциплинарное взыскание, а не уголовную ответственность.

Конечно, в реальности случаи случаются всякие, неодинаково их и оценивают... Кто именно?

Начальник патруля, лейтенант

Дюбнутый он какой-то, вчерашний самоходчик. Или натурально под дурака работал — с такого, мол, и спрос меньше. И все же реально неясно: чего он в парке все на клумбу тарачился? Будто впервые в жизни розы увидел... Ну, был бы еще, к примеру, с девушкой... Да куда такому лилипугу! Полтора метра с кепкой. Заверни в цветную бумагу, ленточкой блестящей перевяжи — подарок одинокой женщине ко дню Восьмого марта. Еще не всякая и примет: на маломерков-то слабый пол чаще скупно клюет.

Нет, дальновидно я сделал, что не повел бегуна в его часть, хоть она и под боком у городского сада, а напрямиком в комендатуру отволок. А ну за все дежурство никого бы больше не задержал, так комендант непременно прицепился бы: «А-а-а! От службы лыгаешь? Пронести целый наряд и не пресечь ни одного грубого нарушения? Халтурщик!»

Известно, как иные старшие офицеры в патруле нарушения добывают. Скажем, начальник кафедры иныза училища только в патруль заступит, сразу же — шасьт на рынок! Усмотрит орлиным оком лейтенанта — сейчас курсант-патрульный его к полковнику подзывает. А уж тот пытается: «Почему и что здесь делаете в рабочее время?» Два капитана навстречу друг другу прошли и воинскую честь не отдали: «Кто дал право игнорировать устав?» Майор с женой идет, хозяйственную сумку в руках тащит: «А на каком это основании вы нарушаете форму одежды?» И всех живо на карандаш...

К тому же прямо у входных ворот рынка — пивная-пельменная. Не проходите мимо: за день столько офицеров и прапорщиков «за употреблением спиртных напитков», пусть и не в рабочее время, но в форме попадет. Почет и уважение герою-полковнику!

Не-е, с моими погонами нарушения на рынке коллекционировать ранг не вышел. Так что спасибо сочинцу за непустой наряд. А нарушил воинскую дисциплину — отвечай по всей строгости. На то она и армия...

Командир отделения, ефрейтор

Вот же накошмарил, урод! А трендюлей от взводного и мне душевно отжучилось. Конечно, замку еще хлеще прописали — ну, на то он и сержант, изволь погоны свои унтерские туго отрабатывать. Но мне-то на фига сдались эти говенные лычки-сопли? Через них и кликуха: лычконосец. Получка — как и у рядового, смех сквозь слезы, зато спрос за любой вопрос. Да еще какая-то сволочь изобрела: ефрейтор в авиации — что хрен в канализации!

Главный напряг же, что и я, и ребята с «отдела» — одного призыва. Рули, комод, да бди... как бы семеро — или больше — подчиненных козлов тебя — ну никак не волка — на три буквы не послали. Не жизнь — малина: хлопот полон рот, а закусить нечем.

А почему прошаренный сочень за забор лыжи навострил — элементарно. Граж-

данского воздуха глотнуть захотелось. Э-э, да разве объяснишь это тупорылому начальству, которое каждый вечер дома кайфует! Только, с другой стороны, если тебе увольнение и обломали, это еще не резон, чтоб вот так, внаглую, среди дня, и через забор: ведь не скопытился же у тебя никто.

Мне, может, не закованной в уставы житухи тоже умереть и не встать, как хочется. Однако, если каждый начнет по собственному желанию через забор сигать, какая ж это будет армия?

Заместитель командира взвода, сержант

Тоже мне, джентльмен удачи долбаный, твою мать! Закон «не уверен — не обгоняй», он и для самоходов справедлив. Рановаты они тебе по сроку службы. Вот станешь сержантом — тогда и выходи в сочи прямо через КПП: там же свой брат-сержант службу правит. Я в наряд заступлю — его, в свой черед, прикрою. Да не быть тебе замком, слюнтяй, карлик пупочный, каракатица, чтоб тебе всю жизнь на срочке за пайку кирзухи прокантоваться!

Ладно, за педерастическое облаивание от ротного я на тебе сполна отыграюсь. Как только в подразделении обозначишься, так сразу фанеру* к осмотру предъявишь, потом человеком-амфибией в противогазе поплаваешь, на прокачке** сдохнешь, а на закусь — в долину белого жемчуга, на очковую интеллигентную работу. Чтoб в поте лица, зубной щеточкой и с песочком унитаза облагородил. Вот в сортире сочень и поразмыслил о необходимости соблюдения воинской дисциплины. И о роли сержантов в армии.

Командир взвода, старший лейтенант

Ох и перец, ох и подкинул подарочек! А на вид — тихий-смирный-незаметный. Да-а... Все они хороши, пока спят зубами к стенке, а на деле, куда мурло без паспорта ни целуй, у него везде сплошная чугунная задница.

Вот тебе и выехал в кои-то веки, в выходной, с семьей на природу. Зато в понедельник с утра — заполучи, старлей, на всю глубину! Ротный так орал — чуть слюной не подавился. И «где ты потерялся», и «почему посыльный три раза впустую бегал», и «ты хотя бы в курсе, что в твоём взводе «чепе»? Нет? А после упоротого косяка за получкой к финику явиться совести хватит? Лентяй всемирного масштаба! Короед на теле армии!»

Ну, тут, конечно, майор через край хватил. Обидно. На взводе и со взводом едва не спишь, а стоит только где ма-аленький прокол допустить — затыкай уши от воплей своры шишкатуры, а то и тащи служебную карточку, где командирское перо моментом впиндюрит очередную «благодарность».

А-а... Работа с людьми — это с л ю д ь м и работа: успевай только, поворачивайся. Тем паче, если сержант у тебя мамонтыра и это чуть ли не единственное его достоинство. Поневоле до печенок прочувствуешь мудрость поговорки: «Лучше тридцатью сейфами командовать, чем одним рядовым». Точно, сейф — он в самоволку не убежит. Не то что это мелкое и бесцветное туловище. Правильно командир его на «губу» законопатил, а выйдет — я самолично оставшуюся дурь из сочинца своими методами повыбью. В конце концов, это вам не школа, где нерадивых на второй год

---

* По команде «Фанеру к осмотру!» дух выпячивает грудь и докладывает: «Фанера трехслойная, бронейная, 93-го года выпуска (год рождения) к осмотру готова!» Дед наносит сильный удар в грудь, а салага, отдышавшись, докладывает: «Дым рассеялся, откат нормальный, гильза упала в ящик!»

** Прокачка — бессмысленное занятие спортом до физического изнеможения.

оставляют. И вообще: сердобольные мамы пусть дома сидят, а здесь по полной программе свой священный долг Родине отдай — не грехи! Это вам не английский колледж для джентльменов, а армия!

Замполит роты, капитан

Вот и заработали уже мы в этом месяце грубое нарушение воинской дисциплины. С кого спрос? Конечно, с командира взвода — в первую очередь, это его подчиненный. Уж потом с меня и ротного. Нет, зря он солдата так оперативно на гауптвахту оформил. Мальчишка он, школьник даже по виду, и служит-то всего ничего. Недоучили мы его, а вернее — не научили почти ничему.

А учить следует, но только не как в иной школе на начальной военной подготовке. Там, бывает, что военрук сам хорошо знает, то без меры и навязывает: кто радиосхемы во всю доску, кто на строевой подготовке зациклен, а кто учебный автомат АКМ до посинения разбирать-собирать заставляет. Нет чтобы хоть раз в класс пару берц и портянки принести да на деле показать, как эти портянки правильно следует наматывать. Результат на ногах проявляется, когда вчерашние школьники становятся сегодняшними новобранцами: многие быстро натирают на пальцах и пятках кровавые мозоли.

Задуматься, так разве всякая семья сына к армии правильно готовит? Чаше папа с мамой службой пугают, как тюрьмой. Мол, там узнаешь, почему фунт лиха! Там тебя человеком сделают. Как будто до призыва глупое животное растили.

Про тех родителей, которые свое чадо за наличные или по праву власти имущих от срочной службы отмазали, и вовсе говорить не хочу. Ругают вот застойные брежневские времена, а тогда уклонистов единицы были, ныне же пачками от повестки хиляют...

Ну, это разговор отдельный, а возвращаясь к нашим баранам, приходится признать, что детально про службу в армии допризывники больше с улицы узнают. Так же, как и про всякие подробности на половую тему, и столь же извращенно. И почему-то про нынешнюю армию — а не времен Великой Отечественной — порой в школе говорить стесняются. Куда там, чтобы встречу с солдатом, пришедшим в отпуск, в его альма-матер организовать. Малопрактикуемо, хотя вчерашнего приятеля — сегодняшнего воина старшеклассники наверняка слушали бы, не поглядывая лениво в окно и на часы.

Н-да-а... Проглядел-таки я самоходчика... В чем, где, как? Родители у него имеются: отец и мачеха. Последняя, конечно, не родная мать, но все же какая-никакая, а полная семья. Письма от них боец регулярно получает, жалоб или просьб от него никогда не поступало. Еще и рост маленький тоже как-то располагает к жалости, к сочувствию. Ведь природой уже, считай, обделен.

Ага, досочувствовался. Главного в человеке не увидел. Червоточки. Ну, ничего, после выхода сочинца с гауптвахты займусь им вплотную. Только на принудметоды не скатиться — такой солдат запросто сломаться может, морально и физически, бобром стать.

Самоволка — это бич, а бобры — позор для армии...

Командир роты, майор

Пропал выходной, пропал ни за хрен собачий. Надо же: только всей семьей сели за обед — и даже первое дохлебать не успел! Чертов сочень, вместе с его зажавшимся Ванькой-взводным, который на весь день рассосался, а домашним заместите-

лем — амбарный замок на входной двери. И ведь даже записки, шланг гофрированный, не оставил, где его в случае чего искать, а уж тем более в роту не отзвонился.

Пришлось самому спалившегося лыжника из комендатуры забирать — недovesок оказался и какой-то пришибленный. Ума, конечно, втулил на полную катушку — цацкаться, что ли? И назад, на губу, губошлепа — завтра же, через военный суд, на трое суток! Плевать, что замполиту это не в нюх. Я в роте хозяин! Ничего, оттянет «отпускник за свой счет» мелкий срок — и ему, и другим буратинам наука на перспективу будет. Мы, хоть и часть гуманного отчасти общества, а все-таки армия.

Командир батальона, подполковник

Подумаешь, краткосрочная самовольная отлучка! Удивили ежа выхлопной трубой. Главное — без тяжких последствий. Да и вообще: в масштабе части, в сравнении с недавними «неуставными» с групповым рукоприкладством, с объемной недостаточей на продскладе и близящейся итоговой проверкой — тьфу, смехотворная мелочь. Наплевать и забыть. Нет, понятно, каждой сестре — по серьге, а сочинцу трое суток, аз воздам. И совершенно законно — это армия...

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Трое суток на «губе» на четвертом месяце службы — это совсем не хило. Однако не бог весть какой срок, а вот потом сержант-урод-мордovorот с живого на постоянку не слезет, всякими умираловками задрючит. И Ванька-взводный тоже. Строевой подготовкой — хождением по мукам — загоняет до полусмерти, плюс в долине белого жемчуга вечно шуршать буду. Еще и замполит со своими воспитательными речами не отлипнет: как подумаешь — аж мутит.

Но то еще будет когда-то, а сейчас... Серое здание комендатуры — все равно как тюрьма. Решетки на окнах, кругом караульные с автоматами и все такое прочее. В камере я один, так что времени подумать над случившимся предостаточно. Это не в роте — едва распустят на перерыв, не успеешь на «очко» плотно уместиться, уже орут: «Стройца-а-а!»

Где ты, гражданка, далекая, как Полярная звезда?

Мерзопакостнейшая штука — срочная служба. Ведь только когда надолго оторвут от родных мест и друзей да законопатят в пятнистое хебе, да истребуют клятву бесплатно работать — то бишь, присягу, будто с другой стороны доармейскую жизнь увидишь. Там — свобода, хотя, конечно, тоже за рубли-червонцы вкалывать надо, только это совсем другое. В учебке-то — яслях для взрослых — надо мной большая куча вредоносных начальников, и даже небо над военным городком какое-то вечно пасмурное.

Один луч в этом серо-зеленом царстве уставов: увольнение. Я в нем никогда еще за все три с половиной месяца службы не был — все не везло! — и как в это воскресенье попасть надеялся! А то у нас всяк выходной: что ни праздник, то спортивный, что ни отдых, то активный. Но тут опять душевно серпом по причинному месту шархнули: в городе, мол, началась эпидемия гриппа, значит, все увалы на корню запретить. Какая тут армейская справедливость, когда тебе вместо натурально приятного — обманно полезное, озвученное пастью сволочного замка: «А ну, затупок, мигом метнулся белить бордюры за вещскладом!» Еще и леца для порядка отвесил.

Будет кто после такого кидалова и озадачивания рьяно работать? Да гриб вам отсосинович с двух рук, разлюбезные начальники!

Ну, окунал я нехотя щетку в тазик с известковым раствором, ну, этой самой щет-

кой не спеша по проклятому бордюру водил. Ну, сержант-скотобаза ко мне пару раз подгонять совался, а потом слинял с концами. Курить или с библиотечаршой молодой лясы точить — пират двадцать первого века давно на нее облизывается, только хрен ему по всей морде — и размазать жидко-жидко...

Шпынять меня стало некому. Впрочем, работа кое-как, но шла. И тут за каменным забором раздался девичий смех... потом еще... Любопытство не порок, и как раз на глаза носилки с набитым на них ящиком попались. Наумничал какой-то гад, чтоб груза чуть не тонна влазила, и не зря неизвестный приколист сбоку ящика краской наваял: «КАМАЗ».

Приткнул я «КАМАЗ» к забору, на ящик изловчился-взгромоздился, подтянулся с него потом — и вот она, милая сердцу гражданка, от которой и отделяет только прохладная стена из пиленого ракушечника. И три девчонки под ней стоят, ни об чем трепятся и ржут вовсю. Самая глазастая деваха — жирафина-плоскодонка — усмотрела мою стриженую голову в кепке-пиксельке и ну выпендриваться:

— Эй, красавец — с ударением на последнем слогe,— дай картуз померить!

Вторая бикса, приземистая, с кормой — хрен вдвоем обхватишь — первой, с ядом в голосе, в ответ:

— Ты что? Разве ж деточке можно на улицу без разрешения? А картузец бросить тоже слабо: он государственный, а ты с ним вдруг сбежишь — его и расстреляют!

Как я со зла перевалялся через двухметровый забор — у нас его обзывают границей, не знающей покоя,— даже и не помню. Кожу на мизинце о шершавый камень ободрал и еле на ногах устоял.

— На! — И протянул ядогласой девчонке за малым не свалившуюся с головы, пока приступом преграду брал, пятнистую кепку.

Но гадюка ее не взяла, а тут же накуксилась:

— Вот же дурак! Шуток не понимает... Девочки, пошли отсюда!

И три лошадушки рванули от меня вдоль стены. Только все время молчавшая третья — густо накосметиченная и с хвостатым причесом — на ходу обернулась и, так же молча, крутанула пальцем у виска.

Суки рваные! По штыку бы вам всем пониже спины, по красному знамени в руки — и на строевой плац, маршировать до потери давно потерянной девственности!

Повернулся я носом к забору, потом подпрыгнул — нет, не получается за его верх уцепиться: рост-то у меня не фонтан. Прохожего тоже не попросишь: «Дяденька, посади!» Я хмуро огляделся — хорошо, офицеров и прапорщиков в пределах видимости не наблюдалось — и пошел по улице, надеясь какую-нибудь подставку найти.

Шагал, и все мне вокруг нравилось. Дома, непохожие на поносного цвета склады. Автомобили разноцветные — а у нас кругом зеленые «Уралы» да «ЗИЛы». Даже надписи на стенах и заборах здесь были вовсе не однотипные, как в военном городке — от табуреток до постовой вышки сплошь: «Дембель!» или «ДМБ», а лирические, типа «В+И=ЛЮБОВЬ» либо разоблачительные: «Петька — лох вонючий!», «Серый — наркоша-козелман!»

За тыльной границей части, у фонарного столба с прибитой фанерной табличкой и предупредительной надписью: «За свалку мусора — штраф!» — мозолила глаза огромная куча отбросов с полуразбитым деревянным ящиком наверху: как раз то, что мне и было надо. И тут, всего лишь через дорогу, обозначился вход в городской парк. Ноги сами понесли меня к узорчатым металлическим воротам. Ладно: семь бед — один ответ.

Прогулялся я малость по центральной аллее. Поглазел на девах, в мини-юбках по самые трусики дефилирующих, а иных взглядом подраздел. Имелось на что полюбоваться: тугие попки, сытые запазухи, у некоторых особо породистых ножки от ушей.

В парке было полно аттракционов: колесо обозрения, всякие качели-карусели. Дешевка, но и на нее бакситок — ни копя. Старшина, сундук ненасытный, в этом месяце полполучки на утюги, крем для берц и еще на какую-то хренотень отобрал. Остаток мизерный давно в чайной добросовестно проеден.

Нежданно-негаданно за виражными самолетами обнаружилась огромная клумба. Розы... Любимые цветы моей матери, выросшей в детдоме. Она рассказывала, там целую оранжерею держали: наверное, начальство сильно увлекалось, с помощью воспитанников.

Копаться в земле матери нравилось. Но она еще и собирала открытки, всякие цветные картинки и статьи именно про розы. Уже после замужества сумела раздобыть огромный том: «Комнатное садоводство». Кое-что мне из него, попеременно со сказками, даже зачитывала. А сколько себя помню, у нас под балконом, на газоне, всегда росли сорта четыре или пять так называемых плетистых роз — благодаря маме.

Когда я пошел в школу, она постаралась приохотить и меня к уходу за нежными цветами: хлопот с ними было много. Поливать и подвязывать на опоры плети. Опрыскивать и подкармливать торфом или известью. Регулярно обрезать, отчего они лучше, обильнее цвели. Ранней осенью прищипывать побеги, то есть удалять с них по два-три верхних листа, а часть старых стеблей вырезать. И еще на зиму требовалось окучивать основания, главное же — обязательно снимать плети с опор, укутывая сначала сахарными мешками, и поверх — лутрасилом: это такой специальный материал. Чтобы, наконец, крепко прищипить плотно укрытые кусты к земле. Не сказал бы, что все это мне особенно нравилось, но постепенно, за несколько лет, я привык помогать маме в ее «розовых» трудах.

А однажды, в самом начале седьмого класса, я быстренько сделал уроки и вышел погулять во двор. Вдруг вижу, какой-то мордатый кавалер со своей биксой всерьез нацелились поживиться материной гордостью. Мордатый уже и ножик перочинный достал, и тонким пуловером левую руку обернул, чтобы на шипы роз не напороться. И давай пристраиваться к самому высокому и красивому кусту. Ах ты, гад сволочной!

— Не тронь, не твое! — громко предупредил я.

Мордатый сгорбился, втянул голову в плечи и испуганно оглянулся. Однако, не увидев, кроме меня, никого рядом — бабушки на лавочке в отдалении не в счет, — распрямился, презрительно плюнул и снисходительно пригрозил:

— Быстро sprыснул отсюда, щенок! А то поймаю и одним шалабаном по стенке размажу! Инфузория!

— Сам козел! — не остался я в долгу.

— Чего-о? — уже со злостью протянул мордатый. — Ну, погоди, гниденыш! — И неспешно двинулся в мою сторону.

Я отбежал поближе к лавочкам с бабушками и удачно выглядел два остроугольных увесистых камня. Живо поднял их и заявил:

— Подойдешь ближе — запушу в табло: оно у тебя большое, хрен промажешь. А потом буду орать — мало не покажется! И еще скажу, что ты ко мне приставал, трахнуть хотел!

— Я тебя умоляю: пошли отсюда, — позвала кавалера бикса, почуяв возможные неприятности.

— Счас, вот только эту наглую козявку прихлопну... — скривился мордатый и не очень решительно пошел на сближение.

— А-а-а! — не отступая, взвыл я, чем привлек внимание старушек.

— Вы что это ребенка обижаете? — донеслось с их лавочки.

И тут как-то незаметно подошел сосед дядя Паша с третьего этажа — невысокий, но плотный мужик лет сорока, с продуктовой сумкой в руках. Работал он таксистом.

— Чего орешь, словно клаксон? Пошто кирпичами вооружился? Какие проблемы? — поинтересовался он.

— Дядя Паша! Они наши розы хотят украсть! Вон, этот уже и ножик достал: стебли резать! А меня щенком и наглой козьявкой обозвал и прихлопнуть грозился! — почувствовав поддержку, нажаловался я.

— Слышь, халявщики! А не пойти ли обоим на три буквы? — без лишних въездов предложил сосед. — Пока я с вас штаны не спустил да подходящей хворостинной задницы не исполосовал. Что за угрозы пацану?

— Я те сам вперед нахлещу, — неуверенно возразил мордатый, а бикса опять потянула его за рукав: мол, да пошли же, от греха...

— Малец, а ну-ка поддержи сумку, — велел дядя Паша. Снял пиджак, тоже сунул его мне и молодецки начал подсучивать рукава полосатой рубахи. — Это мы враз проверим, кто кого... Да перо убери, пока я его в ту же задницу не воткнул! — И решительно шагнул вперед. — Ну что, стакнемся раз на раз?

Мордатый со своей дамочкой резво убралась со двора, причем кавалер, уходя, бормотал себе под нос что-то вроде: «Ничего, в другорядь еще встретимся!»

А в этот момент и мама появилась, с работы пришла.

— Правильный хлопчик у тебя растет, — похвалил меня сосед. — Боевой. Цветник твой от вора взрослого отстоял. Хоть и мал, а смел.

Мать счастливо зарделась. Поблагодарила за добрые слова, отвела меня домой, вкусо накормила и дала денег на кино и мороженое.

Только вот когда я вечером историю про мордатого отцу торжествующе рассказал, то у него реакция оказалась совершенно иная.

— На кой кукиш они вообще кому нужны, ваши колючки, — лениво отцедил он с дивана, зевнул и почесался под мышкой. — Толку от них, как от треснувшей бутылки: даже не сдась, зато возни... Ну, это ваши с матерью проблемы...

Потом папаша с наслаждением ковырнул в носу, без стеснения пустил вонючего голубка и заорал, адресуясь на кухню:

— Ну, что там в плане пожрать? А может, для аппетита, и сто грамм добытчику нальешь?

...Не понимаю, как моя мама — красивая, работающая, добрая, общительная — и за такого уroda вышла... Может, ради жилья? Ей-то самой оно после детдома вовсе не светило, а вот у отца от рано умерших родителей «двушка» неплохая осталась...

Вот какие перед клумбой в парке на меня воспоминания нахлынули. А еще я там кое-что и из «Комнатного садоводства» припомнил. Скажем, что среди всяких растений розы — одни из самых наиболее полезных. Кругом используются: при производстве вина, духов, лекарств и даже как добавка в чай... Аромата — наитончайшего, да и по изяществу формы и окраски не имеют себе равных. Им даже в ботанике особый раздел выделен: родология.

На клумбе произрастало несколько сортов из семейства плетистых: это я сразу угадал. Белые и абрикосового цвета, темно-красные и огненно-красные. Любуясь же на самые красивые — лимонно-желтые, бокаловидной формы махровые цветы, крупные, на кустах выше моего роста и с большими темно-зелеными листьями, — я вдруг чудесным образом вспомнил название этого сорта: «Казино».

Эх-х! До того тоскливо на душе стало — хоть воем вой, хоть в петлю. Где оно, давно ушедшее счастливое раннее детство? Мама, мама, мамочка моя, любимая... Увижу ли я тебя еще, после в с е г о, в мире ином? Никто не знает...

А тут еще предстоит назад, в обрыдлую часть, переться. «Горит огнями родной завод — а нам-то что: катись он в рот!»

Проиграл я в этом «казино» свою партию вчистую. Прямо у клумбы военный

патруль меня пригреб: лейтенант и два курсанта. Шакалы! Приволокли в комендатуру, обшмонали. Забрали военный билет, ремень поясной, кепку, даже носовой платок — уж он-то кому помешал, а вдруг меня на нарах чих одолеет? — и шагом марш в неуютную, пахнущую пылью камеру! Через час или два — будильника там нет — явился ротный и меня забрал. Наорал тут же круто и в часть повел.

Большие железные ворота КПП, не знаю почему, резко вызвали во мне чувство отчаяния. Может, потому, как чем-то они были сродни той же двери в камеру? И ни один разговор потом с ненавистными начальниками не произвел впечатления сильнее, чем эти приближающиеся серые постылые ворота, столь подробно известные мне изнутри. Да и разговоры-то все были на единую колодку, как новобранцы, вышедшие из бани и впервые обряженные в форму. Прямоугольно-правильные. Скучно-воспитательные. Безвкусные.

Интересно, а почему это и на гражданке, и в армии с человеком начинают лихо-радошно работать только уже после произошедшего «чепе», но никак не до него?

Чего уж там темнить — к службе я был просто не готов. Теперь-то точно ясно: читай там или какое хваленое кино про армию смотри — все одно: пока сам в этот кипящий котел не попадешь, до конца вкуса всей кухни не распробуешь. В книгах-то и фильмах, если и найдется на втором плане разгильдяйский солдат, к концу чтива или ленты такой однозначно перевоспитывается, а ребята отслужившие и про дедовщину в красках рассказывали, и про другие героически-неуставные дела.

Врали и они. Но куда меньше, чем сериалы. А книжки про сегодняшнюю непобедимую и легендарную — вообще сплошная брехология. Я их, правда, про эту страну чудес и встречал-то негусто. Зато четко помню: нигде не проскользнуло и строки о том, что, например, в армии командир может тебе приказать исполнить все, на что его фантазия сработает,— хоть в голую задницу себя чмокнуть, а ты... Пожалуйста, жалуйся. Но только после строгого и точного исполнения приказа. Главное же — в военной системе по-иному нельзя: ведь если каждый солдат вдруг да вместо исполнения конкретно порученного в приказном порядке дела начнет его теоретически обсасывать, развалится просто армия.

Никому не рассказанная биография рядового-самоходчика

Родился я в маленьком райцентре под Москвой. Там и жил до учебы в ПТУ. Мать работала на мясокомбинате, в коптильном цехе. Приворовывала малость — как все. А отец был слесарь-сборщик в автосервисе. Тоже ловчил-левачил, но покруче. Со временем приучился и полюбил без меры пить. Бывало, бушевал с пьяных глаз, так мы с матерью уходили ночевать к соседке.

Когда я еще учился в седьмом классе, мать легла в больницу — я тогда не уточнял, зачем и почему. Через несколько дней, бледная, вернулась домой. А вечером заявился пьяный в дупель папаша. Пожрал чего-то на кухне — и к матери в комнату юрк, а там начал орать и чего-то требовать, только непонятно было, чего именно. Мать еле слышно плакала, я в своей комнате тоже, а дверь к родителям была закрыта.

Утром «ненаглядный» предок, проспавшись, свалил на работу, а мать позвала меня и попросила сходить за соседкой. Простыня под мамой была вся в крови, и говорила она еле-еле. Я очень испугался, что мать так кровью подплыла, заревел, но к соседке сбегал. Она тут же вызвала «скорую», а мне сунула бутербродов и быстро в школу выпроводила — я еле успел чаю выпить.

В конце занятий ко мне подошла классная руководительница и сказала, что я должен крепиться, потому что моя мама умерла, и повела к себе ночевать. Я не хотел верить, плакал...

Позже узнал, что мать, оказывается, пришла после аборта, а отец взял ее силой, и за ночь потом она потеряла столько крови, что в райбольнице не спасли. Не знаю как, но от тюрьмы отец отвертелся. Пить стал еще хлеще, часто меня бил, и я убегал все к той же соседке. Так шло до лета после восьмого класса.

И вот в июне батянька пришел домой непривычно трезвым и начал втирать мне мозги про новую маму, то бишь мачеху. Я рассудил, что родную мать уже не вернешь, а так отец, может, хоть пить бросит. Словом, не возражал, чтобы мачеха к нам жить перешла. Только вышло еще хуже: явилась в дом мурластая двуспальная тварь с рыжими кудряшками и картошечным носом, и они на пару с предком лакать стали.

Своих детей у этой суки не было, а меня она сразу возненавидела. Люто. Из дома гнала чаще, чем отец. К соседке сердобольной мне неудобно было постоянно проситься ночевать — она меня называла «сиротой при живом отце» и никогда не отказывала в койке и какой-нибудь еде по утрам, но теперь я уже понимал, что одинокой женщине обуза. Старался ночевать по-теплому в шалаше у реки, а зимой в котельной, где через сутки старик один компанейский кочегарил. Вечерами же слонялся по городу, завел новых дружков, повзрослее и поагрессивнее. Хотя они надо мной за мелкий рост постоянно измывались, но от других, не из нашей компании, защищали и как-то незаметно выучили драться, и даже неплохо. Особенно четко я два подлых удара освоил. В общем, я еле-еле окончил девятилетку, можно сказать, из милости классной.

До сих пор не пойму, как при таком раскладе ни разу не залетел на горячем в ментовку. А ведь было за что, и не раз!

Отца к тому времени, по инициативе все той же классной, хотели лишить родительских прав, но опять пожалели — он клялся и божился, что «изменит образ жизни», а сам все жрал и жрал водяру литрами. Автосервис папаньке давно дал пинка, но он сумел пристроиться в бригаду грузчиков на мясокомбинат — помогли материны связи.

Я хотел пойти учиться в ПТУ в нашем городке. Но педерастка-мачеха отвезла мои документы в другое училище — в соседнем райцентре за пятьдесят километров. Так меня совсем почти выгнали из квартиры в пятнадцать лет и материально практически не помогали. А на хрена?

Делать нечего, стал через пень-колоду учиться и жить в общежитии, а вечерами подрабатывал, разнося телеграммы. За всякие поздравительные весточки адресаты меня иной раз оделяли деньгами: бывало, червонцем, а бывало — ну, это сильно изредка — и целой сотней. Пару раз даже за праздничный стол усаживали: у одной бизнес-мадам на юбилей я бутербродами с икрой и балыками чуть не до блевотины обожрался...

Все бы ничего, но четверо старшекурсников повадились ходить по комнатам и отбирать стипендию и родительские или какие другие деньги у тех, кто послабее. Я же был на курсе самым маленьким и понимал, что со всеми сразу никак не сдюжу. Вот если бы один на один... Но они каждый раз вваливались толпой.

Когда эти гады у меня в первый и последний раз стипендию вытрясли, я, в натуре, несколько дней ходил полуголодным, одалживаясь на пирожок. И как назло в те дни за хорошую телеграмму кто бы хоть рублишко сунул — так нет! Хорошо еще, аванс на почте скоро получил.

Деньги я теперь стал прятать вне комнаты. Кодла меня не раз била, потому что не могла выискать в карманах, койке или тумбочке даже мелочи, а жратвы я, в отличие от других, на вечер не запасал. Старался питаться в сравнительно дешевой столовке, она единственная поблизости работала допоздна. Старшекурсники злились, что я постоянно пустой, колотили меня нещадно, даже головой об стенку, и, наконец, забрали хороший теплый свитер, который мне незадолго до смерти связала на вырост мать.

После такого наглого грабежа меня, можно сказать, переклинило: в общаге это была единственная вещь, напрямую связывавшая меня с покойной мамой. И тогда я съездил домой и через одного друга разжился кнопочным ножом-выкидушкой.

Когда кодла старшекурсников в очередной раз завалила к нам в комнату, я молча бросился в атаку, чего никто из них никак не ожидал.

Самого здорового и тупого вырубил первым, четко вметелив ему носком кроссовки в пах, и он тут же скрючился на полу в позе эмбриона, глухо подвывая. Второму я кинжальным ударом прямыми пальцами руки глубоко пробил селезенку, и сволочуга сложился пополам. Помогли когда-то заученные приемчики!

Тут на меня наконец-то кинулся вышедший из ступора вожак, попытался врезать прямым в челюсть. Однако я уже выхватил отточенную выкидушку и разом удачно располосовал врагу рубаху и руку от локтя до кисти. От боли и страха он завизжал, как поросенок. Прижал к груди раскрашенную клешню, обхватив ее здоровой рукой, и все пытался стиснуть рану, из которой просачивались и тяжело падали на пол алые капли.

А четвертый грабитель трусливо слинял, стоило мне только пригрозить ему испачканным в крови ножом.

Под мои угрожающие крики: «На хрен отсюда, пока всех как цыплят не перерезал!» — здоровяк с отбитым пахом уползал из комнаты на карачках. Селезеночник, пошатываясь, выбрел в коридор на своих двоих, охая и обе руки не отнимая от живота. А вот вожаку я дальше учинил форменную правилку. Для начала подножкой свалил его на пол и запер дверь изнутри на ключ: так спокойнее будет. Потом же, зайдя сзади, приподнял врага под мышки и подхватил лезвием под подбородок, с ненавистью предупредив:

— Не вернешь свитер, урод — выловлю в темном уголке и от уха до уха глотку распорю! Врубился, чмо вонючее?

— Д-д-да...— еле выдохнул он.

— Теперь сымай рубаху,— скомандовал я.

— 3-з-зачем?

— Еще один глупый вопрос — и ты труп! — зловеще пообещал я и отвел лезвие ножа от его горла.

Стоя на коленях и морщась от боли, он неловко расстегнул и стянул с себя теплую сорочку. Я тут же надрезал ее снизу и разорвал на две почти равные половины.

— Держи! — швырнул куски ткани в наглую морду.— Одним пол от крови подотрешь, другим руку обмотаешь. Ну, шевелись, лохушник!

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Похоже, за тебя волнуются,— усмехнулся я.— Вякни, что все нормально, что сейчас выйдешь, да погромче! — и для понятливости покрутил выкидушкой перед трясающейся от страха потной мордой.— Не слышу, подлюка!

Вожак судорожно сглотнул и осипше, но в голос прохрипел:

— Все зашибись, парни! Подождите, я скоро...

И усердно принялся размазывать по полу собственную кровь, в то время как из перетянутого длинного пореза она еще продолжала слабо сочиться, выступая поверх рубашечной повязки.

— Достаточно! — через минуту презрительно скомандовал я.— Теперь пшел вон, мразь! И про свитер — помни!!!

Для вящей убедительности опять сунул выкидушку под нос врагу. В глазах его метался и бился животный страх.

Когда вожак наконец с трудом поднялся на ноги, я с омерзением отметил, что он обмочился. Отперев дверь ключом, скомандовал:

— Открывай! Тут лакеев нет!

А сам, выбрав удобную позицию с тылу, дождался, когда гад отворит дверь — в коридоре видны были перепуганные лица его подельников по грабёжам,— и что есть силы вмочил ему сильнейшего пинка в промежность, перебив дыхание. Не дожидаясь, пока он упадет сам, тут же вытолкнул из комнаты. Вожак распластался на полу: с открытым хлеборезником, скорчившись, не в силах вздохнуть. Добил я его фразой:

— В следующий раз ты у меня еще и обгадишься!

И захлопнул дверь.

Трое моих соседей по комнате за все время победного сражения так и не подписались помочь: со страхом, молча, жались по углам. Потом даже еще норовили предьяву кинуть: мол, напрасно ты так, да еще и с ножом... Позднее, значит, нам всем хуже будет, они этого так просто не оставят...

Сопляки! Бабы! Трусы позорные!

Ту ночь я почти не спал, а дремал, полусидя на постели с вытертым от крови ножом в ладони: боялся повторного визита банды. Однако грабители явно перетруснули.

Наутро парень из соседней группы принес мой свитер и сказал, что ему велено передать: меня все равно отловят и пришибут, уроют, все кости переломают. Я ответил: всегда готов, встречусь с радостью.

Отлавливать — кишка тонка — козлы меня пока не стали, зато настучали как-то хитро мастеру про выкидушку. Он меня завел в свой кабинет, приказал вывернуть карманы, нож нашел, отобрал, прочел нудную нотацию и тоже настучал: в ментуру. Так меня поставили в райотделе на учет и попытались вызвать родителей, только хрен они приехали. Но вот я испугался — конечно, не этого дурацкого учета, а как жить дальше в общаге, если и защититься нечем от сучьих рэкетиров. Ведь сволочи меня пару раз перед ней уже пытались подстеречь — хорошо, однокурсники вовремя предупреджали. Точно когда-то отловят и... Да, в стремный наворот влип...

Экспериментировать: «а вдруг, да не попадусь», совсем не хотелось. И я стал ночевать в теплых подвалах, а иногда уезжал домой на электричке, пропуская назавтра первую пару занятий. И ведь всем на мое бедственное положение было плевать с высокой горки! А в квартиру меня мачеха теперь вовсе не пускала, отец же совсем спился.

Очень скоро соседка, к которой я иногда стучался, прикатив в родной городок — от контролеров всю дорогу улепетывал,— заявила, что хотя ей меня и жаль, но тяжко всякий раз подыматься в полшестого утра, выпроваживать меня, а потом еще и идти на работу. Мне и самому приходилось туго, но я молодой, а у соседки сердечко пошаливало.

Что было делать? Обращался я за помощью к своим друзьям, только они заменжевались в незнакомый город на разборку с кодлой ехать: дескать, себе дорожке выйти может. Да и чтоб ночевать у кого-то из них, дружно стали противиться. Телеграммы же я по ситуации разносить теперь не мог, потому постоянно сидел на подсосе. Полный писец. И в этом жизненно-денежном тупике стал даже всерьез подумывать: а не грохнуть ли, в натуре, жоака кодлы? А что? Главное — подходящий момент на улице подгадать, без свидетелей. Для начала звездануть арматуриной сзади по башке, а потом свернуть шею. Только боязно: вдруг менты найдут...

Но — есть все-таки справедливость на белом свете! — как раз тут банду старшекурсников задержали с поличным на месте очередного грабежа и завели уголовное дело. Давно пора было!

Двоих беспредельщиков посадили в колонию, еще двоих осудили условно, но из ПТУ всех выгнали, и жить стало — красота. Между прочим, меня тоже к следователю тягали — он у мастера в кабинете сидел — и выспрашивали, не отбирала ли эта кодла у меня вещи или деньги. Я твердо сказал: нет; мастер кричал, что я вру, однако все равно я никого не заложил.

Училище закончил спокойно, а оба лета между курсами, на каникулах, работал, чтобы на сберкнижку, на зиму, хоть какие-то деньги положить. У меня в группе только у одного была сберкнижка, я ее никому не показывал, прятал, втайне очень ею гордясь.

Окончив ПТУ, приехал домой и сказал отцу, что по закону имею право жить в нашей квартире, а если он вечером мне дверь не откроет, тогда я ее просто вышибу. Папашка кинулся в драку — мачеха его сильно подзуживала. Но я все-таки подрос и опыт мочиловок теперь имел немалый, так что звезданул подвыпившему родителю в челюсть более чем удачно: он упал и с маху ввинтился башкой в ножку стола, наглухо вырубившись.

Мачехе я ткнул на дверь, предупредив, что, если из квартиры не уйдет, ночью придущу: кину подушку на жирное рыло, а сам сверху сяду, минут на пяток. Сволочная баба тут же помчалась капать в милицию. Вскоре явился участковый инспектор, мы серьезно поговорили, и, видно, прекрасно знавший моих дерьмовых родителей капитан принял мою сторону. В тот же вечер мачеха из хаты свалила, ключи у нее я предварительно отобрал.

Вернулась она туда, когда я на следующий день ушел искать работу. Стерва, видать, загодя прислала лишний комплект ключей. Ну и забрала все, что еще оставалось в квартире мало-мальски ценного, — даже посуду и старый, но рабочий утюг. Однако больше всего мне жаль было матеиноного наследства: энциклопедии «Комнатное садоводство». Я ее за всяким хламом на антресоли прятал, однако гадюка и туда доползла.

Я начал орать на отца, требуя показать, где она живет. Но он несколько дней все отнекивался, а потом неожиданно свалил из дома сам — к какой-то другой тетке. Кому понадобился такой порченный фрукт — уму непостижимо. Короче, я остался хозяином в двухкомнатной, хотя и полупустой квартире. Первое, что сделал, — сменил на ее входной двери замки. И славно зажил...

Неполный год проработал грузчиком в гортопе — насилу добился, из-за роста брать не хотели, — начал помаленьку калымить, наладил связи со старыми друзьями...

Вместе с ними я мачеху свою однажды вечером в тихом уголке подстерег; приятели, по моему наущению, до того с папанькой серьезно поговорили и с третьего удара в сивушное табло адрес мурластой твари из алкаша выбили. Курва чуть не обделалась, когда я ей перо к глазу приставил и пообещал обе гляделки лично выковырнуть, если она немедленно «Комнатное садоводство» не представит. Как шелковая, отдала ключ от своей хаты и внятно рассказала, где том краденый искать.

Я сам сходил в загаженную «однушку», которую эта сука сдавала, пока обитала у нас, гребя за то прилично бабок, и забрал материну реликвию, а заодно попавшийся на глаза свой утюг. Потом вернулся к мачехе и за надорванный корешок плюс огромное жирное пятно на верхнем переплете энциклопедии так ввинтил воровке в хлебрезник, что минимум один клык ей точно вышиб. Кровью харкала! Еще и предупредил: коль твякнет в ментуру — найду в любой точке глобуса и растребушу на мелкие кусочки. А предварительно утюжком жирное брюхо до печенок прожгу. И лезвием ножа, для понятливости, по страшнучей роже — глянешь: стошнит! — поводит слегка. Даже не пикнула, рыжая страхолюдина!

Теперь мы с друзьями у меня на квартире стали частенько собираться. Но гулять старались по-тихому, потому как раз тот же капитан-участковый приволокся и пригрозил, что на своей территории притона не потерпит. Заложил же, гад, кто-то из завидующих соседей!

Ко мне и женщин иногда приводили, согласных за выпивку-жратву на постельные дела, так я с одной поближе и познакомился. Она из деревни была, на электро-

ламповом комбинате впиливала, меня постарше и в жизни поопытнее. Несколько месяцев мы с ней прожили, как муж с женой, и это мне здорово понравилось. А что: пришел с работы — ужин на столе, в квартире чисто-блисто и белье для кувыркания в койке постирано-поглажено!

И еще. Оформилась у меня, когда я домой вернулся, мечта: возродить материн розарий, который за время моей учебы в ПТУ приказал долго жить, а весь газон под балконом густо зарос сорняками. Я даже в спецмагазин «Цветы» ходил, каталог сортов роз листал, искал подходящие плетистые. Но, поразмыслив, решил это дело до возвращения со срочной пока отложить.

К концу апреля уже повестка из военкомата не заржавела-подоспела: а пожалтека священный долг перед Родиной исполнять! Хотя не в жилу, а — н а д о! Моя мадам сильно разнюнилась, но поначалу пообещала меня ждать, пока положенный срок отслужу. Только в квартире я ее все-таки не рискнул одну оставить, хотя сожительница чуть не до истерики умоляла и требовала. Уж больно не хотелось ей назад, в общагу, переезжать, хотя койку там на всякий случай она за собой сохранила.

Однако и соседка сердобольная, и таксист дядя Паша мне твердо зазнобу в нашей хате оставлять рассоветовали: мало ли чего всякого за год без меня на кровной территории может произойти. Так ведь жилплощадь наследственную и профукать недолго, тем более, хотя папашка мой в ней по бумагам и продолжает числиться. Примеров криминальных отъемов квадратных метров — море! И пришлось в конце концов сожительнице восвосяи отбыть. С ужасно крутой обидой притом.

Написал я потом своей бывшей, на общагу, из-за каменного забора, и раз, и другой, и третий. Только она мне ни словечка не ответила. Впрочем, понятно, почему. Тогда, неожиданно для себя, я вдруг сочинил такие стихи:

*Я знаю, ты совсем не виновата,
Что перестала письма мне писать.
Зачем тебе нужна любовь солдата,
Когда его еще так долго ждать...*

Но мадам так и не отозвалась, и я понял, что это — финиш...

Писем я ни от кого не получал, только раз от жалостливой соседки, на которую оставил квартиру и «Комнатное садоводство». Она сообщила, что отца посадили за пьяную драку. Спасибо родной милиции! И дяде Паше с сердобольной, что не позволили мою невенчанную без присмотра в хате оставить. Кто знает, чего бы она там одна нахозяйничала, после того как осужденного батяньку выписали!

На почту ходить перестал, разуверившись, что зазноба бывшая хотя бы пустой конверт пришлет. В казарме сослуживцы вечно болтали о доме, о родителях, о всяких тряпках, мотоциклах и авто-иномарках. И как каждый из них, отслужив, сразу откроет крутую фирму и будет грести зелень лопатой и ежедневно трахать разных баб под дорогушие пойло и закусь, а я мысленно посмеивался: какие все-таки они еще дети...

Замполита и взводного я обманул: помогло, что в военкомате какой-то бюрократ, еще когда я только на приписку пришел, додумался в личное дело фамилию и звание мачехи вписать. Долбак тупорылый! Они ж так и не расписались, значит, была просто сожительница, а мне вообще никто. Но это даже лучше оказалось: я начальникам письма, вроде от них, родоков ссученных, специально предъявил. Липовые. Потому как, когда мусор из казармы выносил, додумался на помойке несколько старых конвертов с родительскими посланиями изыскать. Потом с них марки на два чистых конверта переклеил, а печати почтовые туда же перевел через крутое яйцо — нам по

воскресным дням в утреннюю пайку по две штуки включают. Ну и адрес части постарался измененным почерком, похожим на тот, который в письмах, накропать — специально в уголке за караульным городком, вдали от посторонних глаз, потренировался... Прохлаяло!

Финт этот сотворил, чтобы начальники со всякими глупыми вопросами не домысливались, а то живо запишут в разряд неблагонадежных. И тогда пошло-поехало: беседы занудные, в душу с грязными лапами, сверхбдительность проявлять. А так оно куда спокойнее, потихоньку, срочную-то пересидеть. И чтоб больше никогда не слышать об этой на хрен мне упавшей почетной обязанности: службе в российской армии...

Рядовой, совершивший самовольную отлучку

Сегодня мне с губы выходить срок. Интересно, как ко мне ребята со взвода теперь относиться будут? В смысле, после самохода и отсидки.

Героем посчитают? Да черта с два...

Отвернутся, как от чумного? Тоже вряд ли...

Но ведь и мимо факт самовольной отлучки и ареста явно не прокнает. Мнение сослуживцев как-то, да проявится. Это же ведь не гражданка, где каждый сам за себя; в армии все иначе и обязанность на всех одна: тянуть лямку, именуемую службой.

Ладно, к этой самой службе со всеми ее тяготами и лишениями, как толкует устав, я уже начал привыкать, да другого и не дано. Хотя лишения те, а особенно тяготы, во многом произрастают от дурости и тупости всяких начальников. Увы! Армия — это волчья тропа, по которой надо пройти, оскалив зубы, и единственное место, где совсем не жалко прошедших дней. Дембель же пока далековато, так что скрипнем зубами и будем потихоньку выживать. Покуда опять апрельским ветром не повеет и толпу бритоголовых щенков не пригонят нам на смену.

А уж куда дальше на гражданке стопы направить — время покажет, руки прокормят, и розы дома, под балконом, я обязательно опять выращу.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ГАЗОВАЯ АТАКА

Член Союза писателей России. Наш постоянный автор. Автор многих публикаций в газетах, журналах, альманахах и сборниках. Издано 10 брошюр и 4 книги в переплетах.

*Посвящаю своему деду
Василию Никифоровичу Виноградову,
ослепшему от газовой атаки
в Первую мировую войну.*

Григорий положил маленькую лопатку, которой копал, на траву, вылез из ямки и сел на бруствер — свежевырытую землю.

— Ты, чего, Гриша, устал? — спросил того Василий из соседней ямки, продолжая копать.

— Нет. Просто думаю, зачем рыть глубокий окоп, если и этого метра хватит, чтобы спрятаться.

Василий выбросил очередную порцию земли из своего окопчика, воткнул лопату в землю, вздохнул, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и сказал:

— Вот, сразу видно, что ты, Григорий, на войне — новичок. Для того чтобы играть в прятки с ребятами из соседней деревни — в самый раз. А когда начнется бой, а он обязательно начнется, и артиллерия станет забрасывать нас снарядами, вырывая клочья земли то справа, то слева и грохот будет стоять такой, что не слышно рядом лежащего; потом пойдут танки — эти железные махины, давя и круша все на своем пути, а затем в бой вступит пехота, на ходу стреляя из своих винтовок, и пули будут свистеть со всех сторон, то ты подумаешь, что это тебе снится, или ты попал в самый настоящий ад. Вот когда будешь жалеть, что не вырыл окоп метра три-четыре глубиной.

— Страшную картину нарисовал, Василий, но убедил,— Григорий вздохнул, спрыгнул в ямку, взял лопату и стал углублять свой окоп.

Потом все эти окопы соединили траншеями вдоль линии фронта.

Шла Первая мировая война.

Две русские армии преградили немцам путь к Варшаве в районе Болимова и у реки Гнида. Здесь было открытое, слегка холмистое, пространство все изрезанное окопами.

Бои шли хоть и ожесточенные, но немецкой армии не удавалось прорвать оборону русских.

Наступило 31 мая 1915 года.

Батальон, в котором служили Василий с Григорием, занимал оборонительную позицию.

Хоть лесов поблизости и не было, но местечко оказалось замечательным, и вид открывался красивый. Вот только полюбоваться красотами долго не пришлось.

Враг пошел в наступление.

Как и говорил Василий, началось что-то ужасное. Всполохи огня, взрывы, грохот, раскуроченная земля. То там, то здесь — тела убитых.

И все поле битвы затягивается каким-то серым, даже скорее сизым дымом. И сквозь этот дым на русские позиции наползает какое-то желто-зеленое облако, из которого появляются бегущие немецкие солдаты с винтовками не перевес и в каких-то масках с хоботами на лицах.

— Смотри, Григорий, в психическую атаку пошли! — закричал Василий, прицельно стреляя по врагу.— Пугают! Ну, ничего, мы и не такое видали!

Но Григория не было видно. Из его окопа слышался душераздирающий монотонный крик.

— А-а-а-а-а-а-а!!

— Гришка, тебя, что — ранило? — пытаюсь перекричать грохот, заорал Василий, вылезая из своего окопа и подползая к товарищу.

Тот сидел в своем углублении, сгорбившись и закрыв голову обеими руками и истошно орал.

— Живой?! — заглянув в окоп, прокричал Василий.— Страшно? Правильно — это война! Не верь тем людям, которые скажут, что на войне было не страшно. Таких людей не бывает! Всем страшно! Бери винтовку, поднимайся и стреляй! Страшно, а стреляй! Хочешь орать — ори, но стреляй! Иначе, грош цена всем нашим усилиям!

Григорий уже не кричал. Зашевелился, взял оружие и начал высовываться из своего убежища.

Василий пополз к себе.

Но, не успев доползти до окопа, как вдруг, почувствовал резкую боль в глазах, в горле запершило, воздуха стало не хватать, как будто тот резко закончился.

Он рванул ворот куртки. Пуговицы брызнули в разные стороны. Легче не становилось.

Протирая глаза ладонями и понимая, что сейчас потеряет сознание и задохнется, Василий встал в полный рост и сразу почувствовал дуновение свежего ветерка и легкие стали наполняться, пусть с гарью и копотью, но все-таки воздухом.

С трудом разлепив слезящиеся глаза, солдат увидел ядовитое зеленое облако, которое накрыло их позиции и стелилось по земле, заполняя все ямки и впадины. Но появившийся ветерок стал отгонять облако в сторону.

Григорий корчился в судорогах в своем окопе.

Атака была отбита, но вся местность оказалась завалена трупами русских солдат.

Это последнее, что увидел Василий.

Германия установила баллоны с хлором на протяжении 12 км в районе Болимова и у реки Гнида и 31 мая 1915 года, дождавшись благоприятного направления ветра в сторону русских позиций, предприняла газовую атаку.

Хлор, как известно, тяжелее воздуха. Поэтому он стелился по земле зеленовато-желтым облаком, заполняя все выемки и ложбинки.

Около девяти тысяч солдат погибли в окопах от удушья и более тысячи человек умерли в страшных мучениях в течение последующих нескольких дней.

Выжить удалось только тем, кто оказался во время боя на возвышенной местности, или кто получил небольшое количество хлора, после чего ветер изменил направления его движения.

Первая газовая атака состоялась возле Ипра. Но она не послужила уроком. Русские войска оказались не готовы к такой войне.

Противогазы, правда, привезли вечером этого же дня, но в таком количестве их некому было раздавать.

После этого случая русскую армию начали срочно комплектовать средствами защиты.

Григорий, как и 10 тысяч бойцов, погиб. А Василий выжил, но были затронуты его зрительные нервы. Поэтому всю оставшуюся свою жизнь он прожил в темноте, то есть слепым.

Елена Зинченко
(г. Киев, Украина)

ПРАДА И КОНЕЦ СВЕТА

Елена Зинченко окончила Уральскую юридическую академию в г. Екатеринбурге, по специальности «Правоведение». Автор нескольких книг прозы. Лауреат международного конкурса «Зеленая волна-2012», дипломант премии Корнея Чуковского /2013, Украина/, лауреат конкурса «Русский Stil-2013» /Германия/, 2-кратный лауреат конкурсов журнала «Эгоист generation» /г. Москва/. Член Международной гильдии писателей, региональный Представитель МГП в Украине. Свою литературную деятельность успешно совмещает с адвокатской практикой. Живет в Киеве, Украина.

— Сегодня! Уже сейчас — всего через несколько минут! — как заклинание, шептала она, словно заставляя себя поверить в невероятное.

Она почти бежала. Дух перехватывало — совсем как в детстве, когда взлетаешь высь на старых качелях, взывающих тебя к осторожности ворчливым металлическим скрежетанием. Но ты ничего не слышишь и повинешься одному-единственному желанию — выше, выше... Словно ждешь, что вот-вот тебя подхватят сильные крылья ветра, который с тобой заодно, и унесут в неведомые шелковые небесные дали...

Два квартала... полтора... один... и — уже совсем близко — там, за углом этой уютной дорогой кафешки, окутанной умопомрачительным ароматом эспрессо. Раньше ее завораживал этот запах. Это был один из запахов мечты. Скромной девчоночьей мечты: когда-либо вот так же запросто, как все эти холеные барышни (наверняка, ее ровесницы), беззаботно флиртующие со своими спутниками, посидеть часок-другой здесь, за чашечкой этого благоухающего напитка. И не холодеть желудком при мысли о том, сколько стоит эта крошечная порция неземного удовольствия. Просто позволить себе наслаждаться жизнью, как ни банально это звучит! Мысленный видеоролик девичьих грез с настырным постоянством включался именно здесь, являя одну и ту же картину: она сидит за первым столиком справа, играя тонкой сигаретой в изящных пальцах, окутывая себя мускусным облаком дыма, путающимся в шлейфе аромата изысканных французских духов (кстати — еще два запаха мечты). Союз этих желанных запахов вызывал необычную, если не сказать, странную гамму чувств: он был похож на тайный роман гордости школы — зубрилки-отличницы с отпетым двоечником-хулиганом. Она наслаждалась пьянящим ароматом своей тайной мечты и пока просто не смела придумать ей продолжение. Пока... пока она не увидела их....

Они возлежали на царственном хрустальном возвышении в самом центре зеркальной витрины магазина с дьявольски модным, торжественным названием «ПРАДА». До чего же они были хороши! Именно в таком случае говорят: это нужно было только видеть... Мудрая дымка задумчивых линз в обрамлении нежных изгибов-завитков изящной оправы с величественным логотипом — савойским гербом

королевской семьи... Согласитесь — «очки» — слишком простое название для... вот опять — язык не поворачивается назвать ни «вещью», ни «аксессуаром» этот восхиительный взор мечты! Окруженные своими «собратями», казалось, они замерли в ожидании взмаха дирижерской палочки Маэстро — того самого модного Дьявола или Дьяволицы, которые носят исключительно ее — вожденную ПРАДУ. Волшебный взмах и — зазвучит неслыханная доселе величественная кантата...

Она не разбиралась в трендах сезонов. И полюбившееся нынешним модницам словечко «винтаж» вряд ли слыхала. И, наверняка, такие понятия, как «ретро-стиль», «геометрия» и «хай-тек» ей тоже ни о чем бы не сказали. Но с того мгновенья, когда их взгляды встретились, она поняла, что мечта может совсем не иметь запаха. Каждый день, приближаясь к витрине, где теперь жила ее мечта, она, замуривая глаза, просила Николая Чудотворца отвести взгляды покупателей и возможности их кошелька от магического предмета. И так дважды в день: по дороге в колледж и обратно. Она понимала, что особо полагаться на святого не стоит — до первого морского шторма — ведь основная его задача оберегать моряков и их корабли, а не распугивать покупателей брендовых магазинов. Эта мысль придала ей храбрости — она, наконец, решила примерить взор мудрой дымки задумчивых линз.

Она еще не пережила сладкий трепет первого свидания с любимым. По той простой причине, что любимый ей еще не встретился. Но ощущения, которые она пережила в то мгновение, когда учтивый продавец, похожий на скандинавского гнома, отворил заветную витрину и вручил ей одно из своих сокровищ, наверное, очень похожи на хмель любовного тумана. Ощувив прикосновение мечты к своему лицу, она открыла глаза и — очутилась в новом мире! Вихрь чувств и эмоций унес ее в те самые неведомые шелковые небесные дали, которых тогда, в детстве она мечтала достигнуть, взлетев в объятья ветра со старых скрипучих качелей. Она никогда не интересовалась историей этого экстравагантного аксессуара — ведь в педагогических колледжах не преподают уроки моды. Но что такое — это самое знание? Лишь субъективный образ реальности в форме представлений и понятий. Совсем иное — чувство, эмоции! Вам и невдомек, что, лишь водрузив на свой очаровательный носик очки ПРАДА Вы имеете шанс не только увидеть, но и почувствовать... то же самое, что увидела и почувствовала она. Неввероятно, но на какой-то миг она вдруг ощутила себя древнеиндийской принцессой, к верхним векам которой приклеены полоски невесомого шелка, благоухающие специальной смолой и дарящие глазам ласковую тень; сказочная вереница ощущений перенесла ее в Древний Египет, где знатные дамы защищали лицо от солнца крашеным папирусом; на мгновенье ее окутал изумрудный туман — именно так видел мир фараон Тутанхамон, который защищал глаза от солнца двумя тончайшими спилами изумруда; а вот солнышко заслонила тучка дымчатого кварца — весьма изощренное изобретение китайского правосудия — за стеклами дымчатых очков судьи скрывали свои чувства и отношение к оглашаемому приговору в далеком XII веке.

Но главное... главное — это то, что окружающий ее мир теперь был другого цвета. И в этот момент она поняла, что это — не только цвет мечты, это — цвет предчувствия скорого счастья. Словно сам Метр Марио Прада послал ей благословение из далекого 1913-го. Метр, сама элегантность, лаконичность и изысканность, стоял чуть поодаль, отражаясь в зеркале, и, глядя на нее (наверное, именно так он смотрел на свою внучку Миуччиа Прада — надежду и гордость кампании), одобрительно попыхивал трубкой. Чудеса, да и только! Удивительные все же вещи могут сотворить две детали из оптически прозрачного однородного материала, ограниченные двумя полпрозрачными преломляющими поверхностями...

Из того же зеркала на нее смотрела красавица с обложки модного глянца. КАСАВИЦА — и не иначе. Таковую вряд ли испортит скромность повседневной при-

чески — волосы, наспех стянутые резинкой в хвостик, да и студенческая застиранная джинса уже совсем ни при чем — забудьте, что встречаются по одежке — в данном случае было ясно: встречать ее отныне будут по ПРАДЕ! Теперь все изменится и роковая фамилия не причинит ей больше никаких неудобств, и никто ее, 18-летнюю студентку Киевского педагогического колледжа отныне не будет ассоциировать с концом света, как было до сих пор. И о чем только думали родители, когда давали ей это имя, зная свою фамилию!? Конец Света! Да, да, Вы все правильно поняли — Света, по фамилии Конец! Не сказать, чтобы она чувствовала себя уж совсем проклятой и отверженной, но катастрофическая фамилия постоянно давала о себе знать. И мелкие неприятности типа неизбежного вызова к доске в первых рядах новыми преподавателями, которым не терпелось посмотреть на конец света в облике ее скромной персоны — не в счет. Знакомство с понравившимися ей парнями заканчивалось, еще не успев начаться — в тот момент, когда они узнавали ее имя и фамилию. Еще бы — с такой фамилией и прозвища (верного, хоть и не всегда приятного спутника детства) не надо! Вот и попробуйте быть счастливы с такими именем и фамилией!

Но теперь, теперь — совсем другое дело! Образ стильной красавицы с дымчатым взглядом мудрой ПРАДЫ стоял у нее... нет — не перед глазами, он заполнил собой все ее существо. Он снился ей в счастливых снах, где она уже была обладательницей лаконичной роскоши с гордым именем ПРАДА. И она не хотела быть счастливой только во сне. Нужно было срочно что-то предпринимать! Сумма, которую она должна была выложить за мечту, была ничтожно мала по сравнению с тем счастьем, которое эта самая мечта сулила. И эта же сумма была слишком велика для «понаехавшей» из провинциальной закарпатской глубинки студентки, которая едва сводит концы с концами и подрабатывает в Макдональдсе чтобы эти самые концы хоть как-то свести. Она вспомнила как, буквально неделю назад, они всей группой «сбрасывались» по двадцатке на подарок ко дню рождения одногруппницы — бойкой любимицы курса Лике — и долго прикидывали — что же можно купить на собранные четыреста гривен? В результате было решено просто подарить деньги. Теперь, это была самая богатая девочка на курсе, да и, пожалуй, в колледже. Так думали все. Но она-то знала, что «внучек Рокфеллера» в их альма матер на сегодняшний день аж две. В малюсенькой дырочке матраца, аккуратно замаскированной бантиком наматрачника, покоились четыреста гривен. Сто из которых были высланы мамой (работающей медсестрой в сельской больнице, по причине дороговизны железнодорожных билетов ни разу не навещившей дочь в Киеве, а посему пребывающей в счастливом неведении относительно киевских цен), на покупку зимних сапог, плюс триста гривен, отложенные ею самой за последний год на... неважно на что они копились раньше... Теперь-то она точно знала их назначение. Вспомнив ценник, стоящий рядом с мечтой — там, на царственном хрустальном возвышении зеркальной витрины, она тяжело вздохнула: такую сумму необходимо было умножить на пять — и мечта у тебя в кармане, вернее, на носу! Да-а-а, оказывается, деньги — жутко важная вещь, и особенно это понимаешь, когда их у тебя нет!

Правильно говорят, что первая мысль, которая приходит в голову — самая верная. Потому что второй мыслью, пришедшей ей тогда в голову, было очень логично вытекающее из первой соображение о том, что необходимо просто... «скинуться». И все. Нужно найти еще четверых девчонок, которые согласятся «вскладчину» владеть дымкой мудрого взора блистательной ПРАДЫ. И претворить в жизнь эту идею оказалось проще, чем она думала. Вернее, она была на все сто уверена, что, померив эту элегантную роскошь, и искупавшись в том потоке эмоций, в котором тогда, в момент первого свидания со своей мечтой, оказалась она, девчонки сразу же войдут в долю. А уж в заветную ПРАДУ она их как-нибудь затащит. Или, в конце концов, она — не Конец Света.

Учтивый скандинавский гном очень обрадовался, завидев стайку щебечущих студентов, впорхнувших в его магазин. Еще бы — сразу же пять потенциальных покупателей! Его ничуть не смущали пропорции цены на его товар и возраста юных леди: он искренне считал разумной ту цену, которая способна отключить разум покупателя. И зря. Это был как раз тот единственный случай, когда разум отключился у продавца: хранитель сокровищ никак не мог взять в толк, почему все они «набросились» пусть на самую роскошную, но все же — на одну единственную модель очков. Еще больше он был озадачен тем, что девицы, изрядно поморочив ему голову, но так и не совершив ни единой покупки, покинули его магазин. Причем они пребывали в совершенной эйфории, как если бы каждая из них, по меньшей мере, скупила полмагазина.

Светка улыбнулась. В сумочке, которую она трепетно прижимает к душе, от счастья забившейся куда-то в угол между сердцем и запазухой, покоится необходимая для покупки денежка, с трудом (по немыслимым сусекам!) выскобленная их отважной пятеркой. Ей не хотелось даже вспоминать, как они скребли по этим самым сусекам! Да и зачем — важно то, что она — за полшага до своей мечты... Серебряный (ну до чего же милый!) перезвон дежурного колокольчика на двери, дрожащие пальцы, отсчитывающие купюры...

— Что? Нет-нет, ни в коем случае: в футляр прятать не надо, я его заберу отдельно! И — отцепите, пожалуйста, бирочку! — интересно, слышал ли он ее шепот или сам догадался, этот непонятливый (но сегодня — бесконечно милый), учтивый скандинавский гном?

Конечно же, неужели непонятно: она их наденет прямо здесь и сейчас — невозможно терять ни одного драгоценного мгновения обладания этим чудом с гордым именем ПРАДА. Достаточно того, что неделя итак для них, совладелец мудрого взора задумчивой дымки линз, сократилась до пяти дней: по одному дню жизни в шоколадно-солнечном измерении ПРАДА на каждую счастливую обладательницу изящной роскоши.

К студенческой общаге она шла медленно: смакуя каждый шаг своего блаженства. Впервые она не почувствовала аромата эспрессо, источаемого дорогой кафешкой — тоже мне, счастье, поглощать крошечные дозы кофе, создавая дымовую завесу, часами кокетничая со скучными кавалерами! Да жизнь просто обделила их, не надоумив взглянуть на мир через гордый прищур очков ПРАДА!

Светка знала, что девчонки уже пришли к последней пары и ждут ее, сгорая от нетерпения. Светкина и Ликина комната сияла, как новая копеечка. Не препираясь по поводу очередных дежурств, они, вчера, все хором, с самозабвением надраивали полы, окна и стены. Уборка была затеяна как будто по случаю новоселья — ведь в одну комнату их пятерке пришлось съехаться, поменявшись с сокурсницами, ввиду заключенного ими знаменательного пакта, объединившего девчонок по факту обладания общим имуществом. Но настоящая причина кристальной чистоты и предстоящего пира (на столе стояла остывающая сковорода с жареной картошкой и порезанные на пять частей две молочные сосиски) крылась в труднообъяснимом желании соответствия. А раз объяснять трудно, так, быть может, и не стоит этого делать — разве что парой слов. Например, болтающийся клочок обоев не соответствует не то что очкам ПРАДА, а даже их футляру из бархатной сафьяновой кожи. Поэтому и клеить, чистить, драить, протирать пришлось до позднего вечера. Приблизившись к общежитию, Светка, присев на лавочку, благоговейно, обеими руками сняла с носа хрупкую краску и аккуратно водрузила очки в футляр.

«Еще вычтут из моего законного дня этот украденный час обладания очками, в течение которого я шла из магазина!» — осторожничала она, укладывая футляр в сумочку и косясь на парадное их студенческой обители.

Очки уже минут тридцать лежали на чистейшем полотенце рядом с остывшей сковородкой, к которой еще никто не притрагивался. Девчонки, еще раз примерив по очереди, шик солнечной Италии, составили расписание своих «пятидневок» до ближайших каникул. Первой во владение вступала Элка. И по праву — ее взнос в общий «котел» составил на пятьдесят гривен больше, чем смогли «наскрести» остальные. В их студенческой тусовке не принято навешивать ярлык двоечниц на девчонок, отстающих в учебе. Но если бы в их колледже действовала такая «шкала» оценки успеваемости, Элку называли бы именно так. Подобно ящерице — стоило ей только сбросить предыдущий хвост, она с завидным постоянством отращивала на его месте новый. И как раз такой очередной «хвост» ей надлежало пересдать буквально через час. Еще раз перечитав хором вслух перечень правил, которые каллиграфическим почерком Людочки были выписаны на листе формата А4 и приколоты над столом, девчонки, торжественно водрузив ей на нос породнившее их сокровище, проводили похорошевшую до неузнаваемости подругу. Ей надлежало вернуться через полтора часа. И никто из них, включая саму Элку, тогда даже не предполагал, что эти полтора часа не только войдут в историю их славного колледжа, но и станут практически легендой, пересказываемой из года в год преподавателями новобранцам первых курсов. Наверное, и сама виновница событий до сих пор не поняла, как ей удалось пересдать экзамен английского языка, по роковой случайности захватив с собой на экзамен вместо английского французский словарь и немецкую газету вместо, опять же, полагающейся английской, которые студенты должны были приносить с собой для перевода политического текста! Единственное, что помнит Элка — это состояние спокойной уверенности и счастья, которое в первый раз не покидало ее ни на минуту в течение всего экзамена. И конечно же, — она ни на минуту не снимала очки. Но, кто же будет утверждать, что очки ПРАДА обладают волшебным свойством автопереводчика иностранных языков? Но никто не может утверждать и обратное: ведь факт, подкрепленный внушительными двенадцатью баллами, красующимися в элкиной зачетке, остается, как ни крути, фактом, который, как известно, — вещь упрямая!

Людочка была следующей. И по этому поводу девчонок слегка лихорадило. И было от чего — ведь их подруга страдала близорукостью и, оказавшись без своих очков превращалась в лаврушку, замершую в зыбкой нерешительности на сомнительно колышущейся поверхности холодца. И зачем только они взяли ее в долю? Вот о чем они все тогда думали? Хотя... известно о чем — без Людочкиных четырехста гривен, отложенных ею на покупку нетбука в очень далеком и потому совсем не обозримом будущем, пазл покупки обворожительной дымки задумчивого взора ПРАДА никак бы не сложился! Когда Людочкина рука тянулась к заветному жребию (ведь все, включая очередность обладания мечтой, должно было быть «по чесноку» — по неписанному законом студенческого братства), остальные совладелецницы очков единодушно возжелали коварного, но невозможного чуда: а вот пусть бы клочок бумаги взял, да и оказался совсем без номера или уж, в крайнем случае — с последним номером... Но чуда не случилось — и вот, как говорится, получите и распишитесь: неуклюжая слепуха Людочка не долее как сегодня должна подвергнуться опасности не только себя, но и пытливый прищур ПРАДА, устремленный в их счастливое будущее. Светка опять ощутила себя на взмывающих в безрассудную высь качелях.

Но Людочка была на удивление уверена и спокойна. Судя по всему, она знала, что делала. Она была из тех девчонок, в чью жизнь не спешит ворваться сказочный принц на белом коне с половиной царства наперевес. А если уж такое и случается, то что-нибудь все равно не в комплекте: то конь не белый, то с полцарством не складывается. Формулы же активных поисков счастья типа «Под лежащий камень вода не течет», «Кто никуда не плывет, тому не бывает попутного ветра», «Кто ищет, тот

всегда найдет» и прочие перлы народной мудрости лишь забавляли ее отсутствием элементарной логики. Возьмем, к примеру, камень. Во-первых, разве камни бывают не лежачие? Во-вторых, зачем под этот самый камень воде вообще нужно течь? В общем, Людочка не питала иллюзий и не ждала доброй Феи, которая поспособит ей в делах сердечных с принцами, туфельками, каретами и предотвратит коварную полночь, чреватую тыквами. В колледже она слыла «синим чулком». Неуклюжая толстушка, с бессменным ободком на голове, хищно впившимся своими пластиковыми зубками в ее голову. Вот скажите, на милость, зачем такой нескладухе ПРАДА? Девчонки были удивлены ее решением присоединиться к их четверке: ведь они-то, по крайней мере, видели себя, звездных и неотразимых, по которым томится подиум, там, в зеркале заветного магазина. Людочка же, сменив свои обычные очки на солнцезащитные, вряд ли смогла рассмотреть то же самое.

«Покалечится или... — додумывать мысль до конца Светке было стыдно, но где-то закадровым фоном, мысль, все же, додумывалась сама, — или угробит наше достоинство! Нет, все-таки зватья Концом Света — не самое страшное в жизни!». Но, договор, как говорится, дороже денег. Всем миром их студенческой комнаты они собирали Людочку на прогулку. От провожатых она решительно отказалась. Да, да, впервые она решила дать отдых зубам, да и граниту науки тоже — неизвестно, кто из них утомился больше. Спящая красавица проснулась: очевидно, все же, пришло время для принцев, туфелек, карет, пусть даже если им суждено обернуться тыквой! Сменив дежурный ободок на Ликину выходную заколку для волос, и решившись сразу на два безумства: перламутровый блеск для губ и Светкин кокетливый палантин, показавшийся ей вполне уместным извинением ее неуклюжей фигуры, Людочка, наконец, ступила за порог.

«Глупые, милые девчонки: они думают, что я не знаю, как мне идут эти очки! Да достаточно было одного удивленного возгласа Иринки там, в магазине, во время примерки, чтобы понять, что я — супер!» — Людочка почему-то совсем не удивилась появлению нового «остренького» словечка в своем лексиконе. Она знала дорогу от их студенческой обители до парка как свои пять пальцев. Да и парк тоже был знаком ей до малейших подробностей — ведь только там, на дальней скамейке можно было без помех грызть тот самый гранит науки, которому сегодня она дала тайм-аут.

Она никогда не была на море. Увидеть море — это было ее самой заветной мечтой детства. Но это было невозможно. Невозможно — потому что дорого и далеко, потому что... да достаточно уже первых два «потому что», чтобы его не увидеть. Временами она даже думала о том, что, стоит ей только отпустить свой взгляд в полет над бескрайней морской гладью, он, не встретив никаких препятствий, самым чудесным образом, превратится в зоркий взгляд вездесущей морской чайки. Но, нет — невозможно: далеко и дорого. Дорого и далеко. Разумеется, ей и в голову не могло прийти, что, в один прекрасный миг, море вдруг, как по шучьему веленью, окажется совсем рядом — тут, в Киеве. И для того, чтобы его увидеть, нужно будет лишь выйти за порог родного общежития.

Вот так иногда и бывает в жизни — оказывается, лишь несколько десятков метров дороги до парка отделяли ее от... моря. И не иначе! Сегодня Людочка не удивилась уже во второй раз — ведь меньшего от ПРАДА она и не думала получить. Жизнь порой порой преподносит нам сюрпризы: ожидаешь принца, а получаешь детскую мечту — море! Вместо парка перед ней раскинулась изумрудная лагуна. Быть может, то, что она слышала не шум листвы, а шум морского прибоя и было обманом слуха, но обманом зрения это вряд ли можно было назвать: разве что волшебством. Мир в таких красках, какие перед ее удивленным близоруким взглядом явила ей ПРАДА, она не видела никогда. Неужели раз в пять дней она сможет видеть это ве-

ликолепие? Вздохи глянцевої листви, превращающиеся в ласку морской волны... Это ее море. Ее и ПРАДЫ. И пусть оно наполняет легкие не свежестью морского бриза, а ароматом цветущих магнолий с дрожащими несмелыми нотками акаций... Она опять превратилась в лаврушку на дрожащей спинке холодца. Ноги увязли в этом самом холодце — идти дальше не хотелось: а вдруг еще несколько шагов и очарование прекрасного видения вспугнет расстояние, и оно растворится так же внезапно, как возникло? Людочка с сожалением вздохнула. Она сняла очки и, аккуратно спрятав их в сафьяновый футляр с величественным логотипом — савойским гербом королевской семьи, побрела к своей любимой скамейке — там, в дальнем укромном уголке парка. Она настолько была поглощена своими впечатлениями и чувствами, что не заметила восхищенного взгляда ... быть может, того самого принца, который и на коне, и с тыквами, и с туфлями, а, быть может, и с полцарством в придачу (чем в наше время черт не шутит?). Разумеется, если бы она видела себя со стороны, она бы очень удивилась, насколько улыбка человека, неожиданно встретившегося с мечтой детства, может его преобразить. Та самая Золушка — неотразимо прекрасная и по-детски трогательная, которой пособила Прекрасная Фея с туфельками, платьем и каретой, стояла, как зачарованная, любуясь парком-морем.

Эта скамейка всегда была свободна — бабушкам и молоденьким мамашам, выгуливающим малышей, идти до нее слишком далеко, а время для молодых парочек еще не подоспело — эти мотыльки слетались в парк гораздо позднее. Людочка села на скамейку. Водрузив свои «близорукие» очки на нос, она еще раз вздохнула. Раскрыв томик Андрея Куркова и, было, приготовившись к чтению, она внезапно захлопнула его. Ей вдруг стало жалко секунд и минуточек ее законного обладания волшебством с гордым именем ПРАДА, которые она бездумно добровольно упускала сейчас, здесь. Она решительно надела очки, через которые она так неожиданно для себя увидела свою голубую мечту. Жизнь вокруг опять наполнилась шепотом сказки. Оказывается, цвет мира, который вокруг нас имеет огромное значение — в нем заложен особый смысл, постигнуть который можно только увидев его через призму очков ПРАДА. Правда, быть может, перед этим стоит прекратить смотреть на него сквозь розовые очки... Солнышко скрылось за макушками волн-деревьев. Людочка, явно перевыполнившая сегодня лимит по вздохам (печальным и восхищенным), все же, еще раз вздохнула. Сняв очки, она положила их рядом с томиком Куркова. То, что случилось в следующий момент, заставило на мгновение застыть кровь в жилах не только самой Людочки, но и... Однако обо всем по порядку. Принц, к которому, как оказалось впоследствии, наконец-то прилагался весь сказочный набор (конь — именно белый, а не серый, не гнедой и, уж конечно, не в яблоках; полцарства и прочие комплектующие), налюбовавшись издали неожиданно случившейся среди серых будней Золушкой, наконец, решил подойти к ней и познакомиться. И не с тем, чтобы выяснить размер ее ноги и убедиться в том, что это именно та Золушка, которую он тоже искал целую вечность — нет, он знал, что Золушка именно та: некоторые принцы тоже читают Куркова и не нуждаются в услугах Звездочетов, злых Мачех и гонцов, примеряющих туфли всему женскому населению государства, и у некоторых принцев, как ни странно, есть своя интуиция... Но, среди этих просвещенных и утонченных наследников престола, как оказалось, есть и довольно неуклюжие принцы. Студент Костя — без пяти минут выпускник филфака университета, оказался одним из них. Не заметив в сумерках возлежащей на скамейке рядом с Золушкой мудрой дымки задумчивых линз в обрамлении нежных изгибов-завитков изящной оправы с величественным логотипом — савойским гербом королевской семьи — великолепной ПРАДА, он сел прямо на них. Тут же, заметив свою оплошность, подскочил, но было уже поздно...

И как раз в это мгновение Светка, решившая «подстраховать» подслеповатую подругу и наблюдавшая за происходящим сквозь кусты акации, поняла что такое, на самом деле, конец света: сердце оборвалось и ухнуло в пустоту. Теперь лаврушкой на холодце была она — она, которая не могла сдвинуться с места. Светка пришла в себя в тот момент, когда Элка, также усомнившись в безопасности их сокровища и самой Людочки, а посему занявшая наблюдательный пост за соседним кустом, к невероятному удивлению Светки, выскочившая буквально из-под земли, осознав масштаб несчастья, ринулась к парочке. Светка, крепко схватив Элку за руку, утащила ее под сень листвы своего убежища.

— Не нужно им мешать! По-моему, она, наконец, встретила свое счастье. Это невероятно, я думала, у меня это случится раньше...

— Но — ПРАДА! — слезы, сдерживаемые лишь барьером неводостойкой туши, готовы были хлынуть из элкиных глаз.

— ПРАДА...— Светка уже полностью оправилась от только что случившегося конца света. — У меня была лишь одна подруга — Иринка — ну ты же знаешь. Но вот уже два дня, как их стало пять. И мне это нравится — знаешь, для нас ПРАДА — это не просто очки. Это — нечто большее, что позволило нам быть ближе, дружнее, мы стали почти что сестрами...

Элка задумчиво покачала головой. Ее слезы почему-то вмиг высохли, а на лице появилась робкая, доверчивая улыбка — словно ее очередной хвост, вдруг взял и отпал сам собой — запросто, без пересдачи. Им было не слышно, о чем беседовали Принц и Золушка, но по выражению лица Людочки было понятно, что она уже забыла об очках (вернее, о том, что от них осталось), которыми мерно, в такт беседы, помахивал неуклюжий наследник престола.

Светка и Элка, незаметно выбравшись из своего укрытия, брели по дорожке парка в общагу. Теперь они почему-то за подругу были совершенно спокойны.

— А знаешь, мне кажется, наши все поймут...— наслаждалась Элка своим великодушием и, разве что чуть-чуть рисовалась перед подругой.

— Уверена — поймут! — отозвалась Светка. — И знаешь, я предлагаю начать копить на новую ПРАДУ — там есть еще одна потрясная моделька! Согласись,— в этих очках что-то есть...

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ЛИДОЧКА

Член СП России и Академии российской литературы

Для всех она была просто Лидочкой. Так звали ее в семье, так звали в школе все учителя, так звали подруги, даже не самые близкие. Красивая, с тонкой осиной талией, с черными бровями, такими же густыми, как у отца, голубыми широко распахнутыми глазами, которые смотрели на все, что окружало ее, с искренним удивлением и неподдельной радостью.

Лидочка раньше всех научилась купаться, даже раньше, чем ее две старшие сестры; раньше их села на велосипед, и часто первой приставала к отцу:

— Папа, а ты обещал.

— Раз обещал, надо выполнять,— охотно соглашался отец.

И они с утра, сразу после завтрака, в выходной день садились на велосипеды и почти до позднего вечера совершали долгие поездки в дальний березовый лес. Лидочка старалась ехать быстро, и когда ей это удавалось, то восторженно восклицала:

— Папа, а я опять тебя обогнала,— и смотрела так победно и сияюще, что отец тотчас же соглашался:

— Да, Лидочка, ты стала хорошо кататься.

— Стараюсь,— бесхитростно признавалась Лидочка и, вскакивая, поднимала велосипед с поляны, на которой они только что остановились, чтобы передохнуть.— А ну, кто быстрее! До самого озера, хорошо?

Но до зеркально-чистого озера не доезжала, а резко тормозила и показывала в глубь берез:

— Папа, ты видишь, вон там, в ветвях, слева гнездо кукушкино?

Ей очень хотелось верить, что это гнездо именно кукушкино, ведь в прошлое воскресенье она на верхушке березы видела настоящую кукушку.

— Разумеется, Лидочка,— кивал головой отец и с наигранным испугом кричал вслед дочери, которая уже мчалась вниз, по крутому извилистому спуску прямо к озеру.— Осторожно, там запруда.

— Я знаю.

У самой запруды резко тормозила, разгоряченная, поправляла свободной рукой непослушную прядь волос на влажном лбу и победно смотрела на отца.— А я раньше тебя приехала,— и тянула его в сторону темных, плотных камышей.— Идем, посмотрим на лягушку, на самую большую, ту самую царевну, прямо как из сказки.

А еще она любила гулять с отцом,— и только с ним,— по вечернему притихшему поселку, и опять-таки ни разу ей отец не отказывал, хотя у него были другие, более срочные дела.

Шахтерский поселок от самого города был в стороне и был окружен степью и лесом, и высокие, конусообразные терриконы казались со стороны шоссе загадочными холмами. Сразу же за поселком, в степи, всего три года назад, начинался коллективный сад. Был он организован по инициативе отца, одного из лучших бригадиров шахты. Таким вот бригадиром он оказался и здесь,— деловым, активным. Многие жители имели свои дома и свои огороды, и поначалу неохотно хотели осваивать новые участки, но потом поддержали тех, кто решил в степи разбить не просто коллективный сад, а настоящий сад, который был бы засажен фруктовыми и ягодными деревьями. И теперь этот сад стал гордостью всего поселка, разрастался прямо на глазах. Гордилась им и Лидочка, которая вместе с отцом, кроме прогулок, все свое свободное время проводила на своем участке. Именно отец первым привез несколько саженцев голубой ели. Одна ель была посажена в саду, а другая — в палисаднике перед большим окном, и обе ели прижились, и с годами превратились в настоящие деревья. Прижились и остальные саженцы, которые были разобраны владельцами сада.

Тамара, мать Лидочки, долго ворчала, все хотела, чтобы ель под окном, пока она не разрослась, была пересажена в сад, но Лидочка заступилась за отца.

— Да как ты не понимаешь, мамочка. Какая эта красота?

И Тамара, конечно, махнула рукой:

— Разве вас пересамишь,— и сердито обратилась к мужу.— Вся в тебя, такая же упрямая.

Гордились жители поселка и своим стадионом. Гордилась им и Лидочка, даже больше, чем садом, так как она активно стала заниматься в волейбольной секции. Кроме этой секции, работали и другие — легкоатлетические, футбольные. А зимой заливали каток, а вот хоккейных коробок не было, а значит, и не было и хоккейной секции.

В девятом классе у Лидочки появился ухажер, тихий, спокойный парень из параллельного класса. Звали его Геннадием, рос он без отца, в большой семье, и все чаще и чаще приходил в дом Лидочки, и вскоре стал своим человеком, и отцу было приятно, что Геннадий к нему относится, как сын, а ведь сына у них с Тамарой за двадцать лет жизни так и не оказалось, рождались только одни девочки. И конечно, отношения к Геннадию у него были такие же, как и к дочерям. Как он мог отказать Геннадию, а значит, и Лидочке в их общей просьбе: надо построить свои две хоккейные площадки, найти своего тренера. А то что же получается: Геннадий вот уже целый год ездит на занятия хоккейной секции в город, и придется ездить и дальше, если он, самый активный общественник, не поможет большой группе ребят, которая все-раз увлечается этим видом спорта, самым настоящим, мужским.

И он отправился, как и раньше это делал, по соответствующим инстанциям, и не успокоился, пока не завезли на стадион все необходимое, чтобы в кратчайшие сроки, задолго до зимы, на месте пустыря построить две просторные хоккейные коробки. Как радовались Лидочка и Геннадий, радовался вместе с ними и остальными ребятами и он, и твердо знал, что будет создана дружная команда и капитаном ее станет Геннадий, который за это время был в их семье своим человеком, почти ее членом, и никто не сомневался, что со временем именно мужем Лидочки станет этот тихий, спокойный, но уверенный в себе, настойчивый паренек. Но никто и подумать не мог, что свадьба молодых состоится той же осенью, когда они закончат школу и поступят учиться: Лидочка — в медицинское училище, он — в строительное.

Больше всех, конечно, возражала мать Лидочки, Тамара, но не найдя поддержки у мужа, отступилась:

— Тебя, Лидочка, не пересамишь. Такая же упрямая, как и отец. Вся в него, как есть...

В начале октября я получил телеграмму, в которой Лидочка приглашала меня на свою свадьбу. Я давно уже не сомневался, что я был самым дорогим дядей, а для меня она была самой дорогой племянницей. И мне не забыть наши долгие поездки в дальний березовый лес, на берег чисто-зеркального озера, не забыть вечерние прогулки по поселку, не забыть, как мы вместе с ней работали в коллективном саду. Я, в чем и не сомневался, заменял ей часто отца, и со мной, как и с отцом, она делилась сокровенным. Вот только не пришлось мне бывать на стадионе, так как я после окончания школы поступил в областной политехнический институт и наезжал в поселок только на каникулы, а после окончания института, побывав в родном поселке всего несколько дней, уехал работать в далекую Сибирь, на реку Енисей, где начиналось строительство самой большой в стране электростанции. Работы было много, очень много, и я был весь в этой лихорадочной работе, которой я был полностью отдан. Я даже не успел жениться, зато добился многого — стал за эти годы одним из главных инженеров. Разумеется, ни о каких отпусках я даже не мечтал. И вот она — телеграмма. От любимой племянницы. Я невольно подумал: «Так сколько же лет я не был в поселке и сколько же лет Лидочке?» В тот же вечер решил: надо ехать. Конечно, дел, как всегда, было много, но мне, что было для меня удивительно, быстро пошли навстречу: я был отправлен в отпуск аж на три недели. Напротив, мне пожелали славно погулять на свадьбе моей любимой племянницы, ведь на двух предыдущих свадьбах старших дочерей брата я так и не смог побывать.

И через два дня, во второй половине тихого осеннего дня, я с аэродрома подъезжал на такси к дому старшего брата Леонида.

Все то же разбитое шоссе, вся та же широкая, неасфальтированная улица, все те же дома по обе стороны — постаревшие, с покосившимися заборами, и все та же высокая, разросшаяся голубая ель в палисаднике перед большим окном.

Напротив широко распахнутых ворот такси остановилось. С подарками в обеих руках, быстрым, радостным шагом я вошел во двор. От низкого крыльца навстречу мне шел сам брат Леонид. Вскинув руки вверх, он улыбался. За ним гуськом тянулись остальные члены его большой семьи — жена Тамара, его замужние дочери, его зятья. Вот только Лидочки среди них я почему-то не увидел.

— Как я рад, как я рад! — брат, расцеловав меня трижды, стучал по спине моей сжатыми кулаками, сверкал еще более заметной лысиной.

— Что-то я не вижу невесты? — не удержался я.

— Ты же знаешь нашу Лидочку. С любимым моим зятем укатила в лес. В тот самый, куда с нами ездила. Как я рад, как я рад! — повторил он опять радостным голосом и повел меня в дом. Здесь все было так, как бывает перед большим торжеством, — на кухне варили, стряпали; в маленькой, уютной комнате, будущей спальне молодых, было чисто, опрятно: пышно и ярко застелена кровать, в углу — большой, с зеркалом, шкаф, у окна — полированный стол, накрытый белой скатертью, рядом — такая же полированная тумбочка, а на тумбочке — телевизор.

— Все, как у людей, все, как у людей, — сказал Леонид и повел меня в большую комнату, где было сумрачно и прохладно, хотя окно было распахнуто настежь. Посредине, буквой «Т», стоял обеденный стол, и он уже был заставлен чистой посудой, бутылками вина.

— Все, как у людей, — снова повторил Леонид.

Мы вышли с ним снова во двор, широкий просторный. И тут я увидел Лидочку. Она, разгоряченная, поправляя с влажного лба непослушную прядь волос, быстро шла ко мне, выставив вперед свои тонкие красивые руки.

— Как я рада, как я рада! Спасибочки, что приехал. Из такой дали — и ко мне, на свадьбу.

— Неужели ты и вправду выходишь замуж? — по-прежнему искренне удивляясь, спросил я.

— Что делать, пора! Мой папа тоже в семнадцать женился. А я кто? Я — папина дочка! — Лидочка рассмеялась, целуя меня, а потом, повернувшись, указала рукой на подходившего к нам стройного, невысокого, но коренастого парня в таком же спортивном костюме, что и сама.

— А это и есть Геннадий, мой завтрашний муж.

Геннадий, с взъерошенными курчавыми волосами, с разрумяненными полными щеками, кажется, был еще моложе Лидочки: мальчишка мальчишкой, курносый, с синими глазами навывкате, с раздвоенным подбородком. Впрочем, удивлялся недолго, так как хорошо знал Лидочку: именно такого, простодушного, честного, я мог только и представить рядом с ней.

— А я с Геннадием ездила в тот самый дальний березовый лес, помните? — Лидочка вздохнула. — Вот только гнезда кукушкиного давно уже нет. Да и само озеро обмелело, затянуло ряской.

— А лягушка-царевна? — улыбнулся я, легко вспомнив прошлое.

— И ее нет.

— Зато есть ты, — ломким голосом сказал Геннадий, глядя влюбленными глазами на свою невесту, скорее всего повторил Лидочкины слова.

— Да, есть я. Вот такая! — и, подхватив Геннадия, закружилась, высоко вскидывая длинные, тонкие ноги.

А назавтра была свадьба, шумная, веселая, богатая, да другой свадьбы я и представить не мог. Гуляли два дня подряд, оба выходных. Кажется, весь поселок побывал на этой веселой, счастливой свадьбе.

С понедельника начались рабочие будни. Лидочка уехала в медицинское училище, Геннадий — в строительное, а Леонид ушел раньше всех на шахту, — продолжал бригадирствовать, хотя второй год был на пенсии.

— Разве его пересамишь. Буду, мол, работать, и все тут, пока я своей бригаде нужен. Да и в силе я. Вот только опять свой дурной характер не переломит. Хочет, чтоб все дороги в поселке заасфальтировали, — рассказывала мне жена его Тамара, когда мы с ней шли в сторону коллективного сада.

— Такой уж уродился, беспокойный. Вон какой сад возник? А стадион?

— Пора бы уюмониться. Всего не добьешься. Только сердце надсадишь. Нет, не понимает, и понимать не хочет. Вот и Лидочка такая же. В своем училище — первая заводила. Одним словом, вся в папу уродилась, — продолжала жаловаться мне Тамара.

И до субботы, как на работу, я уходил с Тамарой в коллективный сад, и на участке за эти дни сделали много: и землю перекопали, и собрали в кучки картофельную ботву, и весь лишний мусор сожгли. А в выходные дни Лидочка и Геннадий привели меня на стадион, и я своими глазами увидел, как много полезного и нужного успел сделать мой неугомонный старший брат. А потом уже сам Леонид водил меня по поселку и показывал, какие участки дороги нужно заасфальтировать в первую очередь. И говорил он так увлеченно, что я не сомневался, что своего он обязательно добьется.

— Порода наша такая, — с гордостью говорил Леонид. — И ты такой же: уже главный инженер на такой крупной электростанции. Нас не так-то просто сломить, мы еще повоюем.

И я, конечно, с ним соглашался, и был рад, что слова Леонида, почти слово в слово, повторяла и Лидочка, и не сомневался, что и у нее все получится.

С такими добрыми мыслями я уехал в Сибирь на свою работу, уверенный в том, что и я сумею еще чего-нибудь добиться. И я в самом деле многое добился: меня повысили в должности, а главное, я наконец-то женился, и уже чувствовал себя сибиря-

ком, и жалел только об одном: никак, в течение долгого времени, не мог приехать в родной шахтерский поселок.

И вдруг — опять телеграмма, горькая, тягостная: умер старший брат Леонид. И вот я на родине, приехал разделить горе родных, горе Лидочки, самой любимой дочери.

— Умер в одночасье, от сердечного приступа. Скорая приехала, да — поздно...

Были и другие, горькие новости, но все они сводились к одной: не стоило брату Леониду заниматься общественными делами, особенно после выхода на пенсию. Все они к положительным результатам не приводили: за последние два года вся жизнь в стране как бы вспять повернулась, оказалась в зыбучей трясине, и такие энтузиасты, как мой брат Леонид, стали ненужными, даже больше того, лишними. Но Леонид не сдавался, он продолжал воевать, как бы не понимая, как бы не понимая того, что рушатся, ломаются, как в бурю деревья, сами устои жизни.

— Вот и довоевался,— как бы за всех откровенно и правдиво признался один из близких его друзей, который раньше охотно помогал ему.— Да пропади оно все пропадом.

Только Лидочка не соглашалась, упрямо твердила:

— Не может быть так, не верю.

Прощаясь со мной на вокзале, спросила у меня, как бы ища ответа:

— Ведь не может быть такого, дядя Коля?

Что я мог ей сказать? Мог только ее успокоить, мог только сказать, что надо как можно скорее пережить эти все перестроечные времена, и тогда наступят лучшие дни, обязательно наступят.

Из редких, но подробных писем, которые я получал от Лидочки в течение последующих лет, я узнавал, что она с Геннадием и верными товарищами все-таки пытается продолжать дело покойного отца. Вот, добились того, что начали строить еще одно здание детского сада, где она стала работать воспитательницей, потому что к этому времени она была матерью двух дочерей.

В последнем письме радостно сообщила, что ждет третьего ребенка, хотя по нынешним временам ее поступок почти все считают едва ли не безумием, так как начали жить в другой стране, а значит, жить стали по-другому, теряя последнее — надежду. А вот эту исчезающую надежду она сохраняет в своей душе, и письмо закончила словами отца, который часто их говорил: «Перемелется — мука будет».

И вдруг — опять это страшное «вдруг»! — телефонный звонок от старшей племянницы: «Лидочка пережила клиническую смерть».

Решаю однозначно: надо срочно лететь.

И вот — я снова в родном шахтерском поселке. На такси подъезжаю к дому старшего брата. В палисаднике — та же голубая ель, стройная, высокая. Те же самые, как всегда, распахнутые настежь ворота. Во дворе — никого, и в сенцах — никого. Двери не заперты: открываю одни, другие, вхожу на кухню.

За столом, у широкого окна, сидит Тамара, одна-одинешенька, что-то вяжет. Господи, какая она постаревшая: седые волосы, глубокие морщины на когда-то красивом лице, погрузневшая. Увидев и признав меня, приподнимается, но тут же садится и плачет, не скрывая слез. Я обнимаю ее, бережно глажу по редким, седым волосам, сердца не чувствую — оно как будто не бьется.

— Жива, жива Лидочка,— почти шепотом, с трудом выговаривает Тамара, вытирая краем полотенца слезы.

Чувствую, как сердце начинает биться, отпускает боль в груди. Присаживаюсь напротив.

— Здравствуй, Тома. Это я.

— Вижу, вижу. Спасибо, что приехал.

Минуту-другую молчим.

— Я сейчас что-нибудь соберу на стол. Поди, проголодался с дороги.

— Потом, потом, Тома.

Она легко соглашается, начинает говорить о Лидочке.

Я узнаю о том, что Лидочка едва не померла: ребенок умер, а сама Лидочка пережила клиническую смерть.

— С того света, почитай, вернулась. Долго лежала в больнице, а сейчас, слава Богу, дома, под наблюдением лечащего врача. Нет, не здесь, а в своем доме, который они с Геной купили три года назад, вот только ремонт никак не могут закончить. Дом недалеко, через две улицы.

— Проводить не смогу — ноги совсем отказали, дальше двора не хожу. Сейчас позвоню, Гена придет. Пока не работает, ухаживает за женой. А дети у старшей живут. Все дочки мои дружно живут, между собой не ссорятся, такого за ними не водилось. И ко мне прибегают, по очереди, вот только меня ругают: «Зачем я полы мою?» А я вот привыкла в чистоте жить завсегда, Леонид, бывало, хвалил меня: «И в кого ты такая чистюля уродилась?»...

Она опять пытается встать, но я усаживаю ее:

— Да не волнуйся ты, Тома.

— Ты уж извини, поухаживай за собой, — и с грустью признается. — Совсем расклеилась. А тут еще Лидочка.

Я встаю, чтоб включить электрический чайник, а тут на пороге — Геннадий.

— Дядя Коля, здравствуйте.

Невысок, худощав, нет уже курчавых волос, прическа короткая, жесткая, темные круги под глазами, острые скулы щек. Но в уголках тонких губ — приметная улыбка, и взгляд — внимателен, цепок.

— Идемте, дядя Коля. Лидочка ждет.

— Как она там? — спрашивает Тамара.

— Да уже получше. Гораздо получше, — и опять напоминает мне. — Так идемте, дядя Коля.

Молча идем по широкой, травянистой улице. Выходим на другую, такую же широкую, травянистую. С дороги — невысокий спуск, и вот он — дом под цинковой крышей, с высоким забором и калиткой, выкрашенной в голубой цвет. Входим во двор. Здесь не так уютно — штабеля досок, холмики песка, строительный мусор.

— Потихоньку строимся, — говорит Геннадий, предупреждает. — Осторожнее.

— Ничего, понимаю, — соглашаюсь я.

В спальне — тихо, прохладно, сумеречно. На окнах — плотные шторы. Я не сразу замечаю кровать, а на кровати — полусидящую Лидочку, до подбородка прикрытую одеялом. На голове — шерстяной платок.

И первое ощущение: Лидочка словно в коконе. Неужели эта молодая женщина, с бледным лицом, с заостренным носом, и есть та самая Лидочка, которую все эти годы я держал в памяти, — веселую, живую, с широко открытыми чистыми глазами.

Я присаживаюсь к изголовью, целую ее тонкие, холодные руки, лежащие поверх одеяла.

— Спасибо, дядя Коля, — тихо, вполухе, говорит Лидочка и слабо улыбается, глядя на меня. — Вот какая я, нехорошая.

— Поправимся. Какие наши годы!

— И ты вон сединами покрылся, — откровенно говорит Лидочка и опять слабо улыбается. — Укатали сивку крутые горки.

В потухшем взгляде ее блеснули искорки.

— Гена, открой шторы. Сколько можно в полутьме сидеть.

Геннадий послушно одергивает шторы, и спальня наполняется полным полуденным светом.

— Сними платок, надоел.

Геннадий опять-таки послушно снимает платок, и упрямая прядка волос спадает на ее высокий лоб. Лидочка поправляет прядку, садится поудобнее. Геннадий молча подбивает подушку, присаживается рядом, готовый выполнить любую ее просьбу.

— Спасибо, дядя Коля, навестили,— и улыбка становится все более открытой, нежной.— Значит, жить будем.

— А куда мы денемся. Обязательно будем.

Слышен стук в дверь. Геннадий быстро выходит, и вскоре появляется вновь.

— К тебе, Лидочка, Татьяна Викторовна,— радостно сообщает он, пропуская вперед высокую, статную женщину в белом халате. Радуемся вместе с Геннадием, когда слышим оживленный голос Татьяны Викторовны:

— Дела, как вижу, пошли на поправку. Это просто замечательно, Лидочка.

Мы с Геннадием выходим во двор, оттуда, через открытую калитку в огород. Он широкий, просторный, весь в грядках и кустарниках, с длинным сараем, который примыкает к дому, и с колодцем справа, а рядом с колодцем — пушистая, высокая и стройная, голубая ель.

— Откуда она здесь? — удивляюсь я.

— Отец из питомника привез, целый десяток. Два саженца себе оставил, а другие у него разобрали все желающие. Один из них здесь оказался,— и счастливый Геннадий сообщает.— Понимаешь, все саженцы прижились. Все вот такими красивыми елями стали. Прежний хозяин даже прослезился, так жаль ему было с красотой расставаться. Мы с Лидочкой рядом с елью этой беседку построим. Место открытое, веселое. И все — как на ладони. А пока, как, видишь, только столик поставили да две скамьи. Садись, дядя Коля, за встречу да за Лидочкино здоровье можно и по рюмашечке. Как, не возражаете?

Да разве можно возражать. Я был в данную минуту счастлив, как и Геннадий, счастлив, что у Лидочки, как выразилась врач Татьяна Викторовна, дела пошли на поправку. Да и рад я всему, что вижу: этот дом, этот огород, эта голубая ель. Да и погода выдалась на славу. Ярко светило полуденное солнце, приятно ласкал наши лица легкий ветерок, остро пахло укропом, и стояла такая удивительная, почти деревенская тишина.

Во все это я хотел уже верить, да и как не верить, когда живет вот такая Лидочка, светлая, веселая, с широко открытыми улыбающимися глазами, с которой всегда легко и радостно, даже в эти тяжелые времена. А то, что она сейчас переживает,— временно: главное, что клиническая смерть миновала ее, значит, она будет жить, и будет только хорошее; и эта хорошая, настоящая жизнь вся еще впереди...

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

СКАЗ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЕ И СТАРОМ СОВЕТНИКЕ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», тульском литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Проживает в городе Туле.

Правитель страны тяжело занемог. Ни его лучшим врачевателям, ни иностранным докторам не удавалось остановить скоротечную сердечную болезнь. Понимая, что смерть рядом, призвал он к себе наследника.

— Ты видишь, сынок, час мой уж близок,— обратился к нему правитель слабым голосом.— Не грусти слишком и главное долго,— ласково улыбнулся он, заметив слезы в несчастных глазах сына.— Это будет во вред той многотрудной службе, что предстоит тебе нести... Я знаю, печаль твоя искренна. Но знаю также, что велико в тебе желание править самому... Ты готов — и по годам зрелым, и по знаниям обширным, к коим стремился всегда, и по опыту участия в делах государственных. Но я, грешный, не успел предостеречь тебя от роковых ошибок. И не успею — сил нет и ясности нужной в голове... Ты, родной, поговори с моим старым и любимым советником. Прими его наставления, словно мои. А теперь иди, я устал.

Вскоре после этой встречи правитель умер и был похоронен с величайшими почестями. Народ горевал за исключением редких недовольных. При пожившем страна переживала разные времена. Но в целом достаток граждан все же немного повысился, число их возросло, и жить они стали дольше. Соседи страну уважали и даже побаивались, что помогало ей сохранять себя.

Новый правитель, исполняя отцовскую волю, рассказал о ней тому самому советнику и приготовился выслушать его. Тот прежде задал вопрос, снабдив его небольшой преамбулой. «Обычно,— начал советник,— новые правители, приняв полноту власти, пытаются произвести изменения в жизненном укладе страны. Это естественно, ибо всегда есть, что улучшить, а старые правители на исходе своего служения не склонны что-либо менять. Да и всякому новому правителю попросту хочется оставить свой след в истории, превзойти успехами предшественника. Скажите, Повелитель, что и как скоро Вы намерены переменить в стране? Будьте уверены — слова Ваши останутся тайной».

— Я замыслил немало коренных реформ и не собираюсь медлить с ними — уверенно заявил правитель.— Хочу изменить организацию власти в столице и провинциях, порядок сбора налогов, правила торговли, правосудие, состав армии, расходы на ее содержание, работу лечебных, образовательных домов и много еще чего. Наш народ достоин лучшей жизни.

— А кого Вы хотите взять себе в помощники, на кого опереться в делах? — спросил опять осторожно советник.

— На единомышленников, тех, кто верит в мои замыслы, на исполнительных профессионалов. Мне не нужны сомневающиеся. Да и крупные, чересчур самостоятельные люди — ни к чему. У них высокие амбиции. От них жди измены.

Советник не выдал своего разочарования ответами, а попросил лишь дозволения рассказать об одном наблюдении из собственной жизни. Правитель согласно кивнул и советник стал говорить. «Много лет назад,— вспоминал он,— довелось мне выполнять посольскую миссию в одной далекой стране. Рек и озер в ней было так много, что люди селились на них вблизи берегов, размещая свои легкие дома на деревянных сваях. Один дом опирался на десять-пятнадцать свай. Со временем они прогнивали и хозяева домов заменяли их. Делали это поочередно, одну сваю за другой, постоянно контролируя устойчивость жилища. Процесс замены выглядел простым и надежным. А представьте, Повелитель, что произошло бы, когда хозяева взяли бы менять сразу половину свай? Конечно, дом зашатался бы и развалился или его сорвало б с опор и унесло течением... Вы, Повелитель, простите старика за дерзость, хотите менять одновременно более половины свай. Не поступайте так, даже если все хорошо продумали... Что касается помощников и соратников, то мнение мое опять Вам не в поддержку. Но делать нечего, раз поклялся отцу Вашему сказать, что думаю, не юлить. Я согласен с теми, кто считает так: нет в окружении правителя крупных, самостоятельных личностей — это метка слабого правителя, а есть они — метка сильного».

Правитель дослушивал советника с потемневшим лицом, еле сдерживая гнев. Скупно попрощался и велел тому уйти. С тех пор жил советник в отдалении, не нуждаясь ни в чем. Но продолжал пристально следить за событиями в стране.

Прошло около десяти лет. За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаями нива, люди мирно трудились и богатели. Бедность осталась уделом лишь неисправимых ленивцев. Правитель вспомнил о старом советнике и решил навестить его, если тот еще жив. Советник оказался долгожителем. Одряхлевший, но с юношеским блеском в глазах он торжественно встретил правителя.

— Добро пожаловать в мой дом, Повелитель,— склонился старец в поклоне, как мог.— Нет границ счастью моему видеть Вас.

— Вот, приехал отблагодарить тебя. Не забыл я твоих слов, не забыл.

— Я это видел все последние годы, Повелитель. Какая еще мне нужна награда!

Михаил Левин-Алексеев
(г. Аликанте, Испания)

СПРОСИ СВОЮ СОВЕСТЬ!
(главы из романа)

Родился 8 июня 1961 года в г. Новокузнецке Кемеровской области. Окончил Кузбасскую государственную Академию, факультет физического воспитания. На факультете активно занимался наукой и руководил научно-исследовательским студенческим кружком. Служил в рядах Советской Армии в г. Чехове Московской области в инженерно-технических войсках. По окончании службы в 1984 году, приехал в Новокузнецк и преподавал на родном факультете. В 1986 году — тренер-исследователь по легкой атлетике в Центре Олимпийской подготовки при Кузнецком металлургическом комбинате им В. И. Ленина. В 1990 году поступил на службу в органы ОБХСС МВД. 10 лет проработал на оперативных должностях. Дослужился до начальника уголовного розыска УВД по югу Кузбасса. В 1998 году с успехом окончил Омскую Академию МВД по линии уголовного розыска. С 1999 года живет с семьей в Испании, где занимается бизнесом.

Читателям нашего журнала предлагаются отрывки из романа М. Левина-Алексеева «Спроси свою совесть!». По этой книге в данное время на киностудии «Мосфильм» создается сценарий для телевизионного многосерийного фильма. Действие романа развивается в России во второй половине 90-х годов прошлого столетия.

В одном из больших промышленных городов Сибири, в «Отделе борьбы с экономической преступностью» местного УВД работает начальником отделения немного странноватый, но очень талантливый оперативник Дмитрий Золотов. Однажды от своей ключевой агентуры он получил очень странное сообщение. Никто, даже сам Дмитрий, не мог тогда предположить, что его отделение при проверке этого агентурного сообщения столкнется со шпионской сетью британской стратегической разведки МИ-6, работающей на территории России. Нити его оперативной разработки под кодовым названием «Прииск», связанной с незаконной добычей драгметаллов в сибирской тайге, неожиданно приведут оперативников на самый верх российской элиты, которую и «охаживала» английская МИ-6...

*Моей матери Александре и отцу-фронтовику Гавриилу,
бывшему узнику фашистских концентрационных лагерей
смерти, а так же всем честным оперативным
сотрудникам МВД, ФСБ и ГРУ, истинным Патриотам*

АГЕНТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ «СТЕЛЫ»

Россия, юг Западной Сибири, апрель 1996 г.

Оставив Ксению у родителей, Золотов вернулся в город только под вечер. Неприятный разговор с матерью, поначалу больно задевший его мужское самолюбие, сейчас окончательно отошел на задний план. За годы работы в криминальной мили-

ции Дмитрий выработал в себе привычку полностью абстрагироваться от бытовых неурядиц и сосредотачиваться на главном. Главным в его жизни была и оставалась любимая работа. Это чувство всегда согревало его сердце в нелегких ситуациях, позволяя сохранять и самообладание, и холодный рассудок. Вот и в этот момент голова оперативника была занята только мыслями о тайнике и той информации, которую вложил в него агент. Как опытный опер, Дмитрий не питал особых иллюзий по поводу ценности заложенной информации, тем более что за последние три месяца от основных его агентов не поступало ничего такого, что представляло бы хоть какой-нибудь оперативный интерес. Это обстоятельство чрезвычайно злило Золотова, привыкшего всегда иметь в зачатке «стопудовый» расклад, хоть по какому-нибудь маломальски значительному делу.

Но надежда тонкой нитью в его сознании все же присутствовала. Удача должна была улыбнуться ему, потому что он для этого делал если не все, то почти все. Дмитрий был фанатиком своего дела, потому как использовал в оперативной работе все то, что увлеченно изучал по конспирологии. Некоторые из его коллег со значительной долей иронии считали Золотова «повернутым» на службе, и за глаза иногда крутили пальцем у виска в его адрес. Но, как считается, ничто так не угнетает человека, как успех другого. А вследствие этого, у некоторых его сослуживцев, просто кипела черная зависть за очевидные успехи. И немудрено, потому что Дмитрий всегда был напичкан достоверной «компррой» на фигурантов, прямо сказать, с серьезным должностным положением из различных государственных структур. Его задания в «серверку», подкрепленные подробнейшей справкой-меморандумом, всегда встречались разведчиками на ура. Начальник ОПО УВД Зуев Виктор Иванович так и говорил о золотовских «заказах»*: «Они, заразы, настолько интересны, что даже мои старшие групп оперативного наблюдения, мимо меня, напрямую звонили Золотову в кабинет, и интересовались, когда ожидать новых его заказов на СН по оперативным разработкам! Это что такое!? Безобразие!» — сокрушался Зуев. А с этим, Дмитрий никогда не заставлял их ждать, за что разведчики ОПО его искренне уважали.

Что касалось всей его действующей агентурной сети, то Золотов трепетно оберегал ее от возможной расшифровки и, как показало будущее, не напрасно. Со своей «второстепенной» агентурой он встречался лично, по их звонку, либо по его собственной просьбе. Встречи всегда проводил на явочной квартире. Содержателем явочной квартиры была семидесятивосьмилетняя Зоя Сергеевна Майдурова, носившая псевдоним «Хозяйка». В прошлом «смершевка», она унаследовала этот псевдоним и была преисполнена гордостью тем, что, работая на органы в таком преклонном возрасте, до сих пор оставалась в строю. Еще в пору ее бурной комсомольской юности вожака-активистки Зоя дала себе клятву: «...до гроба помогать ОГПУ-НКВД в борьбе со шпионами империализма!» Так сложилась жизнь Зои Сергеевны, что за пролетевшие в одно мгновение годы труда — сначала в заводском парткоме, а затем и в горкоме партии — у Майдуровой никогда не было семьи. И от этого она любила Дмитрия Золотова, как родного сына — за учтивость и обходительность. Да, собственно, использование ее квартиры давало ей, хоть и небольшие, но так необходимые в нынешнее время деньги. Золотов приносил их ей исправно — в начале каждого квартала.

Словом, механизм не давал сбоев. Золотовского, теперь уже бывшего, резидента «Мохова», Майдурова знала лично и не переносила на дух. Иногда, слушая через комнатную отдушину, как Дмитрий ведет беседу с агентом, при встрече женщина жаловалась ему: «Господи! За что только этому старому пердуну, да еще и ветерану ОБХСС, ты, Димка, деньги казенные платишь?! Он ведь тупой как «сибирский валенок». А какие тупые вопросы задает, господи, пень этакий! Вот раньше у нас в

---

* «Заказ» на СН — на сленге оперативников — задание на скрытое наблюдение (СН).

СМЕРШЕ...» Сергеевна, конечно, была человеком еще той, сталинской, «закваски», и в жарких спорах с Золотовым, нынешний режим поносила нещадно, называя его не иначе как «воровским пиром ельцинских обмылков», и что, мол, Еськи Сталина на них нет! Он бы их в стойло живо определил! Майдунова была почему-то твердо убеждена, что лет через 20—25, все вернется на круги своя, только без таких врагов народа, как Горбачев и Ельцин.

Еще в квартире у Зои Сергеевны хранился уникальный подарок ей от самого Серго Орджоникидзе — десятикратный цейсовский бинокль, который она берегла, как зеницу ока. Почти каждый вечер, удобно устроившись у кухонного окна, она выключала для маскировки свет и до поздней ночи наблюдала в бинокль за всем, что ходило, ездило и вообще двигалось в ее дворе. В толстой общей тетради Зоя Сергеевна аккуратно вела записи всех госномеров машин, заезжавших во двор, их марку и точное время приезда-отъезда. Даже не забывала подробно заносить в тетрадь внешние данные людей, приезжавших на этих машинах, и в какой подъезд именно они входили. Тех, кто жил с ней в одном доме давно и кого она знала в лицо лично, Сергеевна во внимание не брала. Ее интересовали только незнакомые посетители. Что это? Старческий маразм или отголоски эпохи всеобщей подозрительности тридцатых годов? Возможно. Но однажды (надо ж такому случиться!), около полутора лет тому назад Зоя Сергеевна Майдунова помогла оперативникам ОУР Центрального РОВД раскрыть тягчайшее преступление, о котором даже в «Вестях» по ЦТ говорили. Это был жестокий квартирный разбой с убийством всей семьи, где жертвами стали даже малолетние дети — десяти и тринадцати лет. Поднятый по тревоге весь оперативный состав ОУР УВД проводил поквартирный обход и опрос граждан всего дома. Дошли, разумеется, и до Зои Сергеевны. Вот здесь-то у выдавших виды опытных сыщиков «убойного отдела», что называется, «отпали» от удивления челюсти. Старушка выдала им почти полный расклад по делу, указав и марку, и номера машины, и количество человек с подробным описанием внешних примет, так как преступление было совершено среди бела дня. Железин вызвал Майдунову в свой кабинет и при всем построенном руководстве аппарата СКМ и УВД наградил растроганную пожилую женщину японским телевизором марки SONY. За оказанную помощь в раскрытии этого зверского убийства, имевшего в области сильный общественный резонанс, она получила от МВД РФ восемнадцатидневную путевку в санаторий и денежную премию с Почетной Грамотой МВД РФ. Все четверо отморозков получили по заслугам, от двадцати лет лишения свободы до пожизненного заключения.

* * *

Взгляд Золотова задержался на больших электронных часах главпочтамта, фасад которого выходил к главному выходу городского Парка имени Юрия Гагарина. «18.53, нужно поторапливаться, уже темнеет», — отметил про себя оперативник. Дмитрий проворно юркнул в подъезд дома, находившегося в десяти метрах от ограды парка, который служил ему всегда для быстрой смены внешности перед выходом к закладке. В подъезде Золотов, как всегда, прислушался. Вроде тихо. Так! Быстро меняем одежду и остальное! Резким движением руки он скинул с плеч черную кожаную куртку и, молниеносно вывернув ее на обратную сторону светло-коричневого цвета, вновь набросил на крепкие плечи. «Порядок! Так, теперь морда! Быстрее!» Дмитрий достал из нагрудного кармана полиэтиленовый пакетик с усами, ловко наклеил их на лицо, затем надел «профессорские» очки с темной роговой оправой и посмотрел на себя в крохотное зеркальце. «Хм! Хо-орош! Узнать кому-нибудь будет непросто! — хмыкнул Золотов. — Ах, да, черт, чуть не забыл!» И его правая рука выдернула из кармана куртки черную кожаную бейсболку. Быстро нахлобучив ее на голову, он

вновь взглянул в зеркало: «Класс! — шепнул Золотов.— Так. Все. К закладке!» И оперативник быстро вышел из подъезда, так как уже отчетливо услышал шаги людей, спускавшихся по лестничному маршу.

Дмитрий брел медленным шагом по узенькой аллее вечернего парка, где еще утром с дочерью наблюдал прилет первых весенних скворцов. В конце аллеи, к которой он направлялся, под старой березой стояла одинокая скамейка с чугунными поручнями. Золотов знал, что с агентом он условился оставлять тайник слева от скамейки в полуметре от поручня. Тайник представлял собой контейнер в виде металлического полого гвоздя, вонзенного по шляпку в землю и внутри которого было вставлено сообщение агента. Не дойдя до места закладки метров двадцать, оперативник остановился и с осторожностью осмотрелся. Опытный взгляд подсказывал, вокруг все спокойно, если не считать шелеста капель начинавшегося дождя на прошлогоднюю сухую листву. В воздухе стоял отвратительный запах кошачьей мочи — верный признак того, что местечко в парке являлось малолюдным. С выемкой Дмитрий не спешил. Еще раз, убедившись в отсутствии поблизости постороннего присутствия, он не торопливо подошел к скамье. Присаживаться не стал, со стороны это выглядело бы нелепо: «Какой же баран станет мочить задницу о сырую скамейку при непрекращающемся дожде! — весело подумал Золотов, хотя у самого от холода уже не попадал зуб на зуб.— Ладно, черт ее задери, эдак и до ангины с гриппом недалеко!» — буркнул он и, ловко ковырнув землю у скамейки, резко выдернул металлический гвоздь-контейнер с агентурным донесением. Наспех очистив железку от сырой земли заранее приготовленной тряпочкой, Дмитрий сунул ее в карман куртки и, выматерившись по поводу погоды, почти бегом припустил домой.

Уже третий год как Золотов перевел на тайниковую связь свою особо ценную агентуру. Ту агентуру, которую ценой невероятных усилий Золотов приобрел в руководствах крупных промышленных предприятий, банках, и, что было особо ценным для него самого, — в городской администрации. Принимая такое решение, Дмитрий, прежде всего, опасался за безопасность этих людей, сотрудничавших с ним и владевших серьезнейшей информацией о связях «городских боссов» с матерым криминалом. Как показала жизнь, действия Дмитрия были весьма и весьма своевременными.

Подобно кровавому топору располосовала на куски Советский Союз горбачевская «катастрофка» в 1991 году. К этому и трем последующим годам аналитики Минобороны РФ и ФСБ относят «великий исход» из оперативно-розыскных и контрразведывательных структур МВД и ФСБ такого беспрецедентного количества высококвалифицированных сотрудников, на подготовку которых государство затратило огромные деньги. В большинстве своем это были уникальные люди, составлявшие золотой фонд Оперативного Щита России. Причиной тому явился обрушившийся на страну жестокий экономический и духовный кризис. В умах и душах наших граждан, считавших себя до этого представителями величайшей державы мира, поселился хаос. Потеряв духовные и вообще какие-либо ориентиры, страна оказалась на политическом перепутье. Ельцину с окружающей его сворой воров-чиновников было глубоко наплевать на население страны, не говоря уже о тех, кто носил погоны. Там начался «шабаш ведьм», а точнее — отчаянная дележка государственной собственности. До силовых структур никому не было дела. В результате такого предательства Армии, МВД, ФСБ — на всех защитников Отечества обрушился моральный и материальный произвол. За всю многовековую историю существования Руси никогда наше воинство не испытывало такого унижения от своих правителей!

Как следствие, оперативные подразделения силовиков покинула целая армия талантливых и порядочных людей. Но были, разумеется, и негодяи, которые до этого затаили злобу на государство, подонки, которые только и ждали подходящего мо-

мента. И они начали изливать годами копившийся в них политический яд на свой же народ, из которого сами вышли. Но эти — это еще полбебды. Страшнее всего было то, что среди покинувших оперативные структуры сотрудников, к сожалению, было много и таких, которые повернули свое оперативное мастерство против своих же соотечественников. А вот это уже было крайне серьезно. Такое «воинство» представляло серьезную угрозу для внедренной в окружение их новых хозяев агентуры. Опытные, дерзкие, прекрасно обученные государством контрразведывательной работе, эти люди за деньги рыли землю, обеспечивая безопасность бизнеса своих хозяев от конкурентов. Что им стоило вычислить «пенька» внедренного оперативниками УБОП в «хозяйское» окружение? Да ровным счетом ничего! Ну, а уж затем «убрать» его навечно — дело техники!

Нигде и ни у кого еще в мире не было таких обученных частных охранных структур, как в России. В то время любая служба безопасности маленького частного банка дала бы сто очков форы даже службе охраны Президента США. Это значительно осложнило работу всех оперативных аппаратов МВД и ФСБ. Холодный рассудок и волчье чутье своевременно подсказали талантливому оперу необходимость незамедлительной смены рисунка агентурной работы и усиления мер по ее конспирации. Дмитрий принял все мыслимые и немыслимые меры для недопущения возможности расшифровки ценной агентуры и для ее физической защиты. «Жаль, что это понимают единицы,— думал Золотов о своих коллегах по оперативной работе.— Очень жаль! Так можно людей погубить! Ведь в отличие от нашей внешней агентуры, которая добывает стратегические разведанные за рубежом, внутренняя — действуя в бандитской и «беловоротничковой» мафии — рискует куда более серьезно! Внешняя — что: если засветился, не дай Бог,— тюрьма. Сроки, правда, приличные, но, в конце концов, у тебя есть надежда на то, что в будущем тебя обменяют на такого же, как ты, сцапанного нашей контрразведкой. Во всяком случае, государство будет за тебя хлопотать, и жизнь твоя вне опасности. А вот внутренней агентуре, в случае провала, уже ничем не поможешь. В наше время — это почти что верная гибель! В лучшем случае, изувечат так, что лучше бы убили, чем потом всю оставшуюся «жизнь» на инвалидной коляске пороги райсобесов обивать. Бандиты «стукачкам» не прощают никогда и ничего...»

Дмитрий полностью исключил личные встречи с основной агентурой. В создавшейся ситуации слишком велик риск «засветки», тем более что она внедрена на особо охраняемых новыми службами безопасности объектах. Это обстоятельство вынудило Золотова обратиться к старому фронтовому другу своего отца — Максиму Николаю Зиновьевичу — высококлассному токарю, с которым Золотов-старший в 1941 году уходил на фронт. Для Дмитрия он изготовил три одинаковых контейнера в виде гвоздя большого размера. Состоящие из двух свинчивающихся между собой частей, они были полые, специально для вложения в них тонкого свертка из бумажного листа. Гвозди-контейнеры имели острейший наконечник, и поэтому легко входили в грунт от небольшого нажатия ногой.

Следующее, что сделал Дмитрий, это обучил агентов зашифровке информации на случай, если закладка попадет в чужие руки. Шифр Золотов придумал сам, причем для каждого агента он был индивидуальным. Это было и удобно, и достаточно безопасно.

На город уже опустилась темнота, когда порядком замерзший и совершенно обессилевший от событий прошедшего дня, Дмитрий добрался до квартиры. Переступив порог, он молча разделся и, не проронив ни единого слова, заперся в своей комнате. Алевтина ни о чем его не расспрашивала. Она кожей чувствовала те нелестные слова, отпущенные родителями Золотова в ее адрес, которые он принес в себе.

Все было написано на лице у мужа, когда он раздевался в прихожей. Жена просто не рискнула с ним заговорить, зная, что сейчас его лучше не трогать.

Золотов сидел в мягком кресле и расшифровывал агентурное сообщение под монотонную дробь дождя, стучавшего по оконному карнизу его комнаты. Дождевые капли, словно тикающие настенные «ходики», уже отсчитывали первые минуты надвигающихся событий. Событий, которые внесут в жизнь Дмитрия Золотова серьезные коррективы и откроют ему глаза на совершенно неожиданные грани людского бытия, без которых его честная душа русского офицера, возможно, так и блуждала бы в холодных лабиринтах человеческой лжи и слепой ненависти. Через полчаса, когда часы в зале отсчитали одиннадцать вечера, на рабочем столе оперативника лежало расшифрованное агентурное сообщение.

Агентурное сообщение

Сообщаю, что вчера, 3 апреля 1996 года, я находилась на Дне Рождения у Вольмана Леонида Юрьевича — директора коммерческой фирмы, занимающейся лесозаготовками и изготовлением таможенных деклараций для городской таможни. Из присутствовавших на торжестве были: директор городского рынка Джафаров Альмар Маасия-оглы с женой Тамарой; начальник налоговой инспекции города Шелепов Владимир Васильевич с женой Ириной и начальник СКМ УВД города Гайман Давид Аронович. Еще присутствовали три незнакомых мне мужчины. Один из мужчин говорил с прибалтийским акцентом, его звали Курт. Остальных мужчин звали Алексей и Геннадий. Правда, мне показалось, что лицо Алексея мне знакомо. Где и при каких обстоятельствах я его видела — не помню. К концу банкета все находилось в состоянии сильного алкогольного опьянения. Гайман ушел раньше всех, за ним ушли эти трое мужчин. Находясь на кухне, я, совершенно случайно, обнаружила за оконной шторкой оброненный на полу ежедневник Вольмана. Так как этого никто не заметил, я ушла в дальнюю комнату и успела переписать из ежедневника заинтересовавшее меня место:

- Урочище Воскресенка, 60 км от Ольхового П. есть ш. (место знаю)
- За заказ тр. верт. и перевоз драги по частям — 1200\$ за каждую ходку
- Австрийцу — 20000\$, но это только за вещь. Монтаж своими силами.
- Прикрытие (официально) пилорама в Серебряном (на лес 3-й категории)
- Бригада — бывшее зечье, твари конченные, но надежные.
- 1. Юрьев Игорь Васильевич (погоняло: «Волына»)
- 2. Масленников Виктор Павлович («Масленок»)
- 3. Байзых Анатолий Гарревич («Хохол»)
- 4. Хайбулин Зефар Мустафьевич («Бай»)
- 5. Кононов Юрий Борисович («Рысак»)
- 6. Каитанов Эдуард Николаевич (погоняло: «Профессор», он же бригадир)
- 7. Юнц Александр Вильгельмович («Туз», этот «В Законе»)
- Рабочим по 300\$ в месяц.
- Прикормка местного мента из расчета 1000\$ (но не больше).
- Шелепов в доле (за связи и сбыт).

Более ничего такого, что представляло бы интерес, добыть не представилось возможным. Ожидаю новое задание через у/м.*

Стелла

---

* У.М. — условленное место (в данном случае тайник).

«Во дает баба! Вот это хрень она выцепила!» — сердце Дмитрия запрыгало, как у неопытного любовника в ожидании выхода любимой дамы из ванной комнаты. Золотов некоторое время пребывал в полном замешательстве. Ничего подобного от своей ключевой агентуры он не получал никогда. Ну, были, правда, у него когда-то серьезные сообщения о готовящейся даче взятки какому-нибудь там государственному клерку. Или вот еще, например. Агентура «заложила» какого-то чиновника в присвоении государственных денежек. На них он прокатился с молодой любовницей на отдых в Эмираты, сказав при этом жене, что убывает в командировку в какой-нибудь далекий «Северодришинск» на учебу. Это еще куда ни шло! Но как относиться к содержанию вот этого сообщения, оперативник не знал.

«Что такое эта драга? Кто такой австриец, за какую такую «вещь» Вольман ему должен отвалить аж 20000 «зеленью»? И, наконец, кто такой «мент»? И, главное, за что нужно его «прикормить» из расчета 1000 \$?» Дмитрий судорожно цеплялся за каждое написанное в сообщении слово. Ничего не понятно. Пока что он сообразил одно: аббревиатура «тр. верт.» — не что иное, как транспортный вертолет. И еще! Основательно подтверждаются упорно ходившие среди оперов слухи о том, что, начальника СКМ УВД полковника Гаймана связывает с директором городского рынка Джафаровым «нечто большее», чем знакомство. От доверенных лиц, работавших под началом Джафарова Альмара, Золотов знал, что личностью он был просто омерзительной и к тому же очень хитер. Что могло связывать начальника криминальной милиции УВД города с ранее судимым торгашом — для Дмитрия оставалось пока не ясным. То, что явно не только «дружеские чувства» — было ясно, как божий день. Тут Дмитрий вспомнил, как два года назад у него развалилась оперативная разработка по одному начальнику районного торгова — Игорю Лурнику, на чьей территории находился рынок Джафарова. К тому времени, правда, операм уголовного розыска от источников уже поступала информация что Джафаров и Лурник — друзья — не разлей вода, и что агентура доносила об их совместных интересах по героиновому бизнесу. Золотов тогда, хоть и ознакомился с сообщением, которое ему принес урка,^{*} но отнесся к нему скептически. Мол, иногда и «пенек» соврет — не дорого возьмет! А напрасно. Тогда у Дмитрия пропали уличающие Лурника документы, в которых невооруженным глазом было видно хищение четырех с половиной тонн этилового спирта. Как они пропали — для Золотова осталось загадкой и по сей день. Тогда у Дмитрия в момент реализации оперативного дела не было, что называется, и тени сомнения в том, что работающий возле Лурника агент точно вывел опера на то место, где хранились эти документы. Оставалось только организовать внезапное изъятие и возбудить уголовное дело по еще тогдашней статье 93 УК РСФСР — хищение собственности в особо крупных размерах...

Но не тут-то было! Буквально за считанные минуты до того, как оперативники нагрянули с обыском, документы исчезли. «Растворились, как газы в воздухе!» — зло и грубо пошутил тогда Паршин. Конечно, это был провал. Взбешенный до белого коленья Золотов, долго ломал голову вместе с Паршиным: как это произошло?! И самое главное — КТО СДАЛ разработку Лурнику? «Агент? Не может быть!» — убеждал себя Дмитрий. — Она — человек проверенный! К тому же горела жгучим желанием свести счеты с Лурником. Нет, агентесса отпадает точно. Но тогда — кто?»

Об оперативном деле Золотова знали только начальник ОБЭП Паршин и, разумеется, по команде — начальник СКМ Гайман Давид Аронович. Вот только в этот момент Дмитрий и вспомнил лицо Гаймана, когда принес ему на подпись постановление о начале оперативной разработки по директору районного торгова Игорю Лурнику. Тогда Дмитрий, глядя на Гаймана, еще подумал: «Что-то ты, Давидушка, какой-то

---

* «Урка» — на сленге оперативников — сотрудник уголовного розыска.

напряженный стал! С чего бы это?» Впоследствии Гайман частенько интересовался ходом дела у Золотова, а вот по другим делам такого интереса за ним что-то не замечалось. Лурник, как и следовало ожидать, вышел сухим из воды, а вот Золотов за срыв оперативной разработки получил свой первый и пока единственный «строгач» от областного начальника УБЭП генерала Воробьева.

«Да-а, Давид! — ухмыльнулся про себя Золотов, — Ничего конкретного, к сожалению, на тебя пока нет, но с этого момента с тобой нужно ухо держать востро! Не красивая, понимаешь, про тебя информация всплывает. Выходит, ты не из наших войск, а из неприятельских, гнида!». Золотов все перечитывал и перечитывал сообщение агентессы. «Нет, все-таки что-то тут есть интересное», — думал Дмитрий. Эта бумажка, что лежала на столе, заряжала его каким-то непостижимым искрометным азартом. «Теперь не мешало бы поближе познакомиться с фигурантами», — решил Золотов. Он еще не до конца поверил в серьезность прочитанного. «Однако не могла же агентесса выдумать такое из головы! Она же это «сдула» с личного дневника Вольмана!.. Кстати кто такой? Почему не знаю?.. Значит, Стелла «за что купила, за то и продала», и лишний раз ее беспокоить не имеет смысла, — заключил Дмитрий. — Да и опасно это, в конце концов. Смотри, под какими волками ходит. Ладно, буду проверять не спеша, авось что-то действительно стоящее вывалится. Ведь этот, как его там, Леня Вольман, — он же собирается какого-то мента «прикормить» за «штуку зеленки. А это уже по вашей части, мистер Золотов!»

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА *

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Обля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

...Мудрец шепчет...

Вот они: властители мира... президенты-уродцы... политики-психопаты... политологи-параноики... профессора... футурологи... журналисты... артисты... сексологи... гомосексуалисты... лесбиянки...глобалисты... концептуалисты... онанисты... банкиры... бизнесмены... безмужние жены-кликуши... которым — по Фрейду — снится атомная бомба... и они сладострастно гладят дрожащими перстами ее фаллическую округлость, стреловидность...

Сатана многолик...

А слова его заумны... темны... как переключки, как хрипы гиен в ночи...

Йиыыы!..

И когда всемирная ложь и блуд перейдут все границы земного ада —

Эти Бомбы!.. Ракеты!.. Лазеры!.. Подводные лодки — заговорят!.. задымятся!.. оживут!.. запляшут!.. рванутся!..

---

* Продолжение; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

Стратегические ракеты с адовыми бомбами — это Летящие Голгофские Гвозди
Второго Распятья Христа!

Воистину!

Они полетят в Ладони... в Святые Запястья... в Запыленные Чуткие Стопы Хри-
ста...

И от этих горящих ядерных Гвоздей Христос навсегда покинет землю и уйдет
навек в небеса...

Вместе с Моисеем... с Буддой... с Мухаммадом...

Второго Пришествия уже не будет...

И для кого Оно, когда земля станет пуста...

...Внезапно Судия приидет и коегождо деяния обнажатся...

О, Господь!..

Отодвинь Сей Час!..

О, Боже!..

...Ночь плывет над псковской деревенькой Синий Никола...

Полная серебропещущая Луна стоит в небе...

Огонь в печке-притопке давно погас...

Давно уже спит старуха Варвара...

Спят осел Хунук и коза Малька...

Березовое тепло от печки сморило всех...

...Только не спит тысячелетний странник, Цыган Мировой Мудрости, Ходжа На-
среддин...

Он шепчет, улыбаясь:

— О, Господь!..

Я не хочу быть пророком...

Я лишь муравей на Твоей Ладони!..

Я лишь суслик-тарбаган, учуявший близкий пожар иль землетрясение и бегущий
из норы, чтобы оповестить других сусликов...

Но!..

О, властители мира сего!.. но вы не спите... у вас бессонница ночного вора... та-
ти...

И потому вы носитесь по миру с горящими угольями...

И тайно алчете спалить этот мир, погрязший в вашей лжи и в грехе нелюбви... в
рабской нищете покорных народов...

О, святая простота и нищета!..

...Мудрец шепчет...

У Аллаха... у Бога — нет денег...

Все деньги у шайтана... у сатаны...

И потому те, у кого много денег — слуги сатаны...

Если долго глядеть на деньги — можно увидеть мелькающий хохочущий лик сатаны...

Банкиры видят этот скалящийся лик...

А бедняки — нет...

Банки — это смертельные тромбы в теле человечества...

От них идет погибель на народы...

И если случится Последняя Война — над сгоревшею землей будут летать пачки, стаи недогоревших нераспечатанных банкнот...

И лик сатаны будет хохотать над землей опустевшей...

Но кто увидит его...

Банкиры открыли самый страшный закон совокупленья денег...

Как люди и звери, совокупляясь, порождают людей и зверей — так и деньги, совокупляясь в тайных хранилищах, порождают шальные деньги — убийцы, раковые клетки человечества...

Айхххх!.. Мне зябко и страшно от этого закона банкиров!..

Но!..

Господь, Хозяин Миров, помилует и не даст спалить Эту Блаженную Землю...

...Эту сребролунную ворожащую древлерусскую избу, похожую на старую лошадь, у которой ребра — как ломкие бревна.....

Эту потухающую сладостную печку, струящую тепло...

Этого пропыленного от тысяч дорог осла...

Эту сребролунную беззащитную изумруднооую козу...

Эту сребровласую, спящую на печи безвинно кроткую, как Тысячелетнее Русское Православие, русскую старуху...

...Мудрец шепчет...

Но!..

Кротость пред Богом, но не пред сатаной...

Но!

Кто слышит живых мудрецов, когда не слышат Вечных Небесных Пророков...

Сон объял мир...

Мудрец шепчет, но никто не слышит Его...

Кроме Творца...

Кроме Хозяина Вселенского Огня...

А Он с отеческою улыбкою склонился над блаженною Землею...

И над русскою избою...

...А по осенней золотой Руси бредет улыбочивый вселенский батюшка Никола Чудотворец с тремя узельцами злата...

Батюшко!..

Ждут Тебя в каждой русской избе, в каждом доме, в каждом граде...

Батюшко!..

Ждут Тебя не из-за злата...

А из-за любви... одиночества... и упования...

Блаже!..

ПРОСТЫЕ МЫСЛИ

Москва — Кондара — 2014 г.

...Мудрец сказал:

— Мне кажется, что все мы утонули в
Океане словоговоренья.

Все мы во власти блудного многословия,
которое сокрывает истину...

Дорога к простому Читателю затерялась в
серпантинах словес.

Похоть многоглаголанья — великий грех...

А так хочется найти слова, которые были
бы понятны и академику, и доярке...

Да где они — эти простые слова и мысли?..

Но попытаемся, Читатель мой!..

Я вспоминаю несколько притч...

...У Мудреца спросили:

— Какая гора — самая высокая?..

Какое море — самое глубокое?..

Мудрец сказал:

— Самая высокая гора — это та, с которой говорили Пророки!..

Самое глубокое море — это море блудных словес Горбачева...

В этом море утонула одна шестая часть суши... Великий СССР...

И еще одна притча.

...Однажды мудрец сладко уснул на берегу весенней реки... но проснулся от
страшных воплей, криков...

Мудрец открыл глаза и увидел мечущегося по берегу человека...

Тот кричал:

— О, Всевышний!.. В мире развелось так много президентов! политиков! поли-
тологов! футурологов!.. профессоров!.. журналистов!.. писателей!.. поэтов!.. магов!..
певцов! философов!..

И мне нечего делать в этом мире... Я стал безработным!.. Никто не хочет слушать
меня...

Мудрец печально спросил:

— Кто ты, несчастный?..

И тот прошептал:

— Я шайтан... безработный одинокий шайтан... Сатана...

И еще одна притча:

...Вот Спаситель Иисус Христос учит с Горы...
И народ слушает Его... внимает Ему...
Люди склоняют грешные пыльные головы...
Божья мудрость-благодать изливается из Великих Уст...

Но вот Спаситель умолк и отошел в пыль дороги...

Тогда стали говорить Апостолы...
А за ними — прохожие рыбаки... и торговцы...
А за ними — фарисеи... книжники... уличные златоусты...
А за ними — жены-мироносицы...
А за ними — говорливые прохожие... и нищие зеваки...

Много их было...

Много часов говоренья миновало...

И все устали, забыли в океане пыльных блудных словес — о Чем говорил Спаситель...

А Сам Спаситель, устав от иссушающих, пустынных, мертвых слов — давно уснул в тени блаженной немой оливы...

Только Левий Матфей собрал Золотые Вечные Слова Христа, как некогда собирал подати...

...Так один человек спас Человечество...

После этих трех притч (две из коих принадлежат мне) я попытаюсь простыми словами поведать о наших запутанных трагических днях...

(Продолжение следует)

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Сергей Жигалин

(г. Ефремов)

Сергей Валентинович Жигалин родился в 1946 году. Работал учителем, художником-оформителем, методистом. Издал 3 книжки стихов.

...СТАЛИ ВЕТРОМ, ДЫХАНЬЕМ, ЗЕМЛЕЙ

Год рождения — сорок шестой.
В сорок пятом отец возвратился.
...А они не вернулись домой.
И никто не родился.

Раз не жили — не будет смертей.
Ничего: ни надежды, ни муки...
Их не счесть, нерожденных детей,
неродившихся внуков.

В молодых человеческих лесах
эта смертная просека — в вечность —
зачеркнула живые сердца
и ушла в бесконечность.

Вдруг — так мало мужчин, много вдов
и остались невестами девы.
И не будет любовью любовь,
и без листиков древо.

...Стали небом, дыханьем, землей,
в камне выбитой бронзовой строчкой,
стали ветром, цветком и травой...
Но не сыном, не дочкой.

Молодыми остались они.
А над полем трепещущий ветер.
...Неоставленный след войны,
бесконечный итог войны:
нерожденные дети.

МОСКВА 3 КИЕВ. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ. 2014

Маше (Марычке) из Киева

Прощай, любовь из Киева. Весна
Уже идет на оба наших дома...
Витчизны дым с Майдана.
И война — Подарок европейского содома.

Бил снайпер метко в «Беркут» и в майдан.
Но полетели разрывные пули
В сердца простых людей из наших стран —
Твое, мое, чеченца и гуцула.

Я — русский. Я — казак. Не либерал.
Он держит ваш жовто-блакитный прапор,
Где начертил уже нацистский каннибал
Знак нового хохляцкого гестапо.

Дымы Отечества — Витчизны дым
Тревожными смешались облаками...
Да не падут они свинцом на Крым,
Хохлам не разлучиться с москалями!..

Прощай, моя любовь! В сердцах зима
И лед, который не порушить ломом.
Коричневая с кровушкой чума
(Европе плюс!) на оба наших дома...

Осень. Скоро зима. Листопад
Мне весна задавала вопросы.
Отвечал я на них много лет.
Зажигает печальная осень
На прощанье торжественный цвет.

Я бреду по тропинкам устало...
Дни ушедшие словно листва.
Все свершилось, случилось, настало...
Жизнь моя превратилась в слова.

Обернулась нежданно стихами:
В них мечтал, ошибался, любил...
Срифмовал все ответы... на память...
Да вопросы давно позабыл.

...Разве новое слово услышу?
Небывалый вопрос невопад?
Сердце бьется все тише, все тише...
Осень.

Скоро зима...

Листопад.

**НА ЦЕЛУЮ ДЕРЕВНЮ
УМЕНИЛИСЬ СТРАНА...**

Деревня Колыбелька

Ромашковое море и
крохотный лесок.
Спускается в подгорье
прозрачный ручеек.

Летят по веткам белки,
у хаты дремлет кот.
В деревне Колыбелька
Аленушка живет,

и ситцевые глазки
нечаянно цветут.
Тихонько бродит сказка,
оставшаяся тут.

Гостей кот манит лапкой
на будущие дни.
Живет Алена с бабкой,
остались здесь одни.

Уехал, кто моложе,
угасли старики.
И бабушка итожит
ушедшие деньки.

Старушка ляжет скоро
в последнюю постель...
И крикнет черный ворон,
под белую метель.

Аленушка уедет
и сгинет старый кот...
Увидит путник редкий:
никто тут не живет.

И ситцевые глазки здесь
больше не цветут.
Ушла куда-то сказка,
разруха бродит тут.

Деревня Колыбелька.
Шагать бы по росе...
Из этой колыбели
когда-то вышли все.

Грустят в лесу деревья,
печалится луна...
На целую деревню
уменьшилась страна.

ЛИСТЬЯ-СЛОВА... С. ЕСЕНИНУ

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова*
Сергей Есенин

Землей когда-то листья станут снова,
В ней крохотное семечко взойдет
Побегом слабым, а быть может, словом,
А слово нежной грустью расцветет.

И зазвенит на ветках птичий щебет.
А кружево из света и теней
Сведет земную тяжесть с лунным небом...
Соединит грамматика ветвей

Зеленый лист с листком, со словом слово,
Тьму земляную — чистый ветерок.
Жить, как и умереть — давно не ново...
А слово, всем привычное — росток

Из бывших слов, из облетевших листьев
К иным стихотвореньям и лесам,
К простому свету несказанных истин
И к юным человеческим голосам.

Поэт играет? — нет, живет словами,
Сгорает сердцем, чтоб тебя согреть...
Береза шепчет нежными листками
О том, чему процвести и умереть.

МАМА

Моей маме, Жигалиной Марии Игнатьевне (в дев. Осипова), 1.4.1923 (Хутор Калиновский, г. Фролово) — 14.2.2011 (санаторий им. Дзержинского, Воронежская обл.). Казачка, труженица, дама... Вышла замуж за Жигалина Валентина Максимовича в 1940 г. Шесть лет ждала его с войны... Прожили с отцом 65 лет... Более 50 лет работала библиотекарем.

Материнское сердце — не камень.
Верит, любит, прощает и ждет.
...Я опять уезжаю, и мама
Провожает меня до ворот.

Уезжал я мальчишкой когда-то,
а теперь уезжаю седой.
Не считайте внимательно даты:
мама есть — я еще молодой.

Сколько было поступков упрямых!
Сколько раз — только шаг до беды.
Но вздыхала и верила мама:
все хорошее — там, впереди.

Уезжал я и вновь возвращался,
чтоб ненастье в судьбе переждать.
Все менялось, и все оставалось:
Тихий дом... мама, матушка, мать.

...Ты слезу вытираешь украдкой.
Осентяешь в дорогу крестом...
Только сердцу бывает понятно:
все хорошее — мама и дом.

* * *

Течет прозрачная тоска...
За небесами небеса,
реки неспешный ток.
Благословенные леса,
песка чистейшая коса
и лилии цветок.

Локатор лепестков раскрыт,
воспринимает мир,
судьба переместилась в быт,
смысл бытия надежно скрыт —

невидимый пунктир.
Зачем явились в белый свет,
зачем же ночь нежна?
Как на вопрос найти ответ...
Жизнь — сладкое стеченье бед,
бесхитростно сложна.

Ответом белого цветка
сквозь благодать воды
на плавной нити стебелька
со дна протянется рука,
как водный знак звезды.

Течет прозрачная тоска
из глубины веков.
Мешает ветер облака,
свеченье белого цветка
и вечность мотыльков.

Николай Титов
(г. Ефремов)

Николай Иванович Титов родился в 1947 году. Журналист. Публиковался в журналах «Советский воин», «Крокодил», газетах «Красный воин», «Книжное обозрение» и других. Издана книга стихов «Зоревой свет Родины».

КОЛОДЕЗНЫЕ ЖУРАВЛИ

Уж встала мать, прибрав лежанку
И принесла охапку дров.
Скрипел журавль наш спозаранку,
Из глубины таща ведро.

Гремела цепь, вода плескалась,
На срубе лед, как слой слюды.
Все это в памяти осталось
Со вкусом вместо той воды,

Ржаного хлеба русских печек,
Моченых яблок в январе.
Неистребимый дух овечий
Витал повсюду во дворе.

Тут в сенях свињи поросились,
Телят держали с первых дней.
Как часовые по России
Торчали вежи журавлей.

Их грузом были камни, рельсы.
Легко вздымала их рука.
А сруб народные умельцы
Вершили так, что на века.

Теперь вода из крана льется
(Как без него мы жить могли?)
Исчезли журавли колодцев
И с наших речек журавли.

И мельниц мшистые плотины,
И крыш солома, и плетень.
За техпрогресс мы заплатили
Душою русских деревень.

Гудит иное время ныне,
Иные люди и дела.
Нет той открытости в помине,
Той простоты, того тепла.

Сходились бабоньки у сруба
И — в разговоры, во весь пыл.
Колодезь был в деревне клубом,
Газетой, радио он был.

Объединял людей колодезь.
А ныне что объединит?..
Вот особняк. Окно, как прорезь
Прицела.

Душу леденит.

КАПРИЧОС

Диссонансы

Сон разума рождает чудовищ

Ф. Гойя

Непонятно: лицо или зад чей?
А глаза — ничего не свято.
Молох — времени нашего зодчий.
Эти — шайка его и свита.

Эти души бескрылы и хромы
И ко всем повернулись тылами.
Не найти нам дорогу к храму,
Что мощена сердцами усталыми.

Непролазно людское болото.
В нем жируют, бросая корки,
Те, кто выпрыгнул из партбилета,
Словно чертик из табакерки.

Под пята к ним попали разом мы,
Куда ж далее колесо вести?
Породил их не сон разума,
Породил паралич совести.

СВЯТОЙ РОМАН РЯЗАНСКИЙ

*«Со всех сторон нахлынули они,
Иных времен татары и монголы»*

Н. Рубцов

«А вера эта — суеверье.
В ней истины ни капли нет.
То сатанинской шапки перья,
К гибели ведущий свет» —
Такие речи в ставке ханской
От стен, полков своих вдали
Вел светлый князь Роман Рязанский.
Об этом хану донесли.
Доставлен князь пред очи хана.
Тимур, подняв в руке Коран,
«Что есть сие?» — спросил Романа.
«Обман!» — отвечивал Роман.
Хан замолчал, грозя глазами,
От гнева, удивленья бел —
Князек растерзанной Рязани
С ним спорить дерзостно посмел!
«Холоп! Ты примешь веру эту,
Иль голова слетит с плечей!»
«С муллой мне знаться проку нету,
Уж кликни сразу палачей».
С хмельной пирушки ли, с одра ли
Князь ставил жизнь свою на кон.
Стальными крючьями содрали
С живого кожу и на кол
Надели голову, ликуя,
Рязанской гордости дивясь.
Зачем же смерть себе такую
Бедовый уготовил князь?
С «высот» сегодняшних, к примеру,
Могли б мы так сказать ему:
Мол, если любишь свою веру,
Ругать чужую ни к чему.
Не признавал князь плюрализма.
На душу копотью легла
Ему спаленная Отчизна,
Опустошенная дотла,
Рязань под саваном из пепла,
Его побитая родня.
В нем ненависть жила и крепла,
Благоразумье заслоня.
Ему ль покорствовать, немя,
Тянуться из последних жил?
Меч под рукою не имея,
Как меч, он слово обнажил.
Как в бой пошел с дружиной верной,
Поднявши пращуров копье...

Романе, княже благоверный,
Даруй нам мужество свое!
На Русь, степную и лесную,
Опять нагрянула беда.
Аркан на шее захлестнула
У нас иных времен орда.

СВЯТОША

Уж в хоромах след его простыл.
Позабыл булат, коня и латы.
Он сменил на тихий монастырь
Княжеские шумные палаты.

Тут живут без зла и без утрат.
Ни двора не нужно, ни кола им,
Святослав, в крещении Панкрат,
Приняв схиму, звался Николаем.

Поросло минувшее быльем,
И охоты, и пиры, и сечи.
То он у соломенных ульев,
То он носит воду, топит печи.

Трудится в мороз он и в жару,
Хлеб не горек и не тянет ноша.
Ведь не зря его еще в миру
Так и называли: князь Святоша.

Отдавая должное уму,
Прямоте, правдивости и чести,
За судом и миром шли к нему
Братья, не ужившиеся вместе.

Жалок властолюбия угар.
И, не зная совести и страха,
Друг на друга шли, как на врага,
Олега племя, племя Мономаха.

Они грызлись из-за городков,
За уделы вспыхивали свары.
И висел над Русью звон подков,
Трепыхались крыльями пожары.

Он мирил всех, не жалея сил,
Вырывал вражды змеиной жало.
Сам же только на врагов Руси
Свой клинок булатный обнажал он.

...Тихая обитель. Не гордись.
Самый скромный из монашьяй братья,

Как щиты, поленья рубит князь
И не знает лучшего занятия.

Вот опять в монастыре возня.
Иноков смущая и тревожа,
Понаехали к нему князья,
Просят: рассуди нас, брат Святоша!

...Где теперь такой авторитет?
Все проворовались поголовно,
И на всем, куда ни глянешь,
словно Безвременья и безлюдья след.

МЕД

Пел сверчок без страха и заботы,
В сталь окошко заковал мороз.
Немцы ели мед, нарезав соты.
Обсосавши, сплевывали воск.

Знать, не углядела мать девчонку,
Что к столу шагнула, будто в рай.
Ростом с веник, протянув ручонку,
Властно так потребовала: «Дай!»

Видно, Бог один для всех на небе
И все видит, хотя так высок —
Повернулся стриженный фельдфебель
И подал большущий ей кусок.

Немцы улыбались, лопотали,
Вспомнив сразу про детей своих,
И еще кусок мальчонке дали,
Что за печкой прятался от них.

Добряки... Угрюмый, неученый,
Плюнул дед, пошел дрова колоть
И косился на подвал, где пчелы
Мерли у разграбленных колод.

ПИР

— Ешь папаня. Ешь, кому сказала!
Вон, еще полчугуна яиц.
Все авось свое, а не с базара.
Все равно сожрет проклятый фриц.

Фронт был близко. Крепла канонада.
Вырастало зарево в ночи.
— Ешьте веселее. Не для гада
Оставлять такие вот харчи.

— Не могу, Марфутка! Стало в горле.
Шутка ль — целиком съел петуха.
Пусть сожрут и чтоб они померли!
— Ешь! — опять командует сноха.

Не оставлю извергам ни крошки!
Все одно — найдут, куда ни спрячь.
...После будут мерзлые картошки,
С лебедою праздничный калач.

Будут, тюрю похлебав, пустую,
Забеливши каплей молока,
То пахать, то рожь валить густую,
Молотить и веять, а пока —

Пир горой, невиданный аж с детства.
Сразу шел за завтраком обед.
Если б можно было раз наесться
На все десять следующих лет!

БАБКА

Она вразвалку — ноги больно —
Все ковыляет по двору.
Она всегда и всем довольна.
Что Бог ни делает — к добру.

К добру, что сына посадили,
А то б кого-нибудь убил,
И что старик уже в могиле,
А то уж больно много пил.

И что племянник без работы,
А то бы тоже пил дуром.
К добру, что дочка без заботы
Живет давно уж за бугром.

Там не барак — апартаменты,
Но пишет, не забыла мать:
Какие, мол, медикаменты
Вам из Израиля прислать?

А ей к добру, что все болезни
На каждый выдох и на вдох
Вдруг обнаружили, полезли.
Не отвернулся, значит, Бог!

Глядишь, грехи будут прощены,
Как дочка говорит, до йот...
Вот то, что внуки не крещены,
Ей все покоя не дает.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

В НЕСТИНАРКЕ

Дует ветер. С моря ветер дует...
Водоросли дух несут морской.
Ветер и колдует и волнует,
навевая свежесть и покой.

Все, что море к берегу прибило:
и ракушки, и дерев стволы —
в натюрморте красочном застыло
у обломков каменной скалы.

На песке (по-майски — не горячем)
жмутся чайки белизною крыл.
Меж собой они и мы судачим,
зря не тратя на беседу сил.

Стайки чаек, отдохнув, вспорхнули —
продолжать рыбацкие труды.
Бурунов барашки всколыхнули,
дергая рыбешку из воды.

Рядом протянулась Нестинарка
с шорохом судьбой истертых шин.
Было здесь не холодно, не жарко —
вдалеке от горности вершин.

Но болгарский воздух, без сомненья,
воздуху кавказскому — сродни.
«Кисело мяко» — дарит вдохновенье.
«Плиска» — освежает наши дни!

Обретенье главное — соседи!
Тост за них поднимем как всегда!
Чтоб они, приятные в беседе,
с нами не старели — никогда!

НА ПЛЯЖЕ

На пляже в Нестинарке — суета!
Песок развозит грузовик старинный,
кряхтя на поворотах: «Трах-тах-та» —
никак не отвезет и половины.

А скоро «отдыхательный» сезон:
нагрянут отдыхающих когорты,
начнется долгий летний марафон,
нахлынут дети, дамы, майки, шорты...

В цветном калейдоскопе закружит
гостей российских в вихре Нестинарки.
Тут будет стол накрыт, стакан налит,
и грянут тосты, от спиртного жарки.

Там кто-то соблазняется легко,
оставив дома «старого оленя»...
Не быть «кисело мялко» молоком!
Ведь он храпит, ну как биндюжник Бенья.

Поэтому трудиться суждено
бульдозерам, грузовикам и людям.
О них не снимут модного кино,
но мы труды их — вряд ли позабудем!

УТРО

А птички все: «чив-чив», да «фьють-фьють-фьють»
вперегонки галдят весенним утром.
Морская гладь играет перламутром,
но не дает в глубины заглянуть...

Вот так и мы — лихачим и хохочем,
распахивая широту души...
Все друг для друга вроде хороши,
но глубже — не пускаем, между прочим...

СУЛТАН В НЕСТИНАРКЕ

Здесь те места, где, в мыслях дерзновенный,
бывал не раз великий Сулейман,
перед походом оголяя верный,
карающий нещадно ятаган.

Его паши — всю плели интриги,
между собой раздув вражды пожар.
А Сулейман, сорвав судьбы вериги,
готовил к бою верных янычар.

На скакуне к заливу Нестинарки
примчался он найти душе покой,
чтобы в боях, где будет очень жарко,
чуть охладить горячий норов свой.

Песчаный берег. Чайки. Ветер с моря...
Султан присел на каменный валун,
оставив в прошлом кровь сражений, горе
и даже тихий стон скрипичных струн.

А где то там, в Стамбуле, Роксалана —
улыбчивая, властная Хуррем,
ввела порядок свой, для турок — странный,
в традиционный издревле гарем.

Все подчинив желанию рабыни —
поднять себя до царственных высот.
Она была жестокой. И поныне
о ней молва не лестная идет.

Ее мечта была проста до боли —
освободить престол для сыновей.
Разрядами своей могучей воли —
она крушила жизнь других людей.

Два грешника, повязанных любовью:
Хуррем и всемогущий Сулейман —
вели детей к Османскому гнездовью
сквозь кровь сердечных и телесных ран.

Но море — бесконечностью пленяло...
Дарило свежесть мыслям и словам...
Султану чуть теплей на сердце стало,
как будто только посетил хамам...

Вот так и мы. На край земли готовы
бежать, лететь, бывшее теребя,
чтобы, осмыслив прошлое, по новой —
прийти к себе, сбегая от себя...

Вячеслав Алтунин

**ПОД МУЗЫКУ ВЕТРА,
ДОЖДЕЙ И МЕТЕЛЕЙ**

(Цикл стихов из нового сборника
«Книга прощаний»)

Вячеслав Васильевич Алтунин родился восьмого февраля 1951 года в деревне Песковатое Белевского района Тульской области в семье сельских учителей. В Белеве закончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского государственного университета, после окончания которого работал в районных и областных газетах Тульской области, отдав журналистике более тридцати лет.

Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор и соавтор нескольких книг, публикуется в разных тульских литературных альманахах.

Выпустил три авторских сборника стихов: «Единственная жизнь» (2002), «Корни» (2005), «Перед Небом» (2013). Подготовлены к печати несколько книг стихов и прозы. В своем творчестве автор, главным образом, размышляет о жизни и смерти, об истинных и ложных ценностях, о пути к Богу, к вере.

Лауреат литературной премии Союза писателей России «Бежин луг» имени И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России». Член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ.

В СНЕЖНЫХ ПОЛЯХ

А в снежных полях —
Угодия сна.
А в снежных полях
Всегда тишина.
А в снежных полях —
Таинственный свет.
И вечен здесь прах.
И времени — нет...

Алмазы — с небес.
Алмазы — с земли.
Щетиною лес
Чернеет вдали.
И чувствуешь: вот,
Всерьез, без игры,
Он здесь, этот вход
В иные миры!

ХУДОЖНИК ПИШЕТ

Все замерло. Художник пишет.
На всем — безмолвия печать.
И гром старается потише
Греметь иль вовсе замолчать.

Стоят, едва дыша, деревья,
Из-за спины на холст глядят.
И город, сумрачный и древний,
Вдруг посветлел, как будто рад.

Художник пишет, как умеет,
Являя людям жизни свет.
К нему и смерть сейчас не смеет
Приблизиться: резона нет.

Художник пишет, а в предместье,
Нарушив ход небесных дел,
Во мраке сгрудились созвездья,
Мечтая, чтоб запечатлел!

И облака легли на крыши.
И гомон суеты угас.
Все замерло. Художник пишет.
Он мир творит. Он Бог сейчас!

ЗАРОСЛИ ДОЖДЯ

Пойдем бродить по зарослям дождя!
От них светлее темная округа.
В журчание прозрачных чаш уйдя,
Увидим мы и небо, и друг друга.

О заросли дождя! Недаром в них
Обыденного не услышишь звука.
Но там звучит небесный светлый стих,
Тревожа сердце радостною мукой.

О заросли дождя! Услышим мы
В них пение небесного органа,
Давида величавые псалмы,
Стихи шестой главы от Иоанна!

Глаза омоем и прозреем вдруг.
И вечности приняв благословенье,
Почувствуем, что свято все вокруг,
Что Сам Творец живет в своем творенье!

ВОРОН

Нет ни солнца над миром,
Ни луны, ни звезды.
Рыхлым льдом, словно жиром,
Все заплыли пруды.
Ожиревшие птицы
Дремлют возле двора.
Лето все еще снится,
Словно было вчера.

Тонут в сизом тумане
Сад и поле, и лес.
Тополь светел и странен,
Как посланник небес.
С поволокой во взоре
Осень дивно легка...
«Кра-кра-кра!»,— это ворон
Прилетел сквозь века.

ОСЕННИЕ ЗЕРКАЛА

Осенние сияют зеркала.
Сияет лес в своем цветном уборе.
Голубизна прозрачна и тепла.
Луна ущербна. Но багряны зори.

Немыслимый и многоцветный свет!
И облаков блистающих громады.
Ни серости, ни тьме здесь места нет.
Здесь даже гленье чисто, ароматно!

И мир на миг весь ясен, до основ.
И тишина в округе не случайна.
Безмолвие превыше всяких слов
И снов... В нем — бытия святая тайна.

РЫДАНЬЕ ЗИМНЕГО ДОЖДЯ

Зимний дождь разрыдался о лете,
О сияющей дальней стране
В этом тусклом, холодном рассвете,
В этом стыллом, обыденном дне.
И природа давно неживая.
И под вечер, как и поутру,
Его слезы звенят, застывая,
Превращаются в лед на ветру...

Неприступен в своем безучастье
Этот мир. Но, идя стороной,

Зимний дождь разрыдался о счастье,
Невозможном в юдоли земной!

В ГЛУШИ

Поздний август. Пора звездопада.
Я один на бугре над рекой.
Изливается в душу прохлада.
Изливается в душу покой.

Далеко, за полями, в деревне,
В полумраке мерцают огни.
Вот простор мой, родимый и древний.
Отдохни здесь, душа, отдохни.

Здесь знакомо все, мило и просто.
Не слышны здесь раздоры, бои.
Недалече, на старом погосте,
Почивают родные мои.

Сердце чувствует смертную тягость.
Это значит, что скоро уже
Я и сам в эту землю улягусь,
Одинокий и с болью в душе.

Вот и ночь опустилась на землю.
Ароматов и звезд торжество.
Августовская глушь. Не приемлю,
Кроме этих чудес,— ничего.

ПОРА!

«Пора, мой друг, пора!»
(А. С. Пушкин)

Пора под ели и березы,
Под эти травы и кусты,
Под ветры, под снега и грозы,
В просторы, что темны, пусты.
Пора на тот бугор над речкой,
Под православный строгий крест.
Здесь, кажется, почил вечность
И на погосте, и окрест.

Пора! Никто не даст отсрочку.
Ну что ж? Я дожил до седин.
И, как прожил я в одиночку,
Так буду и лежать один.
А славно! Здесь — поля без края,
Курганы. И Ока течет.
И небо. И земля родная.
Чего ж, душа, тебе еще?..

ПЕЙЗАЖ

Рыжие дороги зимы.
Серая пустыня небес.
Белые поля тишины.
И вдали чернеющий лес.
А по вечерам, вечерам —
Синяя, чернильная тьма.
Желтые огни из-за рам.
Мертвая, глухая зима.

Лишь собачий брех иногда
Потревожит стылую тишь.
И текут чуть слышно года
И века над скатами крыш.
И в молчанье мгlistых высот
И полей, где жутко, темно,
Ужас душу вдруг обожжет:
Может быть, я умер давно?

Елена Вотина
(Украина)

Родилась и выросла в городе Ижевске. Проводит занятия с детьми по живописи, лепке и многими видами творчества. Счастливая мама троих детей.

ПОЭТ

Создам я на бумаге образ новый,
Украшу золоченою поталью.
Пусть это будет мальчик, чуть влюбленный,
С прекрасными печальными глазами...
Пусть будет он застенчивым поэтом,
Не уязвленным рифмами, однако.
Пусть будет мудрым, трепетным и светлым,
Способным от чужого горя плакать.
Пусть мальчик, путешествуя по нотам,
Мелодии стихами наполняет.
Не будучи героем, знает что-то,
Что на колени подлецов поставит.

.....
Наступит миг, когда с творцом отважно
Придуманный сюжет посмеет спорить...
И позолота на лице бумажном
Дороже целой жизни будет стоять.
Я наотрез отказываюсь верить,
Что созданное мной не существует.
Откроет мой герой любые двери,
На темном небе звезды нарисует...
Я должен быть таким, как этот парень,
Да крылья поломались встречным ветром...
Придуманный мальчишка со стихами —
Пусть будет настоящим Человеком!

ИНОСТРАНЕЦ

Ну, все! Ты — гражданин другой страны.
Не так, чтобы далек, но все же недоступен.
Ты видишь те же золотые сны,

Ты так же верен, так же неподкупен...
Но только — гражданин другой страны.
А это значит, что другие звезды
Твой освещают путь, и яркий Южный Крест
Тебе пророчит рано или поздно
Забывать всех нас, кто остается здесь...
И яркий попугай заменит неприметность
Берущего за душу соловья.
Прощай, мой друг, прощай!
Теперь от сердца к сердцу
Протянута лишь мысль, что мы — друзья...

* * *

Поднимаясь над собственным тягостным неумением
Выражать свои мысли толково, умно и правильно,
Разрожаюсь, как облако снегом — стихотворением.
Рифмами истекаю, как зверь, на охоте раненный.
Это так больно, как больно рожать было матери.
Это так стыдно, как деньги забрать у слепого.
Это так страшно, как страшно стоять на паперти,
Не находя в себе ничего. Ничего святого.
Чем же я лучше того голодранца-нищего,
Что целый день в тряпье к людям тянет руки?
В шапке лежит, словно мелочь, — четверостишие...
Над головою — небесных мелодий звуки...

БОРЬБА

Я верю, что в итоге все получится.
В чужой игре быть пешками не хочется.
Борись, не отдавайся воле случая,
Не бойся оказаться в одиночестве.
Не удержать живой души оковами.
Свобода и в тюрьме, когда ты веруешь.
Взгляни в глаза холодные, свинцовые...
Реши, чем ради истины пожертвуешь.
Есть власть над палачами у решительных,
Не надо над задачей долго мучиться.
Победа над собой — всего внушительней.
Я знаю, что в итоге все получится!

METAMORPHOSIS

Родиться. Жить. И наслаждаться летом.
Под листьями скрываться от дождя.
Обласканным быть теплым мягким ветром.
Вгрызаться в жизнь с такими же, как я.
Упругим телом отдаваться солнцу,
С друзьями пить хрустальную росу,
Не ожидая дня, когда придется

Мне умереть в моем родном лесу.
И куколкой лежать, теряя память.
И смутно понимать, что это смерть
Меня схватила и не отпускает.
Я жил лишь для того, чтоб умереть...
.....
Кутикула ломается пустая,
Где гусеница бывшая спала...
А бабочка веселая, порхая,
Не помнит, как бескрылою была!

Игорь Лукин
(г. Орел)

Родился в 1988 году в городе Бровары (Киевская область, Украина). В возрасте пяти лет переехал с родителями в город Орел, где в 2005 году окончил школу и поступил в Орловский государственный университет на филологический факультет. В 2010 году окончил учебу в университете и поступил в аспирантуру, где некоторое время изучал творчество А.Платонова. Автор нескольких научных работ по прозе А. Платонова. Печатался в литературном альманахе «Российский колокол».

* * *

Как сладко заснуть среди зноя,
Окунуться в постельные ткани.
И заспать надоевшее горе,
Пока новое душу не ранит.

Так приятно раскрыть одеяло
И оглохнуть на ухо одно,
Забвенье чтобы память уняло,
Как пурпурного цвета вино.

Как приятно вернуться с прогулки
После улиц, увязших в жаре,
Потушить в туалете окурки,
Раствориться в глухом забвенье.

Пусть на улице солнце, как дьявол,
Раскаляется, сходит с ума.
Лишь бы я в забвенье своем плавал
И не видел, не слышал окна.

Лишь бы сон облизал мои струпья,
Между временем сделал разрыв,
Удалил от сетчатки распутье,
Иллюзорное счастье открыв.

Лишь бы потом покрылся затылок,
Чтобы вытекла струями грязь.
Ни страданий, ни грез, ни ухмылок
Не подарит разрывная часть.

Пусть потом отворится сетчатка,
А вокруг уже станет темно.
И вернутся печали обратно
Сквозь открытое настежь окно.

* * *

Воздушный шар летит высоко,
По направлению к лучам —
Он убегает от востока
К американским берегам.

Воздушный шар летит, пылая,
И умалется вдали —
О нем немногие узнают
И оторвутся от земли.

Воздушный шар умчится вскоре,
Покинув сумрак этих мест.
Воздушный шар увидит море
И на земле поставит крест.

* * *

Помнишь сон об ужасной утрате:
Голос ангелов, церковь и гроб?
А потом были водка и скатерть,
Поцелуй и прощание в лоб.

И знакомых толпу возле ямы,
Что несли его тело к земле,
Тот надломленный голос у мамы,
Твои мысли и чувства в золе.

И в сознании было невнятно,
Словно пыльным мешком получил.
Засыпал, просыпался внезапно
И веселую жизнь удалил.

Через месяц открылись сирени,
И черемуха выдала цвет.
Прошлогодние сны на постели
Посылали счастливый привет.

Через год мы опять вспоминали
Сон об ангелах, церкви, свечах.
Прошлогодние листья опали,
Чтобы снова шуметь в облаках.

Переулок за белой больницей
Нам казался тоннелем из сна.

Мы не знаем тот мир за границей —
Только снится нам эта страна.

* * *

Прерванный сон,
Словно прерванный акт половой.
Что-то серое из окон,
Паутина над головой.

Что-то доброе снилось, затем
Так не вовремя веки открылись.
Но будильник пока глух и нем,
И часы за подъем извинились.

Мне казалось ответ уже близко
На волнующий сердце вопрос.
Но глаза отворились так быстро,
Словно скоро идти на помост.

Все же время так мило терпело,
Но на грани счастливой подъем
Разбудил мое спящее тело,
Разорвал недосмотренный сон.

Туалет заревел, выпил чаю,
Недопитого сутки назад.
И опять я в постель возвращаю
Пропотевший под тканями зад.

И опять вырастают полотна
После тягостных утренних дел.
Сон вернулся ко мне беззаботный,
Только скоро наступит предел.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Опустела площадь, ушли музыканты,
Отработало норму такси.
Отработал парад, отслужили пуанты,
И обслуга сказала: «Merci».

Отслужили священники службу,
Отгорели лампы в церквях.
По домам отправляется дружба,
И собаки опять на цепях.

Даже дождь перестал, даже солнце
Перестало блестеть в этот мир.
Даже грусть, даже память не льется,
Выбиваясь из умственных сил.

И вино не играет в бокале,
Папиросы не выпустят дым.
Только дворники площадь убрали...
Даже страх на минуту остыл.

И *она* отпустила запястье,
На последний троллейбус спеша.
Ничего больше нет, даже счастье
Потеряла хмельная душа.

Маргарита Дутлова
(г. Тула)

Маргарите Дутловой 28 лет. Творчеством занимается со школьных лет. Любит писать стихи, рассказы, эссе. Закончила класс с театральным уклоном в лицее искусств г. Тулы. Имеет средне-профессиональное педагогическое образование.

МНОГОТОЧИЕ

Читаю строчки
Пополам —
Многоточие.
Весь мир
Погрыз в суете —
И точка.
А то, что небо
Над головой
Голубое;
И в этом мире
Одиночества
Нас хотя бы
Двое.
Условный знак —
Как в клетке,
И мы идем
По тротуару —
Интеллекту.
А где найти
Возможность
Быть взрослее.
На пути
Восторженности —
И полетели.

КЛАВИШИ

Клавиши, чемодан в дорогу,
Портрет в полный рост,
Что попросить у Бога.
Клавиши, холодный чай,

Кофе по вечерам,
Ты обо мне просто знай,
Ты мне сейчас помоги.
Клавиши, светильник на кухне,
Не запирай дверь, прошу,
Ветер мне в спину будто,
Все же еще зайду.
Клавиши. Воздух на вечность.
Кресло. Газета. Подушка.
Ты же меня послушай,
Где-то теперь беспечность.

ФОНАРИ

Снова по кругу
Блуждаю в ночи,
Болью, испугом
Сердце кричит.
Снова рожают
Недры звонка.
Кто созидает,
Мир без тебя.
Снова безлико
Эхо в дали,
Стало вдруг тихо,
Горят фонари.

КАК ТЫ ЖИЛ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ

Спал и видел много снов —
Как ты слушал ночью имя,
Слышал тысячи врагов.
Как ты жил и думал вечность —
Вечно будешь в суете;
И пришла вдруг бесконечность,
Побывавшая в беде.
Как ты шел и знал, что чудо —
Непременно, но придет —
И не мелочь, и не ссуда —
И удар не отведет.
Как дышал ты — невидимка
В образ, созданный навек,
Целого ли половинка
Или черный — все же снег.
Как же предан незабвенно —
И придуман — не тобой;
Все решенное безумно —
Создано другой судьбой.
Как посмел ты одичало,
Опровергнув, выносить —

Положил ли ты начало —
Головы ли не сносить.
Как сумел так беспощадно
Мысли чистые рубить —
Ты причал, но без причала —
Кем же снова тебе быть?

Николай Мирсков
(г. Раменское)

Родился в 1984 г. на Дальнем Востоке, в г. Хабаровске. Закончил Тихоокеанский государственный университет по специальности инженер ПГС. В данный момент проживает в Подмосковье. Творческому пути дал старт в начале 2015 г., хотя первые попытки делал в 13 лет — один его катрен был напечатан в газете хабаровского Лицея информационных технологий. Проживает в г. Раменское. Творчество посвящается читателям.

ДЕНЬ ТАТИАНЫ

Я, Alma mater посетив,
Увидел в этот день Татиану.
И кажется, что без изъяну,
Пришел, стих ей предвосхитив.
Она стояла, лик склоняя,
В иконе древней на стене.
Студенты мимо, смех роняя,
Спешат в счастливой кутерьме.
Москва. Указ Елизаветы
Воздвиг великий Храм наук.
С тех пор бросают ввысь монеты
Его звонка услышав звук.
Гуляют, водят хороводы,
Пируют власть — веселье ждет!
Весна. И чуткая природа
Зимы ломает старый лед.
Лишь только грусть веков седея,
Чтя Устроительницы век,
О краткой памяти все зная —
Уж так устроен человек...
Забыл мучения Татианы,
Святой, что консульской семьи.
Разрушен ею храм Дианы.
Хулитель сгинул в забытьи!
Христианский свет несла, страдая,
Она с отцом, но острый меч
Сатрапа Севера, сверкая,

Усек святого лика речь.
С тех пор дошедшая та драма
У многих сердца застит стук,
И настоятельница храма
Хранит достойный Храм наук...

СЕЧА

Сапог покрасив гуталином,
Он шел неспешно на войну.
Верна жена его Галина
Была у брэнности в плену.
Стирая мужнину рубашку,
Не ждя от армии потерь,
Кормила деток манной кашкой.
Он, попросившись, вышел в дверь.
Была зима. Врага сметая,
Шла кавалерия. Полки
Коней, наездников теряя,
Паслись у Высшего суда.
Шла сеча. Дважды спозаранку
Атака быстрая, и мгла,
Застив глаза, бойцов изнанку
Оружьем снегу принесла.
Возвившись, страждущих карая,
Среди сей бранной кутерьмы,
Блеск стали, ветер рассекая...
Горят жестокие умы.
Закончив бой, узрев потери,
Обедать, кашляя, бредут,
В свой рок, в страну свою поверив,
Смеша, смеясь, в родной редут.
А муж в свой край, хромой, вернулся,
Обнял детей, жену стремглав.
И снег идет, и круг замкнулся,
Нам прозу жизни описав.

НАПАДЕНИЕ

Чеканя шаг по мостовой,
Шел взвод. Суровы лица в дали
Смотрели. Кто еще живой?
Хитер противник. В день утрясь,
Забыв священный договор,
К прыжку как дикий зверь готовясь,
Одел воинственный убор.
Попрал дозволены границы,
Нарушив мирной жизни бег,
Разрушил города, станицы.

Призвал Всевышнего в набег.
Страда, где молодость и старость,
Жалея только лишь себя,
Рубила головы. Усталость
Привычно чуяла, губя.
Дым черный вился над простором,
Неся страдания. С небес
Летели коршуны дозором.
Вселился к ним кровавый бес.
Лукавый, видя представленья,
Урчал довольно. Чан с водой
Подогревал и угощенье
Варил с тем кто не шел домой...

ПОТЕРЯННЫЙ ЗАВЕТ

В небе смерклось, птицы замолчали.
Тучи, солнце полонив, летят.
Стайки грязных, плачущих дитят
Видят в страхе чудища из стали.
Нестерпимо в воздухе от смрада.
Рой проворных, черных вьется мух.
Уст в уста, гадая, льется слух.
В гости ждет земли родной прохлада.
Остервенело глаз вгляделся в тьму,
Что ползла, летела и бежала.
Мать-земля гремела и дрожала,
Восклица — все свое возьму!
Света, тени рать пускала кровь.
Посекло двуногих плоть не мало.
После брани чище поле стало.
Затянула Мара ум их вновь.
Вспышки света в окнах задрожали,
Застя взгляд свидетелей немых.
Жгли траву, благословя слепых.
Загодя, лишь с разумом бежали.
Но куда не дайся — схрону нет.
Разум на поверку был безумьем.
Он затих в канаве над раздумьем.
Сгинув бесколленно, пал Завет.

УШЛА

Скрипнула дверь.
Ветер пропел погребально.
Кто я теперь?
Солдатом поставлен дневально.
Взглядом в окно.
Тучи в душе и на небе.
Ей все равно.

В думах лишь только о хлебе.
Жизни струна.
Взвизгнув в миноре, стихала.
Мглы сторона.
Боль как с пчелиного жала.
Глупая спесь.
Рынка бездарного сверка.
Грязная взвесь.
Встала меж нами проверка.
Высказал все.
Черточкой крыто бывшее.
Все для нее.
Стоптаное. Алчит иное.
Хмеля стакан.
Белого дыма круженье.
Вечеру пьян.
Взгляда в стекле отраженье.
Стали цевье?
Нет. Не бывать! Наважденье...
Сон. Забытье.
В новую жизнь погруженье.

О БЫЛОМ

Чего на свете не видал:
В судьбу людскую вовлеченный,
Иным внимая, приземленный,
В трех соснах с радостью плутал.
Я видел свет и видел тени,
Друзей терял, найдя врага.
Ему краюху пирога
Отрезав, гнал собак на сене.
Иных уж нет. Бывало, в вечер,
Свет лампы старой погасив,
Судьбы коварной супротив,
Внимал, в душе поставив свечи.
Ходил я в дальние походы
И зрел нездешние края.
Заплыв далече, за моря,
Судьбу крестил с чужим народом.
Любви сиреневой усладу
В года молодые испытал.
С своей вакханкой забывал
Себя и брал ее в награду.
Теперь седой, в чертог я рая
Еще, признаться, не спешу.
Ко рту я трубку подношу
Дела свои припоминая.
Признав в себе я слова дар,
Спешу прожить свое столетье.

Припомнив снова лихолетье,
Пишу к вам этот мемуар.

ТОМЛЕНИЕ ДУШИ

Пока есть у меня в душе томленье,
И неги сладостная боль,
Я буду ждать уединенья
Лишь с ней одной — своей Ассоль.
В дни рока, страшных испытаний,
Знай, ты одна меня спасла.
Себя ты в жертву принесла
Во след презренных восклицаний.
Я помню первое знакомство:
Ты шла с подругой не спеша.
Летит в альков небес душа,
Не заметив вероломства...
Увидев лишь твой чудный стан,
Своими ясными очами,
Был восхищен. И свой изъян
Вдруг прятал сбивчиво речами.
Гуляем в парке вдоль аллеи
На солнце нежась. Время бег —
Не замечая. Глас ветвей,
Где ветер свил уютный брег...
Уж вечер. Друга проводив,
За руку нежную несмело
Тебя веду. В глазах сомлела,
Минутной страстью напоив.
Все помню. Много лет минуло.
Но Музу прежнюю свою
Лелею. Страстию горю.
«Будь счастлив» — сладко мне шепнула.

Полина Пороль
(г. Оренбург)

Студентка Оренбургского государственного университета. Печаталась в коллективных сборниках, в антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!.. Классики и современники о русском языке». Лауреат премии «Гостиный двор», «Чаша бытия». Автор книги стихотворений «Бессонница апреля».

БЕЛАЯ РУСЬ

*Ой ты Русь моя, белая-белая,
Припадаю к ногам твоим смело я*
Микола Адам

«Ой ты Русь моя, белая-белая,
Припадаю к ногам твоим смело я»,
Заблудиться хочу в твоих росах,
Быть с тобою и нищей и босой.

В крестном знаменье сложены пальцы,
Пусть враги навсегда посрамятся.
Пред иконой замру на коленях
Искупить все грехи поколений.

Я героем однажды предстану
Перед вражеским огненным станом,
И, дождавшийся, выстрела в спину,
Навсегда эту землю покину.

А пока я живу тем, что русский.
Что мой путь и тернистый, и узкий.
Что не нужно для подвигов битвы,
Зеленеет в окне моем витва.

«Ой ты Русь моя, белая-белая
Припадаю к ногам твоим смело я»,
Бледнолицая, хрупкая очень,
О тебе я молюсь днем и ночью.

* * *

Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, мánящих звезд.
Будто слышится, кто-то по-детски здесь плачет,
Кто-то звуки знакомых молитв произнес.

На разрушенной паперти древнего храма...
У алтарной стены, что незримо видна,
В благовониях греческого фимиама
Тихий ангел стоит у резного окна.

И столетье прошло, и метели, и годы
Закружились своей чередой беспокойств
Только радость небесной, священной свободы
В том, кто душу свою над землей превознес.

Колокольные звоны Великой России,
Сердце снова трепещет, ликуя в груди.
Вижу свет бесконечно-глубокий и синий,
Очертание вижу креста впереди.

Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, манящих звезд.
Каждый день уходящий для нас что-то значит,
Кто-то звуки знакомых молитв произнес.

ЛЕГЕНДА КИТАЯ

*Ради всего живого на Земле Хоу-и
уничтожил 9 солнц...
Сказание о Чан Э, оказавшейся на Луне*

Может быть, это только мой сон,
Или грезы от яшмовой флейты.
Но со всех обступили сторон
Десять солнц, иссушившие ветры.

На земле не осталось воды,
И деревья поникли от жажды.
На песке оставляя следы,
Жизнь уходит, явившись однажды.

Погуби эти девять светил,
Мы не требуем бóльшего света.
Я душистый осмáнтус растил,
Он погибнет без влаги и ветра.

Пожелтели страницы легенд,
Старый лаоши* прячется где-то.
Древним Солнцем был мир наш согрет,
Память предков веками воспета.

ПАВОЛ ХОРОВ
(перевод со словацкого)

МАМЕ

Мне мама пишет грустное письмо
О том, что беспокойно наше время.
Война приблизится, поставит вновь клеймо
На незащитное людское племя.

И слышен снова вечный зов ее
Для единений, подвигов и битвы.
Но сердце матери надеждою живет
И ищет утешения в молитве.

Душа скорбит, не утихает боль
За чтением библейского сюжета.
Но ей давно предназначалась эта роль,
И мама молится и снова ждет ответа.

Предчувствия, смутившие ее
Известны мне за сотни верст далеких,
И жалость голубем на грудь мою
Приникла нежностью, любовью робкой.

Ее страданья — больше слез Земли,
И до могилы суждена лишь неизвестность.
Так безответны письма ей мои,
Так безответно расстояние — Вечность.

Заплачет мама добрая моя,
И гордость не затмит ей сердца боли.
Душа родного сына, как своя,
Страдает на чужбине поневоле.

Кровавый, страшный, небывалый бой,
Одной надежды мало для спасенья.
Привычный отнят матери покой,
Как лист осиновый дрожит без утешенья.

Все ложь поэта, но задуман стих.
Слова звучат, их воплощенье — Вечность.
Закален штык, и пламень не затих,
В словах поэта жизни бесконечность.

---

* лаоши — учитель.

И в тишине, в безмолвный, мирный час
Вдруг оживает сказанное слово,
Становится естественным для нас
Все отзвучавшее, что было незнакомо.

Гроза событий прежних страшных лет,
Что наших унесла детей невинных,
Нам объяснила: Будущего нет.
Но Родина стоит неколебимо.

И крепостей ее надежен древний щит,
И к облакам стремятся шпили башен,
И тихий свет над Родиной разлит,
И крепка вера в час молитвы нашей.

Так мы взрастили песнь себе о счастье
Под городскими стенами домов,
Она звучит, не глядя на ненастья,
И в воздухе ликует городов.

И эти звуки солнца нам яснее,
И чище, чем весенняя вода.
Пусть матери в победу нашу верят,
Сердец пусть не тревожат никогда.

Мир в каждом звуке, в каждом слове — свет,
Он крепок вновь, и горизонты ясны.
Язык родной спасает нас от бед,
Священное орудие прекрасно.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и четверых внуков.

Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 140 изданиях РФ и за рубежом (в том числе в 37 литературных журналах).

* * *

Она два раза приходила,
Но я ей дважды отказал.
И к небесам подняв глаза,
Она промолвила уныло:
«О боже, что за идиот.
Несется время все быстрее,
А он в плену пустых забот
Никак не может стать мудрее.
Что возомнил он о себе?
Мне говорить: зайди попозже...
Идти наперекор судьбе...
Господь, позволь мне быть с ним строже».
В разрыве туч пронесся свет,
Прогрохотало сто орудий.
И с неба донеслось в ответ:
«Оставь его. Он неподсуден».
Взметнулись тучи как свеча,
Чье пламя в миг последний бьется.
И Смерть ушла, под нос бурча,
Что, все-таки, она вернется.

* * *

Жизнь уходила в Никуда,
А нам казалось,
Что все прошедшие года —
Такая малость.
Что впереди — огромный путь,
И только к свету.
И не придется нам свернуть
С него в кюветы.
А между тем наш светлый путь
Предстал вдруг темным.
И робко бьет тревога в грудь:
Туда идем ли?

* * *

Так хочется порой сойти с ума...
Но трап убрали церберы рассудка.
Не может ум — плавучая тюрьма —
К чужой земле пристать ни на минутку.
Пльвем по воле ветра и судьбы
Навстречу нескончаемым рассветам.
Хоть горько сознавать, но мы рабы
Не нами сотворенного сюжета.

* * *

Жизнь завершается не вдруг.
Она стократно намекает,
Что завершился этот круг
И наше время истекает.
Казалось бы, о чем грустить,
Ведь новый путь еще неясен.
О нем еще нельзя судить,
Вдруг он окажется прекрасен.
Но так устроен человек,
Что вечно перемен страшится.
А ведь по сути жизнь — разбег,
И нужно на прыжок решиться.

* * *

Опаздывать у мудрости в крови,
Поскольку жизнь всегда нетерпелива.
Когда поют ночами соловьи,
Нам некогда внимать их переливам.
Когда уткнемся в жизненный тупик
И кажется — вот время для раздумий,
Застынет жизнь растерянно на миг
И вновь швырнет нас в череду безумий.
И лишь под вечер жизненный закат,
Окутав время красными волнами,

Вернет нас вдруг на много лет назад
Туда, где мудрость тащится за нами.
И встретимся мы с ней глаза в глаза,
И вспыхнут благоглупости пожаром.
И жизнь как виноградная лоза
Наполнится живительным нектаром.

СВЕЧА ГОРЕЛА

Был звон мечей и шорох стрел
Привычным делом.
И воцарялся беспредел
И злость кипела.
Гремели войны на земле,
Не прерывались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Людей швыряло как мячи
Во все пределы.
Но были души горячи,
И кровь кипела.
Встречались люди на войне
И расставались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Людей сжигали на кострах
За непохожесть.
Но мысли их, пройдя сквозь страх,
Давали всходы.
Людские судьбы при Луне
Переплетались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

Во все века сквозь суету,
Сквозь дикость чувства,
Вставали в бой за красоту
Жрецы искусства.
Они парили в вышине,
Не опускались.
Стихи слагались в тишине,
Стихи слагались.

* * *

В неволе родился Орел.
Пришла пора, взлететь собрался,
Но кто-то цепи изобрел,
Чтоб на земле он оставался.

И как он крыльями ни бил,
Но к долгожданному полету
Не приводил орлиный пыл:
Надежно цепи сделал кто-то.
Так человек. Как ни стремись
Ввысь от обманов и коварства,
Тебя магнитом тянут вниз
Упорно цепи государства.

* * *

Сойти с ума в глухую полночь
И по неведомой тропе
Брести до самого рассвета
В немой безрадостной толпе.

Отбросить прочь надежды сети
И Завтра разглядеть в упор,
Чтоб все принять без содроганья
И не вступать с реальным в спор.

Увидеть Правду в пенной браге,
Спокойно принимать хулу.
Как это просто на бумаге.
Как это трудно наяву.

* * *

Тучи над прошлым, и тучи над будущим,
Солнечный луч лишь на миг пропустившие.
Тучи, внезапно представшие чудищем,
В памяти все невпопад закружившие.

Горькие сны, прямо в явь проходящие.
Мудрые мысли, никчемность явившие.
Прошлое как ярый враг настоящего.
Люди, бессмысленно жизни прожившие.

В памяти жизни иные, звенящие,
Колкими искрами душу залившие,
Наперебой в неизвестность манящие,
Чувства горячие, чувства застывшие.

Тучи над прошлым, и тучи над будущим,
Слезы досады дождями пролившие.
Символом, в сердце извечно пребующим,
Кружат, все в мире в себя поглотившие.

РОМАНС

Сегодня, в этот час, когда луна
Блестит на небосводе как монета,

Я спеть хочу о той, что влюблена
Была когда-то в русского поэта.

О, как же этот жребий был тяжел!
Любить того, кто сам себя не любит,
Того, кто лишь на миг сюда зашел,
И только выйдет, сразу все отрубит.

А сколько было снесено обид,
Когда ее бросал он ради Музы.
И сердце до сих пор еще болит
От тяжести утраченного груза.

Но есть в печали сладостная боль.
И, вспоминая то, что с нею было,
Она чуть слышно шепчет, как пароль,
Стихи того, что некогда любила.

Свет лунный льется через окна в дом,
Она воспоминаньями согрета...
И мало кто подумает о том,
Что без нее бы не было поэта.

* * *

Любовь!
Как звучно это слово!
Как много тайн сокрыто в нем!
Его я повторяю снова,
Душа горит его огнем.
Любовь!
Божественное слово.
В нем скрыта сущность бытия.
В нем — мироздания основа.
В нем — смерть. В нем — боль.
В нем — жизнь моя.

Валерий Темнухин
(г. Нижний Новгород)

Родился в 1967 в Казани. Стихи начал писать в 1987 году. Первая публикация стихов — 1989 год. С 2004 года работает над стихотворным переложением «Слова о полку Игореве».

ЗАЧИН

(из поэмы «Каяла» — вольного стихотворного переложения «Слова о полку Игореве»)

Братья, не благом ли будет для нас
Песней начать, как в преданье старинном,
Трудную повесть, тяжелый рассказ,
Быль о походе князей самочинном?

... Тех, кто хотели в недолгом бою
Славу добыть как награду свою;

Храбро сражаясь за землю родную
Ратную силу рассеять степную;

Русь удивляя победой неожиданной
Снова возвыситься славою бранной.

Старший над ними, душою — орел! —
Войско на половцев Игорь* повел —

Игорь, князь Северский, сын Святослава**,
Отчего края надежда и слава;

Князя Олега*** воинственный внук,
Не выпускавший удачу из рук.

---

* Игорь Святославич — годы жизни 1151—1202; сын Черниговского князя Святослава Ольговича, внук Олега Святославича Черниговского («Гориславича»). С 1179 года — князь Новгород-Северский, с 1198 — князь Черниговский.

** Святослав (Всеволодович) Киевский — князь (годы жизни ок.1125—1194), с 1180 года верховный правитель Руси; старший двоюродный брат князей Игоря и Всеволода «Буй Тура», внук Олега «Гориславича»; за год до похода Игоря Святослав в союзе с Рюриком Ростиславичем наголову разгромил половцев.

*** Олег Святославич («Гориславич») — князь Черниговский и Тмутараканский, дед Игоря Святославича Новгород-Северского, двоюродный брат и соперник Владимира Мономаха; прозвище «Гориславич» получил и за талант полководца (от «горящий славою»), и за крайне несчастливую судьбу (от «прославляющий горе»); умер в 1115 году.

* * *

Вспомним как в минувшие года
Расцветала Русь, другим на диво.
Первые сказители тогда
О грядущем пели прозорливо.

И Боян^{*}, коль захотел кому
Песнь сложить, умом блистая смело,
То, призванью верен своему,
Начинал задуманное дело:

Сказывал дружинам и полкам
Следуя старинному напеву.
И сама летела к облакам
Мысль его, ветвясь, подобно древу;

Мчалась серым волком по земле,
Реяла орлом под небом синим;
Словно луч зари в угрюмой мгле,
Русичам отраду приносила.

Сказывал о том, что помнит он
Прошлых лет походы и победы.
Соколов пускал со всех сторон
Миг удачи, вкус борьбы изведать:

Десять поднимал, как чародей,
В небеса — догнать чужую птицу;
На шипящих злобно лебедей^{**},
Что летят на русскую границу.

Уносились соколы вперед:
Взмах крыла — и в бездне голубой;
Каждый, коль пришел его черед,
Сходу принимал неравный бой.

И лишь сокол смелый настигал —
Лебедей воинственная стая
Разбивалась, как волна у скал,
Пела песню, крыльями плеская:

Рассыпалась похвалой громкой
Мудрому былому Ярославу^{***};
Отголосками молвы звонкой
Воздавала храброму Мстиславу^{****}

---

* Боян — древнерусский поэт, воспевавший в возвышенной форме победы русского оружия.

** Лебедь — племенной знак (своего рода герб) кочевников-половцев.

*** Мудрый Ярослав — Киевский князь, один из наиболее видных деятелей единого древнерусского государства; умер в 1054 году.

**** Мстислав — князь Черниговский и Тмутараканский Мстислав Владимирович Великий или Храбрый, брат Ярослава Мудрого; умер в 1036 году.

Почести за трудный, долгий бой;
Мужество, ведущее к победе.
В поединке том, храним судьбой,
Князь ни в чем не уступил Редее*.

Но, сражен Мстиславом, весь в крови,
Сам Редеея — грозный вождь касогов —
Потерял владения свои
У Кавказа северных отрогов.

Не помог к боям готовый полк —
Не успел на Русь начать похода.
Хоть и знал Редеея в силе толк,
Был повержен пред лицом народа.

...Яростью полна лебяжья стая
Проплывая в синей вышине;
О победе русской вспоминая
В той, давно оконченной, войне.

И о том, как пал на поле брани,
Кровью изойдя от многих ран,
Но не сдал своей Тмутаракани**
Гордый князь, краса Руси, — Роман***.

...То не десять соколов отважно
Настигали стаю лебедей,
И кричали лебеди протяжно,
О кровавых битвах прежних дней,

А дрожали струны, грянув дружно,
Если их перебирал Боян:
То едва звучали там, где нужно,
То звенели в память о боях.

Начинала петь струна тугая —
Живо, лишь касались пальцы рук
И скользили, сверху налегая, —
Дивно извлекая каждый звук.

И рождалась, братья, песнь такая:
Все сбылось, о чем мечталось в ней.
О князьях могучих вспоминая
Становились мы еще сильней.

---

* Редеея — вождь племени касогов, населявшего Северный Кавказ; поединок Мстислава и Редеди состоялся в 1022 году.

** Тмутаракань — город на берегу Черного моря, в районе нынешней Тамани; столица русского Тмутараканского княжества, завоеванного впоследствии половцами.

*** Роман — Роман Святославич «Красный», князь Тмутараканский с 1073 года; внук Ярослава Мудрого и родной брат Олега «Гориславича» Черниговского; убит половцами в 1079 году.

И казалось: в рокоте напевном
Гордо говорила наша честь —
Грозная, как гром на небе гневном,
На врага обрушивала месть.

Но пришли иные времена:
Солнце нашей славы потускнело...
Ныне покорится ли струна,
Поведеет рассказ, как было дело?

Лейся же, как велено судьбой,
Быль суровую поведай без обмана
Песня, что сильна сама собой,
Забывая замыслы Бояна!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНКИ

Автор трех книг прозы. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Союза писателей России.

Многие из нас видели и запомнили кадры из замечательного фильма Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», на которых Глеб Жеглов в исполнении легендарного Владимира Высоцкого воспитывал спившегося соседа-фронтовика и дебошира, помните его сакральное: «Ты уже года три лишних на свободе гуляешь»? Вообще-то воспитанием таких типов, каким показан сосед Жеглова, всегда занимались и продолжают заниматься не сотрудники уголовного розыска, а участковые уполномоченные. Именно к ним обращаются несчастные жены, чьи мужья пьянствуют, распускают руки и пропивают вещи. Именно они — участковые, как представители рабоче-крестьянской красной милиции, вставали и поныне встанут на защиту обиженных и униженных своими мужьями жен, на защиту семьи, как ячейки общества. Только действительно народная советская власть начала обеспечивать защиту женщин от насилия в семье. По крайней мере, так было принято считать. А что же было до советской власти? Неужели при царе-батюшке несчастных жен полиция не защищала? Судя по произведениям наших классиков девятнадцатого века, особенно по произведениям Максима Горького, в которых он показывал нищенское существование низшего сословия людей, показывал пьянство мужиков и тиранию ими своих жен, показывал жизненное дно, — то нет, не защищала полиция. Однако — это не так. Недавно мне в Государственном архиве Тульской области удалось ознакомиться с одним историческим делом, которое у меня вызвало определенный интерес. Дело называется так: «Жалоба крестьянки д. Новая Колпна Пелагеи Дудиной». Хочу рассказать о нем читателям с сохранением орфографии и стиля написания. Итак...

17 декабря 1898 года полицейскому приставу второго стана Крапивенского уезда Тульской губернии поступило прошение крестьянки деревни Новая Колпна Пелагеи Дудиной. Цитирую прошение: «Мой муж Гаврил Осипович Дудин сильно пьянствует и расточает свое имущество. На днях стащил из дома и продал виноторговцу Ивану Васильевичу Кудрявцеву пять пудов овса, пять пудов муки, самовар. Вообще, что

понадобится ему, то из дома и пропивает. Все это могут подтвердить соседи Алексей и Пелагея Хохловы. Возвращаясь домой пьяным он наносит мне избиения, хочет лишить жизни, и наконец, выгоняет меня из дома, что могут удостоверить соседи Захар Максимов и Татьяна Кудрявцева. Прошу содействия к ограждению моего имущества от расточения его мужем».

3 января 1899 года полицейский пристав второго стана отдал распоряжение полицейскому уряднику Ясенковской волости Сидорову, в котором обязывал: «...Рассмотреть настоящую жалобу и произвести дознание о пьянстве и разбазаривании хозяйства крестьянином Гаврилой Дудиным, а также о неправильной торговли вином мещанином Иваном Кудрявцевым».

В тот же день Сидоров приступил к рассмотрению жалобы крестьянки Дудиной, а уже 7 января 1899 года он составлял протокол. Цитирую его полностью: «1899 года 3 дня полицейский урядник шестого участка Крапивенского уезда Сидоров, по поручению господина пристава 2-ого стана, препроводил дознание о мотовстве и пьянстве крестьянином деревни Новая Колпна Ясенковской волости Гаврилом Осиповым Дудиным, а равно и сбыта им своего имущества на вино местному виноторговцу Ивану Васильеву Кудрявцеву. При таком дознании опрошенные нижеподписавшиеся лица объяснили: 1— крестьянин деревни Новая Колпна Алексей Федоров Хохлов показал, что в половине декабря месяца 1898 года он видел выпившим Дудина проходящим по улице, что продолжалось дня 3—4 время, что было свободно от работы. Что же касается мотовства и сбыта Дудиным имущества Хохлов сказать ничего не мог. 2 — крестьянин то же деревни Захар Максимов Кудрявцев объяснил, что по поводу мотовства и пьянства крестьянином Гаврилой Дудиным положительно ничего не знает. Всего лишь в декабре месяце Пелагея накричала на Гаврила, но за что он не знает. 3 — крестьянка Татьяна Васильева показала то же, что и Захар Максимович Кудрявцев. 4 — Пелагея Иванова Хохлова по отношению Дудина сказать ничего не может. 5 — опрошенная жалобщица Пелагея Семенова Дудина показала, что она примирилась со своим мужем и теперь живет в доме своего мужа, самовар принесен домой. Крестьянин Гаврила Осипов Дудин пояснил, что он действительно ранил и побил свою жену Пелагею за то, что уговорившись со своею матерью, она перенесла за отсутствием его из дома муку, корову, овец и вообще всевозможную домашнюю рухлядь, а затем и сама ушла из дома к своей матери. Когда она ушла из дома, унеся с собой все, он действительно продал один пуд овса и семь кур крестьянину Александру Васильеву Кудрявцеву, брату содержателя постоялого двора в деревне Новая Колпна Ивану Васильеву Кудрявцеву, живущих нераздельно друг от друга. За проданное получил деньги два 2 рубля 65 копеек, кои растратил на харчи во время работы по добыванию руды. Более сего последнего он ничего не продавал. Опрошенный содержатель постоялого двора Иван Васильев Кудрявцев объяснил, что действительно его братом куплены у Дудина семь кур и пуд овса. Постановлено: о сем записать протокол, который предъявить господину приставу 2-ого стана Крапивенского уезда. Подписи: полицейский урядник Сидоров. За неграмотных поименованных в сем протоколе крестьян по их личной просьбе расписался крестьянин Павел Кузевичев».

Этим же днем 7 января 1899 года полицейский пристав 2-ого стана составленный урядником Сидоровым протокол препроводил в Ясенковский волостной суд. Как поступил суд, мне выяснить не удалось. Будем надеяться, что судьи, учитывая, что в семье Дудиных произошло примирение, не стали строго наказывать главу семьи. А он в свою очередь, наверное, клятвенно обещал заседателям, что в его семье в дальнейшем будет царить мир, спокойствие и любовь. Конечно же, полицейский урядник Сидоров после этого не раз навещал семью Дудиных, чтобы проверить порядок в их семье, а заодно испить чаю из возвращенного в дом самовара. Но это уже совершенно другая история.

Валерий Ксенофонтов
(г. Тула)

ТАЙНА ВОЗРАСТА ТУЛЫ

Ксенофонтов Валерий Иванович — издатель, писатель, член Союза писателей-переводчиков, кандидат экономических наук. Родился в 1948 году. Автор 14 книг, вышедших в издательствах «Политиздат» (Москва), «Освета» (Словакия), Приокское книжное издательство и «Неография» (Тула) с 1982 по 2014 год. Стихи и переводы публиковал в литературных журналах и альманахах. Последние годы основное внимание в творчестве уделяет отечественной истории. Основные книги: «Одна семья и вся Россия» (2007), «Красивомечье» (2009), «Старотульские тайны» (2013), «Триумф и трагедия воеводы Шеина» (2014). За переводы удостоен золотой медали Кирилла и Мефодия (Словакия), медали Александра Гумбольдта (Европейская академия естественных наук). Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого Правительства Тульской области. Имеет государственные награды.

Общепринято считать годом основания Тулы — 1146-й. Однако у многих историков эта дата вызывает сомнения. И на то есть веские основания: ведь впоследствии более двух веков ни в одном документе, ни в одной летописи Тула не упоминается. Город появляется в письменных источниках во времена княжения Дмитрия Донского, в договорах с соседом и серьезным конкурентом Олегом Рязанским. Однако в соглашениях о разделе территорий Тула фигурирует как поселение, давно уже существующее, о чем хорошо известно обеим из высоких договаривающихся сторон.

«...А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Тайдуле, и коли ея баскацы ведали, в то ся князю великому Олегу не вступати, и князю великому Дмитрию».

Так записано в договоре 1382 года. То есть **Тулой** называлось место, а не город. Из этого некоторые исследователи сделали вывод, что речь шла о какой-то территории, именуемой **Тула**, и только потом якобы построенная здесь крепость обрела название по местности.

Так ли это? Надо понимать, что в средние века городом называли исключительно огороженное, укрепленное поселение. А если отсутствовали крепостные стены, валы и рвы, то это был совсем другой населенный пункт. В современных чешском и словацком языках слово «**место**» и поныне переводится как «**город**». В польском этому соответствует «**място**».

В XIV веке славянские языки значительно меньше, чем сейчас, отличались друг от друга. И под словом «**место**» вполне можно было понимать населенный пункт, заметно отличающийся от сельского поселения, но не защищенный оборонительными сооружениями. И владела им до Куликовской битвы напрямую Золотая Орда. Не-

даром великие князья в договоре ссылаются на царицу Тайдулу: ее баскаки (чиновники) свозили сюда собираемую дань для дальнейшей отправки в метрополию. Наверное, им не нужно было «*городить город*», ибо русские не собирались и не имели возможности нападать на представительство верховной власти Золотой Орды. Ни Рязани, ни Москве не нужно было ссориться с ханами и их представителями — такое не прощалось.

До поры до времени, пока русские земли не объединились, не набрались сил, князья, бояре и народ вынуждены были терпеть это положение: исправно платили посильную дань, а Золотая Орда не вмешивалась во внутренние дела и в жизнь княжеств, утверждая только правителей. Причем ханов интересовали при выдаче ярлыков на великое княжение лишь размеры взяток, которые давались золотом, серебром, мехами, продовольствием. Такая политика постепенно и привела к тому, что через пару веков сюзерен превратился в вассала. Но за это долгое время сменилось около десятка поколений — как княжеских, так и ханских.

Другое дело — поход на Московскую Русь Мамай. Было известно, что этот темник — в нашем понимании генерал — не являлся потомком Чингисхана. А значит, официально он не мог претендовать на ханский престол и верховное положение в евразийской супердержаве XIV века. Но из-за кризиса в ханской ставке Мамай стал практически самым влиятельным политиком и захотел ввести на Руси свое прямое диктаторское правление, воцариться сначала в Московии, а потом подчинить себе и соседние княжества. Если бы его не остановили на Куликовом поле, судьба Руси сложилась бы более печально.

С поражением Мамая, а до этого — изменением статуса Тайдулы (о чем будет рассказано подробнее ниже), меняется положение Тулы как колониальной фактории, и к ней устремляются взоры и Москвы, и Рязани. Поначалу осторожные. С приобретением этого поселения и прилегающей местности у обоих соперников появились бы огромные возможности для развития стратегической инициативы, да и вообще территориального развития.

Тула неоднократно переходила из одного княжества в другое. Большую часть XV века она относилась к Рязани. По договору 1432 года между внуком Дмитрия Донского Василием II Темным и внуком Олега Рязанского Иваном Федоровичем московский князь обещал «*в Тулу и в Берестей не вступать*». Несколько лет город был даже во владении Великого княжества Литовского: Иван Федорович уступил Тулу Витовту по договору 1427 года. И только в самом начале XVI века, в 1503 году, большинство рязанских волостей отошли к Москве, среди них и Тула с окрестностями.

Но вернемся в середину XII века, ко времени первого упоминания о Туле, которое ставится под сомнение. Пока не найдено более авторитетных источников, нельзя развеять полностью это сомнение. Но поспорить о реальности даты вполне допустимо.

Итак, Тула упоминается в связи с путешествием в Рязань северского князя Святослава Ольговича. Была в Никоновской летописи такая запись: «*Князь Святослав Ольгович иде на Рязань, и был в Мценске, и в Туле, и в Дубке на Дону...*»

Мценск — это Мценск, Дубок — это Старый Донков, стратегический пункт на пересечении древних дорог из Булгарии в Киев и шляха с низовий Волги к Рязани и Москве, который позже стали называть Ногайским. Известный историк позапрошлого века Дмитрий Иловайский указывал, что Святослав Северский посетил во время своего похода также Карачев (ныне Брянская область), Дедославль (ныне село Дедилово Тульской области), Колтеск (близ современной Каширы), Осетр (на одноименной реке), Лобынск, Тешилов (летописный город на правом берегу Оки вблизи современного подмосковного города Пущино).

То есть Святослав объезжает с дружиной огромную северо-восточную часть Черниговского княжества, чтобы собрать дань, разобраться с тем, кто населяет регион, какие в нем есть поселения и чем оно богато.

В это время развернулась острая борьба между сыновьями и внуками Владимира Мономаха за киевский престол. Именно в 1146 году его занял сын Мстислава Великого Владимировича Изяслав, оттеснив стоявших в очереди дядьев, в том числе честлюбивого Юрия Суздальского (Долгорукого), давно стремившегося стать первым среди князей.

На черниговском троне сидели сыновья Давыда — внука Ярослава Мудрого. Они затеяли разборку в своей вотчине — Чернигове. На тот момент 11 двоюродных и троюродных братьев толкались у регионального и важнейшего после Киева престола. Родственные разборки сотрясали город на Десне. Владимир и Изяслав Давыдовичи свергли двоюродных братьев из старшей ветви рода и заняли главенствующее положение в Черниговском княжестве. Позиция сыновей Олега Святославича, которого за невезение прозвали Гориславичем, заметно ослабла, особенно со смертью Всеволода Ольговича и изгнанием Игоря Ольговича. (Глеб Ольгович умер еще в 1138 году.) Оставался в строю Святослав Ольгович, причем это был самый волевой и решительный из братьев, тем более — не лишенный больших лидерских амбиций. Бесспорно, он имел право на черниговский стол и не собирался сдаваться, довольствуясь Курским и Новгород-Северским уделом, который ему достался при дележе земель. Давыдовичи понимали, что Святослав вполне мог бы претендовать и на роль монарха всей Киевской Руси. С такими амбициями и качествами Ольгович был опасен как конкурент и сидевшему на главном троне Изяславу Мстиславовичу. Поэтому интересы Давыдовичей и киевского князя совпадали, и они заключили союз против Святослава Ольговича, подразумеваемая заодно с ним и Юрия Суздальского как общего противника. Против них направлялись все силы группировки.

Тогда Святослав был зрелым сорокалетним мужчиной и опытным воином.

Он владел значительной частью Черниговского княжества: Курск и Новгород-Северский могли солидно в материальном плане обеспечить своего хозяина и его дружину, выставить большое количество воинов. Этот сектор левобережной «автономии» простирался на северо-восток от Десны до Оки и верхнего Дона. По размерам удельное княжество было больше многих европейских королевств.

Двоюродные братья понимали, что нахождение Святослава всего в сотне верст от Чернигова всегда опасно для их власти. Поэтому, воспользовавшись неудачно сложившейся для конкурента ситуацией и временной слабостью его дружины, Давыдовичи изгнали Святослава Ольговича из Новгород-Северского и не допустили в Курск, чтобы не смог он собрать в своей вотчине достаточно сильное воинство.

Куда было податься князюизгою? В самую глушь, в землю вятичей... В медвежий угол, то есть на территорию нынешних Московской и Тульской областей. Собрать здесь новое войско он вряд ли мог, потому что край был малонаселенным, к тому же местные жители не имели таких традиций воспитания воинов, которые сложились к тому времени в землях полян и северян.

Святослав вместе с семьей и небольшой дружиной отправился в эту «глубинку», спасаясь, с одной стороны, от преследования конкурентов, а с другой стороны — решил разобраться с дальними владениями. Он прошелся по удаленным городкам и поселениям, собирая дань, сажая своих ставленников на управление волостями — посельников. Для него было также весьма важным находиться поближе к более сильному союзнику Юрию Суздальскому, которого впоследствии прозвали Долгоруким и с именем которого связано основание Москвы.

Родство у двух князей было совсем не близкое: они являлись троюродными

братьями. В то время и родные братья нередко поднимали друг на друга мечи ради власти и владений. Но Святослава и Юрия сближало то, что они были женаты на дочерях половецких ханов — родственницах. Их объединяло и общее стремление заметно повысить личный статус: Юрий хотел сесть в Киеве, а Святослав — в Чернигове. Договорившись о взаимопомощи, князья далее действовали согласованно и до смерти Долгорукого (1157) держались вместе, никогда не изменяя друг другу.

Совершив многомесячный переход по своим ранее почти безнадзорным владениям, Святослав остановился в Лобынске. Именно сюда в 1147 году прибыл посланник от Юрия Владимировича и передал ставшие знаменитыми слова: «*Приди ко мне, брате, в Москову*».

Встреча состоялась в будущей столице 4 апреля. Эта дата точно установлена, потому что в летописях было указание на пятницу пятой недели Великого поста. Святослав явился на историческое свидание с союзником вместе с сыновьями, среди которых, скорее всего, был и совсем юный тогда князь Игорь, хорошо известный нам по «Слову о полку Игореве». Значит, он также участвовал в походе от Карачева до Оки.

Москва, как и Тула, к 1147 году еще не стала настоящим, то есть укрепленным, городом, хотя и существовала как поселение, наверное, и значительно раньше этой даты. Летописи указывают на строительство града только в 1153 году.

Кстати, после исторической встречи Святослав смог вернуться в Новгород-Северский, полностью возратить свой удел и в значительной степени контроль над всей черниговской землей. В августе 1149 года Юрий, при весьма внушительной поддержке Святослава, победил войско Изяслава на реке Трубеж близ Киева, а в сентябре стал великим князем киевским. После этого ему еще трижды пришлось покинуть верховный престол и дважды силой его вернуть.

План действий, стратегию дальнейшей борьбы союзники сформировали весной 1147 года в Москве после того, как Святослав прошел рейдом по приокской — верхне-донской окраине своего удела и накопил достаточные материальные ресурсы для предстоящей борьбы. Где-то на территории современной Тульской области он встретился с посланцами своего высокопоставленного половецкого тестя, и тот направил в зятю дружину своих воинов и наемников из бродников. Бродниками называли славянское население со среднего течения Дона. Впоследствии они стали одной из составных частей Донского казачества.

По материалам исследований историков XIX века Николая Полевого и Дмитрия Иловайского можно проследить путь Святослава Ольговича. Выдавленный из Новгород-Северского, он бежал в Карачев на Снежети, который первым упоминается в Ипатьевской летописи, повествующей о знаменитом походе князя. Обнаружив, что его преследует дружина Давыдовичей, усиленная подмогой от Изяслава киевского, Святослав отправился дальше в Козельск. Здесь, за лесами, труднопроходимыми для большого войска, князь с небольшим окружением оказался в относительной безопасности, а Владимир и Изяслав черниговские повернули восвояси, посчитав, что изгнали соперника навсегда в дебри, из которых не возвращаются. (По другим источникам, поворот Давыдовичей состоялся в Дедославле.)

Из Козельска князь отправился в Мценск (Мченск) на Зуше, далее — в Дубок на Дону. Он двигался по линии, где лес встречается со степью. В древности этот раздел называли Мечой, то есть межой между двумя природными зонами. Поэтому первоначально город называли Омьченск, то есть находящийся по Мече, хотя от соответствующей реки его отделяло приличное пространство. А жителей старинного городка именовали в ту пору омьчанами. Эта военная крепость была опорным пунктом в Верхне-Окской части Черниговского княжества, относясь к Новгород-Северскому уделу. Омьчане сохранили верность своему феодалу.

Есть основание предполагать, что Святослав следовал по несуществующей ныне дороге, которая связывала когда-то Киев со столицей другого крупнейшего восточно-европейского государства — Волжской Булгарии. Если прочертить по карте предполагаемый путь от места, где находился центр средневекового поволжского царства — город Булгар (близ нынешней Казани), до Киева, то он пройдет примерно через Данков, Ефремов, Мценск, Козельск, Карачев. Возможно, эта дорога была близка к теперешнему шоссе Орел — Ефремов — Данков. Это широтный путь по границе Леса и Степи — границе, имевшей для древних путешественников символическое значение — раздел между двумя мирами: по одну сторону жили земледельцы, по другую — кочевники. Это были общности с разными менталитетами и образом жизни, постоянно враждовавшие между собой.

А в районе Дубка этот широтный тракт пересекал шлях из волжско-донских степей к центру России. Во многом он совпадал с полосой, которую позже стали называть «тульским степным коридором». Поскольку путь на восток у Дона заканчивался, ибо дальше начинались владения Рязанского княжества, Святослав повернул на север, чтобы пройти по самой кромке своего удела — вдоль берега верхнего Дона. Таким образом, он оказался в Дедославле — главном культовом и политическом центре вятичей.

Затем через Лобынск и Тулу князь попал в Осетр — городок на берегу одноименной реки, который находился на территории современного Веневского района, а далее проследовал на Оку — туда, где сейчас Кашира. Что же получается? Святослав обязательно проходил через место, где ныне находится Тула, или совсем рядом, например, немного восточнее. Первоначальная Тула вполне могла находиться на Тулице, в частности, там, где Торховское городище, либо на правом берегу Упы, при впадении в нее Тулицы.

Обилие деталей, относящихся к политическим событиям 1146 года, к ожесточенной междоусобной борьбе различных ветвей разросшегося рода Рюриковичей, прохождение подробно описанного маршрута Святослава Ольговича через местность, где могла быть Тула, — все это свидетельствует о том, что версия о существовании города в 1146 году вполне правдоподобна.

Неизвестно, сколько пробыл в городе на Тулице князь-изгой. Скорее всего, совсем немного: назначил нового поселника или подтвердил полномочия старого, забрал дань, определил, в каких размерах и что именно должны были туляне поставлять в удельные закрома и казну, и последовал дальше. Возможно, он рекрутировал в дружину какое-то количество местных парней — Святослав готовился сражаться за свое место во власти и за свои владения.

Нельзя исключить, что в древнейшей Туле уже тогда жили кузнецы, которые плавил местную руду и ковали из нее оружие. Ведь Святослав привел в Приднепровье новую вооруженную дружину и победил. А на роль металлообрабатывающих центров XII века в четырехугольнике между современными Козельском, Данковым, Каширой и Серпуховом вряд ли мог претендовать какой-либо другой город. Разве что Дедославль с окрестными рудами. Но он был рядом, а Тула могла являться «промышленным» поселком в окрестностях «столицы» вятичей.

Ряд историков называют сообщение в Никоновской летописи о Туле вставкой при позднейшей переписке. Такую версию нельзя исключать. Только надо понять, кому это было нужно. Известно, что переписчики вносили искажения по указанию своих хозяев, когда тем необходимо было доказать свои права на наследование титула, владение теми или иными территориями, обосновать притязания на власть. Уже в XIX веке говорили: *«Понравилась бы земля, а историки, которые обоснуют ее захват, найдутся»*. Но два с половиной века, когда все доступные современным исследова-

дователям источники «молчали» о городе, Тула была недоступна для русских князей: более столетия она находилась в зоне, напрямую подконтрольной татаро-монголам. А если бы упоминалась где-то хотя бы еще раз до татаро-монгольского нашествия, тогда никто и не ставил бы под сомнение и 1146 год.

После 1382 года — второго упоминания Тулы в документах — уже не было смысла доказывать приоритет черниговских или новгород-северских князей в правах на Тулу — она становилась уже предметом спора московских и рязанских властей. При этом неизвестен ни один случай сражения за город — он переходил из одного княжества в другое бесконфликтно. Его передавали по договорам в пакетах с другими условиями. А в начале XVI века все споры кончились: город оказался полностью под юрисдикцией Москвы, в то время как Рязанское княжество ослабло и все в большей степени само становилось зависимой территорией, не имея никакой возможности претендовать на Тулу, Венев, Березуй и другие утраченные волости.

Есть мнение, что вставкой в летопись рязанский епископат пытался обосновать свои права на Тулу в споре с коломенской епархией, но вояж Святослава, относившегося к княжеской группировке, враждебной рязанским правителям, нисколько не мог подтвердить территориальный приоритет церковных иерархов из Рязани.

Можно предположить, что составитель и переписчик Никоновской летописи, а это было в XV веке, когда не придавали большого значения точности и аргументированности сведений, от себя добавил Тулу в маршрут похода Святослава, посчитав, что в первоисточнике ее просто пропустили. Такое тоже нельзя исключать, однако логика предыдущего анализа показывает, что, скорее всего, Тула в середине XII века уже была.

Противники этого исторического факта опираются на «Список городов ближних и дальних», составленный в начале XV века, в котором Тулы нет. Но никто не утверждает, что этот перечень абсолютно полный, ибо в нем нет и целого ряда других городов, неоднократно упоминавшихся в источниках, достоверность которых не подвергается сомнению. Кроме того, город тогда понимался как крепость, а Тула, скорее всего, была неукрепленным поселением, и только в 1507 году по указу Василия III на Упе, вероятно, на новом месте, начали строить Тульский кремль, когда именно здесь пролег главный маршрут нападений на столицу нового сильного противника — Крымского ханства.

До этого Тула находилась в стороне от основных путей, связывавших главные центры Древней Руси: Киев, Рязань, Чернигов, Смоленск, Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир, затем и Москву. Она не стояла на судоходных реках. Поэтому оказалась и в стороне от исторических событий, которые записывались в хроники.

Хотя отсутствие Тулы в летописях еще абсолютно не означает, что о ней ничего не писали. Ведь сохранилась весьма малая часть письменных источников от того неспокойного времени: сколько раз сгорали целые города после набегов беспощадных врагов и бытовых пожаров. Конечно, негораемых сейфов тогда не было. Ведь даже оригинал «Слова о полку Игореве» погиб в огне в более цивилизованное время — в начале XIX века, во время пожара в усадьбе Мусина-Пушкина. Так что отсутствие факта в письменных источниках не означает его небытия в истории. И совсем нет убедительных доказательств недостоверности даты — 1146 год.

Игорь Топоров
(г. Николаев, Украина)

**ДВЕ ДАТЫ. К ЮБИЛЕЯМ ПИСАТЕЛЯ
Вс. ИВАНОВА И КНИГИ А. М. ТОПОРОВА
«КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ».**

Топоров Игорь Германович родился в 1954 г. Окончил Николаевский кораблестроительный институт имени адмирала С. О. Макарова. Работал в судостроительном НИИ, областном совете профсоюзов. В настоящее время — сотрудник туристической фирмы. Он — внук и популяризатор творчества писателя и просветителя А. М. Топорова, автор книги воспоминаний о деде (2010 г.), а также более 50 статей и исследований о нем в литературных сборниках и периодических изданиях России, Казахстана, Украины и Израиля.

Так уж устроены люди, что интерес к крупным личностям у них изрядно возрастает в связи с юбилейными датами. Используем и мы этот феномен, чтобы поговорить о том — что же связывает, к примеру, двух известных советских литераторов — Адриана Топорова и Всеволода Иванова.

В мае 2015 года исполняется 85 лет со дня выхода в свет уникальной книги Адриана Топорова «Крестьяне о писателях». Журнал «Приокские зори» уже рассказывал об этом удивительном человеке и его на сегодняшний день единственном в мире опыте мужицкой критики произведений мировой и отечественной литературы.*

Напомним, что в течение многих лет (1920—1932) скромный учитель алтайской коммуны «Майское утро» читал вслух неграмотным или полуграмотным сибирским кержакам сотни книг: от античных авторов и Кнута Гамсуна — до А. М. Горького и Демьяна Бедного. Каким-то чудом он сумел разговорить суровых и молчаливых в обыденной жизни коммунаров, а затем опубликовал отдельную книгу с записями их высказываний.

«Крестьяне о писателях» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Среди горячих поклонников необычной книги оказались — А. М. Горький, А. В. Луначарский, Н. А. Рубакин, В. В. Вересаев, чуть позже К. И. Чуковский, А. Т. Твардовский, М. В. Исаковский, В. А. Сухомлинский и многие другие. Среди столь же неравнодушных врагов были — писатель Ф. И. Панферов, талантливый литератор, создатель популярного журнала «Советский экран» А. Л. Курс...

Вокруг книги шли ожесточенные споры, что и понятно, ибо на страницах «Крестьян», к примеру, «черным по белому» утверждалось, что «Гомер, Л. Толстой, Шекспир, Пушкин, Шелли, Грибоедов, Лермонтов и Тургенев ближе и роднее крестьянству по языку, чем Пастернак, Сельвинский, Соболев, Антокольский, Вера Инбер,

---

* Адриан Топоров. Мозаика (предисл. Игоря Топорова) // Приокские зори, 2014. — №3. — С. 187 — 191. — Прим. ред.

Всеволод Иванов, Пильняк, Федин, Аросев, Голодный, Обрадович, Маяковский, Бабель, Караваева и многие другие современные писатели».*

Как следствие, в 1937 году А. М. Топоров был репрессирован и до 1943 года валялся в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, а сама книга на суде над ним фигурировала среди вещественных доказательств вины автора. Позднее она была включена Главлитом в «Аннотированные списки политически вредных книг, подлежащих изъятию из библиотек и книготорговой сети» по следующим причинам: *«Книга засорена положительными упоминаниями врагов народа: Аросева, Пильняка, Кольцова. На с. 264—266 приведены положительные отзывы об Орешине и его творчестве».***

Тем не менее, «Крестьяне о писателях» в дальнейшем выдержали еще 4 издания, нашли новых своих читателей не только в СССР, но и в США, Австралии, Швейцарии, Польше и т.д. Книгу и поныне бережно хранят тысячи библиотек по всему свету — от Николаева, Барнаула, Старого Оскола и Тулы — до московской «Ленинки» и Библиотеки Конгресса (The Library of Congress) в Вашингтоне. «Крестьянам» посвящена статья в электронной энциклопедии «Википедия». Их вспоминают и активно обсуждают в литературных журналах, на научных конференциях, чтениях, в студенческих и школьных аудиториях.

Сегодня сложно сказать — знал ли А. М. Топоров лично писателя Вс. Иванова (родился 12 (24) февраля 1895 г. в п. Лебяжье на территории современной Павлодарской области Казахстана), состоял ли с ним в переписке? Но это вполне возможно: похожий круг общения, примерно ровесники, в молодые годы оба жили в Сибири, относительно недалеко друг от друга. Как бы то ни было, молодой учитель не мог пройти мимо творчества одного из родоначальников советской литературы и многократно читал его произведения коммунарам «Майского утра»: знаменитый «Бронепоезд 14-69», рассказы «Сервиз», «Бог Матвей», «Партизаны», «Ночь», «Плодородие» и др.

С позиций сегодняшнего дня многим из нас личность Вс. Иванова представляется весьма и весьма неоднозначной. С одной стороны — архисоветские и ультрареволюционные партизанские повести, пьесы, рассказы; с другой — тончайшие воспоминания интеллигента «По следам факира», «История моих книг», «Мы идем в Индию», фантастические произведения «Агасфер», «Сизиф, сын Эола»...

Невольно вспоминаются также — его секретарство в правлении советского писательского союза, участие в печально знаменитой поездке литераторов на строительство Беломорско-Балтийского канала, личная подпись под посланием 46-ти писателей в защиту массовых репрессий в 1937 году. И в то же самое время — мы знаем об искренней и крепкой дружбе Вс. Иванова с Б. Л. Пастернаком, о защите поэтессы Беллы Ахмадулиной от нападок коллег-преподавателей во время ее выпуска в Литературном институте, о женитьбе на бывшей супруге «врага народа» И. Э. Бабеля — Тамаре Владимировне — и усыновлении его ребенка — Михаила, будущего знаменитого художника. Но это, повторюсь, именно с позиций нашего времени. Не суди — да не судим будешь!

Интересно другое. Эту двойственность человеческой и творческой натуры В. В. Иванова каким-то непонятным чутьем поняли алтайские коммунары, весьма неоднозначно оценив его труды.

А. М. Топоров в комментариях к книге отмечал:

«Писатель, угодивший крестьянам одним своим произведением, не может рассчитывать на их снисходительность, если потом напишет скверную вещь. каждо-

* А.М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 33.

** Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17, оп.132, д.319, л.135.

му произведению одного и того же автора крестьяне воздают должное по заслугам. За «Растратчиков» Катаев получил от них крепкую похвалу, а за «Бездельника Эдуарда» — такую же крепкую ругань, «Партизан» Вс. Иванова они разнесли в пух и прах, а «Бога Матвея» одобрили... «Плоды просвещения» Л. Толстого вызвали у моей аудитории восхищение, а «Хозяин и работник» — недоверие и протест.*

Дадим слово и самим коммунарам. Читаем на одной из страниц «Крестьян»:

— Ядрено раскрашено! Баско. Видать, как бог Матвей из лесочка выезжает на коне, а у него скляночка на лбу посверкивает.

— Случается так... Написано ясно, хорошо.

— Не знаю, как кому, а мне эта история понятна и понравилась. Могло быть такое дело на войне, там чего только не бывает!

Это мнение коммунаров о рассказе «Бог Матвей».

И тут же — буквально на соседней странице — при обсуждении рассказа «Ночь» находим следующее:

— Я все ждал: вот чо-нибудь он скажет, и — не дождался. Конец уж, а я все жду.

— Так какой-то наковыл-костыль (несуразица. — А. Т.).

— Скука ломит. Глаза липнут.

— Он тут хотел что-то занозистое сказать, да не вышло у него. Другой бы написал по этому делу лучше... Короленко, а либо Достоевский.

— Совсем мутно. Не как вон читали у Горького.

— Пропащий сказ. Нескладный.

Этим раздраем мнений был изрядно поставлен в тупик и автор «Крестьян». В примечаниях к книге А. М. Топоров удивленно восклицает:

«При голосовании вопроса о нужности «Партизан» в деревне публика единодушно отчеканила:

— Не нужен!

Даже те коммунары, которые в своих выступлениях обмолвились за третью очередь для рассказа, не возразили против этого «приговора» ни слова.

Лично меня этот вывод ошеломил...»**

Прошли годы, отгремели войны и революции. Нет с нами давно уже писателей Вс. Иванова и Адриана Топорова, ушли в мир иной мудрые «белинские в лаптях», как назвал много лет назад коммунаров-критиков один из московских журналистов.***

Время потихоньку расставляет все на свои места. Снимается муť и накипь с лучших образцов советской литературы, все реже и реже раздаются голоса об ее ущербности и ненужности в контексте мировой и отечественной культуры.

А имена И. Э. Бабея, А. М. Горького, В. В. Маяковского, Вс. Иванова, так же как и славные имена А. А. Ахматовой, М. В. Цветаевой, Б. Л. Пастернака остаются и ВСЕГДА будут оставаться интересными читающей и думающей публике, как минимум, на просторах бывшего Советского Союза.

Искренне надеюсь также, что еще долгие годы не исчезнет у нее интерес и к уникальному культурологическому опыту Адриана Топорова, одного из последних «рыцарей культуры XX века», как его зачастую называли современники.

А сейчас читателю журнала предлагается взять с библиотечной, домашней или виртуальной книжной полки рассказ В.В. Иванова «Бог Матвей», прочитать его, после чего — обратиться к суждениям о нем коммунаров «Майского утра». И узнать, как говорят, из первых рук — что же именно думали об этом небольшом произведе-

* А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 37.

** А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 146.

*** А. Д. Аграновский // Известия ЦИК, 07.11.1928.— № 260.

нии классика советской литературы простые сибирские крестьяне и начинающий литератор А. Топоров.

Адриан Топоров
КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ*

Вс. Иванов
БОГ МАТВЕЙ

(Читано 29 апреля 1927 г.)

ТИТОВ П. И. Ну, ясно, что Матвей — это белый шпион. Он был подговорен белыми, чтобы религиозной точкой разложить Красную Армию.

ЗУБКОВ П. С. Научили его белые повесить зеркальце на лоб. Дескать, оно будет лучиться. Вот, дескать, не попадут из ружья, и сияние будет на голове, будто у господ. Это — научная выдумка, хитрая, не иначе что офицерская.

КРЮКОВ М. Ф. Денисюк не верил, конечно, в бога. А тут уверяют, что бога Матвея никакая пуля на войне не берет. Его комиссарское сердце и заиграло. Военный же человек! Ну, он этому богу испытание сделал, хитрому старичку-то Матвею. Видит, что солдаты почти уверовали в Матвея. Денисюк тогда и пришиб его собственной рукой.

СТЕКАЧЕВ М. И. Денисюк боялся, что Матвей своим чудом, зеркальцем-то, солдат разложит, отобьет от войны, ну, и долбанул этого бога.

СОШИНА Е. И. А настырный же этот старичок Матюха был. Ишь, какую оказию удрал!

ДЖЕКАЙЛО Ф. Ф. Конечно, Матвей был шпион. Если бы он не шпион был, то белые его из винтовки смыли бы с окопов. А то сидит себе, как огурчик, и никто в него не попадает.

ТИТОВА А. И. Яственно представлено, как этот старичок в холщовой рубашечке по окопам похаживает, хлебушком в кружечку с водой помакивает. Ну, и правда подумаешь, что он святой.

БОЧАРОВ Ф. З. Ядрено раскрашено! Баско. Видать, как бог Матвей из лесочка выезжает на коне, а у него скляночка на лбу посверкивает.

БОЧАРОВА А. П. Все солдаты шибко в сумление вошли. Может, он и правдишный бог? Стреляют, а у самих у них дрожь по рукам ходит. Пуля деда не берет. Как не чудо? Вот у всех в голове и пошел разброд.

ШУЛЬГИН Т. И. Завсегда так бывает, когда испугаешься. Только... Неужели ни один солдат не попал в деда? Как же так? Лошадь подбили, а он все цел?

БЛИНОВ Е. С. Случается так... Написано ясно, хорошо. Не подгонишь под «Ночь». А шибкого я тут ничего не нахожу. Так что-то... Игрушечное. По смыслу понятно, что комиссар должен был убить Матвея, а то аж сам он обалдел. Вот-вот поверит в чудо! А как увидал у деда на лбу зеркальце: «А, ты вот кто, друг?!» Ну, и пужнул в него пулю.

ШИТИКОВ Д. С. Подделано маленько это писание. Не верится, что красноармейцы не попали в деда из винтовок.

ТИТОВА Л. Е. (возражает). Дыть солдаты, поди, верили, что Матвей — бог.

ЗУБКОВА В. Ф. Чудной какой-то рассказ, а занятливый. Я все ждала, что же дальше с этим дедом отродится?

БЛИНОВА Т. П. Вишь, он с хитростью шел на войну, дед этот. «Не надо воевать». Брехло како! Думал скляночкой обмануть.

КОРЛЯКОВ И. Ф. Хотел религией красных провести, а его и дербалызнули.

---

* Печатается по тексту: А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 130—131.

НОСОВ И. А. Ясная была хитрость старикова. А про описание худого не скажешь. С толком было все объяснено. И всякого человека, про которого шел разговор в рассказе, видать лучше и не надо.

ТИТОВ Н. И. Не знаю, как кому, а мне эта история понятна и понравилась. Могло быть такое дело на войне, там чего только не бывает!

СТЕКАЧЕВ Т. В. Этому писателю всегда так писать надо. А то в других рассказах у него куда ни торкнешься, ровно на камень налетишь. Ничего тебе в них не берется в голову.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е.

Из рассказа видно, как должен поступить неверующий большевик, когда его надувают религией. В нем показано, как белые на войне «окопачивали красных религией». В деревне этот рассказ прочтут с интересом и поймут его. Поставить его во вторую очередь.

П р и м е ч а н и е.

«Бог Матвей» понравился коммунарам больше других прочитанных им произведений Вс. Иванова. Рассказ вызвал оживленные толки. Ни одно из действующих лиц его не осталось психологически непонятым. Чтение доставило слушателям удовольствие. Коммунары нашли, что действие в рассказе разворачивалось вполне логично и правдоподобно. Конец рассказа показался всем неизбежным. Другого не предполагали. Лишь один момент (неудача стрельбы в «бога Матвея») встретил сомнение у некоторых слушателей. Единственный слушатель — Е. С. Блинов принял «Бога Матвея» за не слишком серьезное произведение. Это, видимо, потому, что он избалован великими писателями. В частности, он увлекался В. Гюго и им измеряет других авторов.

Ирина Стругова

(г. Сиэтл, шт. Вашингтон, США)

**НАЗАД В БУДУЩЕЕ,
В РУССКУЮ ДЕРЕВНЮ**

«За Державу обидно»

Непонятно почему, и как, меня постоянно занимает одна и та же мысль. И эта мысль настоятельно требует выхода из моей головы и из сердца. Эта та самая мысль, которую можно назвать вещью, если можно так выразиться. Она ниспослана свыше и не требует себе ни оправданий, ни доказательств правильности утверждения, содержащегося в ней. Эта мысль — о будущем России. ***Россия должна снова стать аграрной страной и вернуться в деревню.***

Действительно! Зачем нам глобализация, метрополизация и удушение в городах. Это все для них, для тех, у кого нет выбора. Сгрудившиеся страны Европы навязали миру свой стиль жизни, свои правила труда и отдыха, свои стандарты всего и вся. США взяли на себя роль жандарма, а в последние времена откровенно демонстрируют фашизм.

Я прожила там более 25 лет и наблюдала их жизнь, жизнь, абсолютно неприемлемую для русского человека. Объяснять это долго и не нужно. Есть для этого Задорнов. Он все правильно рассказывает и высмеивает. Но мне сейчас хочется призвать людей, живущих в больших городах и вообще всех людей России к тому, чтобы они перестали воображать, что жизнь есть только в Москве и больше нигде! Нужно перестать думать, что правильно и цивилизованно только то, что мы видим в задрипанных городах Европы и США! Цивилизация это нечто другое, почти полностью утраченное миром.

Мне хочется, как Жанне Д'Арк, однажды посмевшей встать перед сильными мира сего и сказать: «Я знаю, как спасти Францию!», нет — крикнуть: «Я знаю! мне были ГОЛОСА! Россия совсем не то делает! Россия проснись! Иди в бой за свою землю!» Хочется, чтобы мой призыв подхватили миллионы русских людей, так согласных со мной. Я знаю они есть, и они согласны со мной. И пусть снова прогремит: **«Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!»** Да, только так! Только в бой! Иначе ничего не получится.

Всем известно, какая у нас большая страна. Как много земли. Почему же мы ею не пользуемся? Говорить об этом можно и говорят, много говорят. Столетиями говорят. На разговорах все и кончается. Необходимо организовать то, что уже есть в этих разговорах. Организовать подспудное желание русских освободиться, стать самими собой. ***Стать труженниками земли.***

Капитализм не для русских. ***Капитализм поработает, а русские изначально свободные люди.*** Капитализм основан на угнетении и эксплуатации, фактически, на рабстве. Люди в кап. системе, даже, так называемо, успешные — топ-менеджеры, президенты фирм и т.д. все закабалены, все рабы. Есть несколько распущенных и извращенных — 1 % совсем богатых — они господа, да вообще и не люди. Остальные —

рабы. В современном кап. обществе нет даже аристократии, которая худо ли бедно, но задавала некий положительный тон и в поведении отдельных людей и всего общества в целом. Было, если хотите, некое благородство. Был, так называемый, аристократизм. *Аристократизм заключался в том, что были определенные рамки, переступить которые было невозможно, оставаясь аристократом.* Были понятия долга и чести. И эти черты не были привилегией аристократов. *Скорее, наоборот, русское понятие аристократизма имело основой природу народа, а не привнесенные извне модные влияния Запада. Пресмыкательство, лакейство не были чертами истинно русского аристократа, именно потому, что в русском народном характере никогда не было этого пресмыкательства ни перед кем и ни перед кем.*

В этом смысле русский человек обладает внутренним, духовным аристократизмом, что по сути и является знаменитой русской душой.

Считалось, что русские непомерно преклоняются перед всем заграничным. Но это не так. Русские просто чисты, дружелюбны и любознательны. Большой ошибкой является мнение западных наблюдателей, что русские смотрят им в рот, завидуют и хотят повторить их жизнь. Все не так. Русские, как уже было сказано, свободные люди изначально. Они выражают открыто то, что чувствуют. Конечно, есть наивность и вера в доброту всех, кому они открывают свою душу. Может быть, поэтому *те западные* считают нас не достаточно цивилизованными?

Кто-то, либерально, приведет примеры русского подчинения власти и будет прав, но не по существу, а по форме. Русские, О да! ждут «барина», который «рассудит», но это оттого, что русским претит чиновничья работа. «Пусть себе барин и думает», а мы песни будем петь, хороводы водить.

Такое же отношение у русских и к торговле. Торговля никогда не считалась чем-то достойным русского человека, тем более аристократа. А у нас каждый крестьянин был аристократом. Вот так! Как же нам вписаться в капитализм? А о полицейском режиме русский даже и думать не хочет. Пусть себе городской сам разбирается, но доносить мы не будем. Доносчиков и соглядатаев всегда презирали. И как же нам опять быть?

Чтобы соответствовать западным стандартам, нам надо научиться доносить на своих сослуживцев, на соседей, на мужей и жен. Много еще можно привести непригодных и даже отвратительных черт западной жизни, так усердно нам прививаемым. Кажется, Черчель сказал, что Россию невозможно победить, но можно растлить. Я же, позволю не согласиться с всемирно признанным оракулом. *Русских невозможно растлить.* Почти весь мир развратили, а нас не могут. Со времен Ивана Грозного пытались — не получилось. «Ничто не прививается. Никак Россия не станет цивилизованной страной!» Таковыми всегда были типичные сожаления по поводу России. Не прививается! И Слава Богу!

Некие умники, конечно, вспомнят Сталина: «Вот когда мы все были рабами и жили в страхе». Никто не вспоминает их Генрихов, Ричардов и Фридрихов — людоедов похлеще Сталина. Не вспоминают, потому, что *укротились, подчинились.* А мы то! Сталина развенчали на второй день после его кончины и до сих пор развенчиваем, не понимая, что сами себя сечем. Не покорились ведь! Но и не поумнели, к сожалению. Не понимаем в какой стране нам довелось родиться. Не понимаем ЧЕМ был Сиалин. Да, он был тираном ! Да это так! Это истинная правда, кроме того, что утверждая так, мы встаем на сторону «Против Страны Советов». Увы так строилась эта страна. Наша страна. Другого пути не было. «Кто не с нами — против нас!». Так чего же вы хотели? Хотели одновременно капитализма и социализма, хотели стать первыми и вместо буржуев и аристократов владеть землей, городами, учиться в университетах и при этом оставить всех буржуев и аристократов нетронутыми? Так не

бывает. Поэтому оставим Сталина в покое. **Мы все его дети, ни бедные, ни богатые — все равные были. Ни нации, ни достатки нас не разделяли.** И не было многих и многих пороков, которые сейчас выползли из темных глубин человека и расцвели пышным цветом.

Вы резонно скажете: вот вам и русский человек! Да! Но это, как и все то, чем нашу почву засевали, не взшло, не привилось. Привилось лишь частично. Да, открыли ящик Пандоры и появилось искушение и интерес попробовать. Но никогда русский человек не мог долго терпеть ига иноземного, чуждого, несправедливого. Вспомним все — Татари-Моголов, Наполеона, Немцев... Большевиков. Большевики! Встретив радостно и победив с ними всемирную кастовость, сбросили и их в рекордно короткий срок, как только эти большевики стали вырождаться. Так же не станет очень скоро и сегодняшних олегархов. Не станет!

Даст Бог, все произойдет мирно, а не как на Украине. Ведь этот переворот против Януковича шел под красными знаменами. Теперь, конечно, эти знамена и тех, кто их поднимает, стараются уничтожить. Ну ничего! Это опять временно, потому что красные знамена это единственные знамена, под которыми воевали и побеждали те русские люди, за которыми будущее. Это новые люди! Под этими знаменами они делали революцию, под ними выиграли войну над фашистами. Если бы не красные знамена, 90% всех русских современных, образованных и свободных людей, никогда не научились бы ни читать, ни писать, никогда не были бы артистами и учеными, писателями и архитекторами. Все эти места были бы заняты буржуями или немцами. Вспомните! Откуда все мы пришли?

Вспомните! Революция 17 года дала рождение НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ не только в России, но и во всем мире. За 70 лет Сов. власти появился этот *новый человек*, и сколько бы его не хулили он есть и он несет замечательные черты справедливости и добра, так свойственные русскому человеку. **Этим мы сильны и непобедимы!**

Вспомните! Конечно в Сов. время утверждали, что лучше всего произойти из рабочих. Но ведь это не так. До 17 года Россия была аграрной страной. **Русский человек в силу огромности своей земли не может от нее оторваться. Он принадлежит земле и земля принадлежит ему.** На этом ведь играли и большевики, но поспешили, не дали каждому землю. Не понимали человеческой природы, спешили. Спешили ломать человека, увы! на западный манер. К счастью не сломали. Посмотрите, как тянутся люди к земле.

Но сознание Сов. времен тянет их на заводы, в конторы, в большие города. Да и весь мир так живет. Кстати, русские как-то не заметили, что теперь им и заводов не оставили. Все в Китае. Теперь русским, как и всем «цивилизованным народам» остается лишь быть прислугой, горничными, официантами... Так живет теперь мир, народ мира. Не будем говорить о политиках, генералах., солдатах, адвокатах и фальшивых медработниках.

Но мы не весь мир, мы особая страна, и мы не будем долго терпеть несвойственную нам жизнь с ее упырями и преступниками. Нам повезло, потому что у нас немеряно земли. Вдумайтесь! Ни у кого нет так много земли. Дело стало за одним: Надо снова, идти вперед, или назад, и менять свое пролетарское сознание на крестьянское!

Просмотрите, как поднялся Китай! Знаете как? Тридцать лет назад Партия сказала: **«Надо менять все. Надо вернуться к истокам».** И вернулись. Теперь им нет равных. Но это была битва, настоящая война умов против глупости, война традиций против наносного и чуждого. Это была война народного мужества и трудолюбия против пластмассового благополучия и безделия. Это была битва за Китай против всего мира. Так нужно и нам. Россия должна встать на защиту России.

Надо менять сознание человека в России. Для этого надо использовать испытанные методы внедрения в народ образования, и революционных идей в России. **Это — народничество и социализм.** Сколько бы не глумились над этими движениями, но они были, и многие люди положили свои жизни и головы за торжество справедливости и братства. **Чудовищно, что в наши дни попираются или извращаются принципы, заложенные в нас и генетически от рождения и преподанные нам нашими великими учителями.** От Ломоносова, Радищева, и Пушкина до Достоевского, Льва Толстого и Чехова. Нас учили справедливости и доброте. Нас учили любви к России. Нас учили становиться русскими по существу, а это означает быть детьми нашей земли. Земли, а не пластмассы, Земли, а не электронных матриц. Эти матрицы убивают все живое, как каларадские жуки. **Земля дышит и живет всегда. Она ждет своих детей.**

Вспомните своих учителей! Помните, что главным учителем в перерождении нашего сознания с городского на деревенское, с фальшиво религиозного на истинно христианское, безусловно должен быть Лев Толстой, которого на Западе, между прочим в Чехии, называют русским Иисусом. Тема религии в России особая тема. Не все у нашего великого Старца всем подходит, но всем нужно учиться у него искренности веры. Не крест на груди всем видный, а чистое сердце — вот что нам надо. Вера! Это особая тема, но надо помнить, что Россия единственная в мире страна, не предавшая Православия, сохранившая истинную веру во все века гонений, извращений и лицемерья. У нас не было кровавых реформ Запада! Подумайте об этом! Православие нас спасает и спасет!

Когда я говорю о методах изменения сознания, я имею ввиду вполне конкретные действия. Надо вспомнить народничество. Все надо делать хладнокровно, планомерно, как делали в Китае. Они созвали самых умных людей страны и **потребовали решить проблему.** И они ее решили. И нам нужно так сделать.

Надо организовать группы, централизованные группы, **честных людей,** желающих пойти в народ с целью преобразования нашей страны. Надо научить их и потом рассылать по стране. Да, да листовки, прокламации! **Да, бросать искры, но не разрушения, а созидания!** Уже всем понятно, что так дальше продолжаться не может. Невозможно смиренно есть пластмассовые помидоры при таких просторах! Невозможно смотреть, как зарастает бурьяном наша Родина. Невозможно смотреть и созавать, что завтра наши дети станут прислугой, лакеями, бездельниками, преступниками, наркоманами, проститутками... В этот список попадают и те, кто наивно считает себя порядочными людьми: политики, журналисты, адвокаты, врачи... Все, все будут служить Капиталу. Все, все будут повязаны ложью и кровью. Капитал и война! Ведь война — это главная и страшная спутница Капитала.

Ну, что еще сказать в довершение? Да, ничего, кроме призыва: **Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!** Очнитесь! Довольно подчиняться воле ВСЕМИРНОГО КАПИТАЛА. Неужели вам нравится жить рабами, подстегиваемыми Рекламой. Реклама — главное орудие воздействия на наши умы! Опомнитесь! Не верьте!

А простой быт? Во что он теперь превратился?

Неужели нравится ютиться с предками в малюсеньких городских квартирах и всю жизнь копить на свое жилье? И вот тут хочется докричаться до властей, до правительства и до Путина, на которого мы все и надеемся.

1. Раздайте землю бесплатно русским людям.
2. Помогите начать там жизнь. Помогите им построить дома.
3. Помогите с дорогами. Страна без дорог никогда не будет жить. Страна без дорог — труп.

4. Помогите с благоустройством деревень и поселков.

5. Магазины должны быть кооперативными. Жители деревень заготавливают много лишнего и это лишнее им некуда сдавать. Надо помочь инициативным людям (а они есть) создавать кооперативные магазины.

6. Нужны школы, библиотеки, больницы на местках, нужна служба почты и связи.

7. Необходимо искоренять тлетворное влияние массовой информации. Да, да ЦЕНЗУРА! Она, кстати, есть во всем мире, но там она запрещает именно то, что спасает человечество. Особая тема!

8. Но прежде всего перечисленного, необходимо менять сознание русского человека, или вернее, приводить его к истинно ему свойственному состоянию.

Много еще чего нужно, не нужно только заваливать деревни импортными продуктами, не нужно влезать в глобализацию и терпеть санкции. Изоляция? А почему надо ее бояться? Китаю тоже постоянно грозили. А теперь весь мир дрожит перед этим гигантом. Нужно вместо договоров с импортными поставщиками повернуться к своим. Нужно на государственном уровне работать внутри страны и на своих людей.

Однако без участия государства Россию не спасти.

Без участия государства легкий дешевый бизнес захлестнет полностью страну. Магазины, как это уже сейчас и есть, будут ломиться от ненужного барахла, а наши необозримые просторы, вся наша Родина зарастет бурьяном. А вслед за этим ее можно будет брать голыми руками.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

ИСКРЕННОСТЬ И ПАМЯТЬ (О новых книгах Сергея Лебедева)

Живет в Тольятти человек, который тихо и незаметно пишет стихи, делает дело, ставшее для него главным. Делает, несмотря на то, что занят серьезной и ответственной работой для хлеба насущного, что не избалован вниманием поэтической богемы: не у кого совета спросить, не с кем мнениями обменяться...

Я говорю о Сергее Лебедеве, инженере, работающем на одном из крупнейших химических предприятий России. Недавно в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» вышли в свет два его новых сборника стихотворений и прозы. Событие для литературного мира довольно обыденное. Ведь для этого и была создана новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори», чтобы авторы могли более полно знакомить читателей со своим творчеством. Поэтому давайте вместе полистаем страницы его книг, вчитаемся в простые, но доходящие до глубины души строчки поэта. А начнем, пожалуй, с его любовной лирики.

Сборник стихотворений «Исповедь», изданный Сергеем Лебедевым в середине 2013 года, составлен автором из стихотворений, пронизанных любовью и уважением к женщине. Читая их, не сомневаешься в чувствах автора, так как любовная лирика написана простым, доступным для понимания языком. В стихах поэта мы не найдем излишней вычурности, замысловатости, все просто и ясно. Но они подкупают читателя своей искренностью, добротой, порядочностью в отношении с женщиной, с которой поэт разговаривает в стихах.

Автор не побоялся и начал свой сборник стихами, написанными еще в далекой юности. Первый раздел сборника так и называется: «Из юношеских тетрадей». Ранняя любовная лирика порой несовершенна и наивна, но в этом, пожалуй, и преимущество, которое позволяет простить эту наивность, и не заметить авторское несовершенство влюбленного поэта. Ведь искренность — неотъемлемая составляющая его поэзии. Я уже не говорю о том, что любовные признания без настоящих чувств будут выглядеть смешно и нелепо. В стихах, написанных Сергеем Лебедевым о неразделенной юношеской любви, не встретишь разочарования или раскаяния.

*...Я загляну в проталины
Синих холодных глаз.*

*Сколько надежд оставили
Льдинки мне в этот раз?
(«Листья летят и кружатся...», с. 8)*

*Я ждал тебя одну..
Весною и зимой,
Но все пошло ко дну:
Печаль моя тобой.
(«Мне нечего жалеть...», с.14)*

В других стихотворениях, написанных автором намного позднее, чувствуется, что чистота первой любви осталась в его душе на всю жизнь:

*...Влюбленность юности оставил
Мой жизни бег,
Но помню я, как густо падал
Тяжелый снег.
(Воспоминание, с. 105)*

Поэт сравнивает любовь, которая не дает взаимности с тяжелым и густым снегом, засыпавшим его юношеские мечты.

Любовная лирика Сергея Лебедева доходит до совершенства. Она ярко и доходчиво отражает его глубокий внутренний мир с присущей, как и всем, противоречивостью чувств:

*...На обочине, один.
Жду попутную машину.
Для себя ты все решила,
Для себя я все решил.
(«На обочине, в пыли...», с. 58)*

С болью прощания:

*...Не торопи событий круг,
Не отводи усталых глаз,
Не отнимай усталых рук,
Не говори крылатых фраз.
(«Не торопи событий круг...», с. 61)*

С мольбой о любви:

*...Храни, Господь, нас от затмения,
Пусть не клянемся на крови,
Не тронет души ржа сомнения:
Пошли нам, Господи, Любви.
(Молитва, с. 34)*

Грусть, присутствующая в некоторых стихах поэта, не лишает их яркости выражения чувства:

*...Я без тебя, как забытый родник,
Кажется, будто и надо немного;*

*Шелеста листьев напутствие строгое,
Я без тебя — слабый солнечный блик.*
(«Здесь за снегами, в холодную ночь...», с. 84)

Нежно и образно написано стихотворение «Суламифь», где за основу взято одноименное произведение русского писателя А. И. Куприна. Автор весь, как на ладони, обнажая нежную душу перед нами, он пишет:

*...Гнется книзу лоза,
Будет соком поить,
Я всего не сказал,
Ты моя, Суламифь.*

*Мне так мало дано,
Не слагается стих,
Но пьянит не вино,
Ты моя, Суламифь.*

Прочитав до конца книгу Сергея Лебедева «Исповедь», понимаешь, что они написаны мужчиной, не ищущим выпренности в отношениях с женщиной. В стихотворениях нет и намека на приземленность или на излишнюю простоту. Все гармонично, как и заведено в природе, где мужчина — олицетворение силы и мужества, а рядом женщина — нежность, доброта. Автор понимает, что тайна любви не разгадана ни одним поэтом мира, и он ищет в своем сердце это чувство, делая при этом удивительные открытия. В стихотворении «Всю жизнь, перебирая золото и камни...» автор делится этим с читателями:

*...Но вот теперь года мои — оценщик,
В простой оправе вижу турмалин.
Какое дело до других мне женщин,
Мне драгоценен камень лишь один.*

Теперь откроем еще один сборник нашего автора «Чтобы память не гасла», изданный в январе 2014 года. Книга составлена из стихотворений и поэм о Великой Отечественной войне, а также в сборник включены произведения об участниках локальных войн в Афганистане и в Чечне. В сборнике Сергея Лебедева мы найдем интереснейшую художественно-публицистическую повесть «Мой отец — офицер». Издание книги поэт приурочил к приближающемуся в следующем году семидесятилетию Великой Победы. Читая стихотворения, вошедшие в сборник, ощущаешь, что автор пропустил эту тему через свое сердце. С каким чувством боли, и с какой горечью написаны строки:

*Я читаю рассказ Ветерана Войны,
К горлу ком поступает от боли,
И досада беспомощна с чувством вины
Перед тяжестью выпавшей доли.*
(Доля солдатская, с. 34)

Поэт Сергей Лебедев, предчувствуя вопрос о том, что он может рассказать о войне, не зная всех ее ужасов, как бы заранее отвечает:

*...Только если все так, что ж, не чувствую боли?
От всего, что приносит с собою война?*

*Да, рожден я, наверно, на мирную долю,
Незабытая боль мне от мамы дана.*

(«Я не знаю бессонных ночей медсанбата...», с. 8)

Автор с детства был окружен воспоминаниями отца, матери, родственников, бывших непосредственными участниками и свидетелями событий военных лет. Вот поэтому многие его стихотворения посвящены теме войны: «Возвращение», «Пехота», «Неизвестный солдат», «Отцовские медали», «Картошка», «Семейный альбом», «Как мы устали от войны», поэма «Сны Анны».

В 2014 году Сергей Александрович Лебедев был принят в члены Российского Союза профессиональных литераторов. На заседании Самарского регионального отделения РСПЛ я была свидетелем бурных дебатов, возникших при обсуждении поэмы «Отче наш...», которую поэт прочитал членам приемной комиссии. Поэма написана по воспоминаниям генерал-лейтенанта В. Н. Юрченко, ветерана афганской и чеченской войны. Поэма подкупает своей искренностью, она глубока по смыслу и содержанию. Вера и верность национальным русским традициям и устоям, долг и честь — вот те темы, которые затронуты в одном из любимых моих произведений этого автора.

*И не может с тех пор мне забыться
«Отче наш!» вместо крика «Ура!»
А солдаты решили креститься —
Смерть им в очи глядела вчера.
После боя — душевные раны,
Но мы крепче сомкнули свой строй.
В древней лавре, под сводами храма
Нас крестил иерей полковой.*

(«Отче наш...», с. 72)

В художественно-публицистической повести «Мой отец — офицер» достоверно и со знанием темы автор рассказал о том, как судьба отдельного человека неотъемлемо связана с историей нашего государства. Не побоюсь сказать высокопарно, — это хрестоматийное произведение к учебнику истории СССР, где показана судьба простого паренька из далекой лесной деревеньки Поветлужья, прошедшего свой солдатский путь от красноармейца до подполковника — командира военно-строительной части. Искренние слова автора о том, с какими чувствами он работал над произведением, трогают до глубины души. Вера, семья, Родина — становятся прочным фундаментом для всего рода Лебедевых.

«Вот на этом фундаменте — документальной истории и собственной любви, я и поставил памятник отцу. Своей повестью, написанной с любовью ко всему поколению, которое выстояло в тяжелые годы войны, и которое создавало великое государство — СССР. Это памятник офицеру и гражданину. Единственное желание, чтобы памятник был не только в моей душе, но и передавался следующим поколениям...»

Моя статья — не критический разбор творчества Сергея Лебедева, она преследует лишь одну цель — привлечь внимание к его произведениям, достойным внимания читателей. И заканчивая наше путешествие по миру поэзии Сергея Лебедева, хочется пожелать поэту и просто прекрасному человеку, который недавно отметил свой 65-летний юбилей, долгого и плодотворного пути! А написанным книгам, где искренность и память о прошлом проникновенны, потому что написаны с душой, своего читателя.

Новых свершений, поэт!

**Ольга Борисова, поэт, поэт-переводчик,
секретарь РСПЛ Самарского региона, г. Самара**

Сергей Норильский
(г. Тула)

БОМЖ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Дважды удостоен журналистской премии им. Глеба Успенского, лауреат литературной премии им. Льва Толстого (2000). Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

Сколько существует великое и несчастное человечество, столько в его разноплеменных рядах людей, называемых бродягами. Бродяжничество как романтизм, юношеское стремление освободиться от оков семейной, деловой и прочей зависимости, познать необъятный мир в полной свободе действий и передвижения. Бродяжничество как несчастье, социальное и личное бедствие. «Затерянный в пыли дорог, о судьбах мира размышлять я мог». Люди старшего поколения помнят увлеченность очерками Джека Лондона «Дорога», босяками Максима Горького. Старожилы советских времен помнят, как дружба их властей с экзотической далекой Индией доставила им художественные фильмы с Раджем Капуром, мило игравшим привлекательного скитальца. У многих звучала в ушах его добрая песенка: «Бродяга я, бродяга я!» Благополучные сверстники по-разному относились к представителям этого племени. Одни негодовали и тяготились ими, другие всем сердцем сочувствовали и даже возводили в ранг избранных.

Советские люди строили общество, где бродяг и нищих быть не должно. И как ни парадоксально, именно в то время в СССР возникло новое название бродяг: бомж, гражданин без определенного места жительства, проще говоря — без дома, без жилища. Впрочем, понятие «бездомный» существовало и раньше.

Жалея этих несчастных, рабоче-крестьянское правительство старалось привлечь их к труду и тем вернуть в семью достойных членов социалистического общества. А тех, кто упорно отстаивал свое право на бродяжничество, определило как тунеядцев, злых лентяев, бездельников.

Случалось, в эту категорию попадали и те, кто не был ни бродягой, ни лодырем, а просто занимался тем, что полагал нужным себе и обществу, не подчиняясь требованиям большинства и власти. Был в этом еще и протест несправедливостям, удручающим многих со стороны государства. Один из таких протестантов, стойко пережив гонения и остракизм, получил даже Нобелевскую премию как поэт и стал гордостью страны, правительство которой травило и изгнало его.

Это — из парадоксов истории. Главное же в том, что племя бродяг-бомжей не исчезает во всех странах, даже в тех, которые считаются вполне цивилизованными и чуть ли не процветающими. Бомжи множатся вопреки возможностям благополучного пребывания в обществе. Конечно. Большинство несет это бремя вынужденно. Не умея и не желая приспособиться к действительности, найти в ней свое место. Однако, истоки явления лежат и за пределами социального устройства, таятся в глубинах человеческих характеров. С позиций идеологов советского строя даже самого Христа изображали бродягой и тунеядцем. Правда, авторитет Этого Учителя жизни в массах не позволял так уж вольно осуждать его, на это отваживались лишь самые отчаянные кощунцы. Сколько государств возникло и исчезло, а Христос для планеты — по-прежнему Возлюбленный Основатель величайшей из религий и для миллиарда верующих — Бог.

А бродяги-бомжи не исчезают. Философы, социологи, а с ними и правovedы-законодатели ломают голову над тем, как с ними быть и что делать. Об этом написано бездна ученых книг, создана уйма всевозможных произведений во всех видах искусств.

Как и в любом слое общества, среди бомжей существуют разные типы, разные индивидуальности. Различны причины и обстоятельства, исторгавшие их из обычной жизни и приводящие в добровольные или вынужденные изгои.

Все эти мысли возбудил во мне рассказ Якова Шафрана, без всяких претензий озаглавленный: «Бомж» и напечатанный в журнале «Приокские зори» в 2013 году (№ 3/32).

В рассказе изображен русский рабочий, токарь, в годы распада СССР подавшийся на более крупные заработки — в модные тогда «челноки»: торговцы товарами массового спроса, привозимыми из иностранных держав, преимущественно, из Турции, Китая, Болгарии. Свобода от производственной дисциплины, романтика заморских путешествий, разрешение на частную торговлю, еще вчера бывшую под запретом и преследовавшуюся как спекуляция,— все это вскружило голову тысячам молодых энергичных мужчин и женщин.

Верховодила пиршеством свободы жена Василия, Антонина. Детей у них не было, забота только о себе, и первое время все шло хорошо и прекрасно.

Но вскоре проза жизни дала о себе знать, да и не повезло Василию. Налетели рэкетеры, за неуступчивость отбили все внутренности; попытка поднять непосильный тюк привела избитого к инвалидности. Антонина продолжала дело, а помощь от мужа была все мизернее. Подбил к женщине мужичок помоложе и поздровее Василия, кончилось, что жена и хахаль выгнали бывшего работягу из его квартиры. Вот так он и оказался бомжом.

Автор изобразил доброго, но слабовольного труженика, не способного постоять за себя. Трагедия усилилась тем, что ни одного достойного крепкого человека не встретилось на пути Василия. Даже родная сестра не приложила должных сил, чтобы спасти брата, оставшегося без жилья. На десяти страницах изложена горькая участь опустившегося скитальца с неизбежным финалом: трагической гибелью. Мир жесток и безнадежен для таких несчастных.

Как ни парадоксально для нашего времени, когда в новой литературе правят бесчисленные Акунины, Пелевины и Прилепины с их жестким скепсисом и полумистикой, Яков Шафран написал рассказ в реалистической манере прошлых правдолюбцев христианского толка. Получилось в духе жалостных историй, запечатленных русскими писателями-народниками (вспомнишь Николая Златовратского, Павла Засодимского, Александра Левитова, Скитальца-Петрова и других), оставивших нам произведения, полные жгучего сочувствия к «маленькому» человеку в его горестной

судьбе. Василий замерзает в тридцатиградусный мороз на скамейке у запертой железной двери жилого дома-исполина, так и не найдя ни у одного из встреченных им людей сочувствия и помощи. Вот один из заключительных аккордов повествования:

«Женщина (...) на ходу достала из кармана магнитный ключ. Добежав до подъезда, она (...) приложила ключ к кодовому замку и отворила дверь.

— По-по-до-дож-жди! Пу-пус-с-сти!

Но женщина, со страха, видимо, не разобравшись, кто он и что, быстро влетела в подъезд, и дверь за ней закрылась. Василий в отчаянье отвернулся. Ноги уже совсем не подчинялись ему, навалилась усталость, тянуло ко сну, хотелось сесть, а еще лучше лечь, и спать, спать, спать...

Да вот и лавочка под раскидистой вишней. Лучи уличного фонаря серебрятся на только что умытых теплым летним дождем листьях и ягодах (...) Василий сел. Благодать-то какая кругом: птицы щебечут, легкий теплый ветер шевелит волосы. Ах, как приятен покой (...)

И видит Василий сон — он, молодой, полный сил в спецовке в своем цеху. Станок, довольный умением мастера, поет свою песню, работа ладно спорится. Подходит старший мастер, а с ним — начальник цеха, называют по имени-отчеству, советуются, как лучше выполнить новый заказ (...) Вот и конец рабочего дня. Нужно зайти в профком — обещали к отпуску путевку в санаторий, в Анапу на двоих с женой (...) В предвкушении этого отдыха и покоя продолжительно и сладко вздохнул...»

То был сон... во сне!

«Утром спешащие на работу люди видели сидящего на лавочке (...) человека. Глаза его были закрыты, а одежда, борода и лицо — все было покрыто искрящимся в свете уличных фонарей снегом. Прошло, видимо, около сотни озабоченных своими делами людей, прежде чем один мальчик, потянув за собой маму, подошел и дотронулся до руки сидящего.

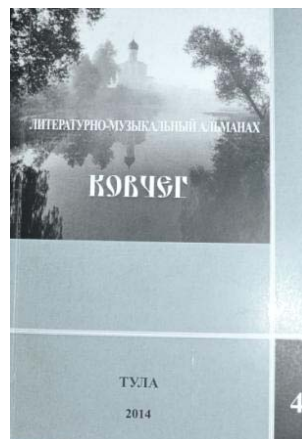
— Мама, дядя замерз! Потрогай (...) какая рука у него холодная!»

Так жил и так умер рабочий Василий, ставший бомжом.

Виталий Леонардов
(г. Москва)

ЗА ТУМАНОМ...
(об альманахе «Ковчег»)

Журналист и критик

*Плывет «Ковчег», окутанный Туманом.
Он в поисках, ведь должен быть Просвет.
Насытили нас злобой и обманом,
Но верим — вскоре Тьму прогонит Свет!*
Сергей О. Крестьянкин. «Альманаху «Ковчег»

Я держу в руках четвертый номер альманаха «Ковчег». Выходит он раз в год, значит, на плаву держится уже 4 года. В наше время, когда так все быстро меняется, это осязаемый срок. Существенно, что это альманах всероссийского ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори».

Обложка выполнена в серых тонах. На ней фотография, на которой мы видим водную гладь, отражающиеся деревья, утренний туман, а за ним, вдалеке, просматривается церковь — символ веры и надежды в духовное возрождение русского народа.

Если и предыдущие сборники выполнены в таком же стиле, то можно сказать, что издание имеет свое лицо и читателям легче отыскивать его на полках книжных магазинов, ежели оно туда поступает, так как тираж слишком мал.

Альманах заявлен, как литературно-музыкальный. Это меня насторожило. Неоднократно приходилось сталкиваться с такого рода изданиями, где напечатаны строки стихотворений и подписано, что — это песни. Вот и вся музыкальность. А как их петь, какой мотив — не известно. Здесь же, действительно, песни Владимира Пашутина на слова Якова Шафрана с напечатанными нотами. Значит, правильный альманах.

С обратной стороны обложки мы видим фотографии 60 авторов. Лично мне нравится, когда читаешь стихотворение или рассказ и можешь посмотреть, как выглядит человек его написавший.

Здесь представлены и члены обоих Союзов писателей, и журналистов, и Академии российской литературы, заслуженные работники культуры и редакторы журналов, альманахов, сборников, и руководители литературных объединений из разных городов. Тут есть не только профессиональные поэты и писатели, но и молодые литераторы и совсем юные, делающие лишь первые пробные шаги в этом направлении. И очень важно не отмахнуться от них на данном этапе, а предоставить возможность высказаться. И такую возможность предоставляет альманах «Ковчег».

Как правило, в таких сборниках, начало занимают именитые, состоявшиеся писатели, поэтому открываю книгу ближе к концу.

Владимир Гудков (г. Тула) — сказки для детей. Прочитал, как говорится, на одном дыхании. Интересные, добрые и самое главное поучительные произведения. Будь то про умного (как бы это странно не звучало) и упрямого баранов или про капусту, изменившую свой взгляд на окружающую среду. А про светлячков и жука-дровосека, сотворившего праздник, когда читал, то вспомнил сказки Андерсена...

Решил не перескакивать, а ознакомиться и с остальными авторами из этого раздела для детей.

Замечательный рассказ «Дом с привидениями» Рудольфа Артамонова из Москвы. Читаешь, как детектив, а в конце узнаешь, что привидения на чердаке — это обычные котята.

У Нины Поповой из города Москва хорошие стихи, которые приятно читать. «Хочу сестру» — размышления маленькой девочки. А «Прятки» и «Дождик» передают веселое настроение, да так, что мне, человеку пожилого возраста, давно пенсионеру, захотелось поиграть в прятки с лучиком и побегать босиком по лужам.

Валерий Ходулин — туляк из поколения, которого коснулась война, конечно же, большинство из своих стихотворений посвятил военной тематике, фронтовикам, пожилым людям, достойно прошедшим тяжелое время и любви...

Проза Людмилы Алтуниной пропитана любовью к людям и переживанием за этих бедных, обездоленных, беззащитных и порой несчастных женщин и стариков, которым досталась война, разруха, голод и послевоенные годы восстановления. Читая ее непродуманные истории, задумываешься. После войны женщина с сыном голодает и вдруг она находит целый червонец, аккуратно лежащий на земле, придавленный палочкой. Кто-то потерял, а ветка случайно упала сверху? Или, может быть, Николай Угодничек, как она говорит, специально положил на ее пути и прижал деревяшкой, чтобы не улетела бумажка? А вот другой рассказ «Хлебушек от дедушки». Война. Матери нечем кормить своих детей, а тут в дом постучал старичок с котомкой и в длинном одеянии. Решила поделиться свеколкой, а дедок взамен хлебушка свежего в мешке дал — это во время войны(!), когда и черствого хлеба не ели уже много месяцев. И так несколько раз они со стариком менялись, пока свекла не закончилась. Тогда пожилой мужчина отдал мешочек с хлебом просто так, за доброту женщины. Вот она — человечность, которая прослеживается во всех рассказах писательницы и помощь людей друг другу в тяжелое время.

Не изменяю своему принципу — опять открываю сборник наугад. Стихи. И вновь удача.

*«Посмотри за окном — это я
Разбиваюсь о землю... каплями
Для того чтоб увидеть тебя.
Небеса снова тихо заплакали.*

*Посмотри за окно — там я
В одиночестве бродит... искренность...»*

Эти строки написаны молодой поэтессой Наталией Силаевой из г. Серпухов Московской области. Окунулся в это стихотворение, а заодно и в остальные три ее произведения. И оказалось, что не окунулся, а взлетел — так воздушно и широко пишет автор.

Ведь как бывает: стройные ряды слов, прекрасный четкий ритм, добротная риф-

ма и смысл, а не цепляет. И случается наоборот — сбивающийся ритм, слабая или спорная рифма, а душу бережит, выворачивает. И пишет не член Союза писателей, а никому не известный поэт.

Много талантливой у нас молодежи в разных областях — культуры, спорта, науки...

Чтобы, дорогой читатель, ты не подумал, будто бы я — москвич и поэтому отдаю предпочтение своим землякам, решил поискать авторов из других областей.

Александр Карпов из города Тула. Осмысливая свою жизнь, написал проникновенные строки в стихотворении «В старый храм потихоньку войду». Или другое его творение «Бокал лета».

«...Кто-то все ждет окончания света,
Кто в суете новогодней увяз.
Я же с бокалом наполненным летом
Звезд и снежинок вновь слушаю вальс!»

По-моему замечательные строки, не требующие никаких пояснений.

Ольга Борисова из Самары предлагает стихотворение «Любовь Ундины». А я, когда его читал, слышал в своей голове мелодию и представлял, как бы звучал этот романс со сцены. Но песней это произведение не заявлено. Просто у меня разыгралось воображение. Совершенно другого плана стихотворение «Среди камней на горном склоне». Про цветок, родившийся среди камней и тянущийся к свету.

Все стихи Якова Шафрана (г. Тула) пронизаны любовью к своей Родине, добротой и верой в лучшее, светлое будущее народа, живущего в России.

Игорь Боронин в своих стихах рассказывает о замечательных русских городах, о природе. Делится впечатлениями от рыбалки. Но самое главное — он гордится, что живет в России.

С состраданием к людям земли русской и с болью за Россию высказывается тульский поэт Валерий Савостьянов, который не может молчать, наблюдая за происходящим в стране. И, конечно же, пишет о родных и близких, которых мы, порой, не берегаем и не ценим. А когда они уходят безвозвратно, горько жалеем об этом.

И тут же словно подхватывает эту тему Вячеслав Алтунин:

«Какое чудо Господом дано!
Какие во глубинах русских силы!..
Дороги плохи, дураков полно,
А все ж Россия — светоч негасимый!..»

Чувствуется, что люди любят свою страну и им не безразлична судьба России.

Валерий Демидов (Тула) с болью пишет о том, что все меняется и, порой, не в лучшую сторону. Мысленно обращаясь к Толстому, говорит:

«И мы уже совсем не те,
Какими в твоих книгах были, —
Мы утопаем в суете,
На нас слои греховной пыли...»

Переживает за стариков и верит в духовное возрождение нашего общества.

«Он взывает к Господу и верит,
что прервется жизни суета
и с базара в храмовые двери
приведет нас истина Христа».

Интересны переводы Ольги Пономаревой-Шаховской из Москвы современных болгарских поэтов.

Тех, кого интересует возможность почерпнуть какие-либо дополнительные сведения о прошлых и нынешних поэтах и писателях, конечно же, заглядывают в раздел «Литературоведение». Заглянем и мы.

Валерий Маслов (г. Тула) рассказывает о человеке и писателе Иване Бунине, о его посещениях тульского края и впечатлениях, которые складывались от общения с жителями Ефремовского уезда и от увиденных красот Тульской губернии.

Второе повествование Маслова о Глебе Успенском, жизнь которого тесно связана с Тулой. И видение этого писателя все в серых тонах и черных красках. В очерках показана ужасная картина Растеряевской улицы. «Сплошная запойная пьянка, драки, битье жен, сквернословие, нищета, непролазная грязь, покосившиеся хибары... и нет никакого просвета...».

Как говорится, у каждого писателя свой взгляд на тот или иной аспект жизни.

Рудольф Артамонов из Москвы, как я понял, является врачом. Поэтому изучая творчество разных поэтов, а в данном альманахе Афанасия Фета, с чисто профессиональной точки зрения находит в его стихах различные признаки болезни поэта, о симптомах которой частенько упоминает сам поэт.

Яков Шафран из города оружейников рассказывает о романах Ирины Кедровой «Войной украденная юность», «Девять жизней» и повести Натальи Квасниковой «Горизонт за карнизом». Все они разные, но повествуют о тяжелой жизни простых людей, о вере и надежде на лучшее время. Как бы ни было тяжело, авторы пытаются найти и показать что-то хорошее, доброе, светлое.

Яков Шафран, разбирая эти произведения, пытается как можно лучше донести до читателей основные мысли писательниц. И, честно скажу, захотелось найти упомянутые книги и прочитать, как говорится, первоисточник.

Алексей Яшин, хоть сейчас и живет в Туле, но детство его прошло на Севере. Он делится своими воспоминаниями о том замечательном, счастливом времени и крепких закаленных людях, там проживающих. Вы посмотрите, с какой любовью описывает это край, хотя сам и называет его «забытая богом земля». Рассказывает о своих страхах, которые посещали его в далеком детстве и врезались в память настолько сильно, что всплывают до сих пор. Да разве такое забудешь. Бродили с мальчишками по заливу и наткнулись, думали, сто на полузатопленный понтон, а оказалось — на торпеду, оставшуюся со времен войны. Мало того — долбили по ней камнями, а затем разожгли рядом костер. Когда об этом узнали родители, то срочно вызвали военных и те произвели взрыв, так как транспортировать ее было опасно. И страх нахлынул не во время страшной находки, а гораздо позже — в момент осознания, что могло с ним и его друзьями случиться.

Сергей Норильский рассказывает на примере одной семьи о тяжелой жизни народа. Охватывает дореволюционное время, революцию и послереволюционное — НЭП, раскулачивание. Как семья с ребенком после неоднократных обысков у них в поисках драгоценностей живет в постоянном напряжении от ожидания, когда их выселят и сошлют в Сибирь или Среднюю Азию. «Беглецы» — так заявлена глава из романа. Читать, конечно, интересно, но жаль, что это лишь часть и нет целостности картины. А печатать романы по частям в таких альманахах, которые выходят, в луч-

шем случае, раз в год, нет никакого смысла. Обычно, таким образом, печатают издания, выходящие ежемесячно. В противном случае за год забываешь, о чем там написано и каков сюжет.

Читая рассказ «Волк» Сергея Крестьянкина из Тулы — словно фильм смотришь. Такие яркие картины, образы встают перед глазами. Своеобразная сказка об умном волке, оплатившем добром за добро. Вы скажете, что такого в природе не бывает. «Сколько волка не корми, он все в лес смотрит». Зверь по натуре своей остается зверем. Но, как показывает практика, в жизни всякое случается. И потом, это не документальное, а художественное произведение, то есть выдумка автора, наполненная романтикой и предлагающая всем окружающим, и особенно молодым людям, чаще совершать хорошие добрые поступки.

В повествовании «Груммант» Сергей Овчинников делится своими мыслями о русской деревне и людях в ней живущих, о чеченской войне, о культуре поведения, про озлобленность взрослых и детскую доброту, про приезжих, скупающих землю и строящих коттеджи и россиян, уезжающих, наоборот, за границу. Одним словом о нашей жизни, о нашей Родине.

Написано мастерски. Прочитано с удовольствием. Всколыхнуло и напомнило, что мы — русские.

Душещипательную историю рассказала нам Нина Семенова из Москвы в произведении «Одноклассники. Чурбан».

До слез довела меня — старика. Разволновался сильно.

Речь идет о школьном хулигане и задире Степке Чурбанове, который, естественно, плохо учился, не слушался учителей. Авторитетом для него никто не являлся, и все ему прочили прямую дорогу в колонию. Почти в каждой школе встречаются такие персонажи. И когда случился пожар в их школе во время занятий, а Чурбан прогуливал, как обычно, уроки, но заметив столб дыма не раздумывая, как другие — кряхтя, охая и причитая, ринулся внутрь спасать малышей. Выводил детей и возвращался в полыхающее здание. И так несколько раз, пока не спас всех до приезда пожарных. Сам сильно пострадал, получил много ожогов, попал в реанимацию. Врачам удалось его спасти. Он стал героем и был награжден орденом.

Через несколько лет он все же попал в колонию. Но учителя и одноклассники не это будут помнить, а, то, как он — хулиган и двоечник единственный оказался героем на пожаре.

Вот пример для подражания нынешней компьютеризованной молодежи.

Прочитав рассказы тулячки Елены Гаденовой, отдохнул душой. Даже писать ничего не хочется. Единственное желание — просто посидеть, поразмышлять. Стало как-то спокойно и радостно за людей, живущих в любви размеренной жизнью. «Каштаны» и «Папуасы» — совершенно разные произведения, но их объединяет общее настроение, любовь и бережное отношение людей друг к другу. В рассказе «Каштаны» женщина развелась с мужем и одна воспитывает дочку. Передает ей всю свою любовь и нежность. Мечтает об отдельной квартире и путешествиях вместе с ребенком. И считает себя счастливой, так как счастье рядом — это ее дочь. А «Папуасы», словно продолжение первого рассказа. Муж и жена живут вместе уже более 30 лет, у них дочка. Ютятся в малюсенькой квартирке. Но все счастливы и любят друг друга. Дочке ни в чем не отказывают — есть у нее и компьютер, и книги... Живут не богато, но, если можно так сказать, светло и радостно. И самое главное, у них есть время и желание смотреть на звезды...

Случайно наткнулся на «Случайные встречи не случайны» (Наталья Приходько, г. Серпухов). Начало первой фразы «В городе без конкретного названия, в мире без особых предрассудков...» заставило сконцентрироваться на этом рассказе и дочитать

его сразу до конца. Пишет молодая девушка. Тема не новая. Сюжет надуман, в жизни такого не бывает. Это скорее современная сказка. Но сколько здесь романтики, веры в людей — в хороших людей, в доброту. Все очень простенько, но читается интересно.

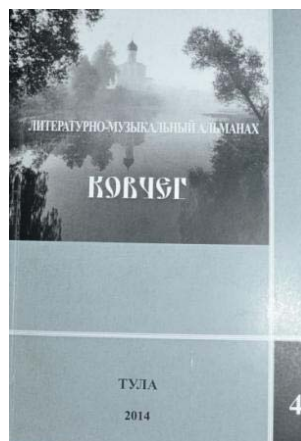
На титульном листе альманаха написано: «Православие в наших душах» и само название «Ковчег» подразумевает, что материалы здесь, скорее всего, публикуются с религиозной направленностью. Но, как нам удалось выяснить, совсем нет и напечатаны в нем разные авторы.

Стильные, тематические иллюстрации художницы Елены Соколовой добавляют колорита этому изданию.

И даже те несколько листов, которые ошибочно вклеены неправильно и перепутали нумерацию, совсем не портят общего хорошего впечатления от этого сборника.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти Самарской области)

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

«...Стоит человеку соприкоснуться с произведением искусства — и неизбежен отпечаток на состоянии его эмоций и мысли. Художник обязательно заражает людей... Раз заражает, то и влияет на жизнь. Но особым образом...»

Читая произведения, вошедшие в четвертый выпуск альманаха «Ковчег», я не единожды вспоминал мудрые слова российского ученого, богослова и литературоведа М. М. Дунаева. И думаю, что главный редактор и составитель альманаха Яков Наумович Шафран очень правильно на «Духовной странице» поместил именно эти выдержки о литературе конца двадцатого столетия. Ведь альманах объединяет произведения поэзии и прозы, работы по литературоведению, публицистику широкого круга авторов не только по представленным литературным произведениям, но и географии проживания. И объединяет их всех, пожалуй, одно — все авторы представлены в альманахе достойными русской литературы произведениями. И каждое, несомненно, оставляет отпечаток на состоянии эмоции и мысли читателя. Впрочем, это главная черта и самого журнала «Приокские зори», поскольку альманах выходит в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

В разделе «Поэзия» опубликованы стихотворения более чем сорока поэтов. Стихи разнохарактерные, разноплановые — здесь и гражданская лирика, и любовная, и религиозной тематики. Авторы объединяет одно — любовь к России, неравнодушное отношение к ее сегодняшнему положению в мире.

И не оставляют равнодушными стихотворения члена СП СССР и России Валерия Ходулина «Воспоминание о Чечне», «Когда уйдет последний фронтовик», Валерия Савостьянова «Воля русская моя», цикл стихотворений «Выбор» Виктора Иванова. Очень поэтичны и трогательны баллады члена МГО СПР Натальи Квасниковой.

Можно перечислять и перечислять поэтов, стихотворения которых опубликованы в «Ковчеге», все они достойны внимания читателей. Это и Игорь Мельников (Тула), и Нина Попова (Москва), и Геннадий Мир (Щекино), и Ольга Борисова (Самара) и многие-многие другие.

Раздел «Проза» открывает рассказ известного ученого, писателя, главного редактора всероссийского ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина «Души на островах». Читая рассказ, я представил себе вживую каменное царство сурового берега Севера. И содрогнулась душа моя от тяжелого, безмолвного взгляда прибрежных скал, от серого и однообразного пейзажа... Но оказывается, и это любовь! В гранитных объятьях Севера и любовь серьезная, без лишнего слов, без легкомысленных восклицаний. Сказал: «Люблю» — и как печать вековую поставил на письма земли северных. И разве это не поэзия? А ледяной вал с

замерзающим паром — это ли не ода северной стихии? А все вместе — и мрачные скалы, и северный ветер, и любовь — мир русского слова российского писателя А. А. Яшина.

Неотъемлемые свойства природы и силы русского народа продолжаешь ощущать, когда читаешь главы из романа «Беглецы» писателя Сергея Львовича Щеглова (Норильского). Как будто слышишь живой рассказ жителя сельской глубинки, и понимаешь, что в исконно русской речи — «Его душа и быт родной», как сказал поэт П. Вяземский. Словно ощущаешь прикосновение к атмосфере деревенского быта конца двадцатых годов прошлого столетия.

Член СП России Сергей Крестьянкин порадовал своим интересным рассказом «Волк», изменяющим наши представления о взаимоотношении человека с дикой природой.

В каждой строке, в каждом слове рассказа «Груммант» лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого Сергея Овчинникова чувствуется любовь к России, к ее нынешнему состоянию, когда переживает она не лучшие свои годы. Писатель ненавязчиво, но очень точно указывает путь, идя по которому народ России восстановит государственность, благоденствие и незыблемость — это Православие.

И как продолжение поднятой проблемы рассказа, в разделе «Публицистика» опубликована статья этого же автора «Нарышкино». Статья — пронзительная по своей наполненности страшными страницами истории нашей страны. Страны, стоящей на распутье, в которой «где-то среди вереска и пижмы, среди ржи и зарослей репейника, возле сельского храма с домиком старого священника гнездится душа нашего народа, не потерять бы нам ее, живя на чужой лад, заемным умом».

О любви к человеку, кем бы он ни был, о смысле жизненного пути каждого из нас, о поиске веры Православной, о возрождении утраченных идеалов святости семьи с неподдельной правдой написано в рассказах Елены Семеновой, Людмилы Алтуниной, Вячеслава Алтунина.

Воспитание нынешнего поколения, отношения родителей и детей в различных семейных ситуациях очень доходчиво прослеживаются в рассказах Елены Гаденовой, Татьяны Рогожиной.

Опубликованы в альманахе и красивые, поэтичные рассказы Владимира Гудкова, Галины Клиновой, Сергея Одинокова и других авторов.

В разделе «Публицистика» заслуживают читательского интереса очерки Людмилы Алтуниной и Бориса Можая. Журналист Л. Алтунина откровенно раскрывает свои личные впечатления об уникально-историческом событии прошлого года. О проведении Молитвенного похода по российским городам в честь столетия аналогичного похода Царской Семьи в 1913 году, в год 300-летия династии Романовых.

Сценарист, прозаик, публицист и литературовед А. Можая, рассказывая об истории Симонова монастыря, по сути, дает краткий очерк истории развития Православия на Руси.

Яркие и злободневные темы, поднятые в статьях члена Союза журналистов г. Москвы Рудольфа Артамонова «О гомосексуализме» и члена Союза писателей и переводчиков МГО СПР Якова Шафрана «Интеллигенция. Необходимо свидетельство о возрождении», являются как бы дополняющими одна другую, предостерегающими от чрезмерного увлечения «прозападными ценностями».

Работы всех авторов, представленные в разделе «Литературоведение», по-своему интересны. Но мне хочется выделить вдумчивый, убедительный и интересный анализ-сопоставление поэзии двух русских гениев А. С. Хомякова и М. Ю. Лермонтова, который сделал в своем очерке Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова Игорь Карлов. Я думаю, что исследование, сделанное автором, будет оценено не только любителями поэзии, но и широким кругом читателей.

Прочитана последняя страница литературно-музыкального альманаха «Ковчег», издаваемого в городе Тула. И остается радость и благодарность в душе от всего прочитанного в нем, от чувства прикосновения к русской литературе, к русскому слову — живому и теплomu. А вместе с радостью возникают вера и надежда, что и дальше «Ковчег» будет уверенно плыть, оставляя свой след в море русской литературы.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Объявленный в России 2015-й год, как Год литературы, иронией судьбы совпал с прекращением — по финансовым причинам — печатания «бумажной версии» нашего журнала. В ряде наших циркулярных писем, разосланных авторам в январе-феврале с. г. мы всесторонне рассмотрели, объяснили и проанализировали переход в издании журнала к электронной форме. Получили много откликов от наших постоянных авторов и читателей. Большое Вам спасибо!

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного, издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих иметь бумажный вариант журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2015.— №№ 1, 2.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2015.— № 1.
3. *Газета «Правда»* № 111 (9882) от 10 мая 1945 г. (факсимильное издание).
4. *Иван-озеро*. Сборник произведений тульских писателей. Юбилейный десятый выпуск / Под ред. В. Ф. Пахомова.— Тула: Аквариус, 2014.— 486 с. (В книге опубликованы произведения многих тульских авторов «Приокских зорь»).
5. *Тамара Булевич*. Плач рябины: Повести. 2-е изд-ие.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 259 с. (Книга отмечена дипломом «Уникум» на Лейпцигской книжной ярмарке 2015 года).
6. *Тамара Булевич*. Горячие тени: Роман. 2-е изд-ие, переработанное и дополненное.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 424 с. (Книга стала Золотым лауреатом Лейпцигской книжной ярмарке 2015 года).
7. *Ореховский А. И.* Любовь в ореоле свободы и ответственности: Новые стихи.— Новосибирск, 2014.— 300 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Яшин А. А.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 4.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран*. Льетса жизни стих: Стихотворения / Предисл. Г. Г. Мирошниченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Сергей Крестьянкин*. Разгони тучи: Рассказы / Предисл. В.Ф. Пахомова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 107 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
3. *Сергей Лебедев*. Своя дорога: Сборник стихов и прозы / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2015.— 205 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
4. *Олег Пантюхин*. Избранные стихи / Предисл. Е.И. Трещева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 100 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений

прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2014-го года уже объявлены в № 1, 2015 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2015-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

**ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ:
ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 9 (6499) (4-03-2015)

ЛИТИНФОРМБЮРО № 9

ЛИТПРЕМИИ

В Ханты-Мансийске состоялось торжественное награждение лауреатов Международной литературной премии «Югра» за 2014 год, организаторами которой являются правительство региона и Ханты-Мансийский банк. В числе лауреатов этого года: **Виктор Буланичев**, Игорь Изборцев, Владимир Скиф, Игорь Шумейко, Ярослав Голоубек и Карел Сыс (Чехия).

От редакции: Виктор Васильевич Буланичев — автор «Приокских зорь», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

ОБЩЕПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 12(61) за 2014 год

<http://www.m-s-p-s.ru/>

Вручена премия «Левша»

Названы имена лауреатов 2014-го года всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации года во всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (г. Тула)

Лауреатами премии стали: в жанре прозы и драматургии — Лариса Семенищенкова (г. Брянск); в жанре поэзии — Игорь Мельников (г. Тула) и Владимир Резцов (г. Калининград) — дважды лауреат «Левши»; в жанре литературоведения — Игорь Нехамес (г. Москва); в жанре публицистики — Виктор Буланичев (г. Бийск).

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ В ТУЛЕ

Десятого октября 2014 года в Туле, в новом здании государственного исторического музея оружия состоялось заседание Изборского клуба. Перед началом заседания сопредседатели заседания руководитель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов и губернатор Тульской области Владимир Сергеевич Груздев, а также участники заседания, ознакомились со свежими номерами «Приокских зорь».

**Глава муниципального
образования город Тула**

300041, г.Тула, пр.Ленина, д.2
тел.: (4872) 56-63-50, факс: (4872) 31-50-61,
e-mail: duma@cityadm.tula.ru
<http://cityduma.tula.ru>

14.02.15 № 113/118-11
На № 5/15 от 14.02.15

Главному редактору всероссийского
литературно - художественного и
публицистического журнала
«Приокские зори»
А.А. Яшину

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Искренне благодарю Вас за поздравления с назначением на должность
Главы муниципального образования город Тула. Для меня большая честь
руководить городом с богатой историей и, несомненно, великим будущим.

Журнал «Приокские зори» занимает одно из ведущих мест на медиарынке
региона. Его страницы стали стартовой площадкой для многих восходящих
писателей современности. Выражаю уверенность в дальнейшем процветании
Вашего издания.

Желаю Вам и всему коллективу творческих успехов, новых проектов и
вдохновения!

Глава муниципального
образования город Тула

Ю.И. Цкипури

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

№ 5 (6495) (4-02-2015)

<http://www.lgz.ru/article/-5-6495-4-02-2015/znaya-chto-razstratish-darom/>

Галкин Сергей

«ЗНАЯ, ЧТО РАСТРАТИШЬ ДАРОМ...»

*От редакции: Сергей Иванович Галкин — известный тульский поэт и автор
«Приокский зорь», два десятка лет руководил Тульским отделением Союза россий-
ских писателей.*

Татьяна Пеганова

(г. Сарапул)

Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич! Спасибо за «Лето юности». Если будем публиковать, нужна преамбула — Ваше вступление.

Пока только бегло пробежала. Завтра порадую своего шефа (Главу города) одной цитатой: «антикварно-музейный Сарапул». Он мечтает сделать его объектом туризма, и в конце 2014 года наш проект «Камский берег» попал в федеральную целевую программу.

В Полярном я не училась, а вот автор песенных слов — поэт Н. И. Букин — в 1935 году окончил Сарапульский сельскохозяйственный техникум.

В прикрепленном файле — фрагмент сарапульской газеты «Прикамская жизнь» за 1914 г. Думаю, что все-таки в Сарапуле жил брат Соколова.

Всего доброго. Т. Б.

От редакции: подвигу действительного статского советника, казначея Калишской губернии Царства Польского Российской империи мы посвятили в «ПЗ» № 3, 2014 рубрику о 100-летию начала Первой мировой (империалистической) войны.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Поздравляем Вас с Днем Советской Армии и Военно-морского флота, теперь днем Защитника Отечества, Это Ваш по настоящему профессиональный праздник, так как Вы, дорогой Алексей Афанасьевич,— старый североморец, морской волк, сила характера которого проявляется и в жизненных ситуациях, и в творчестве. А теперь

еще кроме Отечества надо в Год Литературы защищать и Ваше детище — наш журнал «Приокские зори». Будем это делать по мере возможностей, хотя достучаться до совети, а вернее до карманов тех, кто был бы в состоянии поддержать бумажное издание, не всегда возможно. Но, тем не менее, сотрудничество продолжается.

Искренне желаем Вам физического и духовного здоровья, творческого вдохновения, той социальной активности, которой Вам не занимать. Сейчас много мероприятий, связанных с праздником и выводом войск из Афганистана, в которых принимаю участие, веду программы, участвую в круглых столах и семинарах, выступаем со студией, выезжаем на объекты, в школы, библиотеки, социальные центры. Получила Диплом Победителя Всероссийского конкурса «Твои Россия, сыновья» (два года подряд). Вручение прошло в Культурном центре Вооруженных сил РФ им. М. Фрунзе. Несколько моих тематических подборок прошло в журнале «За русский народ», «Мы и мир» и др. К празднику вышел сборник, в который вошли небольшие книги четырех авторов (Моя книга «У жизни нет черновика» — стихи и поэмы, посвященные Маяковскому и «месту поэта в рабочем строю» современности).

Из «Приокских зорь» № 4, так как экземпляра бумажного не получила для библиотек, и для ВВЖ не поступил журнал, сделала копии из Интернета наиболее интересных материалов дискуссии, хроники, немного из поэзии и прозы и отдала для ознакомления по прежним библиотечным адресам.

Передайте мои поздравления всему мужскому составу редколлегии, в том числе Якову Шафрану, Владимиру Резцову, авторам. Всем желаю духовной бодрости, физических сил, терпения и новых книг.

К моим поздравлениям присоединяется мой муж Геннадий, для которого это тоже профессиональный праздник, как для участника боевых действий в Афганистане.

Три года он был на дипломатической работе, а я на преподавательской и журналистской. Так что остаемся на боевом посту, тем более, что защищать есть что.

С искренним уважением

Людмила Евгеньевна Авдеева. Москва. 22 февраля 2015 г.

Поздравляю всех мужчин, членов редколлегии журнала "ПЗ" с Днем защитника Отечества! Крепости духа и силы воли вам, дорогие мужчины, оптимизма и радости жизни! Всех вам благ!

С уважением — Галина Лялина

ЖУРНАЛ НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ!

Людмила Алтунина. Уважаемый Алексей Афанасьевич, обе Ваши «циркулярки» получила,— спасибо, что прислали, хотя и с безрадостным известием. Но, как известно, из любой ситуации, как минимум, есть три варианта положительных выходов. На мой взгляд, Вы предлагаете наиболее оптимальный в данной ситуации вариант с «вариациями»: журнал в формате «электронки» + возможность самостоятельно напечатать с оригинал-макета бумажную его версию в любом количестве. Вы, безусловно, большой молодчина и подвижник в издании этого журнала. Прежде всего, именно благодаря Вам он столько лет выходил в бумажном варианте и, надеюсь, далее, после вынужденной остановки, продолжит существовать в ином формате. Дай Бог, Вам силы и здоровья для дальнейших шагов в этом направлении. Теперь у Вас — и помощник деятельный (Я. Н. Шафран), да и все мы — авторы, думаю, чем можем — поможем. Главное — своими материалами. Самое важное — не сдаваться, особенно в нынешней ситуации, когда Россию в очередной раз «обложили» со всех

сторон, но русским,— имею ввиду весь наш здравомыслящий российский народ,— не впервой принимать удары. Выстоим! И будем сражаться — пером! Верую. Добром. Милосердием. Трудом и Стойкостью! Простите за пафосность, но это искренне — наболело! Разве можно быть равнодушной к тому, что ныне происходит у самого нашего порога, среди тех, кого мы считали чуть ли не братьями родными, за освобождение которых столько погибло наших солдат и офицеров, в том числе и четверо моих родных дядей — сибиряков! А мои поездки на Украину, в тот же Киев, Прилуки, Нежин, где после окончания военного училища служил мой родной брат, тогда — молоденький лейтенант, а ныне — полковник ВВС, оставили в памяти самые светлые воспоминания. Какими дружными были тогда эти молодые офицеры, летчики,— русские, украинцы, белорусы и мой брат-метис (наполовину алтаец, наполовину русский), как радостно, тепло, истинно по-братски встречали они меня — студентку, приносили свой сухпак, окружали заботой и вниманием — не забыть, не изгадить! Куда же это все подевалось!?! — Вновь брат пошел на брата и льется кровь невинных — больно! Спрашиваешь себя: «А что могу лично противопоставить этому всему я — бессильный в этом кошмаре человек?» Только то, что могу — писать — писать о человеческих началах в человеке, в мире, во вселенной. Именно это — отличительный почерк «Приокских зорь», а, значит, его главного редактора — Вас. Потому-то в сегодняшних условиях журнал непременно должен жить. И рада за Вас, что Вы предпринимаете для этого все возможное. Все получится! Со своей стороны, чем могу, готова помочь.

С самыми добрыми пожеланиями и с глубокой признательностью всей важности продельваемой Вами работы по изданию «ПЗ»

Рудольф Артамонов. Дорогой Алексей Афанасьевич! Согласен на пункты а) и б) в Вашем письме о «бумагофицированном» варианте ПЗ. По мере того, как электронная версия журнала появится на сайте, беру CD под мышку и ищу минитипографию. Один бумагофицированный вариант присылаю в редакцию. Быть старостой не смогу по причине здоровья (старости — простите за тавтологию). Восхищаюсь Вашей энергией и стремлением противостоять всем напастям и сохранить славный ПЗ. Здоровья Вам и сил физических, творческих.

Сергей Крестьянкин. Здравствуйте, Алексей Афанасьевич! Не часто в последнее время появляюсь в Интернете (на то есть разные причины), поэтому письма прочитываю с опозданием. Так как сложилась не простая ситуация с изданием журнала, надо попробовать помочь «ПЗ», хотя бы распечатывать самим по несколько экземпляров. А там, глядишь, и вновь меценатов отыщем. Давайте с оптимизмом смотреть вперед!

Сергей Одинокоев. Здравствуйте, уважаемый Алексей Афанасьевич и редакция «Приокских зорь»!

Новость о прекращении финансирования журнала глубоко огорчила. Не менее печально и парадоксально, что случилось это именно в этом году, объявленном Годом литературы...

У меня возникла мысль, что, может быть, нас поддержит издательство ТГПУ. Но там похожая ситуация: ТГПУ, как и ТулГУ, государственный вуз, а госучреждения теперь не могут финансировать литературные журналы.

С предложенной новой версией «бумагофикации» «Приокских зорь» согласен и в случае публикации моего творчества на страницах журнала с удовольствием передам 1 экземпляр редакции. Думаю, это наиболее разумный вариант в сложившейся ситуации: электронный вид существования журналов сейчас очень популярен, а если кто захочет напечатать книгу — сделать это самостоятельно сейчас, в принципе, не так уж и сложно.

По поводу новой «бумагофикации» возникает такой вопрос: можно ли будет получить полный оригинал-макет старых номеров «ПЗ»? Например, если я захочу подарить еще кому-нибудь № 3 за 2011 г. и/или № 3 за 2014 г. (номера, где есть мои публикации), а мои «домашние» экземпляры у меня закончились? И нужно ли будет также приносить в редакцию 1 экземпляр? Или это действует только на новые выпуски журнала?..

Евгений Залесский. Дорогая редколлегия, я прекрасно понимаю сложности дня нынешнего, скорблю о потере возможностей для благородных авторов, с лихвой утвердивших рейтинг вашего издания.

Выражаю искреннюю благодарность всем сотрудникам «Приокских зорь», и особенную, моему родимому Тульскому политехническому университету.

Трудные времена случаются, и, известно — они рано или поздно, заканчиваются. Но мы-то с вами — состоялись! Кое-что понимаем, кое-что умеем. Кроме того, у нас есть годами проверенный, надежный и талантливый лидер.

Журнал не закрывается! Ура!!!

Мы понимаем, откуда есть истоки трудных времен, солидарны с позицией нашего президента В. В. Путина и его неслабой команды.

Мы постараемся и далее служить на пользу нашему Отечеству.

«Позови меня, милая Родина!»

Юрий Клеванец. Здравствуйте. Я взялся за изучение вашего предыдущего текста. Возможно, что-то получится.

Татьяна Рогожина. Здравствуйте! Простите, что не ответила на первые два письма, потому как подумала, что раз редакция берет на полгода таймаут, значит, еще нет определенности, и с ответом можно подождать. Но, со своей стороны, готова согласиться с любыми Вашими решениями и буду по мере сил и возможностей участвовать в новом проекте.

Вячеслав Михайлов. Здравствуйте! Поддерживаю предлагаемое новое издание журнала, включая положение «авторы, желающие напечатать для себя (и своих товарищей) n-е количество экз. запрашивают у редакции файл номера (на сайте журнала файл номера с черно-белой обложкой), который они получают бесплатно с тем, чтобы 1 экз. выслать в редакцию «ПЗ».

АНТИКОЛОНКА. ПРИСТРАСТНЫЕ ЗАМЕТКИ

В русском языке «анти» означает не только «против», но и «вместо». Антихрист — это не тот, кто против Христа, это тот, кто вместо него, замещает его место. Антиколонка — это попытка написать нечто вместо принятой в журнале колонки редактора.

Итак, можете ли Вы, уважаемый читатель, представить в литературоведческой статье журнала такое высказывание: «Я не люблю произведения Яшина, сама его фамилия говорит за себя, она какая-то не наша». «Да не может такого быть», — скажете Вы. И ошибетесь. Оказывается, может! Раскрываем «Приокские зори» и в номере первом за 2014 год и на странице 221 читаем: «Солженицына не люблю. Фамилию считаю говорящей саму за себя».

А вот читаем рассказ с такими строками «Ивану Сергеевичу очень не понравился рассказ автора, фамилию которого он запомнил, не то Яковлев, не то Яшкин».

«Ну, это уж слишком»,— скажете Вы и опять ошибетесь. Раскрываем № 4 за 2014 год того же журнала и на странице 89 читаем: «Иван Сергеевич без очков плохо различал надписи, появляющиеся внизу экрана телевизора, прочитал, что это выступает какой-то Макасевиц или Минаревич...». Да, Андрей Макаревич выступал перед украинскими детьми, но зачем же он выступал, ведь это же не наши дети! Спрашивается, чем все это отличается от претензий украинской рады к Ани Лорак в том, что она развлекает российских слушателей. А вот страница 85 того же номера. На сей раз стихи: «Порошенко хвастунишка, мы вернемся рвать укроп! Майданутой хунте, слышь-ка, обустроим крепкий гроб». Так и вспоминается в связи с этим сарказм Твардовского: «Теркин подвиг совершил: русской ложкой деревянной восемь фрицев уложил». И здесь же вопрос — будет ли автор перелицовывать такие строки своей поэмы: «Хлопцы Игоря Стрелкова, мы не дрогнем, не сбоим», учитывая, что Стрелков как на грех куда-то запропастился? По случаю предлагаю такой вариант: «Ты веди нас, Бородай, поскорей победу дай».

«Критика должна быть конструктивной и доброжелательной»,— учит меня редактор «Приокских зорь» (№ 4 за 2014 г. с. 296) и приводит пример Белинского, находя его отличие от «резких» критиков типа Добролюбова. Но перечитаем столь непопулярное ныне письмо Белинского Гоголю. Доброжелательность там и не ночевала. Мне же ближе П. Я. Чаадаев. «Мы затопили и у себя курную избу; сидим в дыму; зги божьей не видать». Весьма актуально. Вот во внутренней рецензии призыв к редактору «бдительнее» относиться к материалам, поступающим в журнал. Поневоле задумаешься — бдительность в кавычках — это как, что означают эти кавычки? Очень трудно разбираться во всем этом напущенном ядовитом туманце. Да бог с нами, с кавычками. Вы вдумайтесь только в такое нововведение — бдительность как критерий оценки литературного произведения. Впрочем, это же внутренняя рецензия, между своими что же стесняться. А автор, по меткому замечанию рецензента, «еще неопытный в литературном творчестве» с изумлением взирает на литературную кухню и вкушает образчики той продукции, которая на ней готовится.

А и то сказать — в каждом номере журнала мы клянемся великими именами русской литературы и вдруг, оскорбляя их память и чувства читателей, напрочь забыв про Варлама Шаламова с его «Колымскими рассказами», Юрия Домбровского с его «Факкультетом ненужных вещей», Даниила Андреева с его «Розой мира» и еще многих и многих, несть им числа, призываем праздновать юбилей вождя (кстати, 135 лет — никак не юбилейная дата). Этот вождь, по словам автора «Розы мира», «под чьим игом изнемогала страна, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом».

Соратники воздают хвалу редактору за то, что он «с такой труднопроходимой дороги до сего дня не сошел». А может просто нужно сжать недрогнувшую руку в кулак, стукнуть по столу, чтобы зазвенела посуда и удивленно вскинули головы сотрудники, удариться оземь как в русской сказке и обернуться... нет, не Иваном Царевичем, а таким редактором, который свято верит, что за всякое пустое слово даст ответ человек. В библии, между прочим, это заповедано.

Александр Сорокин (Тула)

От редакции: мы уважаем мнения наших читателей, даже «застрявших» в крайнем либерализме 90-х годов... Но поддерживаем основную мысль Александра Сорокина: автор произведения должен стремиться быть профессионалом пера. На том и мы стоим!

День Литературы

Когда: 11 мар. в 17:58

От кого: День Литературы denlitera@yandex.ru

http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=561

Ярослав БРАГИН. БЛИЖНИЕ НАШИ.

Пolemические заметки

Автор: Ярослав БРАГИН | Дата: 2015-03-11 | Просмотров: 59

Зима нынче, в 2015-м, выдалась особенная. Нам уже стало не привыкать, когда в декабре, январе или феврале приходит «весна» — ростепель, дожди и сопутствующий им грипп. Но такой погоды, как в этом году, еще не было. День-два — плюсовая температура, потом несколько дней — снег и мороз до двадцати градусов, опять плюс, причем резкий, сразу на пару десятков градусов перепад!

Да и что сейчас постоянное? И рубль скачет, как погода. Только вот цены неуклонно растут, и складывающийся из сверхприбыли от этих цен капитал так же неуклонно утекает, подобно крови, из тела экономики нашей страны. Что-то ведь должно быть неуклонно стабильным на фоне всеобщей нестабильности. Вот и мигранты носятся туда-сюда: то к нам, то от нас — но в последнее время больше от нас. Сейчас, когда рубль упал до невозможности, им стало менее выгодно работать в России.

Все как-то не так...

Вот лет тридцать пять тому назад и погода была классической: январь — мороз и солнце, февраль — метель, март — потепление; и рубль был крепышом, и все люди жили по своим, Богом данным местам.

Ныне и в доме-то своем не знаешь кто, откуда и зачем. Да и что там говорить о приезжих, если зачастую и соседи друг с другом знаться перестают. Вот какие времена наступили.

А ведь как раньше дружили! Семьями отмечали праздники, совместно справляли свадьбы и помогали друг другу в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Вот так и народы бывшего Советского Союза дружно жили. Нужно сказать, что проживавшие и теперь живущие на территории бывшей Российской империи, СССР и нынешней Российской Федерации с Ближним Зарубежьем народы и народности всегда тянулись к русским. Это, наверное, объясняется той ролью — не колонизационной, а цивилизационной, — которую играла Россия в их судьбе. Да, русские присоединяли к своей империи земли, но как бережно и с каким уважением относились к культуре и верованиям местного населения.

Наиболее полно это выразилось в советское время. Порой, даже в ущерб себе, Россия поддерживала национальные республики. Так в Литве, Украине, Латвии, Белоруссии, Грузии и Армении жизненный уровень населения был выше, чем в ней самой.

И в трудные времена, как, например, после землетрясения в Ташкенте (Узбекистан) 26 апреля 1966 года, Спитаке (Армения) 7 декабря 1988 года и в случаях других бедствий в различных районах СССР, именно Российская Федерация брала на себя основной груз финансовых и экономических расходов по восстановлению инфраструктуры и помощи людям, и больше всего добровольцев, участвовавших в устранении разрушений, было из России.

Однако все это не нравилось «товарищам волкам», обложившим наш дом. Огромные пространства, богатые ресурсами и возможной дешевой рабочей силой, из-

давна привлекали многих. Поэтому Советский Союз вначале был ослаблен, а затем и развален. Ведь если продолжать проводить аналогию с хищником, гораздо проще, удобнее и легче пожирать оторванные куски, чем единое крепкое тело. Так обстоят дела с Грузией и Молдавией, но более и страшнее всего с Украиной. То же планируется сделать с Россией, и для этого используются разные методы и приемы. Среди многих таких направлений деятельности есть и неуправляемая миграция, о которой нужно не просто говорить, но кричать. Тем более что естественное расширение Евразийского Союза — само по себе хорошее дело — приведет к еще большему притоку людей из стран-членов уже на законных основаниях.

Практика показывает, что мигранты из исламских стран (а есть еще мигранты из Китая, Индокитая и т.д.) не хотят, да и не могут в силу своих этнических, религиозных, языковых и антропологических различий принимать культуру и обычаи страны проживания и ассимилироваться, то есть ведут себя подобно маслу в воде. Наблюдал недавно такую картину: группа среднеазиатов-гастарбайтеров, работающих на стройке, на свой религиозный праздник купили в деревне, благо она тут рядом, за стройкой, у бедной старушки козу. Представьте царящую там бедность, если за козукормилицу дали всего каких-то 500 рублей. Привели они эту живность в строительный цех и, помолвившись аллаху, практически у всех на виду, зарезали ее, сварили и съели на свой праздничный обед.

Вот и европейская действительность убедительно говорит нам о том, что даже родившиеся в стране дети мигрантов, получившие гражданство, образование, говорящие на местном языке как народном, тем не менее, живут изолированными общинами, достаточно враждебными по отношению к окружающему социуму и местному населению.

При этом в России мигранты занимают все большее место в таких сферах жизни, как розничная торговля (на рынках, в общепите, включая рестораны, в магазинах, вплоть до сетевых, — это кланы из обслуживающего персонала, менеджеров и директоров), медицина, общественный транспорт и сфера услуг.

По отношению к мигрантам порой вполне закономерен термин — «подраспустившиеся гости». Ни для кого не секрет, что, не находя себя в указанных выше сферах деятельности или не удовлетворенные работой, не желая трудиться на стройке или перебиваться случайными заработками, они уходят в криминальную сферу. Дело доходит и до крайних проявлений. Не связанное никакими обязательствами, одурманенное ультра-исламской пропагандой, воспринимающее социум страны проживания как чуждый, а людей — недостойными жить, криминальное сознание некоторых мигрантов может быть способным на все. Достаточно вспомнить преступление Илхама Жураева, который в Ростове-на-Дону изнасиловал четырехлетнюю девочку и, еще живую, бросил на свалке.

Это, безусловно, достаточно редкий случай, но важно содержание сознания, которое может толкнуть на такое. И не менее важна готовность принять такое содержание. Речь идет о том, насколько быстро из искры может разгореться пламя? Вот в чем вопрос. Горячность «южных кровей» здесь тоже значима, достаточно вспомнить беспорядки в Ясенево 22 апреля 2001 г., в Царицыно 30 октября 2001 г., в Частозерье Курганской области в мае 2002 г., в Красноармейске (Подмосковье) 7 июля 2002 г., в Нальчике (Кабардино-Балкария) в сентябре 2003 г., в Кондопоге (Карелия) 3 сентября 2006 г., в Бирюлево 13 октября 2013 г. и др.

В России в настоящее время проживает около пятнадцати миллионов людей из других стран. Эта цифра весьма приблизительна, так как большое число их находится на нелегальном положении, в которое они переходят после окончания действия визы или по истечении срока пребывания в стране.

Многие в России задаются вопросами: почему у нас столько мигрантов, есть ли в этом необходимость и почему миграция неуправляема?

Будем говорить прямо: рабский труд необразованных и неквалифицированных людей выгоден бизнесу, ибо дает максимальную прибыль. Можно по-разному относиться к Карлу Марксу, но нельзя не согласиться с одним из его высказываний: «Раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы...» (К. Маркс, «Капитал», гл. 24, примечание в конце п.6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд.— Т. 23.— С. 770).

Бизнес хорошо использует ситуацию, которая сложилась в исламских государствах. Известно, что там 50 % населения составляют люди до двадцати пяти лет, и обеспечить работой такое количество людей в расцвете сил там не могут. Поэтому свободная рабочая сила «течет» туда, где на нее спрос, и не важно, что она неквалифицированная.

Бытует ложное мнение, что в силу ряда причин (называют низкую рождаемость, лень, эмиграцию и т.д.) в России не хватает рабочих рук, и потому экономическая жизнь в стране без мигрантов остановится. Да, большое количество россиян — квалифицированные специалисты и рабочие, не находя себя в рамках нашей сырьевой экономики и дикого капитализма, уезжают из России за границу на заработки или насовсем, другие же занимаются сугубо частной, индивидуальной деятельностью. А там, где кто-то из них и мог бы работать, их заменяют на готовых делать то же самое за в разы меньшие деньги. Таким образом, бизнес присваивает большую часть фонда заработной платы и экономит на социальных выплатах. Выгодно это и коррумпированным чиновникам, незаконно легализующим мигрантов. Все это ведет к энтропии квалифицированного рабочего потенциала России.

Справедливости ради следует сказать, что ввоз дешевой рабочей силы был организован через межправительственные соглашения в середине 90-х годов и не без коррупционной составляющей. Кроме того, тогдашняя власть была заинтересована в перенаправлении энергии социального протеста в сферу международных конфликтов, а для этого нужна была масса мигрантов. И мы сейчас отчасти являемся заложниками такого решения.

Но есть причины и нынешние — это до сих пор еще неправильная миграционная политика, недуги экономики и слабое внедрение автоматизации, механизации и компьютеризации производства. А также не следует сбрасывать со счетов влияние среднеазиатских и кавказских наркобаронов.

Читатель может подумать, что автор не любит мигрантов — представителей разных народов бывшего СССР и не только. Смею заверить — это не так. Каждый народ Земли несет в себе неповторимую самобытность, неповторимые культурные, религиозные и ментальные особенности. Население нашей планеты подобно многоцветной ухоженной клумбе, где каждый цветок особенен и неподражаем, и так все устроено Божественным провидением, что без каждого такого цветка нет гармонии. Поэтому автор, будучи верующим человеком, знает это и с уважением и теплотой относится ко всем народам мира.

И как же больно наблюдать положение той части мигрантов, которые используются у нас в качестве рабской силы. И это в России XXI века, победившей фашизм, помогавшей половине человечества освободиться от жесточайшей колониальной эксплуатации. Безусловно, речь идет не о государстве, а о бизнесе, но тем не менее...

Достаточно посетить любую стройку, и вы увидите толпы людей чуть свет понуро бредущих на работу. Их привезли из общежития, находящегося порой за сорок километров от объекта. Они идут переодеваться в вагончики, больше напоминающие сараи. (В некоторых из них рабочие без регистрации, а также те, которым не хватило места в общежитии, даже живут.) И потом люди также уныло бредут на стройку. Настроение определяется условиями трудового дня. А он, как правило, начинается в семь утра и заканчивается в двадцать вечера, то есть, длится тринадцать часов кряду. И это, до полного возведения стен и крыши, — под открытым небом: под солнцем, дождем и ветром. И зарплата за такой труд — всего около тридцати тысяч рублей, то есть, примерно сто рублей в час. При этом охрана по три-четыре раза за день проверяет у них пропуски. Есть, правда, перерыв на обед. Но обеда, собственно, никакого нет, потому что нет столовой. Разве можно назвать обедом еду всухомятку? В лучшем случае есть возможность вскипятить воду на чай. Нет и элементарных бытовых условий: уличные (в любую погоду) биотуалеты, которые редко моются; отсутствие душевой и, зачастую, умывальников и возможности сменить и просушить рабочую одежду, промокшую под дождем (не будут же семь-восемь человек на одном обогревателе это делать), которую, к тому же, в течение всего периода стройки не стирают. Да и когда ее работникам стирать, если трудятся они по шесть дней в неделю, а к концу строительства и в воскресенье, и на ночь остаются. Приедет «домой» такой работник в двадцать один час, умоется (в душ очередь), поужинает, полчаса посмотрит телевизор (больше возможности нет, хоть и хочется, — сон одолевает от усталости) и заснет беспробудным, тяжелым сном до пяти утра. А далее все снова по кругу...

Ни одна добрая совестливая душа не сможет без боли и сострадания смотреть на положение таких людей. А сколько их по всей стране? Но и других немало — тех, кто промышляет розничной торговлей на многочисленных рынках — тоже не сладкий труд, хотя и в более человеческих условиях, несмотря на работу практически под открытым небом (сейчас это все, правда, переводится в павильоны), в течение тех же двенадцати-тринадцати часов и за те же, практически, деньги. Конечно, труд этот физически более легкий, и жилье поблизости, хотя и в «резиновых» квартирах. Не забудем и тех, кто перебивается случайными заработками.

Лишь небольшая часть мигрантов — это менеджеры и хозяева, впрочем процент их такой же, как и среди всех народов.

А есть и еще одна категория приезжих. По данным Следственного комитета «в первом полугодии 2011 года каждое седьмое убийство и почти половина изнасилований в Москве совершены нелегальными мигрантами» («Эксперт Online» совместно с журналом «Русский репортер»).

О причинах мы говорили выше.

Несмотря на все вышесказанное, в отношении мигрантов преобладают две позиции: требование принятия жестких мер в решении их вопроса или же полное равнодушие, как сейчас принято выражаться в постмодернистской среде,— полный пофигизм.

К тому же во всем, что связано с неуправляемой миграцией и ее последствиями, особенно когда происходит что-то ужасное, виновными называют и самих мигрантов, и исламские государства, и ультра-исламистов, ваххабитов, ИГИЛ и пр., и пр. Да, все это ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов. Однако необходимо со всей ясностью понять, что главные виновники — внутри страны. Это мы с вами на всех уровнях и есть.

Достаточно послушать все наши «околополитические» шоу по ТВ, где люди горчатся, кричат, а порой и вовсе не слушают оппонента, чтобы еще раз убедиться в правоте тезиса: у нас преобладает не разумение, а эмоциональные реакции. Разуме-

ние предполагает и чувства, но никак не эмоции. Там, где царят последние, разума мало, а порой и вообще нет. Вот «воз и ныне там». То есть, на вопросы не находятся ответы...

Однако есть и иной путь — не зла, глупости и равнодушия, которое тоже зло, так как при его попустительстве совершаются, как известно, самые большие злодеяния в мире, а путь добра, разума и любви. Да, да, именно любви! Этот подход заповедан нам всем Господом в Нагорной проповеди. И любой, по-настоящему верующий человек, знает, что только так можно преодолеть зло. Ибо любовь и есть мудрость. Только мудрым разумом можно преодолеть и тот негатив, и те опасности, которые несет в себе неуправляемая миграция. И если мы считаем (а так оно и есть!), что православная традиция — основа России, то другого решения вопроса и быть не может.

А что еще, кроме любви и уважения, мы можем испытывать к народам, с которыми мы связаны общей судьбой («Мы в ответе за тех, кого приручили», Сент-Экзюпери): жесточайшей, тяжелейшей, но столь спасительно необходимой — и история это со всей очевидностью доказала — мобилизационной модернизацией 30-х годов; кровопролитной, унесшей жизни десятков миллионов людей всех национальностей Великой Отечественной войны, когда, защищая Москву и Сталинград, гибли наравне с русскими деды и прадеды современных узбеков, таджиков, киргизов, азербайджанцев и других народов Средней Азии и Кавказа. Успехи в ходе восстановления народного хозяйства после войны и дальнейшего труда невозможно представить себе без вклада всех народов и народностей великой страны. А это отцы и матери нынешних среднеазиатов и кавказцев. Всего одно поколение отделяет их, нынешних, от советского прошлого. Неужели оно будет забыто? Перефразируя, скажем: нет сердца у того, кто это все забудет, и нет разума у того, кто не хочет будущего союза старых друзей.

Две наиглавнейшие заповеди оставил нам Христос: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя». Из последней заповеди очевидно следует, что не любящий себя — не эгоистически, а как Божье дитя, то есть, Бога в себе, — не может любить и других. Каждый знает, что не уважающий себя, не может уважать и других. Так же, как любящий себя человек заботится о своем здоровье, и мы как народ должны делать все, чтобы не «болеть», то есть освободиться от всего, что вредит нам. Но делать это нужно не путем насилия, а любовью и добром, через принятие одобренных не только представительской властью, но и обществом законов и норм, чтобы «некоторые» банкиры, бизнесмены и чиновники, которые у нас еще «где-то и порой...» все же имеют место быть, не могли заниматься использованием рабского труда и наживаться на этом.

Необходимо привлекать мигрантов в те регионы, где действительно требуется рабочая сила, с учетом специальности каждого. Да, из стран ЕАС они свободны въехать в страну, но далее — дело соответствующих органов их распределить, конечно, не без согласия человека и с нормальным человеческим обустройством.

Единственно любовь и уважение к самим себе позволит нам избежать двух зол, двух болезней — экстремизма в любой форме его проявления и всеобщего равнодушия, которые, как и любой недуг, смогут разрушить нас изнутри. Только такой подход поможет нам создать разумную, взвешенную, одновременно строгую и гуманную миграционную политику, что неминуемо приведет и к уменьшению количества мигрантов, и к другим отношениям между приезжими и местным населением, и к отсутствию «рабов» в нашем просвещенном государстве, и к устранению всех других рисков, связанных с мигрантами.

Евразийский Союз — великолепный проект, проект XXI века, может быть реали-

зован не только на основе экономической и финансовой кооперации государств, но, прежде всего, на гуманитарной основе — на взаимоуважении и позитиве, не на злопамятстве, а на добротолубии. Когда будет выстроен гуманитарный фундамент, общая экономика будет развиваться быстрее и будет прочнее.

И в этом гуманитарном направлении большую роль играет не только правильно выстроенная, без дискриминации государств и народов, миграционная политика, но и уважение к представителям других народов, проживающих на нашей территории, к их культуре, традициям и верованиям.

Большое значение имеет и отношение самих мигрантов к народам, культуре и традициям страны их временного проживания. Все очень и очень взаимосвязано в наше сложное время, и только с помощью Любви можно решить все вопросы, которое оно ставит перед нами.

Однако следует понимать, что заповедь: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Святое Благовествование от Мф. 5:39), не означает, что нужно предоставить злу делать все, что оно пожелает. Добро должно быть «с кулаками», то есть должно твердо стоять на своем: государство — исполнять свои функции, общество — стремиться к идеалу, человек — к совершенствованию. Но все это только на основе Любви и взаимоуважения. Ибо отношение к человеку — мерило всех вещей. Еще раз вернемся к двум наиглавнейшим заповедям христианства. Из них следует, что, даже применяя адекватную силу (правоохранительные органы в подавлении противоправных действий; человек, если нападает сумасшедший, маньяк, убийца, террорист или дикий зверь, защищая самого себя и других людей; организация, фирма, компания, предприятие, ведущие конкурентную борьбу), нельзя иметь зла в своей душе к душе другого человека, пусть и преступника или злейшего врага твоего народа. Так Преподобный Сергей Радонежский благословлял Дм. Донского с воинством и монахов Пересвета и Ослябя — двух братьев из брянских бояр, опытных в сечах: «Чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Святая Богородица» на войну с Мамаем («Эпоха Рюриковичей. От древних князей до Ивана Грозного»). Дейниченко П. Г.— М.: Олма Медиа Групп; 2008 г. С. 74).

Неимение зла предполагает как уважение к святыням других и неприятие неуважения к таковым, так и действие против террористов-убийц в рамках закона, как это было в Беслане, на Дубровке и недавно во Франции, включая причинение смерти, если нет другого выхода, не забывая о милости к побежденному и помощи человеку, людям, организациям и народам.

Поклонники «общечеловеческих ценностей», главными из которых являются: свободное конвертирование рубля и свободное же движение (то есть, утечка) капиталов, могут возмутиться: «Но ведь управляемая миграция — это ограничение свободы людей!». Здесь необходимо четко понять, что свободы в чистом виде нигде в мире не существует, если не принимать за нее «махновщину», «пугачевщину» и прочие вольницы-вседозволяницы, как, например, якобы право журнала «Шарли Эбдо» кощунствовать над чувствами верующих.

Такое разумение основано на Божественном откровении: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Святое Благовествование от Лук. 6:31).

И хватит теоретизировать, нужно действовать. Конечно, будут и ошибки. Но, кто не ошибается, мы хорошо знаем.

Только такая позиция поможет в решении и вопроса о неуправляемой и нелегальной миграции, только такое отношение к субъектам этого процесса поможет вы-

работать необходимые для решения действия и меры. Так постепенно уйдут и все связанные с миграцией опасности. А это — требования со стороны бизнеса и чиновников все большего увеличения квот на мигрантов; привлечение в строительство и производство нелегалов; постоянный рост алчности российской буржуазии и коррупционного чиновничества; отсутствие эффективного санитарного контроля; прикрываемый беспорядками на межнациональной основе передел собственности и захват сфер влияния; выталкивание мигрантов из правовой сферы в сферу криминалитета и лоно террористических организаций; стремление к замене русского, славянского населения на мигрантов; угроза безопасности России; трансляция бытовых отношений на отношения всей России к мигрантам; консервация безработицы и нищеты среди коренного населения России и технологической отсталости из-за дешевизны (демпинга) рабочей силы мигрантов; уменьшение внутреннего потребительского спроса и снижение стимула для инвестирования в производство; изъятие массы денег из российской экономики из-за перевода мигрантами большей части заработной платы за границу и неплатежа налогов; ухудшение криминогенной обстановки; увеличение социальной и межнациональной напряженности; использование межнациональных конфликтов для дестабилизации жизни в стране; использование антигастербайтерских протестов для отработки антигосударственных действий; массовое переселение в Россию молодежи из исламских государств; превращение России в мусульманско-азиатскую страну, ввиду крайне низкой рождаемости среди русского и славянского вообще, православного населения страны; превращение России в отстойник для мусульманских стран; создание условий для скрывания и пересидки людей из стран массовой миграции, совершивших там противоправные действия или участвовавших в антиправительственных выступлениях и межнациональных конфликтах, и приезда людей, воспитанных в русофобской традиции, ненависти к России, в духе ваххабизма и религиозной нетерпимости; сокрытие за массой мигрантов целенаправленно засылаемых в нашу страну террористов и даже целых террористических организаций, до поры до времени ждущих команду для развертывания своей деятельности, и многое другое.

Подход, когда разделение по политическим, экономическим, цивилизационным и прочим воззрениям не подменяет собой единственное и реальное разделение, которое только и существует на самом деле, — на добро и зло, любовь и ненависть, — может позволить разрешить такие вопросы, как профессиональная подготовка мигрантов в специальных обучающих центрах; знание ими русского языка и элементарная осведомленность ими в области культуры, истории и традиций России; целевое направление рабочей силы мигрантов на определенные стройки и производства; создание в каждом областном городе культурных центров, вокруг которых будут формироваться общины, где руководителем будет представитель данной национальности, а заместителем — русский, специалист по межнациональным отношениям, где будут решаться все вопросы: культурные, образовательные, профессиональные, трудовые, юридические, социальные, финансовой взаимопомощи, а также вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений; разработка норм сотрудничества правоохранительных органов с мигрантами, в том числе и нелегальными; введение единой унифицированной системы контроля — электронная карта мигранта; опубликование на родине мигранта, совершившего преступление(-ния), информации о нем и его деяниях; силами собственного населения России создавать экономику и обихаживать территорию, данную Богом и предками.

Русская цивилизация изначально была евразийской. Более того, это — единственная евразийская цивилизация в мире, которая стояла и стоит на принципах справедливости, правды, взаимоуважения, солидарности и сострадания. А иначе она и не

была бы таковой. И решение вопросов миграции — это ключевое решение, которое позволит состояться не только ЕАС, но и всей евразийской цивилизации. Без него ничего не будет, так как гуманитарные отношения между народами, гражданскими обществами и людьми — это основа, на которой могут строиться экономические и производственные связи, а не наоборот. И основа таких отношений, заповедана нам Богом Любви.

Конечно, чтобы все пришло в норму, нужно время. Чтобы вырастить хорошее плодородное дерево, необходимо терпение, знания и труд по уходу за ним.

Правильно же выращенные межнациональные отношения, в том числе и благодаря разумной регулируемой миграции, станут поистине многовековым деревом, дающим всем нам прекрасные плоды любви и гармонии.

Тула

НАС НАГРАЖДАЮТ

Московская городская организация Союза писателей России наградила Дипломом и медалью членов Союза писателей и переводчиков МГО СПР зав. редакцией журнала «Приокские зори» М. Г. Баланюк и зам. главного редактора-ответственного секретаря Я. Н. Шафрана. (Ранее главный редактор А. А. Яшин был награжден орденом и медалью М. Ю. Лермонтова).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО КНИГА!

Диплом

Награждается

Яков Шафран

за книгу
«Льётся жизни стих»
в номинации «Сотворение»

Отв. секретарь МГП:
Л. Баумгартен

13 марта 2015 года
г. Лейпциг, Германия

Инсталляция из почти 40 вышедших номеров «Приокских зорь» В Центральной тульской городской библиотеке им. Л. Н. Толстого — к 10-летию юбилею журнала.

НАШИ ИЗДАНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ КАРЕЛИИ, В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Найдено изданий: 8

Национальная библиотека Республики Карелия

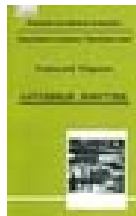
РЯ 962 Яшин, А. А. (1948-). Видение на Патмосе : роман-предвидение : в 6 ч. / Алексей Яшин; Академия российской литературы, Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— Москва: Московский Парнас, 2012.— 406 с. : ил., портр.; 20 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— ISBN 978-5-73301-0667-1

РЛ 642 Литературная Тула молодая: проза участников 1-го слета молодых прозаиков Тульского края / [сост. О. В. Чмыр; под ред. А. А. Яшина].— Тула : Изд-во Тул. гос. ун-та, 2011.— 139 с.: ил.; 21 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Прил. к журн. «Приокские зори».— ISBN 978-5-7679-2036-5

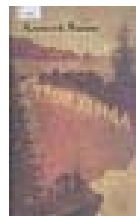
РЯ 962 Яшин А. А. (д-р техн. наук, д-р биол. наук, писатель; 1948). Сны и явь полковника Хмурова : педагогическая поэма в трех частях / Алексей Яшин; [предисл. Л. В. Ханбекова]; Академия Российской литературы, Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— Москва: Московский Парнас, 2011.— 551 с.: ил., портр.; 21 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Библиогр.: с. 2 и в подстроч. примеч.— ISBN 978-5-73301-0663-7

РМ 267 Маркин Г. Н. Случайный попутчик : [рассказы, повесть] / Геннадий Маркин; [предисл. В. Сапожникова; Академия Российской литературы].— Тула: Издательство ТулГУ, 2011.— 182, [1] с.: портр.; 20 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— На 4-й с. обл. авт.: Геннадий Николаевич Маркин, юрист, майор внутр. службы в отставке, внештат. кор. «Судьбы» — газ. УФСИН РФ по Тул. обл.— ISBN 978-5-7679-2067-9

РЯ 962 Яшин А. А. Катехизис идеалиста: роман-размышление / Алексей Яшин; Академия российской литературы, Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— Москва: Московский Парнас, 2010.— 373 с.: цв. ил.; 18 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— ISBN 978-5-7330-0662-2

РЯ 962 Яшин, А. А. (1948). Страна холода: (детство в Гипербореях): повесть / Алексей Яшин; [предисл. Л. В. Ханбекова].— Москва: Московский Парнас, 2009.— 351 с. : ил., портр.; 18 см.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).— ISBN 978-5-73300-554-1

Б 95 Приокские зори: межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал / [учредители: редкол. журн. «Приокские зори», Тульская писат. орг. Союза писателей России, Тульский гос. ун-т; гл. ред. Алексей Яшин].— Тула, 2005.— Изд. с 2005 г.— Выходит 4 раза в год. 2007: № 2,3,4; 2008: № 1—4; 2009: № 1—4; 2010: № 1—4; 2011: № 1—4; 2012: № 1—4; 2013: № 1—4; 2014: № 1,2.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: Л. Д. Алтунина, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: Л. Д. Алтунина, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

Электронное издание
(с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров)

Дата выхода в свет 30.06.2015
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

С признательностью — редколлегия журнала

**К ПРОШЕДШЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЭТА
РИСУНКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Вид Пятигорска. Масло. 1837 г.

Вид Тифлиса. Масло. 1837 г.

**К ПРОШЕДШЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЭТА
РИСУНКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

*Окрестности селения Караагач (Кавказский вид с верблюдами).
Масло. 1837—38 г.*

*Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби. Автолитография,
раскрашенная акварелью. (Название дано Лермонтовым) 1837—38 г.*